

Документ подписан простой электронной подписью

Информация о владельце:

ФИО: Кулинченко Виктор Васильевич

Должность: Директор

Дата подписания: 21.03.2023 16:11:58

Уникальный идентификатор: 735d428420d216140de62a9e22a5064769e33a8

ПРАВО И ПРАКТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА И КУБАНСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ - М.: НИИ ИЭП, 2022. - № 4. - 207 с.

Главный редактор Шахкелдов Фридрих Григорьевич – доктор юридических наук, профессор.

Редакционная коллегия:
Андреевская Елена – доктор юридических наук, профессор;

Андриановская Ирина Ивановна - доктор юридических наук, профессор;
Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор,
Бочкарева Екатерина Александровна - доктор юридических наук, профессор;
Баркова Элеонора Владиленовна – доктор философских наук, профессор;
Выпханова Галина Викторовна – доктор юридических наук, профессор;
Гайдамашко Игорь Вячеславович – академик РАО, доктор психологических наук, профессор;
Горлова Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор;
Го Сяоли – доктор филологических наук, профессор;
Дашин Алексей Викторович – доктор юридических наук, профессор;
Дмитренко Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор;
Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор;
Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор;
Жеребцов Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Залиханов Михаил Чоккаевич – академик РАН, доктор географических наук, профессор;
Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Камышанский Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор;
Карев Борис Анатольевич – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО;
Кибильник Алексей Григорьевич – доктор юридических наук, профессор;
Курдюк Петр Михайлович – доктор юридических наук, профессор;
Леванова Елена Александровна – доктор педагогических наук, профессор;
Лозовский Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Ломов Станислав Петрович – академик РАО и РАХ, доктор педагогических наук, профессор;
Меретуков Гайса Мосович – доктор юридических наук, профессор;
Мирошник Светлана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор;
Образжиев Константин Викторович – доктор юридических наук, доцент;
Овсянникова Татьяна Анатольевна – доктор философских наук, профессор;
Попова Юлия Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Рыжаков Михаил Викторович – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;
Садохин Александр Петрович – доктор культурологии, профессор;
Сапфирова Аполлиария Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Снигирева Ирина Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Турицын Игорь Викторович – доктор исторических наук, профессор.
Фендоглу Хасан Тахсин – доктор юридических наук, профессор;
Шадже Азамат Мухамчериевич – доктор юридических наук, профессор.
Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект 16, к.267. Тел. +7 (495) 227-24-13. E-mail: info@helri.com; pip@helri.com; Сайт: www.helri.com

ISSN 2411-2275

© «Право и практика»; Авторы публикаций.

LAW AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL OF HISTORY, ECONOMICS AND LAW RESEARCH INSTITUTE AND OF KUBAN COLLEGIUM OF ADVOCATES OF THE BAR OF KRASNODAR REGION. - M.: HELRI, 2022. - № 4. - 207 p.

Editor-in-chief:

Shahkeldov, Friedrich G. - Doctor of Law, Professor.

Board of editors:

Andreevskaya, Elena - Doctor of Law, Professor;
Andrianovskaya, Irina I. - Doctor of Law, Professor;
Astafieva, Olga N. - Doctor of Philosophy, Professor;
Bochkareva, Ekaterina A. - Doctor of Law, Professor;
Barkova, Eleonora V. - Doctor of Philosophy, Professor;
Vypkhanova, Galina V. - Doctor of Law, Professor;
Gaidamashko, Igor V. - Doctor of Psychology, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Education;
Gorlova, Irina I. - Doctor of Philosophy, Professor;
Go Syaoli - Doctor of Philology, Professor;
Dashin, Alexey V. - Doctor of Law, Professor;
Dmitrenko, Andrey P. - Doctor of Law, Professor;
Epifanov, Alexander E. - Doctor of Law, Professor;
Zavoronkova, Natalya G. - Doctor of Law, Professor;
Zherebtsov, Alexey N. - Doctor of Law, Professor;
Zalikhonov, Mikhail Ch. - Doctor of Geography, Professor, the Academician of the Russian Academy of Sciences;
Inshakova, Agnessa O. - Doctor of Law, Professor;
Kamyshansky, Vladimir P. - Doctor of Law, Professor;
Karev, Boris A. - Doctor of Pedagogics, Professor;
Kibilnik, Aleksey G. - Doctor of Law, Professor;
Kurdyuk, Petr M. - Doctor of Law, Professor;
Levanova, Elena A. - Doctor of Pedagogics, Professor;
Lozovsky, Denis N. - Doctor of Law, Professor;
Lomov, Stanislav P. - Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education, the Academician of the Russian Academy of Arts;
Meretukov, Gaysa M. - Doctor of Law, Professor;
Miroshnik, Svetlana V. - Doctor of Law, Professor;
Obrazhiev, Constantin V., - Doctor of Law, Associate Professor;
Ovsyannikova, Tatiana A., - Doctor of Philosophy, Professor;
Popova, Julia A. - Doctor of Law, Professor;
Ryzhakov, Mikhail V. - Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education;
Sadokhine Alexander P. - Doctor of Cultural Studies, Professor;
Sapfirova, Apollinaria A. - Doctor of Law, Professor;
Snigiryova, Irina O. - Doctor of Law, Professor;
Turitsyn, Igor V. - Doctor of History, Professor;
Fendogli, Hasan Tahsin - Doctor of Law, Professor;
Shadzhe, Azamat M. - Doctor of Law, Professor.

ISSN 2411-2275

© «Law and practice»; Authors of the publications

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРАВО

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

МИХАЙЛОВ А.М. ДОКТРИНА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА: КЛАССИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ А.В. ДАЙСИ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ	5
КОЖИНА Т.Н., ПЕТУХОВ А.В., ЗАХАРЧЕНКО О.В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ ВЕСТМИНСТЕРСКОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ	23
КАРНАУШЕНКО Л.В., ДЕНИСОВ С.Л. ПРАВОПОНИМАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	31
ГОЛУБИХИНА Н.В. ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XXI В.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	35
ЕПИФАНОВ А.Е. ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦАРИЦЫНСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА (1919-1920 гг.)	40
БАХМАДОВ Б.Д. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	45
ПОТЕХИН Д.С. К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1960-Х ГОДОВ	51

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

СМОРЧКОВА Л.Н. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: К ВОПРОСУ О НОВОЙ НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ	55
СБОЕВА И.М. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «КОНКУРЕНЦИЯ»	59
ЭФРИКЯН Р.А., ГОЛУБИХИНА Н.В., БЕСКОРОВАЙНАЯ Е.С. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ)	66
БАГДАСАРЯН А.О., ПРОКОФЬЕВ С.В., ПОНОМАРЕНКО А.А. ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ И ЗАЩИТЫ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ	71
ФРОЛОВ С.А., КОРОБКИНА П.С. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ПАЦИЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	75
БОЧАРОВА Н.Н., МУСТАФАЕВ Р.А. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ)	79
ХАКИМОВА Ж.А., ВАСИЛЬЕВА А.А. ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ	86

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВИСКОВ Н.В., ПОНОМАРЕВ В.Г., РОЖНОВ А.П. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОЦЕНКУ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ	89
ВАТОРОПИН А.С., ТЕПЛЯКОВ И.И. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	95
ОСАДЧУК О. А., ГРОШЕВ А.В. К ВОПРОСУ О ГЕОРГАФИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕНСКОГО ПОЛА	99
ЛЫКОВ Э.Н., ТИЩЕНКО И.В. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	104
ГОЛИКОВА А.В. ЭЛЕМЕНТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	108
ЛАПТЕВ Д.А. ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАТЬИ 170 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	116
СОКОЛОВА О.В., СТЕПАНОВА И.Б. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ СТ. 286 УК РФ)	120
КУЗНЕЦОВА Н.А., КУЗНЕЦОВА Н.Э. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 210.1 УК РФ	125
ТОРОП С.С., ЯВОРСКИЙ М.А. О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ЛОЖЬ» И «СЛЕДСТВЕННАЯ ХИТРОСТЬ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	129
БОХАН А.П., ГАМАЮНОВА В.П. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	134
ГЛАЗУНОВА И.В. О ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ И СЛЕДСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ	138
ТИХОНОВИЧ М.И., МАТВЕЕВА М.С. ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	141

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ВИЛЬДАНОВА М.М. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЧЛЕНОВ ТОВАРИЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ	147
ФЕДОРЕНКО С.А., СМЕТАНА Н.В. СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА «ВИД И СВЕТ»: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА	155
НЕТЕСОВА М.С. ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ РЕБЕНКА, ОСТАВШЕГОСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	160
ЗМИЕВСКИЙ Д.В., МЕДВЕДЕВ В.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ	165
КУДРЯВЦЕВА Л.В., СЕМЕНОВ Д.Ю. СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС КАК ВИД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	168
ВЛАДИМИРОВ Н.Н. ТИПЫ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	171
КАГАЛЬНИЦКОВА Н.В., ЦЫЦЫЛИНА Т.Л. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	177

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

КУДРЯВЦЕВА Л.В., ЧИРЬЕВ И.С., ЖУКОВА П.С. СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ	182
ИВАНОВА О.А. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КУБЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	187

ФИЛОСОФИЯ

ТУРКУЛЕЦ С.Е., ТУРКУЛЕЦ А.В. ВЛИЯНИЕ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	192
ЖУРИН С.А., ФОМЕНКО М.В., ГЛАЗЫРИНА Я. Е., СВИРИНА В.Ю., ЧЕРВЯКОВ А.В. ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	196
КОСТИН П.А. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФИИ	201

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 340.12

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-5-23

МИХАЙЛОВ А.М.

ДОКТРИНА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА: КЛАССИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ А.В. ДАЙСИ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ¹

Ключевые слова: верховенство права, дискреционная власть, юридический позитивизм, правопорядок, законность, административная юстиция, позитивное право.

Статья посвящена изучению доктрины верховенства права с позиций ее классической интерпретации в учении А.В. Дайси и позитивистских концепций немецкого правоведения конца XIX - начала XX вв. Показано, что Дайси определял господство права как основной принцип английской конституции, акцентируя внимание на преобладании права как противоположности произвола, на всеобщей и универсальной подсудности, трактуемой как необходимое и естественное средство обеспечения устойчивого правопорядка, а также на принципах общего права как естественном и базовом основании прав и свобод человека и гражданина. Раскрываются философско-правовые основания доктрины верховенства права, ее специфические особенности, связанные с организацией прецедентного права. В статье излагаются критические замечания в адрес учения Дайси, кратко представлено современное понимание доктрины верховенства права в английской конституционно-правовой литературе.

MIKHAILOV, A.M.

THE DOCTRINE OF THE RULE OF LAW: A CLASSICAL INTERPRETATION OF A.V. DICEY AND LEGAL POSITIVISM

Key words: rule of law, discretionary power, legal positivism, law and order, legality, administrative justice, positive law.

The article is devoted to the study of the doctrine of the rule of law from the standpoint of its classical interpretation in the teachings of A.V. Dicey and positivist concepts of German jurisprudence in the late 19th and early 20th centuries. It was shown that Daisy defined the dominance of law as the basic principle of the English constitution, focusing on the predominance of law as the opposite of arbitrariness, on universal and universal jurisdiction, interpreted as a necessary and natural means of ensuring a sustainable law and order, as well as on the principles of general law as a natural and basic basis of the rights of rights and the freedoms of man and citizen. The philosophical and legal foundations of the doctrine of the rule of law, its specific features related to the organization of case law are revealed. The article presents criticisms of Dicey's teachings, briefly outlines the modern understanding of the doctrine of the rule of law in the English constitutional and legal literature.

Учение о верховенстве (господстве) права представляет собой основополагающий компонент неписаной конституции Великобритании, составляет одну из основ британского конституционализма. Доктрина верховенства права выражает специфику исторического развития английского прецедентного права и образует несущую основу господствующей правовой идеологии государств общего права. В этом отношении весьма показательно то, что терминологическое оформление доктрины верховенства права (*Rule of Law*) не имеет адекватного перевода на другие европейские языки [1, с. 4; 2, с. 7]. Данная особенность демонстрирует то, что профессиональный язык юристов отражает особенности правосознания, ценностно-целевых структур, складывающихся как в сознании юристов, так и всей интеллектуальной элиты определенного общества.

Уже более 70 лет как правовое государство, так и верховенство права определяются в качестве базовых политико-правовых идеалов в западной традиции права, призваны определять политику права, напрямую влиять на методы и типы правового регулирования, конструируемые правовые режимы.

Теоретико-правовое знание способно не только (а порой и не столько) объяснять и прогнозировать изменение политико-правовой действительности, но и определенным образом нормировать ее, задавать правила и образцы организации правовых институтов. Поэтому невозможно не признать и то, что политико-правовые идеалы, задающие ценностно-целевые рамки политико-правовой деятельности, напрямую и опосредованно влияют на теоретико-правовое знание, понятийные ряды и концепции юриспруденции как науки. Таким образом, едва ли корректно квалифицировать концепции правового государства и верховенства права как исключительно идеологические и на этом основании исключать из предмета юридической науки.

Современный этап эволюции доктрины верховенства права в Англии начался в последней четверти XIX столетия – времени, когда британский парламент монополизировал законотворческую деятельность, считая себя абсолютным сувереном, когда полным потоком шел

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

процесс консолидации английского статутного права и распространения его влияния в системе источников права, а «императивная концепция права» Дж. Остина была широко реципирована английской юриспруденцией [3, с. 52]; ее влияние на английскую правовую мысль было настолько далеко идущим, что ни один «студент англо-саксонского мира», желающий серьезно разобраться в предмете юриспруденции, не мог позволить себе не ознакомиться с курсом лекций Остина «Определение области юриспруденции» [4, с. xi]. Завершение концептуализации доктрины верховенства права в английской юридической литературе происходит в то время, когда многие юристы, вслед за И. Бентамом и Дж. Остином, строго ограничивали предметную область юриспруденции изучением позитивного права, отрицали существование или практическое значение идеи естественного права, посвящали себя анализу основных юридических понятий, составляющих фундамент позитивного права. Данные процессы не могли не сказаться на понимании доктрины верховенства права в английской правовой мысли: речь идет уже не о господстве умозрительно понимаемых принципов закона природы, а о праве позитивном, волеустановленном, формирующем единый правопорядок в территориальных пределах независимого политического общества.

1. Верховенство права: классическая интерпретация А.В. Дайси и ее критика

В завершенном виде учение о верховенстве (господстве) права было сформулировано классиком английского государственоведения А.В. Дайси в 1885 г. в его труде «Введение в изучение конституционного права». Дайси определял господство права как основной принцип английской конституции и раскрывал его содержание через три значения.

Во-первых, верховенство права означает преобладание права как противоположности произвола, включающего в себя прерогативу и широкую дискреционную власть правительства [5, с. 227]. Тем самым верховенство права утверждает верховенство закона, исключительно на основании которого осуществляется государственное управление и привлечение лиц к юридической ответственности. Данное значение верховенства права считается наиболее ранним и обычно связывается со ст. 39 и 40 Великой хартии вольностей (1215), в которых указывается, что меры государственного принуждения должны иметь под собой законную основу и применяться на основе судебного решения (ст. 39), а монарх не вправе продавать право и справедливость, произвольно отказывать в них (ст. 40) [6, с. 136]. Для обеспечения режима законности деятельности должностных лиц ст. 45 Хартии предусматривала назначение в качестве судей, констеблей, шерифов и бейлифов лишь лиц, знающих и желающих добросовестно исполнять закон [6, с. 137].

Центральной ценностью, которую выражает и защищает доктрина верховенства права, является ценность *основанного на едином законе, определенного и обеспечиваемого судебной защитой правопорядка*. Р. Йеринг справедливо указал, что признание государственной властью обязательными для самой себя издаваемых ею норм является необходимым условием для устранения произвола, установления правового порядка, невозможного без прочности, обеспеченности и надежности закона [7, с. 306]. По мнению немецкого правоведа, «право в полном смысле слова является... двусторонне обязательной силой закона, подчинением государственной власти ею самою издаваемым нормам» [7, с. 306, 319]. Окончательная правовая прочность порядка возможна лишь там, где государственная власть сама ему подчиняется. Именно с господством права в данном первом значении Йеринг связывал далеко идущие положительные социальные следствия: «Лишь при господстве права процветают национальное благосостояние, торговля и промыслы, развиваются вполне присущие народу умственные и нравственные силы» [7, с. 321].

Разумеется, можно скептически относиться к утверждению о том, что господство права является необходимым условием подлинного материального и духовного процветания общества. Однако сложно оспорить то, что верховенство закона, обоюдно связывающего как население, так и государственную власть, существенно уменьшает влияние случая и субъективных факторов на изменение политической и правовой систем общества. Верховенство двусторонне обязывающих норм значительно увеличивает устойчивость политических и правовых отношений в обществе, возможность прогнозирования изменений ключевых политических и правовых институтов. Независимо от содержания отраслей и институтов права, их социо- или персоноцентристской направленности, верховенство закона существенно стабилизирует правовую систему, позволяет ей устойчиво изменяться, не зависеть от случайных (и потому непредсказуемых) волеизъявлений

отдельных лиц, стоящих у политической власти. Г. Еллинек справедливо указывал: «Всякая норма дает право ожидать, что она ненарушимо будет применяться до тех пор, пока не будет правомерного основания к ее отмене» [8, с. 360]. Немецкий государствовед указывал, что социальное доверие, без которого невозможны устойчивые отношения в обществе, формируется только тогда, когда отдельные лица способны соотносить свои действия и их последствия с нормами правопорядка, равно обязательными как для граждан, так и для государства [8, с. 360-361]. Правление безличных законов есть безусловное благо для общества не только потому, что оно беспристрастно, в отличие от правления даже «лучших мужей» (Аристотель), но и позволяет установить стабильный политический и правовой порядок, дающий возможность адресатам понимать его организацию, прогнозировать его изменения и на этой основе осуществлять планирование своей жизни.

Понимаемое как противоположность произвольно осуществляемой власти господство (правление) права выражает эйдетическую правовую ценность – ценность определенности правил, обеспечиваемых механизмом государственного принуждения. Данная ценность, на наш взгляд, носит универсальный характер, не зависит от специфики исторического развития и юридической культуры той или иной правовой семьи. Вполне закономерно И.А. Покровский признавал ценность юридической определенности абсолютным благом человеческой личности. Выдающийся цивилист утверждал, что развивающаяся человеческая личность «может мириться со многими ограничениями своей свободы, если они установлены законом и если они ясны, но она не может мириться с зависимостью от чьего бы то ни было произвола, хотя бы и самого доброжелательного» [9, с. 107]. В другом месте своего классического труда И.А. Покровский писал: «Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять свое поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособляться» [9, с. 91]. Без правовой определенности становится невозможен даже относительно устойчивый общественный и правовой порядок, граждане объективно лишаются возможности осознанно строить свое правомерное поведение, осуществлять планирование своей жизни.

При этом принципиально важно подчеркнуть, что правопорядок, который идеологически обеспечивает концепция верховенства права, не воспринимался английскими юристами как порядок устроенный, созданный извне, *экзогенный* – искусственный результат обдуманного упорядочивания, построенный на отношениях командования и подчинения, воспроизводящий иерархическую структуру [*таксис*], «в которой жизнь каждого определяется волей вышестоящих, а в конечном итоге – волей единоличного властителя» [10, с. 54]. Если использовать терминологию Ф.А. Хайека, то господство права выражает и защищает эндогенный, самопорождающийся порядок [*космос*], возникший во многом стихийно в результате внутренних процессов, происходящих в английском обществе [10, с. 54-55]. В подтверждение именно такого понимания правопорядка идеологами верховенства права имеет смысл привести цитату из классического труда А.В. Дайси «Основы государственного права Англии», где британский государствовед писал: «Мнение, что форма правления развивается самопроизвольно в такой тесной связи с жизнью народа, что ее едва ли можно считать продуктом воли и энергии человека, выражает, хотя и очень неточно, тот факт, что некоторые формы государственного строя и, между прочим, английская конституция не были созданы сразу и являются результатом не законодательства в обычном смысле слова, а тех состязаний, которые велись в судах из-за прав отдельных лиц» [5, с. 220]. Правопорядок, как цель господства права, не является созданием воли суверена, а возникает на основе традиционно укоренившихся свобод британских подданных, которые, как полагают английские юристы, были лишь закреплены рядом статутов конституционного значения, но не порождены ими. Ведь даже общее право Англии рассматривалось английскими правоведом как разумный результат длительного многовекового процесса, в течение которого оно улучшалось и усовершенствовалось «множеством авторитетных и ученых людей» и достигло своего совершенства на основе долговременного опыта [11, с. 701; 12, с. 25].

Для английских правоведов на протяжении нескольких столетий (начиная с Э. Кука в начале XVII в. и заканчивая А.В. Дайси в конце XIX в.) было характерно понимать право не как

сумму официально установленных законов (нормативных актов), а как стихийно сформировавшийся порядок отношений, основанный на традиционных вольностях подданных, обычаях, уходящих корнями в англосаксонский период, судебных прецедентах как формах, выражавших объективно существующее общее право. В основании выражаемого и защищаемого доктриной Rule of Law правопорядка лежат координационные социальные связи, эволюционный, преемственный характер развития общества, традиционализм профессионального юридического сознания. На наш взгляд, британское понимание правопорядка как объективно существующего, эволюционно развивающегося, в значительной степени обусловлено многовековой прецедентной практикой, начало которой положил в середине XIII столетия Г. Бракстон, рекомендовавший английским судьям при наличии похожего случая в прошлом разрешать настоящее дело одинаковым образом по принципу «подобное к подобному» [13, с. 5]. Английское восприятие правопорядка стоит гораздо ближе к правопониманию исторической школы юристов в Германии и некоторым течениям социологической юриспруденции, нежели к властно организованному, «вертикальному», основанному на субординационных связях, правопорядку в понимании юридического позитивизма [14, с. 342-350].

Разумеется, нельзя утверждать, что в классической интерпретации верховенства права закон исключался из источников правопорядка, отождествлялся с «голым произволом» авторитарного правителя. Однако закон в узком специально-юридическом значении термина воспринимался многими поколениями английских юристов лишь как один из компонентов такого правопорядка; компонент, который вносит большую определенность, обеспечивает всеобщность правопорядка, но при этом не выступает его первичной основой, скорее являясь закреплением и формализацией уже действующего в стране общего права. Еще в XVIII столетии английские юристы единодушно полагали, что «право не относится к тому, что может быть сотворено людьми. Право просто есть и, следовательно, статуты, принимаемые Парламентом, – это не что иное, как поправки к уже существующему порядку вещей» [15, с. 62; 16, с. 62]. Понимание права как объективно действующего, стихийно образующегося и изменяющегося правопорядка, не порожденного властным установлением суверена, в гораздо большей степени характерно для феодальной эпохи, нежели для периода Нового времени с его идеями суверенитета и рационального конструирования правовой системы. Поэтому многие идеи доктрины верховенства права были известны английскому правосознанию еще до XVII столетия, когда в политической борьбе окончательно победил Парламент и в правовом регулировании стало усиливаться значение статутного права.

Во-вторых, верховенство права – в классической интерпретации А.В. Дайси – означает равенство всех субъектов перед законом, «общим правом страны», применяемым «обыкновенными судами». Ключевая идея данного значения верховенства права состоит в том, что каждое субъективное право должно обеспечиваться судебной защитой и всякое нарушение субъективного права – независимо от правового статуса правонарушителя – должно быть способно получить независимую судебную оценку, юридическую квалификацию в соответствии с единым для всех правом [17, с. 603]. Данное положение «исключает мысль о каком-либо освобождении должностных лиц или кого бы то ни было от обязанности повиноваться закону, которому подчиняются другие граждане, или от ответственности перед обыкновенными судами» [5, с. 227].

Принцип верховенства права требует, чтобы полномочия должностных лиц определялись законом и чтобы дела о злоупотреблении властью или совершении иных неправомерных деяний государственных чиновников рассматривались судами в том же порядке, в каком рассматриваются дела «рядовых» граждан. Так, например, в деле *Entick v Carrington* (1765) суд признал незаконным приказ об обыске, выданный Государственным секретарем, и восстановил нарушенное право истца на неприкосновенность жилища. Лорд Кадмен в своем решении заявил, что любое проникновение в частные владения является правонарушением (trespass), если на это нет согласия хозяина или строго установленного законом разрешения. В деле *Att.-Gen v Wilts United Dairies* (1922) действия правительства по установлению нового налога, исходя из делегированных Парламентом полномочий, были признаны судом незаконными, за пределами полномочий (*ultra vires*). Суд определил, что ни Закон об оброке (1914), ни один из актов делегированного

законодательства, на основании которого действовали представители правительства, ни прямо, ни косвенно не давали им права устанавливать дополнительные налоги [18, с. 402].

Согласно доктрине верховенства права считается, что ссылка должностного лица на исполнение повеления короны или приказа вышестоящего чиновника не может служить защитой при преследовании за совершение преступления или иного неправомерного деяния [19, с. 67]. По этой причине Дэйси утверждал, что учреждение административных трибуналов во Франции для разрешения споров, в которых замешаны органы исполнительной власти и их должностные лица, означает изъятие таких дел из подведомственности «общих» судов, что является нарушением верховенства права и несовместимо с английскими традициями и обычаями [5, с. 227].

В дореволюционном российском правоведении позицию английского государственоведа поддерживал И.В. Михайловский, который в «Очерках философии права» (1914 г.) указал: «Из того, что существует административный иск, вовсе не следует, что должен существовать какой-то особый административный суд: ведь гражданские и уголовные иски рассматриваются одним и тем же судом (в разных отделениях); точно также и административные иски должны входить в компетенцию общего суда (принцип единства и исключительности судебной власти)» [17, с. 603]. Российский правовед считал, что юрисдикционная функция суда должна охватывать собой все правонарушения, независимо от правового положения субъекта правонарушения; любые споры между государственной администрацией и заинтересованными лицами в отношении правомерности актов и решений должностных лиц должны разрешаться в судебном порядке [17, с. 602]. По мнению Михайловского, защитники специальных административных судов уступают существовавшей долгое время практике, когда имелось «только одно понятие *подданного* и не было еще понятия *гражданина*, когда личность не имела никаких прав, уважать которые должно было государство» [17, с. 602].

В-третьих, верховенство права, по мнению Дэйси, означает, что в Англии не права человека следуют из текста писаной конституции, а, напротив, сама неписаная и неконсолидированная конституция является «следствием прав частных лиц, которые определяются и защищаются судами» [5, с. 228]. Принципы английской конституции представляют собой «индукции или обобщения, основанные на отдельных решениях, произнесенных судами относительно прав отдельных лиц» [5, с. 221]. Таким образом, она является результатом эволюционного развития общего права страны, каким его сделали суды и парламент; принципами общего для страны права определяется даже положение короны и ее слуг [5, с. 228]. В основе неписаной Конституции Великобритании лежат правовые принципы, выработанные практикой судов общего права, поэтому необходимо тщательно оберегать от каких-либо посягательств юрисдикцию судов и право подданных обращаться в суд. При этом преимуществом судебной защиты прав частных лиц на основе принципов общего права в сравнении с опорой на статьи писаной конституции является то, что действие последних в условиях чрезвычайного положения может быть приостановлено [19, с. 72-73].

Важно отметить, что происхождение британской конституции от судебных прецедентов, защищавших права и свободы подданных от произвола публичной власти государства, не является исключительно «музейным экспонатом» прошлого, не имеющим в современную эпоху никакой актуальности. Сама концепция неписаной Конституции, отличающая английское конституционное право от континентально-европейской модели его организации, во многом обязана своим существованием общему праву, созданному судьями (*common law Constitution*). Даже на современном этапе английские юристы указывают, что фундаментальные конституционные принципы господства права и верховенства Парламента не содержатся в кодексе или ином нормативном акте, а выражены в судебных решениях [20, с. 7].

Первое положение, включаемое Дэйси в содержание доктрины верховенства права, имеет тождественную цель с учением о правовом государстве: исключение из государственного управления произвольной власти, не подконтрольной закону. Как концепция верховенства права, так и континентальное учение о правовом государстве нацелены подчинить власть государства правлению общих правил, установить режим всеобщности закона. Так, Ф.А. Хайек в своем классическом труде «Дорога к рабству» (1942 г.), по сути, отождествлял английский принцип верховенства права (правозаконности) в широком его понимании с немецким учением правового государства и указывал: «Смысл принципа достаточно ясен: сфера, где органы исполнительной

власти могут действовать по своему усмотрению, должна быть сведена к минимуму... правозаконность ограничивает возможности правительства, не дает ему произвольно вмешиваться в действия индивидов, сводя на нет их усилия. Зная правила игры, индивид свободен в осуществлении своих личных целей и может быть уверен, что власти не будут ему в этом мешать» [21, с. 90-91]. Вместе с тем если в континентально-европейском правоведении речь идет о единой государственной власти, то в английском учении – прежде всего об исполнительной власти, должностные лица которой не должны иметь возможность произвольно задерживать граждан, содержать их под стражей, ограничивать иные личные права и свободы.

Принцип доктрины верховенства права, утверждающий правовой характер отношений между личностью и государством, возможность судебной защиты прав граждан против неправомερных действий и актов органов исполнительной власти складывался в политико-правовой практике европейских государств постепенно. Изначально государственная власть допускала лишь подачу разного рода прошений и жалоб потерпевших, адресованных высшим органам управления; затем появилась судебная форма защиты прав по некоторым категориям дел; потом были учреждены уже специальные административные, не входящие в «обычную» судебную систему, суды, которым передавались некоторые споры между частными лицами и администрацией, а впоследствии уже стали использоваться комбинации административных жалоб и исков [17, с. 603].

Второе положение, составляющее содержание английской доктрины верховенства права, обладает значимым своеобразием в сравнении с учением о правовом государстве. Если юристы континентальной Европы утверждали всеобщность законности в правовом государстве, стремились подчинить государственную власть закону, то Дайси акцентирует внимание на том обстоятельстве, что господство права предполагает единую, устойчивую и постоянно действующую («регулярную») судебную систему, которой в равной мере подчинены как «рядовые» граждане, так и должностные лица. По сути, господство права в понимании Дайси невозможно без общей и универсальной подсудности, которая воспринимается как необходимое и естественное средство обеспечения устойчивого правопорядка. В понимании британского государственоведа учреждение специальных трибуналов или судов для разрешения споров в отношении публичных субъектов означает нарушение принципа верховенства права. По этой причине Дайси утверждал, что само разделение права на частное и публичное, проявляющееся во Франции в раздельном функционировании «общих» и «специальных» административных судов (как и действия особого административного права), представляет собой нарушение господства права [22, с. 98; 23, с. 230].

Третье положение доктрины верховенства права также выражает специфическое правосознание британских юристов, которые долгое время были убеждены в том, что принципы общего права Англии являются естественным и единственным основанием прав и свобод человека и гражданина – личных прав, свободы слова, свободы объединений. Гражданин, чьи права были нарушены, может прибегнуть к судебной защите без необходимости законных гарантий, закрепленных в писаной Конституции. По мнению Дайси, Хабеас корпус акты, обеспечившие защиту незаконно задержанных лиц, «практически стоили сотни конституционных статей, гарантирующих индивидуальную свободу» [24, с. 80]. Тем самым верховенство права означало признание судебной защиты как безальтернативной и наиболее эффективной гарантии личных и политических прав и свобод. Континентальное учение о правовом государстве таких положений не содержит. Юристы на европейском континенте склонны рассматривать в качестве важнейших гарантий соблюдения прав человека, во-первых, их закрепление в конституционном законодательстве, во-вторых, институциональную гарантию в виде разделения властей с той или иной моделью системы «сдержек и противовесов». Если в доктрине верховенства права акцентируется центральное положение судебной власти как важнейшего института защиты прав личности, и такое представление является вполне закономерным выражением специфики истории английского права, то концепция правового государства не рассматривает судебную власть в качестве центрального звена режима правовой законности. Если в английском конституционном праве действительный правовой статус личности является результатом длительного функционирования прецедентной судебной практики, то во Франции и Германии

конституционный статус личности понимается формально-юридически, с позиции действующей писаной конституции и конституционного законодательства.

Если попытаться системно истолковать все три значения верховенства права, выделяемые Дайси, то можно усмотреть значимые различия в понимании права, которое призвано господствовать, править. Далекое не секрет, что рационалистическая идеология французских просветителей, континентальный юридический позитивизм, эпоха отраслевой кодификации XIX века и принятия писаных конституций в XIX–XX столетиях приучили романо-германских юристов под правом понимать практически исключительно писаное законодательство, и поэтому уже 150 лет важнейшим принципом правового государства признается принцип верховенства закона. Если же системно интерпретировать позицию Дайси в отношении верховенства права, то невозможно прийти к выводу, что под правом, которое призвано господствовать, британский государствовед понимал исключительно статутное право Парламента. Когда Дайси писал о том, что общие принципы английской конституции являются результатом судебных решений [5, с. 221], то он, очевидно, вел речь не о верховенстве закона, статутного права, а об английском прецедентном праве, из которого и складывается тот правопорядок, который призван господствовать. Если в континентально-европейских концепциях правового государства под правом понимается писанный закон, установленный в соответствии с правовой процедурой компетентным органом, то в английской доктрине верховенства права основание правопорядка состоит не из письменных правовых актов-документов и их норм, а из прецедентных решений, закреплявших и защищающих личные и политические права человека и гражданина. Именно поэтому для юристов романо-германской традиции концепция правового государства выражается в принципах и нормах конституционного законодательства, которые носят общий, абстрактный характер и далеко не всегда находят конкретизацию в широком круге судебных дел, позиций судов. В противовес этому для их английских коллег доктрина верховенства права выражается далеко не только в доктринальных идеях и принципах известных конституционалистов, но и, прежде всего, в значительном числе судебных прецедентов.

В рамках предмета нашего исследования важным представляется осуществить типологизацию учения А.В. Дайси о верховенстве (господстве) права. Для британского государствоведа право имеет позитивную природу, оно выражено в законе и прецедентных решениях судов, является установленным правом, «артефактом» общественной жизни. Единый и всеобщий правопорядок, который стремится утвердить английское конституционное право в понимании Дайси, не является результатом действия непреложных законов и принципов естественного права. Дайси пишет именно о позитивном правопорядке, создаваемом прецедентными решениями судов и статутами парламента; данный правопорядок имеет нормативные основания, без которых невозможен всеобщий режим законности. В этом смысле, разумеется, учение Дайси о господстве права является позитивистским, не опирается на какую-либо концепцию философского идеализма, что характерно для теорий естественного права. Понимание верховенства права Дайси возможно квалифицировать как позитивистское и на том основании, что британский юрист не обсуждает содержание права, которое призвано господствовать в правовой системе Англии, не пытается раскрыть субстанциональные требования к праву, сформулировать объективные принципы, которым оно должно соответствовать. Иными словами, подход Дайси можно назвать формальным: требования единства и всеобщности законности, исключаящее произвол органов исполнительной власти, равенства «частных» и «публичных» субъектов перед законом и судом, единства судебной системы, исключаящее произвол «чрезвычайных» и «специальных» судов, – все эти требования касаются юридической формы, но не самого содержания права. Британский государствовед связывает защиту прав человека исключительно с прецедентными решениями английских судов, но не пишет ничего об естественных правах человека, которые с необходимостью должны быть обеспечены судебной защитой. Поэтому, на наш взгляд, акцент Дайси на судебной защите прав человека не делает его позицию естественно-правовой. Вместе с тем учение Дайси о господстве права нельзя ставить в один ряд со статутным юридическим позитивизмом (И. Бентам в Англии, школа экзегетов во Франции XIX столетия, К.М. Бергбом, К.Ф. фон Гербер, П. Лабанд – в Германии [25, с. 431-467]), сводившим все позитивное право к законам, исключавшим иные источники позитивного права. Как уже указывалось, Дайси не сводил право исключительно к статутам парламента, признавая

прецедентное право как первооснову британской конституции и того правопорядка, который господствует в Англии.

На современном этапе авторитетные английские государственоведы, оценивая позицию Дайси в отношении содержания верховенства права, указывают на ряд слабых и непроясненных моментов.

Во-первых, критикуется неясность самого понятия произвольной власти, поскольку ее можно понимать и как власть, способную быть использованной для самых разных целей, и как власть, открытую для злоупотреблений при отсутствии надлежащего контроля, и как власть, прямо нарушающую индивидуальную свободу. Если «произвольная власть» и «широкая дискреционная власть» одинаково неприемлемы, то как могут быть установлены пределы приемлемой дискреционной власти? На современном этапе во многих социальных сферах органы исполнительной власти и государственные служащие наделены значительным объемом дискреционной власти, поскольку сложность и дифференциация общественных отношений делает такую власть объективно необходимой [24, с. 79-80]. Внимание юристов должно быть сосредоточено не на критических нападках на дискреционные полномочия, а на установлении юридических и политических гарантий, посредством которых осуществление таких полномочий может контролироваться [24, с. 80].

Помимо этого, понимание Дайси верховенства права критикуется за непоследовательность. Если доктрина верховенства права направлена на устранение произвольных и широких дискреционных полномочий органов исполнительной власти, то доктрина верховенства парламента, исходящая из того, что высший представительный орган в Англии является монопольным носителем законотворческих полномочий, способна войти в противоречие с ней. В соответствии с доктриной верховенства парламента, последний на основе принятия соответствующего статута вправе наделить исполнительный орган широкими дискреционными полномочиями [26, с. 23], тем самым обеспечить достижение цели, противоположной смыслу первого положения верховенства права. Если доктрина верховенства права прямо направлена против произвольной власти государственных органов, то доктрина верховенства парламента, напротив, является выражением идеи боденовского суверенитета – безграничности и неподконтрольности власти высшего представительного органа. Г. Еллинек в своем классическом труде в качестве подтверждения всемогущества британского парламента приводит распространенную в XVII и XVIII вв. практику с принятием *bill of attainder* и *bill of pain and penalties*, криминализировавшими деяния, которые после санкции монарха тут же инкриминировались неугодным правительству лицам. При этом последние нередко лишались даже возможности защитить себя [8, с. 362-363]. Меры наказания, предусмотренные такими ретроактивными законами, еще в 1766 г. У. Блэкстон называл жестокими и несправедливыми [27, с. 46]. Вывод Еллинека в данном случае аналогичен: «Акт правотворчества – даже в том случае, когда результат его остается в силе, – может заключать в себе нарушение права» [8, с. 362-363]. Несмотря на то, что немецкий государственовед уже в начале XX столетия считал указанные виды биллей «вопиющим нарушением права», несовместимым с общепризнанными правовыми принципами, служащими основой английского права [8, с. 362-363], тем не менее, при сохранении доктрины суверенитета парламента в английском конституционном праве и политической практике всегда остается гипотетическая возможность нарушения парламентом принципа верховенства права.

Причем, насколько известно автору работы, в английской доктринальной литературе не ставится вопрос о приоритете одного из конституционных принципов, а общепринятая конвенция среди британских правоведов на этот счет отсутствует. В этом отношении показательным, что Э. Кук, много сделавший для утверждения доктрины верховенства права, приоритета общего права перед статутами Парламента, вместе с тем в четвертой части своих «Институций» (1645 г.) указывал: «Власть и юрисдикция парламента так высоки и абсолютны, что они ни для кого и ни для чего не могут быть заключены в какие бы то ни было границы. И об этом верховном собрании можно справедливо сказать: *Si antiquitatem spectes, est vetustissima; si dignitatem, est honoratissima; si jurisdictionem est capacissima*» [28, с. 36]. Через 240 лет после Кука классик британского государственоведения А.В. Дайси определял парламент как «учреждение, которому конституцией наших королевств вверена деспотическая, неограниченная власть» [5, с. 47]. На основе изменений

отношения английских юристов к принципу верховенства парламента, произошедших на протяжении XX столетия, с определенной долей вероятности допустимо предположить, что принцип верховенства (господства) права будет обладать приоритетом в коллизионной ситуации, но такую позицию едва ли возможно подкрепить достаточным числом доктринальных источников. Более того, приоритет принципа господства права перед строгим толкованием принципа верховенства парламента становится еще более неопределенным в чрезвычайной ситуации, когда экстра-юридические аргументы могут взять верх над формальными и процедурными положениями *Rule of Law*.

Английские государственоведы не обходят стороной дискуссионный вопрос о возможности согласовать практику делегирования парламентом законодательных полномочий исполнительным органам власти с принципом верховенства права. Действительно, господство права предполагает преобладание «нормального» права, установленного высшим представительным органом, а широко распространенная в Англии практика делегированного законодательства вполне может пониматься как существование «широких дискреционных полномочий органов управления», поскольку «значительный объем и детальный характер постановлений, издаваемых министерствами, неизбежно порождает состояние неопределенности» [19, с. 63]. Вместе с тем утверждается, что необходимость делегированного законодательства носит объективный характер [29, с. 271; 30, с. 175], а согласие такого *status quo* с принципом господства права видится в том, что «должна быть оговорена необходимость того, чтобы постановления министерств излагались простым языком, публиковались и были доступны для ознакомления» [19, с. 64]. Помимо этого, господство права требует наличия парламентского контроля над актами делегированного законодательства [19, с. 64], который обеспечит реальное верховенство парламента в сфере установления «нормального» и единого права. Однако требование парламентского контроля и соблюдение фундаментальных правил правотворческой техники не могут рассматриваться как достаточные для исключения «широких дискреционных полномочий» исполнительной власти, против которых и была направлена классическая формулировка доктрины верховенства права в труде А.В. Дайси.

Во-вторых, критики позиции Дайси указывают, что всеобщность равенства всех субъектов перед законом в современном праве дополняется обоснованными различиями между лицами по экономическим, социальным соображениям или по правовому статусу (арендодатель и арендатор, работодатель и работник, и др.). Господство права требует не только всеобщего равенства перед законом, но и признания недействительными норм, проводящих различие между гражданами по основаниям, которые являются необоснованными, неприемлемыми или оскорбительными (например, дискриминация по признаку пола, расы, происхождения или цвета кожи) [24, с. 80].

В связи с этим британские государственоведы делают существенную оговорку в отношении принципа равенства всех перед законом, указывая на то, что Короне и ряду публичных органов, их должностных лиц в Англии по закону предоставлены определенные привилегии, выражающиеся в изъятиях из действия в «нормального» права [19, с. 67-68]. Специальные привилегии и иммунитеты публичных органов и их должностных лиц определяют как исключения из действия принципа равенства перед «нормальным» правом. Вместе с тем наличие целого ряда исключений серьезно ослабляет принцип всеобщего равенства перед законом и прецедентным правом.

В-третьих, справедливо указывается, что взгляды Дайси на административную юстицию как нарушающую верховенство права долгое время мешали правильному пониманию административного права. Уже в 1945 г. Е. С. Уэйд и Д. Д. Филлипс указывали на то, что Дайси не обратил внимания на те широкие полномочия, которыми обладала исполнительная власть в Англии уже в 1880-е гг. Нападки Дайси на административное право Франции не являлись обоснованными, поскольку правовые нормы, регулировавшие полномочия и обязанности публичных властей и должностных лиц в Англии, являлись тем же самым административным правом, что и *droit administratif* во Франции [19, с. 63]. Сегодня административные суды в большинстве европейских стран защищают личность от противоправных действий государственных органов, и наличие специальных судебных процедур не является нарушением верховенства права [24, с. 80; 31, с. 93].

Если административные суды независимы от исполнительной власти, руководствуются в своей деятельности общими принципами организации судебной системы и процесса, отвечают требованиям законности, состязательности, гласности, обеспечивают право оспаривания решений в вышестоящий суд, то, на наш взгляд, их учреждение и функционирование не нарушает принцип единства и исключительности судебной власти. При соблюдении указанных требований не ясны основания, на которых утверждается, что функционирование отделений по административным делам в судах общей юрисдикции соответствует указанному принципу, а учреждение специальных административных судов нарушает его. Напротив, учреждение специальных административных судов в рамках единой судебной системы позволяет более точно и эффективно осуществить специализацию судейского корпуса, обеспечить более квалифицированное разрешение административных дел.

В этой связи важно отметить, что как в конце XIX века, так и в начале XXI века в судебной системе Англии действует ряд специальных судов, не являющихся административными, но имеющих большое значение для имущественного положения британских подданных. Существование таких судов не является нарушением верховенства права до тех пор, пока такие суды действуют беспристрастно и независимо, выслушивают доводы заинтересованных лиц, мотивируют собственные решения, ориентируются на единообразие при разрешении схожих дел, а сами судьи не подвергаются влиянию со стороны исполнительной власти [19, с. 71]. При этом должно быть оговорено право подачи апелляции на решения специальных судов в «общие» суды [19, с. 72].

В-четвертых, критикуется вера Дайси в общее право как ключевое средство защиты прав и свобод граждан от противоправных действий государства. Указывается, что права и свободы граждан на основе общего права Англии могут быть настолько значительно ограничены законодательством, что это поставит под вопрос само их наличие. Помимо этого, общее право не обеспечивает защиту экономических и социальных прав граждан, а формально-юридическое закрепление основных прав и свобод (например, предусмотренных Европейской конвенцией о правах человека) само по себе имеет значение для их судебной защиты, что признается значительным числом современных государств [24, с. 81].

2. Юридический позитивизм и верховенство права.

Если рассматривать государственную власть как суверенного монополиста в сфере правотворчества, который обладает необходимыми ресурсами принудить всех и каждого на юрисдикционной территории к исполнению и соблюдению его приказов (Ж. Боден, Т. Гоббс, Дж. Остин, У. Маркби, Ш. Амос, Т.Э. Холланд, и др.), то любое ограничение такой власти не может рассматриваться в качестве юридически связывающего ограничения. Так, родоначальник юридического позитивизма в Англии Дж. Остин (не без влияния специфики английского права [5, с. 82-83; 3, с. 634]) необходимым качеством суверенитета считал неограниченность, отсутствие юридических пределов в связи с чем признавал утверждение о возможности ограничения верховной власти позитивным правом «банальным противоречием терминов» [32, с. 212]. Соответственно, британский юрист не признавал конституционные законы, определяющие структуру суверенной власти, законами в юридическом значении термина: суверен определяется не законами, а фактом всеобщего ему повиновения. Остин утверждал: «Законы, которые суверены пытаются навязать себе, или законы, которые суверены стремятся навязать своим последователям, просто принципы или максимы, которые они принимают в качестве руководства или которые они рекомендуют как руководства своим преемникам в суверенной власти. Отступление суверена или государства от закона соответствующего рода, не является незаконным» [32, с. 213]. Согласно командной концепции Остина, «любые возможные ограничения парламентом собственных законодательных полномочий, какой бы моральной силой они ни обладали, с точки зрения закона абсолютно не имеют никакой силы» [33, с. 202].

Если право считать результатом волеизъявления государственной власти, то для утверждения принципа господства права не остается иной альтернативы, кроме признания возможности самообязывания правом носителем суверенной власти. Концепция добровольного самоограничения государственной власти правом сначала была выдвинута в произведении «Цель в праве» (1877 г.) Р. фон Йерингом, утверждавшим, что в полном значении слова право есть «двусторонне обязательная сила закона, подчинение государственной власти ею самою

издаваемым нормам» [7, с. 306]. Йеринг считал, что эволюция права проходит три ступени: от казуального индивидуального повеления через общую, абстрактную, но лишь односторонне обязательную лишь для подвластных норму к связывающей и государственную власть двусторонне обязательной норме [7, с. 295-320]. В основании самообязывания правом лежит разумно понятый государственной властью собственный интерес в прочности общественного порядка, экономическом и нравственном развитии народа [7, с. 320-321].

Впоследствии идея самообязывания государственной власти получила развернутое изложение в труде «Общее учение о государстве» (1900 г.) Г. Еллинека, который указывал, что «в акте правосозидания, каким бы путем ни возникло это право, государство принимает на себя по отношению к подданным обязанность применять и осуществлять это право» [8, с. 361]. В другом месте своего труда немецкий государствовед писал: «Издавая закон, государство юридически связывает его нормами не только индивидов, но и свою собственную деятельность. Законом оно обязывает и тех лиц, которые служат его органами, сообразовать их волю с велениями закона. Но так как воля органа есть воля государства, то государство, обязывая свои органы, связывает само себя... Эта связанность имеет не этический, а правовой характер» [8, с. 460]. Еллинек признавал то, что в любой ассоциации основы правовых отношений могут быть созданы «единственно только в форме одностороннего волеизъявления» [8, с. 361]. Фундаментом и гарантией обязательной силы такого одностороннего волеизъявления в отношении самого государства выступает культурное состояние народа, господствующее правовое воззрение, т.е. общественное правосознание [8, с. 362-365].

«Классический» суверен в учениях Ж. Бодена, Т. Гоббса, Дж. Остина и их последователей – в зависимости от исторической эпохи – может быть в определенной (нередко – крайне незначительной) мере «ограничен» общественным мнением, нравами и обычаями народа, общепринятыми представлениями о божественном или естественном праве, но едва ли реалистично полагать, что Левиафан сам ограничит свою власть им же созданными законами и будет рассматривать такие самоограничения как юридически обязывающие (*opinio juris sive necessitatis*) и принудительно реализуемые. Последовательный юридический позитивист скорее согласится с Дж. Остином в том, что «если мы хотим рассуждать надлежащим образом, мы не можем говорить о законе, установленном человеком для самого себя» [32, с. 213]. Аналогичным образом, Г.Ф. Шершеневич вполне резонно вопрошал и сам же отвечал на свой вопрос: «Если государство само ставит себе границы, что мешает ему переставить их, и притом, где угодно? Не ясно ли, что все это самоограничение держится единственно на честном слове» [34, с. 219]. В другом месте своего классического труда выдающийся цивилист сравнивает попытку ограничить государственную власть правом со связыванием лилипутами «правовыми нитками» Гулливера [34, с. 308].

С позиций классического юридического позитивизма невозможно признать правовую природу добровольного самоограничения государства. Обязанность верховной власти соблюдать установленное ею законодательство имеет не правовой, а исключительно нравственный характер, она обеспечивается общественным мнением, институтами гражданского общества, традиционно укорененными в общественном сознании ценностями, не может быть принудительно реализована в рамках «стандартной» процедуры привлечения к юридической ответственности (уголовное, административное, дисциплинарное производство). Даже если предположить, что обязанность соблюдения государственной властью установленного ею позитивного права строго зафиксирована, позитивирована, имеются органы конституционной и административной юстиции, уполномоченные к привлечению лиц, действующих от лица государства к юридической ответственности, тем не менее, получение судами полномочий исключительно от государства, их квалификация как органов государства сразу же делает эту процедуру принципиально иной, нежели любое привлечение к юридической ответственности граждан и юридических лиц. Получается, что государство само себя привлекает к юридической ответственности. Оставляя в стороне очевидное нарушение принципа *nemo iudex in propria causa*, нельзя не видеть, что такая процедура не имеет ничего общего с подчинением подданных императивным приказам суверена: подданные не создают и не уполномочивают юрисдикционные органы, не признают добровольно их подсудность, не устанавливают соответствующую процедуру, меры юридической ответственности, не способны в одностороннем порядке изменить любые звенья этого механизма.

Если последовательно утверждать, что императивные нормы официального позитивного права, и добровольно установленные в отношении себя публичной властью правила имеют тождественную правовую природу, действуют в рамках одного и того же механизма правового регулирования, то придется поставить знак равенства между подчинением официальным уголовно-правовым запретам, с одной стороны, и правилам собственного распорядка дня – с другой.

В рамках позитивного права не может существовать действенных ограничений для верховной власти упразднить – даже путем отмены конституции – любые процедуры импичмента, уголовной ответственности главы государства и установить абсолютный юридический иммунитет государства и его высших должностных лиц. Даже если считающееся «цивилизованным» государство признает себя связанным нормами законодательного и избирательного процесса, то ничто в позитивном праве не мешает ему в будущем изменить любые нормы и институты, любые процессуальные формы в выгодном для себя направлении – например, существенно упростить законодательный процесс для принятия политически ангажированных актов, поставить высокие барьеры для оппозиционных партий в избирательном процессе, и т. п. [34, с. 217]. Остроумный технико-юридический прием, посредством которого те или иные конституционные принципы или институты признаются неизменяемыми (как, например, конституционный запрет отказа от республиканской формы правления во Франции, США и Швейцарии), не является действенной гарантией, ограничивающей верховную власть: от отмены конституции не защищены никакие «неприкосновенные» принципы и нормы позитивного права. Декларируемые неизменяемыми принципы и нормы конституционного строя сами себя не в состоянии защитить, их «сакральность» не служит гарантией их неизменности и реализуемости в общественных отношениях.

Признавая непрочность и необязательность позитивно-правовых установлений для суверенной государственной власти, вместе с тем нельзя на этом основании отрицать какое-либо значение позитивизации принципов правового государства в формальных источниках права, прежде всего, в конституционном законодательстве. Закрепление в нормах позитивного права начал правового государства способно оказывать положительное воздействие на общественное и профессиональное правосознание, осуществлять ценностно-ориентирующее влияние. Ведь институты позитивного права не только выражают определенные общественные потребности и тенденции развития, но и способны непосредственно и опосредованно влиять на установки правосознания адресатов, включая государственных служащих, в перспективе формировать устойчивые паттерны правомерного поведения. Поэтому позитивизация принципов правового государства в конституции и конституционном законодательстве не является пустой декларацией или опасным романтическим заблуждением, а обладает значимым информационным и ценностно-ориентирующим воздействием на адресатов, способным с течением длительного времени перерасти в привычку к правовой организации верховной власти. Помимо этого, нельзя исключать и то, что с течением времени на основе конституционных принципов юристами могут быть выработаны юридические конструкции и процедуры, позволяющие с большей степенью определенности вводить деятельность государственной власти в правовые рамки. На наш взгляд, конституционное закрепление принципов правового государства и верховенства права может способствовать разработке соответствующих конструкций догматической юриспруденцией, что в конечном итоге может являться значимым ограничением произвола государственной власти.

Разумеется, следует открыто признать, что нет необходимой причинной связи между конституционным закреплением указанных принципов и разработкой соответствующей конституционно-правовой догматики, что позитивизация принципов правового государства не является гарантией соответствующих догматических и доктринальных разработок. Более того, невозможно исключить вероятность того, что идеологи авторитарных режимов способны использовать идеи правового государства как красивую «ширму» для населения и/или государств-соседей, позволяющую легитимировать *de facto* партийную диктатуру или тоталитарный государственный режим [35, с. 495-507].

Невозможно не видеть рациональных оснований позиции Г.Ф. Шершеневича, утверждавшего, что принцип самоограничения государственной власти правом вреден в практическом отношении: его «политическая романтика» «опасна, потому что внушает гражданам мысль надеяться не на собственную энергию, не на общественное мнение, в котором каждый

нравственно обязан принимать участие, а на какое-то право, которое будто бы не может быть нарушено, не вызывая тех последствий, какие сопровождает всякое правонарушение. Эта теория усыпляет граждан именно там, где их следует больше всего возбуждать к бодрствованию» [34, с. 220]. Действительно, нерушимость конституционного порядка не может держаться исключительно на вере населения в юридическую связанность государственной власти позитивным правом. Как показывает опыт XX столетия, при желании и открывшихся возможностях тоталитарная власть в кратчайшие сроки способна полностью развязать себе руки, «трансформировав» основы государственного строя до их полной неузнаваемости. Сами процедуры позитивного права могут стать законным средством достижения абсолютной, не ограниченной конституционным правом, власти.

Вместе с тем, сознавая всю непрочность позитивно-правовых ограничений государственной власти, нельзя не отметить, что опасность, на которую не без оснований указывал Шершеневич, представляет не сама идея господства права над суверенной властью, а народное убеждение в том, что позитивно-правовых механизмов достаточно для ограничения государственной власти. Не идея правления права «усыпляет» общественное правосознание, а легалистское убеждение в том, что норм конституционного законодательства достаточно для достижения устойчивого правового порядка, исключая государственной произвол. Разумеется, допустимо утверждать, что позитивизация концепции самоограничения государственной власти правом сама по себе способна формировать ложное романтическое представление в общественном правосознании. Вместе с тем если такая позитивизация является закономерным итогом политико-правового развития общества, не является лишь торжественной декларацией, красивым «бумажным правом», но выражает действительные убеждения и ценности народа, организацию отношений гражданского общества и государства, то сама по себе она не приводит к «усыплению» большинства населения перед лицом недремлющей и всесильной государственной власти.

При этом сама концепция самоограничения верховной власти устанавливаемым ею позитивным правом, предложенная Р. Йерингом и Г. Еллинеком, могла быть сформирована исключительно в рамках позитивистского типа правопонимания. Очевидно, отсутствует *необходимая* связь между представлением о самоограничении государственной власти и концепцией общественного договора (ярким подтверждением чего является учение Т. Гоббса): самоограничение суверена не может следовать из общественного договора, поскольку не является исполнением обязательства. Рассматриваемое представление основывается на том, что над государственной властью не может существовать никакого «высшего» права (божественного, естественного, разумного, нравственного, правильного, и т.п.), а границы властвования задаются самой волей публичной инстанции. Иными словами, признавая в качестве первоисточника самоограничения «добрую волю» суверенной власти, представители данной концепции утверждают, что любые ограничения исходят не от народа, его обычаев и нравов, не от «внепозитивных» источников (*jus naturale, l'esprit de lois, der objektive Geist, der Volksgeist, Unterbau*, и т.п.), а лишь от суверенной власти, что соответствует одному из базовых положений «классического» юридического позитивизма, неизменно сводившего право к атрибуту независимого политического общества, состоящего из суверена и подданных. Причем не принципиально, как в дальнейшем обосновывается указанное самоограничение государственной власти (в русле социального прагматизма (Йеринг [7, с. 320-321]), или юридической конструкции государства как ассоциации (Еллинек [8, с. 361])), поскольку утверждается, что в правовых отношениях между государством и обществом не существует ничего, кроме волевых актов суверенной власти. Так, Г. Еллинек писал: «Основы правовых отношений между союзом и его членами могут быть созданы единственно только в форме одностороннего волеизъявления» [8, с. 361]. Однако очевидно, что реализация подобных правовых отношений, объективно не способная к обеспечению механизмом принуждения, не может быть логически согласована с базовыми положениями «командной теории права» (Дж. Остин, У. Маркби, Ш. Амос, Т.Э. Холланд, и др.). Поэтому скептическая позиция Г.Ф. Шершеневича в отношении юридической природы самоограничения государственной власти представляется более последовательной.

3. Доктрина верховенства права в современной английской юридической литературе

Современные английские государственоведы выделяют три группы идей (положений), через которые раскрывается содержание доктрины верховенства права.

Во-первых, верховенство права выражает предпочтение упорядоченной жизни в организованном сообществе, а не ситуации анархии или борьбы, в которой нет безопасности для людей, их благополучия и имущества. Определенная устойчивость общества является предпосылкой существования правовой системы. При этом признается, что режим законности и стабильное функционирование судебной системы возможны и при диктатуре, но действительный конституционализм и господство права не могут быть достигнуты без юридических ограничений, налагаемых на аппарат государства [24, с. 99].

Во-вторых, верховенство права выражает фундаментальный принцип, согласно которому государственное управление должно осуществляться в соответствии с законом и что в спорных случаях то, что требует закон, определяется судебным решением. Новые полномочия исполнительных органов должны быть получены на основе статута парламента, а их акты и решения, выходящие за пределы делегированных полномочий, могут быть признаны судами *ultra vires* (вне полномочий – лат.) и потому недействительными. В случае отступления от закона государственные органы и должностные лица должны быть подвергнуты эффективным санкциям, которые состоят не только в признании их актов и решений недействительными, но и в обязанности возместить причиненный такими актами или действиями вред. Так, в Великобритании департаменты правительства могут быть подвергнуты судебному преследованию за противоправные действия на основании Закона о производстве в отношении Короны (1947 г.), а министры могут быть привлечены к ответственности за неуважение к суду [24, с. 100-101]. Например, в деле *Re M [1994] 1 AC 377* судебный комитет Палаты лордов признал, что министр внутренних дел допустил неуважение к суду, не подчинившись распоряжению суда вернуть депортированного заирского учителя в Соединенное Королевство [36, с. 758].

Вместе с тем в литературе справедливо указывается, что британский парламент как носитель суверенной власти может наделить исполнительные органы полномочиями, способными резко ограничить индивидуальную свободу (например, бессрочное содержание под стражей без суда иностранцев, подозреваемых в причастности к терроризму). Поэтому если свести содержание верховенства права лишь к принципу законности, то это не будет являться эффективной гарантией против нарушения других фундаментальных ценностей [24, с. 101].

В-третьих, верховенство права рассматривается как широкая политическая доктрина, включающая в себя круг позиций по таким вопросам, как полномочия, которые государство должно или не должно иметь (например, должны ли министры иметь право задерживать без суда), процедуры, которым необходимо следовать, когда государство предпринимает какие-либо действия (например, право на справедливое судебное разбирательство в уголовных процессах) и ценности, присущие системе правосудия [24, с. 101].

В английской юридической литературе разработаны два основных подхода к пониманию доктрины верховенства права как политического учения – формальный и содержательный. Одни правоведы утверждают, что верховенство права есть исключительно формальный или процедурный идеал, нейтральный по отношению к целям; право лишь должно удовлетворять формальным ограничениям общего характера правил, заблаговременного уведомления, ясности и т.д., применяться процедурно честным и добропорядочным образом [37, с. 61]. Представители же субстанционального (материального) подхода отвергают формализм и тесно связывают верховенство права с защитой прав человека. Так, авторитетный английский юрист *Т. Бингем*, занимавший высокие должности в судебной системе на протяжении 16 лет, в своей книге «Верховенство права» (2011 г.) заявил, что «государство, которое варварски подавляет или преследует некоторые группы своего населения, не может рассматриваться как соблюдающее верховенство права, даже если транспортировка преследуемого меньшинства в концентрационные лагеря... является предметом детализированных законов, принятых в соответствии с должной процедурой и скрупулезно соблюдаемых» [38, с. 67].

Один из авторитетных исследователей концепций верховенства права *П. Крэйг* очень точно фиксирует различия между указанными подходами: «Формальные концепции верховенства права касаются того, каким образом закон обнародован (осуществлено ли это надлежащим образом уполномоченным лицом, надлежащим образом уполномоченным способом, и т. д.); ясность

вытекающей из этого нормы (была ли она достаточно ясной, чтобы направлять поведение, позволяющее человеку планировать свою жизнь, и т.д.); и временное измерение вступившей в силу нормы (была ли она перспективной или ретроактивной, и т.д.). Формальные представления о верховенстве закона, однако, не стремятся выносить суждения о его фактическом содержании. Их не интересует, был ли закон в этом смысле хорошим или плохим. Те, кто придерживается содержательных концепций верховенства права, стремятся выйти за рамки этого. Они признают, что верховенство права имеет упомянутые выше формальные атрибуты, но они хотят развивать учение дальше. Считается, что определенные содержательные права основаны на верховенстве права или следуют из него. Концепция используется в качестве основы таких прав, которые затем применяются для различения «хороших» законов, соответствующих таким правам, и «плохих» законов, которые им не соответствуют» [39, с. 467].

По мнению сторонников субстанциональных концепций *Rule of Law*, верховенство и всеобщность законности, соблюдение процессуальной формы законотворческого процесса и реализации права далеко не достаточны как гарантии верховенства права, поскольку не способны исключить или даже свести к минимуму возможность формирования тоталитарного государственно-политического режима, попирающего основополагающие права человека. Сами по себе соблюдение законодательно установленных процедур и осуществление действий в соответствии с требованиями законодательства не могут сделать неправовое содержание действующего закона правовым; для достижения верховенства (правления) права необходимо соблюдение ряда содержательных принципов, прежде всего, принципа правового характера действующих законов. В этой связи справедливой представляется позиция Н.Н. Крестовской: «Принцип верховенства права – это не просто формальная законность, обеспечивающая регулярность и последовательность в деле достижения и реализации демократического строя. В этом понятии есть еще элемент правосудия, основанный на признании и полном принятии верховной ценности человеческой личности, гарантированной институтами, создающими базу для ее наиболее полного самовыражения» [40, с. 415-416].

Следует отметить, что содержательный подход к пониманию верховенства права свои истоки черпает в идеях одного из представителей «возрожденного» естественного права в послевоенной Европе Г. Радбруха, который в своей работе «законное неправо и надзаконное право» (1946) связал правовое качество закона со *справедливостью как равенством* (равноправное отношение к равным), утверждая, что при вопиющей несовместимости закона со справедливостью закон как «несправедливое право» является по своей природе неправовым, «ибо право, включая и позитивное, нельзя определить иначе, чем порядок и совокупность законов (*Satzung*), призванных по сути своей служить справедливости» [41, с. 234].

Принципиально важно отметить, что даже «формальное» понимание доктрины верховенства права основывается на представлении о том, что власть государства не является абсолютной, безграничной, что было характерно для ранних концепций юридического позитивизма как в Англии, так и на европейском континенте. Раскрывать содержание концепции верховенства права даже в рамках формального подхода возможно только при условии, если признать, что «правовые системы не только состоят из правил, но и основаны на них» [42, с. 211]. Ключевая идея доктрины верховенства права сводится к необходимости и возможности подчинить деятельность механизма государства правовым правилам, а данную идею признают лишь неопозитивистские концепции, сформировавшиеся в англо-американской философии права благодаря идеям правовых учений Дж.У. Сэлмонда и Г. Харта [3, с. 110; 43, с. 98-99].

Формальный подход к пониманию верховенства права часто связывается с именем американского юриста Л.Л. Фуллера, который в своей «процедурной» концепции «естественного» права обосновал ряд формальных требований к правовой системе, обеспечивающих ее правовую природу и достижение целей. Центральная идея учения о «внутренней моральности» права Фуллера сводилась к тому, что право невозможно без соблюдения ряда принципов обязывающей морали, которые трактовались американским правоведом в качестве естественных законов «подчинения поведения человека руководству правил» [44, с. 118]. Необходимыми условиями существования правовой системы выступают: во-первых, наличие общих правил поведения, во-вторых, обязательность опубликования данных правил, в-третьих, их прямое (перспективное) действие, в-четвертых, их ясность для адресатов, в-пятых, их взаимная согласованность,

непротиворечивость, в-шестых, принципиальная возможность их исполнения, в-седьмых, постоянство действия правил, в-восьмых, соответствие правоприменительной практики установленным правилам [44, с. 65-82]. Вслед за Фуллером внутренне присущими праву принципами британские конституционалисты признают запрет принятия секретных актов, обратного (ретроспективного) действия норм, возложения уголовной ответственности за поведение, не определенное в уголовном законодательстве, но воспринимаемое как нежелательное должностными лицами [45, с. 331; 24, с. 85].

Принцип правовой определенности признавался краеугольным не только представителями формального подхода к верховенству права, но и сторонниками материального (содержательного) подхода. Так, Ф.А. Хайек напрямую связывал упадок правозаконности (правления права) и разрушение правового государства с проникновением в законодательные акты и юриспруденцию расплывчатых формулировок наподобие «справедливости», «разумности», что приводит к росту произвола, ненадежности суда и законодательства, неуважению к ним. По мнению Хайека, широкое использование в законодательстве оценочных понятий идет рука об руку с реализацией государством программы по тотальному планированию [21, с. 95].

Одним из ведущих проponentов формального понимания верховенства права является представитель эксклюзивного юридического позитивизма Дж. Раз (1939-2022). Британский правовед сводит понятие «верховенство права» исключительно к ценностям, традиционно ассоциируемым с правовой системой и выражающим юридическую форму. Так, по его мнению, законы должны быть открытыми, ясными, относительно стабильными, иметь прямое (перспективное) действие и тем самым способными направлять человеческое поведение, а принятие индивидуальных правовых актов должно регулироваться открытыми, ясными и общими правилами [46, с. 359-362]. Помимо этого, в принципы верховенства права Раз включает положение о необходимости гарантий независимости судебных органов и доступности судов [46, с. 362-364], соблюдения принципов естественной справедливости, исключающих предвзятость судей и гарантирующих открытый, честный и в целом справедливый характер судебного слушания [46, с. 364]. Раз считает, что суды должны обладать полномочиями надзора за законами и подзаконными актами, административными решениями в целях обеспечения соблюдения верховенства права. Формальная концепция верховенства права включает в себя и требование о том, чтобы право не искажалось произволом правоохранительных органов – полиции и прокуратуры [46, с. 364].

Хотя указанные стандарты могут обеспечить формальное соответствие верховенству закона, Раз подчеркивает, что они не гарантируют отсутствие нарушений достоинства человека [46, с. 370]. По его мнению, соответствие указанным принципам верховенства закона – это вопрос степени, которая обусловлена необходимостью уравнивать конкурирующие ценности [46, с.382].

Юристы, придерживающиеся содержательного (субстанционального) подхода к верховенству права, солидарны в том, что оно не ограничивается требованием законности и полноценно реализуется только совместно с ценностями человеческого достоинства, свободы и демократии. Представители материального подхода к доктрине верховенства права включают в ее содержание принцип законности деятельности государства, следование идеалам правосудия семьи общего права, требование минимального вмешательства государства и исполнительной власти, установления строго определенных и предсказуемых норм права, контролирующих деятельность исполнительной власти, стандарты приличия и честной игры в общественной жизни, принципы свободы, равенства и демократии [47].

Т. Бингем в своей статье (2008 г.) и книге (2011 г.) «Верховенство права» сводит содержание доктрины верховенства (господства) права к восьми фундаментальным принципам. Во-первых, закон должен быть доступным и по возможности понятным, ясным и предсказуемым. Во-вторых, вопросы субъективных прав и юридической ответственности должны на общих основаниях решаться путем применения закона, а не на основе усмотрения. В-третьих, законы должны применяться одинаково ко всем, за исключением той степени, в которой объективные различия оправдывают дифференциацию. В-четвертых, государственные служащие всех уровней должны осуществлять свои полномочия добросовестно, справедливо и исключительно в целях, для достижения которых предоставлены полномочия, не выходя за пределы таких полномочий и

небезосновательно. В-пятых, закон должен обеспечивать адекватную защиту основных прав человека. В-шестых, должны быть предоставлены средства для разрешения гражданских споров без чрезмерных затрат или задержек, которые сами стороны решить не могут. В-седьмых, судебные процедуры, предусмотренные государством, должны быть справедливыми. В-восьмых, государство должно соблюдать свои обязательства как по международному праву, так и по национальному праву [38, с. 36-87].

Можно видеть, что по меньшей мере половина указанных принципов непосредственно связана с судебным процессом, в чем, на наш взгляд, проявляется специфика восприятия английскими юристами правовой организации общества.

Литература и источники

1. Hamson C.J. General Report (Les Colloques de Chicago, 8–16 Septembre 1957) // Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul. 1959. Vol. 9 (12).
2. Ударцев С.Ф., Темирбеков Ж.Р. Концепции «Rule of Law» («Верховенство права») и «Rechtsstaat» («Правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5.
3. Salmond J.W. Jurisprudence or the Theory of the Law. London: Stevens & Haynes, 1902.
4. Brown W.J. The Austinian Theory of Law. Being an Edition of Lectures I, V, and VI of Austin's «Jurisprudence», and of Austin's «Essay on the Uses of the Study of Jurisprudence» with Critical Notes and Excurses. London, John Murray, Albemarle Street, 1906.
5. Дэйси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. / Пер. с англ. О.В. Полторацкой. Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1905.
6. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. / Под ред. акад. В.М. Корецкого. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.
7. Иеринг Р. ф. Цель в праве // Избранные труды. В 2 т. Т. I. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
8. Еллинек Г. Общее учение о государстве. / Вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 4-е испр. М.: «Статут», 2003.
10. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. Под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006.
11. Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England: Or A Commentary upon Littleton, Not the name of the Author only, but of the Law it selfe // The Selected Writings and Speeches of Sir Edward Coke. Vol. 2 / Ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003.
12. Томсинов В.А. Common Law в юридической конструкции государственного строя Англии первых десятилетий XVII века // «Forging a common legal destiny». Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005.
13. Denning A.T. What Next in the Law. London: Butterworths, 1982.
14. Михайлов А.М. Философия права: классический юснатурализм и историческая школа юристов: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019.
15. Caenegem R.C. van. Judges, Legislators and Professors. Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987.
16. Романов А.К. Правовая система Англии: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Дело, 2002.
17. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. I. Томск, Издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914.
18. Конституционное право зарубежных стран. Учебник для ВУЗов. / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2000.
19. Уэйд Е. С., Филлипс Д. Д. Конституционное право / Под ред. Крылов С.Б.; Пер. с англ. Никифоров А.С.; Вступ. ст.: Молдавский З.И. М.: Иностр. лит., 1950.
20. English Public Law. / Ed. by D. Feldman. Oxford: Oxford University Press, 2004.
21. Хайек Ф.А. фон Дорога к рабству. / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005.
22. Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. 14th ed. London: Pearson, 2007.
23. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1999.
24. Bradley A. W., Ewing K. D., Knight C. J. S. Constitutional and Administrative Law. 16th ed. London: Pearson, 2014.
25. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 2nd ed. Vandenhoeck u. Ruprecht, 1967.
26. Slapper G., Kelly D. The English Legal System. London, New York: Routledge, 2012.
27. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. In 4 vols. Vol. I. Cavendish, 1766.
28. Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England Concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644 // URL: lawlibrary.wm.edu/wythewedia/library/CokeFourthPartOfTheInstitutesOfTheLawsOfEngland1644.pdf
29. Михайлов А.М. Сравнительное правоведение: Судебная власть в правовой системе Англии. М.: Юрайт, 2019.
30. Михайлов А.М. Очерки теории и истории английского права. М.: Юрлитинформ, 2015.
31. Сапельников А.Б., Честнов И.Л. Теория государства и права: Учебник для юридических высших учебных заведений. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2006.
32. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. / Ed. by W.E. Rumble. Cambridge University Press, N.Y., 1995.
33. Ллойд Д. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость? / Пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева. Науч. ред. Ю.М. Юмашев. М.: «Югона», 2002.
34. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. I. Часть теоретическая. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911.
35. Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. / Пер. с нем. О.Г. Субботина. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
36. Wade E.C.S. & Bradley A.W. Constitutional and Administrative Law. 11th ed., L., 1994.
37. Уолдрон Дж. Верховенство права и мера собственности. / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
38. Bingham T. H. The Rule of Law. London: Penguin UK, 2011.

39. Craig P. Formal and Substantive Conceptions of the Rule of Law // Public Law. 1997.
40. Крестовская Н.Н. Демократическое, социальное и правовое государство // Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник. / Под ред. Ю.Н. Оборотова. Одесса: Феникс, 2011.
41. Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право // Философия права. / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2004.
42. Шапиро С. Законность. / Пер. с англ. С. Коваль; под науч. ред. А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.
43. Харт Г.Л.А. Понятие права. / Пер. с англ., под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
44. Фуллер Л. Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007.
45. Allan T. R. S. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. London, Oxford University Press, 2001. 331 p. // https://www.researchgate.net/publication/228190001_T_R_S_Allan_Constitutional_Justice_A_Liberal_Theory_of_the_Rule_of_Law
46. Раз Дж. Верховенство права и его добродетель // Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали / Пер. с англ. И. Дягиловой; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
47. Cox N. The Rule of Law Revisited // URL: https://www.researchgate.net/publication/228190001_T_R_S_Allan_Constitutional_Justice_A_Liberal_Theory_of_the_Rule_of_Law

References and Sources

1. Hamson C.J. General Report (Les Colloques de Chicago, 8–16 Septembre 1957) // Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul. 1959. Vol. 9 (12).
2. Udarev S.F., Temirbekov Z.H.R. Konceptii «Rule of Law» («Verhovenstvo prava») i «Rechtsstaat» («Pravovoe gosudarstvo»): sravnitel'nyj analiz // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 5.
3. Salmond J.W. Jurisprudence or the Theory of the Law. London: Stevens & Haynes, 1902.
4. Brown W.J. The Austinian Theory of Law. Being an Edition of Lectures I, V, and VI of Austin's «Jurisprudence», and of Austin's «Essay on the Uses of the Study of Jurisprudence» with Critical Notes and Excurses. London, John Murray, Albemarle Street, 1906.
5. Dajsi A.V. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie anglijskoj konstitucii. / Per. s angl. O.V. Poltorackoj. Pod red. P.G. Vinogradova. M., 1905.
6. Hrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy. / Pod. red. akad. V.M. Koreckogo. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1961.
7. Iering R. f. Cel' v prave // Izbrannye trudy. V 2 t. T. I. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2006.
8. Ellinek G. Obschchee uchenie o gosudarstve. / Vstup. st. I.Yu. Kozlihina. SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskij centr Press», 2004.
9. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Izd. 4-e ispr. M.: «Statut», 2003.
10. Hajek F.A. fon. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nyh principov spravedlivosti i politiki. / Per. s angl. B. Pinskera i A. Kustareva. Pod red. A. Kuryaeva. M.: IRISSEN, 2006.
11. Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England: Or A Commentary upon Littleton, Not the name of the Author only, but of the Law it self // The Selected Writings and Speeches of Sir Edward Coke. Vol. 2 / Ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003.
12. Tomsin V.A. Common Law v yuridicheskoy konstrukcii gosudarstvennogo stroya Anglii pervyh desyatiletij XVII veka // «Forging a common legal destiny». Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005.
13. Denning A.T. What Next in the Law. London: Butterworths, 1982.
14. Mihajlov A.M. Filosofiya prava: klassicheskij yusnaturalizm i istoricheskaya shkola yuristov: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury. M.: Yurajt, 2019.
15. Caenegem R.C. van. Judges, Legislators and Professors. Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987.
16. Romanov A.K. Pravovaya sistema Anglii: Ucheb. posobie. 2-e izd. M.: Delo, 2002.
17. Mihajlovskij I.V. Ocherki filosofii prava. T. I. Tomsk, Izdanie knizhnogo magazina V.M. Posohina, 1914.
18. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran. Uchebnik dlya VUZov. / Pod red. M.V. Baglaya, Yu.I. Lejbo, L.M. Entina. M.: Norma, 2000.
19. Uejd E. S., Fillips D. D. Konstitucionnoe pravo / Pod red. Krylov S.B.; Per. s angl. Nikiforov A.S.; Vstup. st.: Moldavskij Z.I. M.: Inostr. lit., 1950.
20. English Public Law. / Ed. by D. Feldman. Oxford: Oxford University Press, 2004.
21. Hajek F.A. fon Doroga k rabstvu. / Per. s angl. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005.
22. Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. 14th ed. London: Pearson, 2007.
23. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999.
24. Bradley A. W., Ewing K. D., Knight C. J. S. Constitutional and Administrative Law. 16th ed. London: Pearson, 2014.
25. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 2nd ed. Vandenhoeck u. Ruprecht, 1967.
26. Slapper G., Kelly D. The English Legal System. London, New York: Routledge, 2012.
27. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. In 4 vols. Vol. I. Cavendish, 1766.
28. Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England Concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644 // URL: lawlibrary.wm.edu/wythepeedia/library/CokeFourthPartOfTheInstitutesOfTheLawsOfEngland1644.pdf
29. Mihajlov A.M. Sravnitel'noe pravovedenie: Sudebnaya vlast' v pravovoj sisteme Anglii. M.: Yurajt, 2019.
30. Mihajlov A.M. Ocherki teorii i istorii anglijskogo prava. M.: YurLitinform, 2015.
31. Sapel'nikov A.B., ChEstnov I.L. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vysshih uchebnyh zavedenij. SPb.: IVESEP, Znanie, 2006.
32. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. / Ed. by W.E. Rumble. Cambridge University Press, N.Y., 1995.
33. Lloid D. Ideya prava. Repressivnoe zlo ili social'naya neobhodimost'? / Per. s angl. M.A. Yumasheva, Yu.M. Yumasheva. Nauch. red. Yu.M. Yumashev. M.: «Yugona», 2002.
34. Shershenevich G.F. Obschchaya teoriya prava. T. I. Chast' teoreticheskaya. M.: Izdanie br. Bashmakovyh, 1911.
35. Shtollyajs M. Istoriya publichnogo prava v Germanii: Vejmarskaya respublika i nacional-socializm. / Per. s nem. O.G. Subbotina. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017.
36. Wade E.C.S. & Bradley A.W. Constitutional and Administrative Law. 11th ed., L., 1994.
37. Uoldron Dzh. Verhovenstvo prava i mera sobstvennosti. / Per. s angl. S. Moiseeva. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2020.
38. Bingham T.H. The Rule of Law. London: Penguin UK, 2011.
39. Craig P. Formal and Substantive Conceptions of the Rule of Law // Public Law. 1997.
40. Krestovskaya N.N. Demokratsicheskoe, social'noe i pravovoe gosudarstvo // Obshcheteoreticheskaya yurisprudenciya: uchebnyj kurs: uchebnik. / Pod red. Yu.N. Oborotova. Odessa: Feniks, 2011.
41. Radbruh G. Zakonnoe nepravo i nadzakonnoe pravo // Filosofiya prava. / Per. s nem. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2004.
42. Shapiro S. Zakonnost'. / Per. s angl. S. Koval'; pod nauch. red. A. Pavlova. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2021.
43. Hart G.L.A. Ponyatie prava. / Per. s angl., pod obsch. red. E.V. Afonasiya, S.V. Moiseeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.
44. Fuller L. L. Moral' prava / Per. s angl. T. Danilovoj, pod red. A. Kuryaeva. M.: IRISSEN, 2007.
45. Allan T. R. S. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. London, Oxford University Press, 2001. 331 p. // https://www.researchgate.net/publication/228190001_T_R_S_Allan_Constitutional_Justice_A_Liberal_Theory_of_the_Rule_of_Law

46. Raz Dzh. Verhovenstvo prava i ego dobrodetel' // Raz Dzh. Avtoritet prava. Esse o prave i morali / Per. s angl. I. Dyagilevoj; pod nauch. red. D. Raskova. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2021.

47. Cox N. The Rule of Law Revisited // URL: https://www.researchgate.net/publication/228190001_T_R_S_Allan_Constitutional_Justice_A_Liberal_Theory_of_the_Rule_of_Law

МИХАЙЛОВ АНТОН МИХАЙЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (antonmikhailov@hotmail.com).

MIKHAILOV, ANTON M. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Moscow State Institute of International Relations (antonmikhailov@hotmail.com).

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-23-31

КОЖИНА Т.Н., ПЕТУХОВ А.В., ЗАХАРЧЕНКО О.В.
**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ ВЕСТМИНСТЕРСКОЙ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ**

Ключевые слова: федерализм, парламентаризм, вестминстерская модель, бикамерализм, верхняя палата.

В статье анализируется историческая трансформация классической модели парламентаризма в политических системах федеративных республик, выявляются особенности ее функционирования. Исторические формы представительной демократии в федеративных государствах Британского Содружества (Канада, Австралийский Союз и Индийский Союз) стали объектом исследования, предметом исследования статьи является институт территориального представительства в центральных органах власти. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью поиска такой оптимальной формы взаимоотношений между центральной властью и регионами, которая гарантировала бы регионам конституционно-правовые механизмы для реализации своих интересов через высшие органы государственной власти, с учетом политико-правовых традиций государства. В ходе изучения проблемы выявлены общие черты представительства регионов в федеративных государствах классической модели представительной демократии. Названы институционально-правовые изменения в ходе преодоления кризисных явлений регионального представительства, связанные с распределением функций палат парламентов в законодательном процессе, реализацией процедуры контроля за деятельностью исполнительной власти.

KOZHINA, T.N., PETUKHOV, A.V., ZAKHARCHENKO, O.V.
**CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF TERRITORIAL REPRESENTATION IN FEDERAL STATES OF THE
WESTMINSTER PARLIAMENTARY SYSTEM**

Key words: federalism, parliamentarism, Westminster model, bicameralism, upper house.

The article analyzes the historical transformation of the classical model of parliamentarism in the political systems of the federal republics, reveals the features of its functioning. The historical forms of representative democracy in the federal states of the British Commonwealth (Canada, the Commonwealth of Australia and the Indian Union) have become the object of research, the subject is the institution of territorial representation in the central government. The urgency of the problem is due to the need to find such an optimal form of relations between the central government and the regions, which would guarantee the regions constitutional and legal mechanisms for the realization of their interests through the highest bodies of state power, taking into account the political and legal traditions of the state. In the course of studying the problem, common features of the representation of regions in federal states of the classical model of representative democracy were revealed. Institutional and legal changes are named in the course of overcoming the crisis phenomena of regional representation, related to the distribution of functions of the chambers of parliaments in the legislative process, the implementation of the procedure for monitoring the activities of the executive branch.

Проблема представительства территориальных коллективов в высших органах власти государства и его конституционно-правового закрепления на сегодняшний день является одной из самых актуальных для мировой практики государственного строительства. Ренессанс этнического национализма и укрепление региональной идентичности, которые наблюдаются в мире начиная с конца XX в. поставил перед большинством государств задачу по поиску такой оптимальной формы взаимоотношений между центральной властью и регионами, которая бы опиралась на политико-правовые традиции государства, препятствовала росту сепаратистских настроений и в то же время гарантировала конституционно-правовые механизмы для реализации регионами своих законных интересов через высшие органы государственной власти. Данная проблема сегодня одинаково актуальна как для относительно молодых государств, которые находятся в поиске политической и конституционно-правовой формы своего существования и даже выживания перед лицом растущих внутренних противоречий и глобальных угроз, так и для вполне устоявшихся государств, опирающихся на многовековую политико-правовую традицию, но сталкивающихся с вызовами регионализма. Безусловно, указанная выше задача весьма актуальна и для Российской Федерации, которая находится сегодня на принципиально новом этапе своей истории государственно-правового развития.

Поиск и совершенствование моделей представительства территорий на общенациональном уровне государственной власти невозможны без учета и творческого переосмысления

зарубежного конституционно-правового опыта в данной сфере. В современных исследованиях сегодня часто встречается тезис об упадке парламентаризма в его традиционном значении. Как отмечает П. А. Кучеренко, на практике это выглядит смешиванием двух самостоятельных понятий парламента: «парламент как институт конституционного права и парламент как политический институт» [1, с. 97-98].

Особый интерес в этом контексте представляет, на наш взгляд, опыт вестминстерской системы государственного управления, одной из старейших в мире, история которой восходит к средним векам. Сформировавшаяся в Великобритании, вестминстерская система в течение своей истории пережила и продолжает переживать многочисленные адаптации к самым разнообразным условиям и обстоятельствам в разных частях земного шара, что сделало ее одной из наиболее распространенных и влиятельных государственных традиций. В контексте проблемы формирования и эволюции конституционно-правовых основ территориального представительства в высших органах государственной власти особого внимания заслуживает опыт конституционно-правовой адаптации бикамерализма, присущего вестминстерской парламентской модели, к особенностям федеративного государства.

Следует отметить, что вестминстерская парламентская система как способ организации государственного управления исторически возник сложился чем федеративное государство. Первым современным федеративным государством принято считать США, федеративная конституция которых была принята в 1787 г., т.е. в тот момент, когда вестминстерская парламентская система существовала в Великобритании около века и уже сложилась в своих основах. Отцы-основатели североамериканского государства, безусловно, опирались на хорошо им знакомое наследие британской вестминстерской системы, однако американский федерализм во многих своих чертах стал уникальным явлением, а американское государство не относят к государствам, построенным по вестминстерской модели.

Проблема конституционно-правовой адаптации вестминстерской парламентской системы к концепции федеративного государства в полной мере начала проявлять себя лишь со второй половины XIX в., когда в рамках Британской колониальной империи начали оформляться новые политические сообщества (доминионы), само определение конституционно-правового статуса которых представляло трудность для правоведов того времени. Эволюция конституционно-правового статуса данных политических образований нередко была весьма длительной. В тех случаях, когда они оформлялись как федеративные государства, эта эволюция сопровождалась соответствующей правовой адаптацией вестминстерской системы, что выражалось прежде всего в эволюции верхних палат их парламентов, построенных по образцу британской палаты лордов, в институт территориального представительства.

В данной статье будет прослежен процесс такой конституционно-правовой адаптации верхних палат парламента к концепции федерализма во второй половине XIX–XX вв. в государствах, входящих в состав Британского Содружества.

Федеративные государства, конституционно-правовой опыт которых будет проанализирован в исследовании, могут быть разделены на две группы.

В *первую группу* мы включаем те государства, которые исторически формировались как «переселенческие» колонии Великобритании, такие как Канада и Австралия. В условиях их историко-государственного развития много общего. Во-первых, полномасштабная европейская колонизация их территорий началась довольно поздно, наиболее активно она развернулась в XIX в., когда политическая система самой Великобритании уже переживала процесс демократизации. Во-вторых, массовая европейская колонизация, которая протекала в эпоху индустриализации, сопровождалась созданием демократических институтов при отсутствии каких-либо структур или ограничений, унаследованных от эпохи феодализма. При этом европейская колонизация изначально была здесь мультиэтнической при безусловном преобладании (особенно на первых порах) британского этнического элемента. В-третьих, европейские переселенцы столкнулись в этих регионах с относительно немногочисленным коренным населением, находившемся к тому же на догосударственной стадии развития, что в XX в. породит болезненную проблему интеграции аборигенных общин в политические структуры, созданные европейскими переселенцами. В результате колонизация охватила здесь весьма обширные и редко заселенные территории, первоначально слабо связанные друг с другом экономически, население которых при этом

обладало высокой политической культурой, способностью к политической самоорганизации и осознанием собственного единства. Эти исторические обстоятельства способствовали развитию государственности в Канаде и Австралии по пути федерализма, поставив задачу «федерализации» вестминстерской системы, заимствованной из британского опыта.

Во *вторую группу* входят государства Азии и Африки, входившие на определенном этапе своей истории в состав Британской колониальной империи. Европейская колонизация на Востоке никогда не имела массового характера, здесь европейцы представляли собой крайне немногочисленную элиту колониального общества, в руках которой находились функции управления. Что еще более важно, на Востоке европейцы, как правило, сталкивались или с высокоразвитыми государствами, история которых своими корнями уходила в глубокую древность, или по крайней мере со сложно организованными обществами, обладавшими политической иерархией. В результате здесь европейцы должны были организовывать взаимодействие с существовавшими до их прихода властными структурами, интегрируя местные элиты в систему колониального управления и создавая для этой цели соответствующие правовые основы. В тех случаях, когда после краха Британской колониальной империи развитие государственности на Востоке пошло по пути федерализма, унаследованную от британцев вестминстерскую систему необходимо было адаптировать к федерализму с учетом местной государственно-политической традиции. Наиболее ярким примером такой адаптации вестминстерской системы к модели федеративного государства на Востоке является Индия.

Методология исследования. Методология исследования основана на принципах диалектического подхода, который предполагает следование от формально-юридического определения через дедуктивный анализ конкретных историко-юридических фактов. В данном исследовании очевидно значимую роль занимает метод диахронного и синхронного сравнения в выявлении общего и особенного в парламентских системах федеративных государств вестминстерской системы, а также метод типологизации, в нашем случае - их сопоставление с классической моделью. Сравнительный анализ позволяет выявить не только особенности функционирования системы, но и проблемы территориального представительства в различных версиях парламентской модели.

Содержание исследования. Канада была создана на основании акта британского парламента, известного как Конституционный акт 1867 г. (до 1982 г. он был известен как «Акт о Британской Северной Америке») [2]. Данный акт объединил британские колонии Объединенная провинция Канада (после принятия акта она была разделена на провинции Онтарио и Квебек), Новая Шотландия и Нью-Брансуик. В течение 1870–1905 гг. было создано еще пять канадских провинций, четыре из них составили Западную Канаду. Еще одной провинцией, вошедшей в состав Канады, в 1949 г. стал Ньюфаундленд, который с 1907 г. являлся самостоятельным доминионом Британской империи, сегодня эта провинция носит название Ньюфаундленд и Лабрадор. В последней трети XIX в. были созданы две территории Канады – Северо-Западные территории (1870 г.) и Юкон (1898 г.), последней в 1999 г. была образована территория Нунавут.

Став по акту 1867 г. самоуправляющейся нацией в рамках Британской империи (впоследствии Содружества), Канада формально продолжала пребывать в этом статусе вплоть до 1982 г., когда был принят Конституционный акт [3], поставивший точку в процессе патриации, т.е. превращения Канады в суверенное государство в составе Содружества. Данный акт привнес в конституционное право Канады набор процедур, позволяющих субъектам канадской федерации самостоятельно вносить поправки в Конституцию (до этого существенные поправки могли быть внесены только парламентом Соединенного Королевства). Акт 1982 г. закрепил преобразование Канады в федерацию, в которой субъекты образованы как по территориальному принципу (девять англоязычных провинций), так и по национальному принципу (франкоязычная провинция Квебек и три территории, где коренное население, “First Nations”, либо преобладает, либо составляет значительное меньшинство). В отличие от провинций, территории Канады не обладают суверенитетом, а представляют собой административные единицы, находящиеся в ведении федерального парламента и обладающие лишь делегированными полномочиями. Именно эти факторы определяют специфику работы законодательной власти государства.

Процесс «федерализации» парламента Канады в значительной степени проявляется в особенностях порядка формирования его верхней палаты – Сената [4]. Принципы формирования

канадского Сената были установлены ст. 22 акта 1867 г., в основе своей они продолжают действовать и сегодня. Во многом эти принципы сходны с принципами формирования состава палаты лордов Великобритании – сенаторы назначаются генерал-губернатором Канады, представляющим британского монарха, по рекомендации премьер-министра, они должны быть старше 30 лет, являются несменяемыми и занимают свои места вплоть до достижения 75-летнего возраста (до 1965 г. должность сенатора была пожизненной).

Однако федеративный характер канадского государства ставил вопрос, который не мог быть решен на основе имевшегося опыта британской палаты лордов, – вопрос о представительстве регионов в составе верхней палаты парламента. Найти решение этого вопроса в конце XIX в. было нелегко, поскольку уже тогда давали о себе знать диспропорции в развитии канадских регионов. Быстрый рост населения и бурное развитие экономики англоязычной провинции Онтарио, привлекавшей множество иммигрантов, вызывал опасения не только у франкоязычного Квебека, но и у англоязычных, но малозаселенных Приморских провинций – Новой Шотландии и Нью-Брансуика. Опасаясь потенциального доминирования Онтарио в Сенате, прочие провинции настояли на равном представительстве регионов – по 24 места в Сенате для Онтарио, Квебека и Приморских провинций. К настоящему моменту число сенаторов возросло до 105 (в нормальной ситуации), однако распределение количества мест среди первоначальных провинций осталось неизменным. Созданные впоследствии места отошли к образованным позднее Западным провинциям Канады (24 места), Ньюфаундленду и Лабрадору (6 мест) и трем территориям (по одному месту для каждой территории). В результате сегодня провинция Онтарио, где проживает почти 40% населения Канады, имеет лишь 23% сенаторов от их общего числа.

Две данных особенности канадского Сената – назначение сенаторов по представлению премьер-министра и неравное распределение мест в Сенате между канадскими провинциями и территориями – отражают то представление о месте этого органа в системе государственного управления Канады, которое разделяла политическая элита страны в XIX в. Изначально Сенат задумывался его создателями как орган власти, который с одной стороны должен был защищать региональные интересы, а с другой – быть той силой, которая противостояла бы «демократическому элементу», т.е. избранным членам палаты общин, нижней палаты парламента Канады. По известному выражению Дж. А. Макдональда, одного из «отцов-основателей Канады» и ее первого премьер-министра, Сенат должен был служить домом для «трезвой второй мысли» (*sober second thought*) в законодательстве, т.е. быть противовесом избранной народом палате общин.

В XX в. такой порядок формирования Сената положительно сказался на решении острых политических вопросов о представительстве женщин и коренного населения в высших органах власти. Так, в 1930 г. после громкого и скандального дела «Знаменитой пятёрки» (*The Famous Five*) по представлению премьер-министра в состав канадского Сената впервые вошла женщина. В 1958 г. таким же образом первым сенатором из числа коренного населения Канады стал Дж. Гладстон, показательно, что это произошло за два года до того, как представители коренного населения приобрели право голоса на выборах в Палату общин.

Тем не менее, откровенно недемократический порядок формирования верхней палаты парламента изначально вызывал острую критику, к концу XX в. он превратился в одну из проблем канадской политики.

Еще одной серьезной причиной для резкой критики Сената как органа власти долгое время был его партийный характер. Формально считавшиеся независимыми представителями и защитниками интересов своих регионов, сенаторы фактически действовали прежде всего как члены политических партий, поддерживая правительство или оппонировав ему в зависимости от позиции собственной партии в Палате общин. Такое положение вещей ставило под серьезное сомнение самостоятельность Сената как органа власти и даже самую необходимость его существования.

В течение XX в. в состав канадского кабинета, как правило, входили один-три сенатора, поскольку Канада унаследовала британскую традицию, согласно которой министр должен являться членом парламента. Кроме того, по обычаю в процессе формирования кабинета от премьер-министра ожидают, что в число министров будут включены представители всех провинций и «видимых меньшинств» (*visible minorities*), а также женщины. В тех случаях, когда

правящая партия терпела поражение на выборах в избирательных округах определенной провинции, в качестве ее представителя в состав кабинета нередко включался сенатор, представляющий ее в верхней палате парламента. Например, эта традиция проявила себя в 1979 г., когда канадские консерваторы сформировали правительство меньшинства. Тогда в состав правительства были включены три министра от Квебека, где Прогрессивно-консервативная партия на выборах потерпела разгромное поражение. Пришедшие к власти в 1980 г. либералы оказались в такой же ситуации, для выхода из которой им пришлось вводить в состав кабинета сенаторов от консервативных Западных провинций.

Еще одним аспектом данной проблемы стало использование в ходе политической борьбы права Сената блокировать законопроекты, принятые Палатой общин. Когда в 1990 г. премьер-министр Б. Малруни в процессе введения нового налога на товары и услуги (GST) столкнулся с противодействием оппозиционно настроенного Сената, он воспользовался ст. 26 Конституционного акта 1867 г., которая позволяла премьер-министру вводить в состав Сената дополнительных членов. Временно добавив восемь сенаторов, своих сторонников, премьер-министр обеспечил принятие закона.

Зависимость сенаторов от их партийной принадлежности в ущерб защите интересов регионов, которые они представляют, и недемократический порядок формирования верхней палаты, способствовавший тому, что должность сенатора превратилась в награду за верную службу и лояльность премьер-министру, в 1980-е гг. сделали вопрос о реформе Сената одним из центральных в канадской политике. В этот период в Канаде развивается движение, целью которого был переход к выборности Сената при введении равного количества сенаторов от каждого региона. Свое название - "Triple-E" – это движение получило от английских слов equal, elected и effective (в русском переводе используется вариант «Тройное Р» - «равноправный, репрезентативный и результативный»). Особую популярность это движение приобрело в консервативных Западных провинциях Канады, где к тому времени накопилось недовольство засильем Онтарио и Квебека в канадской политике. В переходе к равному представительству провинций в Сенате по образцу Сената США здесь видели возможность добиться того, чтобы голос Западных провинций был услышан в столице.

Однако вопрос о реформе Сената рассматривался в Канаде на рубеже 1980-1990-х гг. в контексте более крупной и сложной проблемы Квебека, который оставался к этому времени единственной провинцией, не ратифицировавшей Конституционный акт 1982 г. Проект конституционной реформы (Шарлоттаунское соглашение) предусматривал реформу Сената на принципах Triple-E, но с одновременным сокращением его функций. Проект был одинаково негативно (хотя и по разным причинам) воспринят как в Квебеке, так и в Западных провинциях, в результате на референдуме 1992 г. его отвергло большинство граждан. Тем не менее, с 1989 г. в западной провинции Альберта проводятся выборы в Сенат, список победителей передается премьер-министру на рассмотрение всякий раз, когда места от этой провинции становятся вакантными.

Следующая попытка проведения реформы Сената была предпринята в 2011 г. Проект предусматривал ограничение срока полномочий сенаторов девятью годами и проведение выборов в Сенат на уровне регионов, списки избранных сенаторов предполагалось передавать на рассмотрение премьер-министру, как это уже делала провинция Альберта. Однако и этот проект был провален, поскольку Апелляционный суд Квебека принял решение о его неконституционности, открыв для обсуждения вопрос о возможности проведения реформы Сената путем принятия парламентского акта. В 2014 г. уже Верховный суд Канады постановил, что реформа Сената и тем более его потенциальное упразднение потребуют согласия провинций и изменения Конституции, после чего правительство отказалось от проведения реформы.

Новая глава в истории Сената была открыта правительством Канады под руководством Дж. Трюдо, который в 2014 г. исключил 32 сенатора из парламентского объединения собственной Либеральной партии, превратив их тем самым хотя бы формально в независимых членов парламента. В 2016 г. премьер-министр назначил 22 независимых сенатора, сделав таким образом еще один шаг по пути превращения Сената во внепартийный орган власти. По состоянию на 2022 г. Группа независимых сенаторов, образованная в 2016 г., включает 41 члена. В 2019 г. были созданы Группа канадских сенаторов и Прогрессивная сенатская группа. Таким образом,

подавляющее большинство членов Сената сегодня не входит в парламентские партийные объединения.

Австралия. Исторически парламентская система Австралии складывалась в течение в XIX в. в соответствии и по подобию британской. В этот период в шести британских колониях на континенте сформировались двухпалатные легислатуры, состоявшие из законодательных советов (верхние палаты) и законодательных собраний (нижние палаты). Первый законодательный совет был образован в колонии Новый Южный Уэльс еще в 1823 г. В 1848 г. впервые был поставлен вопрос об объединении шести британских колоний в Австралию в федерацию, но практическая реализация этой идеи началась только в 1890-е гг. К этому времени австралийские колонии были полностью независимы друг от друга и имели внутреннее самоуправление, однако их тесно связывали общая история и культура, а также осознание единства интересов.

Решающее значение для формирования австралийской федерации имело Конституционное собрание представителей колоний, состоявшееся в 1891 г. в Сиднее, на котором был разработан первый проект конституции федеративной Австралии. Данный проект предусматривал создание Сената, который бы представлял интересы колоний, получивших статус штатов. Следующим этапом в процессе формирования австралийской федерации стало Австралазийское федеральное собрание 1897–1898 гг. Его участники использовали проект 1891 г. для разработки Конституции Австралии, которая была одобрена жителями всех шести колоний на референдумах, состоявшихся в 1899–1900 гг. После некоторых поправок, внесенных британским правительством, Конституция была принята парламентом Великобритании и вступила в силу 1 января 1901 г. [5]. В результате шесть британских колоний приобрели статус штатов Австралии, которая стала федерацией в составе Британской империи.

Как и в случае с провинциями Канады, колонии Австралии к концу XIX в. сильно отличались друг от друга по уровню экономического развития и численности населения, что повлияло на дискуссии 1890-х гг. об устройстве верхней палаты парламента единой Австралии. Возможное доминирование двух густонаселенных и богатых колоний – Виктории и Нового Южного Уэльса – вызвало сильные опасения у представителей малых колоний, что их голос в составе будущей федерации не будет услышан. Поэтому, как и в Канаде, вопрос о равном представительстве штатов в составе верхней палаты федерации стал одним из центральных в дебатах конституционных собраний 1890-х гг. Однако в отличие от Канады создатели Конституции Австралии при решении данного вопроса опирались непосредственно на опыт США, поэтому забегая вперед, можно сказать, что австралийский федерализм стал результатом адаптации британской вестминстерской системы к австралийским реалиям под воздействием опыта американского федерализма.

Прежде всего, американская модель непосредственно повлияла на структуру Сената Австралии, в котором, согласно ст. 7 Конституции, каждый из штатов представлен равным количеством сенаторов. Равное представительство штатов в Сенате должно было учитывать интересы малых штатов, которые получали большинство в верхней палате парламента. Американская модель повлияла и на порядок формирования Сената, члены которого (первоначально 36 сенаторов), избирались на шестилетний срок. По примеру США состав Сената подвергался ротации каждые три года.

В отличие от типичной вестминстерской модели Сенат Австралии был наделен существенными законодательными полномочиями, которые по своему объему почти не уступали полномочиям нижней палаты парламента, получившей (по американскому образцу) название Палаты представителей. На конституционных собраниях 1891 и 1897–1898 гг. объем законодательных полномочий Сената (особенно в отношении финансовых законопроектов) стал предметом продолжительных дискуссий, поскольку представители малых колоний опять-таки опасались, что ослабление позиций верхней палаты и концентрация полномочий в руках нижней палаты, приведет к сокращению возможностей небольших штатов влиять на процесс принятия законов и поставит Сенат в зависимость от правительства.

По сути, речь шла о проблематичности совмещения концепции «ответственного правительства», лежащей в основе британской вестминстерской модели, с концепцией федеративного государства, основанной на американском опыте. Принятие вестминстерской модели означало, что правительство будет нести ответственность исключительно перед нижней

палатой, как это было в Великобритании, где политические манёвры премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа привели к принятию парламентского акта 1911 г., окончательно устранившего Палату лордов из процесса принятия финансовых законопроектов. Для Австралии как федеративного государства эта модель была неприемлемой, поскольку представители малых колоний, таких как Южная Австралия или Западная Австралия, резонно опасались, в нижней палате у них не будет возможностей влиять на деятельность правительства в вопросах о налогах и бюджете. Со своей стороны, делегаты от двух крупных штатов, Виктории и Нового Южного Уэльса, упирали на тот факт, что именно их налогоплательщики обеспечивают львиную долю доходной части федерального бюджета.

С другой стороны, предоставление верхней и нижней палатам парламента равных полномочий в отношении финансовых законопроектов привело бы к ответственности правительства перед обеими палатами парламента. Такое положение неизбежно приводило бы к параличу федеральной исполнительной власти в тех случаях, когда позиции Сената и Палаты представителей в отношении финансовых вопросов расходились бы. Участники Конституционного собрания 1891 г. попытались разрешить противоречие, во-первых, путем отступления от идеи «ответственного правительства», а во-вторых, с помощью некоторого ограничения полномочий Сената в отношении финансовых законопроектов («компромисс 1891 г.»). Однако на собрании 1897 г. его участники пришли к мнению, что министры должны быть членами парламента, как это предусмотрено вестминстерской моделью (ст. 64 Конституции). Возникший тупик грозил было похоронить саму идею австралийской федерации, поэтому он был разрешен путем возврата к «компромиссу 1891 г.». В конечном счете австралийский Сенат сохранил значительные полномочия, в том числе и в области финансов, что отличает его от классической верхней палаты парламента в рамках вестминстерской системы. В свою очередь австралийский кабинет несет ответственность перед обеими палатами парламента, хотя и в разной степени. Так, отказ Сената в поддержке кабинета привел в 1974–1975 гг. к крупнейшему конституционному кризису в истории Австралии. В связи с этим австралийский Сенат наряду с Сенатом США иногда называют самой влиятельной верхней палатой парламента в мире.

Проблема партийного характера Сената в Австралии никогда не стояла так остро как в Канаде, сенаторы являются членами парламентских партийных объединений, голосуя в соответствии с программными установками своих партий. Более важны в XX в. были вопросы о представительстве штатов в Сенате и избирательной системе. На данный момент в состав Сената входит по 12 сенаторов от каждого из штатов вне зависимости от их населения. Следует, однако, отметить, что в Австралии, где ярко выражена общегражданская идентичность, слабее чем в Канаде ощущаются региональные различия, соответственно они в гораздо в меньшей степени влияют на политическую жизнь. С 1975 г. в состав Сената входят по два представителя от австралийских территорий – Северной территории и Австралийской столичной территории, получивших политическую самостоятельность соответственно в 1978 и 1988 гг. В отличие от сенаторов от штатов они избираются на трехлетний срок.

Важной вехой в развитии Сената стал переход к пропорциональной избирательной системе, осуществленный в 1948 г., который открыл доступ к верхней палате парламента для мелких политических партий. В результате правящая партия (или правящая коалиция партий) редко обладают большинством голосов в Сенате. До данной реформы все места в Сенате от определенного штата нередко доставались представителям одной партии.

Индия. Для выявления особенностей представительства субъектов в парламентской системе Индии необходимо учесть, по нашему мнению, следующие факторы: условия, повлиявшие на принятия данной модели; этапы формирования института; проблемы и специфику работы механизма парламентской демократии в этой стране.

Система представительной власти в Британской Индии начала формироваться с колониальных реформ во второй половине XIX в. как политика метрополии после индийского восстания для совершенствования управления, поэтому модель была скопирована с британской. Путем поэтапных реформ в начале XX в. (Акты Морли-Минто 1909 г, Монтегю-Челмсфорда 1919 г.) власти метрополии постепенно включали представителей индийских политических элит сначала в провинциальные легислатуры, а затем в Центральную законодательную ассамблею.

Вопрос о включении индийских княжеств в систему представительной власти, то есть ее «федерализации» впервые юридически был представлен в Законе об управлении Индии 1935 г., которую иногда называют Конституцией Британской Индии. Во второй части Закона княжества не только вошли в единую систему колониального управления, но было обеспечено их представительство в Центральной законодательной ассамблее.

После обретения Индией независимости вопрос о включении княжеств в систему представительной власти встал особенно остро, именно он напрямую повлиял на принятие решения о создании федерации. Конституция Индии 1950 г. формально закрепила двухпалатную систему законодательной власти – Лок Сабха (нижняя палата) и Раджья Сабха (верхняя палата). Субъекты федерации Индии формируются по национально-лингвистическому и территориальному принципам. Процедура изменения количества и состава субъектов закреплена за Раджья Сабха. Правительство Индии может довольно легко влиять на формирование новых штатов, если это требует политическая обстановка. В данном случае парламентский федерализм позволяет снять значительное число этно-национальных и конфессиональных проблем, но вопросы социально-экономического и административного управления решать затруднительно.

Актуальной проблемой парламентской системы Индийского Союза сегодня является снижение роли Раджья Сабха в законодательном процессе бюджетирования и контроле за деятельностью правительства. Так, избирательная реформа 2003 г. сохранив выборность сенаторов от субъектов, исключила практику обязательного их проживания в штатах, которые их выдвигают. Согласно ст. 75 п. 3 Конституции Индии премьер-министр и совет министров подотчетны Лок Сабха. За счет этого механизма вестминстерская система должна была обеспечить подотчетность исполнительной власти перед законодательной властью государства.

В отличие от двухпартийных систем, сложившихся в Великобритании, Канаде, Австралии, США, в Индии система пропорционального голосования создала доминирование одной партии. По мнению исследователей, это размыло разделение власти и подотчетность правительства. Для партии Бхаратия Джанта (или любой другой крупной партии), занимающей большинство в Лок Сабха стало намного проще контролировать правительство и, как показало время пандемии, появилась возможность эффективно освободиться от любых существенных дебатов и критики [6]. Примером стала приостановка особой парламентской процедуры «часа вопросов», которая традиционно работала для обсуждения, критики законопроектов до вынесения их на голосование на первой же сессии парламента в 2020 г. после начала пандемии. Для правительства значительно упростилась процедура принятия нижней палатой финансовых законов, так как законодательно практика их внесения закреплена за Лок Сабха.

Еще одной проблемой работы индийской парламентской системы стала слабая возможность штатов повлиять на выбор политического курса через верхнюю палату парламента, в связи с так называемой «маргинализацией» состава нижней палаты. В Лок Сабха представлены интересы различных социальных групп, слабо связанные с решением вопросов в политико-правовом поле, как это характерно, например, для парламентаризма бывших метрополии и переселенческих колоний. Независимый исследовательский институт PRS Legislative Research [7] в своем отчете указал, что в индийской Лок Сабха значительно снизилось число депутатов-юристов, бывших профессиональных госслужащих, а усилились группы лоббирования этнических и экономических интересов, существенно сократилось время, потраченное на обсуждение законопроектов.

Несмотря на существующие проблемы необходимо отметить, что большинство исследователей политической системы Индии сходятся во мнении, что именно представительная демократия, заимствованная в виде вестминстерской модели, позволяет Индии достигать согласования сложных вопросов в полиэтничном, поликонфессиональном обществе, с асимметрией в экономическом развитии регионов. Федеративная структура государства дает возможность через институты представительства штатов и территорий в законодательной власти решать актуальные проблемы в правовом поле.

Литература и источники

1. Кучеренко П.А. Парламентаризм как европейская политическая идеология: конституционно-правовой аспект // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2014. № 4. С. 96–101.
2. The Constitution Act, 1867. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laws.justice.gc.ca/eng/Const/page-1.html>
3. The Constitution Act, 1982. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laws.justice.gc.ca/eng/Const/page-12.html#h-39>

4. Bakvis H., Wolinetz S. Canada: Executive Dominance Canada: Executive Dominance and Presidentialization. In *The Presidentialization of Politics: A Comparative Study of Modern Democracies*. Oxford University Press., 2005. DOI: 10.1093/0199252017.003.0009.
5. Commonwealth of Australia Constitution Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2013Q00005>
6. Khaitan T. Balancing accountability and effectiveness: a case for moderated parliamentarism. *Canadian Journal of Comparative and Contemporary Law*, 2021, vol. 7, pp. 81–155.
7. Kanadje M., Ram A.B. Parliamentary Committees: Increasing their effectiveness. Available at. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prsindia.org/pdfs?file=files%2Fparliament%2Fdiscussion_papers%2FParliamentary%25-20Committees%2520Increasing%2520their%2520effectiveness.pdf (Access Date: 2022, Apr. 12).

References and Sources

1. Kucherenko P.A. Parlamentarizm kak evropejskaya politicheskaya ideologiya: konstitucionno-pravovoj aspekt // *Vestnik RUDN. Ser. YUridicheskie nauki*. 2014. № 4. S. 96–101.
2. The Constitution Act, 1867. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://laws.justice.gc.ca/eng/Const/page-1.html>
3. The Constitution Act, 1982. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://laws.justice.gc.ca/eng/Const/page-12.html#h-39>
4. Bakvis H., Wolinetz S. Canada: Executive Dominance Canada: Executive Dominance and Presidentialization. In *The Presidentialization of Politics: A Comparative Study of Modern Democracies*. Oxford University Press., 2005. DOI: 10.1093/0199252017.003.0009.
5. Commonwealth of Australia Constitution Act. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2013Q00005>
6. Khaitan T. Balancing accountability and effectiveness: a case for moderated parliamentarism. *Canadian Journal of Comparative and Contemporary Law*, 2021, vol. 7, pp. 81–155.
7. Kanadje M., Ram A.B. Parliamentary Committees: Increasing their effectiveness. Available at. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://prsindia.org/pdfs?file=files%2Fparliament%2Fdiscussion_papers%2FParliamentary%25-20Committees%2520Increasing%2520their%2520effectiveness.pdf (Access Date: 2022, Apr. 12).

КОЖИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tatniko@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0898-3112>).

ПЕТУХОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРИАНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Чебоксары (petukhov-av@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5849-0482>).

ЗАХАРЧЕНКО ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры публичного права, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Чебоксары (zaharchenko_ov21@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4140-1153>).

KOZHINA, TATYANA N. – Ph. D in History, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tatniko@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0898-3112>).

PETUKHOV, ALEKSANDR V. – Ph. D in History, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Cheboksary (petukhov-av@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5849-0482>).

ZAKHARCHENKO, OLGA V. – Ph. D in History, Associate professor of the department of public law, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Russia, Cheboksary (zaharchenko_ov21@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4140-1153>).

УДК 340.114.5

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-31-35

**КАРНАУШЕНКО Л.В., ДЕНИСОВ С.Л.
ПРАВООПОНМАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Ключевые слова: информационное общество, социальный институт, государство, право, правопонимание, мыслительная деятельность, обыденное сознание.

В статье исследуется феномен права, которое выполняет одну из ключевых функций по обеспечению стабильности и социального порядка в социуме. В этой связи важное значение приобретает отношение граждан к праву, прежде всего, на бытовом, повседневном уровне. Здесь важную роль играют процесс понимания людьми права, его субъективная, личностная оценка, результатом которой выступают определенные стратегии поведения. Вместе с тем, в условиях информационного общества сознание людей изрядно перегружено потоками сообщений, в результате чего процесс правопонимания, изначально непростой вследствие специфики объекта познания, еще более осложняется.

**KARNAUSHENKO, L.V., DENISOV, S.L
LEGAL UNDERSTANDING IN THE INFORMATION SOCIETY**

Key words: information society, social institution, state, law, legal understanding, mental activity, everyday consciousness.

The article notes that law performs one of the key functions to ensure stability and social order in society. In this regard, the attitude of citizens to the law, first of all, at the everyday, everyday level, becomes important. Here, an important role is played by the process of people's understanding of law, its subjective, personal assessment, which results in certain behavioral strategies. At the same time, in the conditions of the information society, people's consciousness is pretty overloaded with streams of messages, as a result of which the process of legal understanding, initially difficult due to the specifics of the object of cognition, is even more complicated.

Общество представляет собой сложную многоуровневую систему, для которой характерны элементы саморегуляции. Это придает социуму системное качество, связанное с потенциалом поддержания социального порядка и сбалансированного состояния основных структурных элементов и ключевых процессов. Процессы саморегуляции социальной системы весьма сложны и многообразны. Среди ключевых акторов указанных процессов важное место занимает право –

один из наиболее серьезных регулятивных инструментов социальной системы на протяжении длительного исторического периода. Право глубоко интегрировалось в духовную жизнь общества, приобрело институциональный характер.

Следует обратить внимание на то, что трактовка содержательного смысла права весьма противоречива, как на уровне обыденного, так и специализированного сознания. Как полагает Г.В. Горбатенко: «право может рассматриваться: как совокупность естественных неотъемлемых неотчуждаемых прав; как мера возможного поведения субъекта, очерченная рамками закона; как определение всех правовых явлений в обществе; как совокупность юридических норм государства и др.» [4, с. 187-190]. Подобная семантическая неопределенность сложилась даже на уровне специализированного сознания. Это в целом соответствует современной научной традиции. По мнению Е.Н. Аристова, данная ситуация свидетельствует о плюрализме понимания права в науке. Это обусловлено тем, что «право многогранно и на разных этапах развития общества может доминировать то или иное его проявление. Плюрализм в правопонимании оценивается учеными по-разному: кто-то видит в нем поиск граней права, определение права как многоаспектного явления; с другой стороны, противники такого плюрализма говорят о путанице, возникающей в правоприменительной деятельности» [2, с. 430-433].

Следует отметить, что возникшая неопределенность в науке в отношении понимания права закономерно предопределила еще большие затруднения на уровне обыденного сознания. В этой связи проблему правопонимания целесообразно дифференцировать, анализируя ее как на научном, так и повседневном уровнях. Анализ семантического содержания понятия «правопонимание» призван учитывать данную специфику.

Рассуждая о научных аспектах правопонимания, исследователи указывают, что речь в данном случае идет о «специальной научной категории, указывающей как на сознательно-волевой мыслительный процесс, так и на творческий результат целенаправленной абстрактно-логической деятельности субъекта познания, преследующей цель получения достоверного знания о праве и раскрытия его сущности» [6, с. 165-170]. Научный уровень правопонимания призван учитывать не только многоаспектность и определенную социально-историческую вариативность права, но и воздействие множества факторов на состояние права и тенденции его развития. Современное общество существенным образом усложняет процесс функционирования права, так как в период происходящих масштабных трансформаций продуцируются риски инновационного ускоренного развития, что находит свое отражение в текущем статусе права.

Вполне закономерно, что ученые используют концепцию интегративного правопонимания с учетом происходящих процессов на макро- и микроуровнях социальной реальности. Как отмечает И.Л. Честнов, «интегративное правопонимание только тогда может быть признано современным, когда будет отвечать постклассическим критериям рациональности, т.е. на вызов постмодерна, для этого оно должно стать диалогичным. Диалогический тип основывается на признании множественности правовой реальности» [8, с.19].

Таким образом, модель функционирования права в современном обществе должна учитывать одновременное действие и «вес» многообразных факторов, спектр которых также отказывается весьма вариативным и может изменяться в зависимости от динамики социальной ситуации. Становится очевидным, насколько в современных условиях усложняется процесс правопонимания, даже на уровне специализированного сознания. Поэтому, как справедливо отмечает Т.А. Желдыбина, в современных условиях «правопонимание – это процесс и результат гуманитарной, мыслительной, целенаправленной деятельности человека познавательного характера, включающей в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как к целостному социальному явлению» [5, с. 52].

Научное правопонимание в современных условиях предполагает учет роли государства в процессе правотворчества, прежде всего, а также и общее состояние системы нормативно-правового регулирования в конкретных социально-исторических условиях. С учетом реалий современного информационного общества С.А. Александрова полагает, что «исключительно важным является понимание права как системы юридических норм, подчиняющейся определенной логике регулирования общественных отношений» [1, с. 12]. Однако следует принимать во внимание тот факт, что отмеченный автором контекст правопонимания соответствует по большинству критериев именно специализированному сознанию. Для такой

познавательной деятельности соответствует определение правопонимания, данное А.В. Шкурко: «это – основа процесса правового познания действительности, результат и процесс целенаправленной деятельности человека, включающий в себя познание права, его оценку и отношение к нему как к целостному явлению» [9, с. 61-64].

Все изложенное соответствует, в целом, именно специализированному уровню познания. Именно здесь объективно репрезентируется совокупный опыт человечества, прямо или косвенно связанный с функционированием права. Основу научной рефлексии права, как известно, формирует теоретический и эмпирический опыт, который затем используется для достижения поставленных в ходе данного вида познания целей. В то же время на обыденном уровне познания права ситуация выглядит еще более сложной и неопределенной. В.В. Беденков отмечает, что рефлексия по поводу права на обыденном уровне представляет весьма важное значение для общества и института государства. Именно «обыденное правосознание возникает под влиянием конкретных жизненных обстоятельств, личного правового опыта и характеризует отношение лица к праву на бытовом уровне» [3, с.23-27].

Таким образом, понимание права и выработка отношения к нему существенным образом отличаются на уровне специализированного и обыденного сознания. Последнее, с точки зрения Т.А. Желдыбиной, предполагает «личное субъективное оценочное отношение, мера свободы в процессе принятия новых правовых норм, переработке и отмене нормативно-правовых актов, правосознание субъектов правотворческой деятельности играют не последнюю (а иногда и ключевую) роль» [5, с. 51-55]. Аналогичная точка зрения высказана Е.В. Аристовым, который полагает, что понимание права на уровне обыденного сознания представляет собой «метод конструирования или порождения смысла права, дорефлексивное (иррациональное) схватывание смысла правовых явлений, предваряющее любую дальнейшую аналитическую познавательную деятельность, связанную с реконструкцией личностных измерений объективированных явлений» [2, с. 430-431].

Стоит заметить, что принципиальным отличием обыденного правопонимания от научного является высокий уровень эмоционально-чувственного реагирования, проявления субъективизма. Именно в этом проявляются характеристики индивидуально-личностного восприятия сложных социальных феноменов, явлений, таких как право. Специфические характеристики носителей обыденного сознания формируют и содержание правопонимания. В частности, речь идет о «следующих признаках: 1) это всегда деятельность человека; 2) настоящая деятельность является целенаправленной интеллектуальной мыслительной деятельностью; 3) представляет собой процесс идентификации, осмысления, оценки права, а также его содержания» [9, с. 61-64].

Сложность права как объекта обыденной рефлексии закономерно вызывает смещение от оценки его объективных индикаторов к замещению этого формированием личностного, зачастую эмоционально, отношения к праву.

В частности, становится вполне очевидным, что на обыденном уровне правопонимания редко проявляется именно ценностный тип. Наличие такой социокультурной установки позволило бы государству и обществу обеспечить высокий уровень стабильности социальных отношений на основе добровольного, инициативного следования нормам права большинства людей. Однако основным препятствием здесь служит отсутствие потенциала всесторонней объективной оценки права, результатом чего выступает понимание права в качестве «высшей ценности и предполагает его существование в виде иерархии норм, определяющейся единством ценностей права и правовых ценностей» [7, с. 5].

На практике ценностный тип правопонимания редко реализуется в повседневной жизни вследствие неподготовленности к этому сознания обычного человека. Как правило, в структуре социально-биологической природы личности существенное место занимает иррациональное, аффективное начало (чем младше возраст, тем сильнее эта тенденция находит свое проявление). Это обстоятельство предопределяет специфику правопонимания и конструирования отношения к праву. Переживания по поводу права, оценка права в системе моральных координат на фоне серьезной криминализированности сознания существенно осложняет адекватное правопонимание, замещая его по сути правоощущением, правопереживанием и т.п.

Описанная проблема правопонимания в современных условиях осложняется внешним социальным контекстом – информационным обществом, в котором коренным образом (по

сравнению с предыдущими историческими периодами развития социума) изменилась система приема-передачи сообщений, что напрямую связано с проблематикой правопонимания, так как в основе мыслительной деятельности лежит именно оперирование информацией и, в целом, информационный обмен между различными социальными акторами. Информационное общество ознаменовало переход к иной системе обмена информацией, характеризующегося, с одной стороны, опосредованностью и флуктуационностью контактов между людьми, с другой стороны, резким увеличением, порой – предельной интенсификацией, информационных потоков, в результате чего возник дисбаланс между возможностями человеческого сознания и реальным числом сообщений, транслирующихся на отдельного человека коммуникационной системой. Следовательно, в современном информационном обществе объективно сложились условия для снижения эффективности коммуникации вследствие нарастающей информационной перегрузки сознания людей. Подобные тенденции лишь обостряются на фоне усиления позиций глобальной компьютерной сети Интернет. Парадокс состоит в том, что качество информации, транслируемой в системе массовой коммуникации, остается весьма невысоким; информационные потоки содержат множество слухов, сплетен, домыслов, легенд, низкокачественных материалов и комментариев непрофессиональных коммуникаторов в сети Интернет и т.п.

Проблемные аспекты правопонимания в подобных условиях не только не находят своего решения, но и, напротив, лишь усиливаются и обостряются по мере возрастания «информационной неопределенности». Сложность современной ситуации состоит в том, что, как уже отмечалось ранее, обыденное сознание не обладает необходимым потенциалом для объективной, непредвзято рефлексии по поводу права. Более того, обыденное, повседневное правопонимание во многом эмоционально и иррационально вследствие не только социально-биологической природы личности человека, но и внешнего воздействия со стороны трансформирующейся социальной системы.

Еще одним аспектом рассматриваемой проблемы выступает то, что многие социальные акторы в условиях информационного общества значительно снизили свои познавательные, интеллектуальные способности, что создает серьезные затруднения в аспекте понимания права. В информационном обществе у людей формируется иллюзия обладания знаниями на фоне интенсивного информационно-коммуникационного воздействия. В данном случае речь идет о фрагментации, дезориентации сознания людей, что весьма негативно отражается на их познании права, выработке личностно осознанной позиции по поводу права. Таким образом, следует отметить, что правопонимание в современных условиях информационного общества характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, правопонимание, концентрирующееся на специализированном уровне сознания (наука, теория и практика социального управления и т.д.), в настоящее время характеризуется существенным плюрализмом взглядов, что соответствует реалиям общества постмодерна, но затрудняет переход к от теории к практике.

Относительно обыденного, повседневного уровня обращают на себя внимание ряд особенностей. Во-первых, в современном обществе все отчетливее проявляются информационная перегрузка и общая информационная дезориентация, что мешает адекватной мыслительной деятельности по поводу права, фрагментирует социальную реальность в представлениях людей, формирует мозаичное мировосприятие. Это обстоятельство существенно осложняет адекватное правопонимание, особенно учитывая тот факт, что без сформированной картины мира, общей системы социокультурных координат, осуществить подобную деятельность весьма сложно.

Во-вторых, обращает на себя внимание общая пассивность социальных акторов в современном обществе, которые привыкли к мощному информационному воздействию монологического характера и существенно утратили способность к интеллектуальному поиску, рефлексии, в конечном итоге, к диалогу с другими коммуникаторами. Подобное положение осложняет рефлексию по поводу права и, в конечном итоге, и правопонимание, так как весьма актуальны риски принятия навязанных извне картин реальности, в том числе и правовой.

В-третьих, особенностями обыденного сознания выступает серьезная роль иррациональных, эмоциональных оснований личности в процессе правопонимания. В этой связи социальные чувства по поводу права зачастую заменяют объективную, научно-обоснованную информацию о праве. Данные особенности обыденного сознания создают риски искаженного

правопонимания, особенно принимая во внимание специфику социальных действий и взаимодействий в условиях информационного общества.

В-четвертых, на обыденном уровне сознания сказывается сложность права как объекта приложения интеллектуальных усилий с целью познания права и, в целом, правовой реальности. Зачастую носители обыденного сознания не обладают достаточным уровнем образования, культуры, интеллекта для осуществления полноценного правопонимания. Как уже отмечалось, условия современного общества лишь усиливают риски, связанные с данной тенденцией.

Учитывая многоаспектность проблемы правопонимания в современных условиях (научное и обыденное правопонимание), а также имеющую место социальную динамику на фоне трансформирующегося информационного общества, эффективное решение возникшего противоречия вряд ли будет найдено в ближайшей временной перспективе. Стоит принимать во внимание и тот факт, что объективны условия информационного общества могут подвергнуться изменениям в недалеком будущем. В этой связи объективной социальной потребностью в современных условиях вступает активизация теоретического и эмпирического поиска по проблеме правопонимания.

Литература и источники

1. Александрова С.А. Правопонимание и права человека: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 222 с.
2. Аристов Е.Н. Понятие и структура правопонимания // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 430-433.
3. Беденков В.В. Понятие и структура обыденного правосознания // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 23-27.
4. Горбатенко Г.В. Правопонимание как ключевой фактор эволюции отечественной юриспруденции на современном этапе развития Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 187-190.
5. Желдыбина Т.А. Об основных типах правопонимания и их значении в совершенствовании законотворческой деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 51-55.
6. Канищев В.П., Палеха Р.Р. Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 165-170.
7. Мороз Е.Н. Правовая норма как ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. – 28 с.
8. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна: монография. СПб., 2002. – 269 с.
9. Шкурко А.В. Понятие правопонимания на современном этапе развития отечественной юридической науки // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2013. № 3. С. 61-64.

References and Sources

1. Aleksandrova S.A. Pravoponimanie i prava cheloveka: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2007. 222 s.
2. Aristov E.N. Ponyatie i struktura pravoponimaniya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2012. № 6. S. 430-433.
3. Bedenkov V.V. Ponyatie i struktura obydenного pravosoznaniya // Izvestiya Altajskogo gosudarstvenного universiteta. 2016. № 3. S. 23-27.
4. Gorbatenko G.V. Pravoponimanie kak klyuchevoj faktor evolyucii otechestvennoy yurisprudenicii na sovremennom etape razvitiya Rossijskoj Federacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3. S. 187-190.
5. Zheldybina T.A. Ob osnovnyh tipah pravoponimaniya i ih znachenii v sovershenstvovanii zakonotvorcheskoj deyatel'nosti // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2017. № 1 (114). S. 51-55.
6. Kanishchev V.P., Palekha R.R. Integrativnyj podhod k ponimaniyu prava kak progressivnyj tip pravovogo myshleniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2. S. 165-170.
7. Moroz E.N. Pravovaya norma kak cennost': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2013. – 28 s.
8. Chestnov I.L. Pravoponimanie v epohu postmoderna: monografiya. SPb., 2002. – 269 s.
9. Shkurko A.V. Ponyatie pravoponimaniya na sovremennom etape razvitiya otechestvennoy yuridicheskoy nauki // Prirodnye resursy Arktiki i Subarkтики. 2013. № 3. S. 61-64.

КАРНАУШЕНКО ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ - доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства, Краснодарский университет МВД России (karnaushenko@mail.ru).

ДЕНИСОВ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ - старший преподаватель Ростовский юридический институт МВД России (denisovsergei@yahoo.com).

KARNAUSHENKO, LEONID V. - Doctor of History, Professor, Head of Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Russian MIA

DENISOV, SERGEY L. - senior lecturer Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 340.143

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-35-40

ГОЛУБИХИНА Н.В.

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XXI В.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: общество, государство, право, социокультурная жизнь, социальная коммуникация, правовое воздействие, эффективность правового воздействия, теоретический и эмпирический анализ.

В статье показано, что право, как социокультурный феномен, обладает существенным потенциалом воздействия на сознание и поведение людей. Именно поэтому современная наука уделяет серьезное внимание данной проблеме – как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях познания. Достаточно существенной гносеологической проблемой является то, что правовое воздействие принимает различные формы, соответственно, затрудняется и научная оценка его эффекта, особенно на эмпирическом уровне. На основе проведенного опроса, автор приходит к выводу, что в российском обществе наблюдается противоречивое восприятие права,

а также неоднозначное отношение к законам и государству, осуществляющему нормотворчество. Немалая часть респондентов (от 10% до более 30%, в зависимости от задаваемых вопросов) продемонстрировали установки правового нигилизма, криминализации сознания, общего индифферентного отношения к праву. В их представлениях право не является серьезной социальной ценностью. Сложившаяся ситуация косвенно свидетельствует о недостаточной эффективности правового воздействия.

GOLUBIKHINA, N.V.

LEGAL IMPACT IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XXI CENTURY: THEORETICAL AND EMPIRICAL ASPECTS

Key words: society, state, law, socio-cultural life, social communication, legal impact, effectiveness of legal impact, theoretical and empirical analysis.

The article notes that law as a sociocultural phenomenon of society has a significant potential to influence people's consciousness and behavior. That is why modern science pays serious attention to this problem – both at the theoretical and empirical levels of cognition. A rather significant epistemological problem is that legal influence takes various forms, respectively, scientific assessment of its effects is also difficult, especially at the empirical level. Based on the survey, the author comes to the conclusion that in Russian society there is a contradictory perception of law, as well as an ambiguous attitude towards laws and the state that implements rule-making. A considerable part of the respondents (from 10% to more than 30%, depending on the questions asked) demonstrated the attitudes of legal nihilism, the criminalization of consciousness, and a general indifference to law. In their view, law is not a serious social value. The current situation indirectly indicates the lack of effectiveness of legal action.

Право – один из ключевых элементов жизни общества. Право включает в себя широкие социокультурные конструкты, далеко выходящие за пределы устоявшихся представлений о законах, принимаемых тем или иным государством в определенный исторический период развития общества. Широкое научное понимание права позиционирует его скорее не как систему общеобязательных правил, устанавливаемых и охраняемых конкретным государством (история знает множество государств с совершенно жестокими, абсурдными, античеловеческими законами), а именно как устоявшиеся на протяжении длительного периода человеческой истории представления о справедливости, общем благе, социальном порядке и т.п. Поэтому право, репрезентируемое в данном аспекте, является сложным, многоуровневым социокультурным конструктом, способным продуцировать определенные ценности, правила, системы представлений и взглядов, систематизированные идеи, а также социальные чувства и эмоции.

Право, как социокультурный феномен, объективно обладает способностью оказывать воздействие на сознание и поведение людей. В этой связи не случайно, что в научной литературе достаточно широко представлена тематика правового воздействия. По мнению В.В. Груздева: «сущность правового воздействия отражает его лаконичная характеристика как взятого в единстве и многообразии всего процесса влияния права на социальную жизнь, сознание и поведение людей» [2, с. 297-310]. Вместе с тем, такое представление о правовом воздействии не формирует систему индикаторов, которые позволили бы рассуждать как о характере правового воздействия, так и об его результатах. В этой связи представляется важным для анализа правового воздействия опираться на теорию социальной коммуникации. Как известно, в ряде общественных наук прямо постулируется тезис о том, что коммуникация является основой общества, основополагающим процессом, позволяющим осуществлять социальные действия и взаимодействия. Как отмечают исследователи: «в процессе коммуникации люди постоянно обмениваются разнообразной информацией – мнениями, оценками, эмоциями. Поскольку любая поступающая к человеку информация оказывает то или иное влияние на его поведение, суждения, установки, чувства, коммуникация всегда предполагает воздействие» [3, с. 16-27].

В этом аспекте ключевой категорией, характеризующей последствия коммуникативного воздействия на индивидуальном, групповом или массовом уровнях, выступает эффективность. Анализ различных вариантов понимания эффективности коммуникации позволяет отметить в качестве ключевого момента соответствие достигнутых результатов изначальным целям. Очевидно, что для разных типов и уровней коммуникативного воздействия результаты будут весьма отличаться друг от друга. С учетом того, что правовая коммуникация предполагает в качестве коммуникатора (отправителя сообщений) государство и общество, изначальными целями могут служить придание устойчивости социальной системе, достижение социального порядка, гармонии, справедливости и системности социальных отношений именно на добровольной основе, при принятии общих «правил игры» всеми гражданами. Этот постулат целесообразно применить к правовому воздействию.

По мнению Е.К. Щербаковой, правовое воздействие в широком понимании – это влияние права на сознание и поведение людей, на социальные отношения, производимое как системой

общесоциальных правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правовых установок и принципов), так и совокупностью специальных юридических средств с целью стабилизации общественных отношений и установления правопорядка [5, с. 71-77].

Существенная путаница при анализе правового воздействия возникает вследствие того, что в научной литературе зачастую имеет место смешение понятий «правовое воздействие» и «правовая регуляция». В последнем случае речь идет о целенаправленном влиянии государства на граждан посредством многообразных нормативно-правовых актов и иных законодательных установлений. Это процесс является более узким и специфичным по сравнению с правовым воздействием и предполагает определенный уровень подготовленности обыденного сознания к усвоению специфической правовой информации. При этом исследователи зачастую отождествляют правовое регулирование и правовое воздействие. Так, в научной литературе отмечается, что «правовое воздействие осуществляется в условиях непрерывного, функционального взаимодействия государства и права под влиянием факторов правотворчества, правореализации, правоприменения. Правовая информация, которая распространяется между субъектами правового воздействия, имеет свойство искажаться, в силу чего степень ее влияния и эффективности не одинакова» [4, с. 77-87].

При узком понимании правового воздействия особенности усвоения гражданами правовой информации принимает характер довольно острой проблемы. Речь идет не только об опасности искажения правовой информации, но и в целом, о ее специфическом статусе в коммуникационной системе общества. Так, Л.Н. Берг определяет правовую информацию как «сведения и иные данные, содержащиеся в правовых актах и иных научных и правовых материалах, охватывающих все сферы правовой практики, создаваемые и передаваемые субъектами в ходе их взаимодействия, в результате которого происходит упорядочение социальных связей» [1, с. 12]. Такая информация ложится в основу коммуникативного процесса, элементом которого выступает правовое воздействие. Дисфункции правового воздействия в данном случае вполне объяснимы тем, что государство, прежде всего, и граждане находятся далеко не в равных условиях. Правовой коммуникативный процесс здесь представляет очевидный монолог, где ведущая и направляющая роль принадлежит государству, а отдельной личности отводится роль безынициативного реципиента. В этой связи отнюдь не удивительны возникающие проблемы с эффективностью правового воздействия. Граждане полноценно усваивают такую информацию лишь в случае заинтересованности в ней, соответствия ее содержания их потребностям и интересам. Однако уже в подростковом и юношеском возрасте у части российского общества формируется индифферентное отношение к праву, имеет место непонимание важности права для жизни человека. В этом случае эффективность правового воздействия снижается, и повысить его можно лишь посредством апелляции именно к социокультурным основам общества и отдельной личности.

Исследователи обращают внимание на то, что «основные элементы правового воздействия, составляющие его “каркас” и основу, обуславливают последовательное и непрерывное воздействие на субъект. Действие права (в широком смысле) приводит к формированию мотивов поведения разной направленности, в результате чего осуществляется как правомерное, так и противоправное поведение индивидов» [4, с. 77-87].

Таким образом, правовое воздействие представляет собой сложный процесс, эффективность которого весьма непросто оценить с научной точки зрения. Проблемная ситуация состоит в том, что наряду с правовым воздействием в коммуникационной системе общества наблюдается множество процессов, прямо или косвенно связанных с ним. Кроме того, одновременно с правовым воздействием осуществляется и правовая регуляция, что также осложняет процесс научный анализ результатов правовой коммуникации. При этом происходящая социализация, в том числе и правовая, также накладывают свой отпечаток на восприятие личностью права – имеют место как ситуативные, так и системные факторы, формирующие образ права в сознании человека.

Стоит подчеркнуть, что особую сложность представляет эмпирическая оценка образа права, сложившегося в представлениях людей. Прежде всего, это обусловлено существенной путаницей в понятийном аппарате, что с неизбежностью отражается на взаимодействии исследователя с респондентами. Кроме того, сам предмет исследования сложен для носителя

обыденного сознания; в ряде случаев это приводит, как к неготовности углубляться в тему исследования, так и к опасениям нежелательных последствий.

В целях общей оценки проблемной ситуации было проведено разведывательное исследование методом анкетирования, целью которого стало изучение особенностей восприятия людьми права, а также государства и сложившегося нормативно-правового регулирования общественной жизни. Общее число опрошенных составило 522 человека из числа жителей Краснодарского края в возрасте от 18 лет и старше. В результате, были получены следующие эмпирические данные.

При ответе на вопрос «Ваше общее отношение к праву?», мнения респондентов разделились. В целом, в опрошенной среде доминирует нейтральное (41,9%) и позитивное (44,1% – положительное 22,5% и скорее положительное 21,6%) восприятие права. Отрицательные и скорее отрицательные оценки праву дали 8,2% и 5,8% респондентов, соответственно. Сама категория «право» в обыденном сознании не вызывает отторгающих реакций.

Отвечая на вопрос «Право и закон – это одно и то же или нет?», мнения респондентов также разделились. Большинство считает, что это разные понятия (63,8%). Противоположной точки зрения придерживаются («это одно и то же») лишь 26,6% участников исследования. Не знают или затрудняются ответить на этот вопрос 9,6%. Распределение ответов респондентов на вопрос показывает, что на уровне обыденного сознания в настоящее время возникают определенные противоречия, связанные с недостаточным усвоением теоретических знаний о праве. Как результат – возникают ложные мнения о праве, принимаемые за истинные, т.е. заблуждения.

Ответы на вопрос: «На ваш взгляд, бывают ситуации, когда можно пренебречь законом?» разделились следующим образом: большинство респондентов ответили положительно на данный вопрос («да» – 12,7% и «скорее да» – 55,1%). Лишь порядка трети опрошенных не согласны с «доминирующей линией»: «скорее нет» – 13,2%, «нет» – 15,3%. Затруднились ответить на данный вопрос 3,7%. Полученные результаты показывают, что в опрошенной среде сложилась достаточно тревожная ситуация, связанная с отношением людей к существующим законам. В этом контексте сложно рассчитывать на добровольное и осознанное следование требованиям законов со стороны значительной части респондентов.

Отвечая на вопрос: «Есть ли среди ваших знакомых те, кто умышленно нарушает законы?», мнения респондентов разделились так: таких знакомых нет у подавляющего большинства опрошенных – 81,6%. Лишь у каждого десятого участникам исследования есть такие знакомые (10,5%). Примерно такой же показатель тех, кто не уверен или точно не знает (7,9%). Характер вопроса предполагал получение достаточно откровенных ответов со стороны респондентов: оказалось, что «зона криминогенного риска» составляет от 10 до 20% в опрошенной среде (с учетом уклонившихся от прямого ответа).

При ответе на вопрос: «Вы воспринимаете в большей мере право разумом или чувствами?» респонденты в большинстве указали, что воспринимают право именно разумом (63,3%). В свою очередь чувствами воспринимают право менее пятой части опрошенных (17,4%). Убеждены, что восприятие права имеет место и разумом, и чувствами в одинаковой мере 13,5%. Кроме того, затруднились ответить на этот вопрос 5,8% участников исследования.

Отвечая на вопрос: «На Ваш взгляд, если бы не было санкций со стороны государства, большинство граждан нарушало бы законы?», респонденты практически разделились пополам, но все же отрицательно ответили на данный вопрос чуть больше – 52,4%. В то же время немалая часть участников исследования ответили, положительно на вопрос – 41,9%. Затруднились ответить 5,7%. Полученные данные выглядят достаточно тревожно и свидетельствуют о том, что в условиях современного общества у значительной части населения не осталось действенных барьеров, кроме принудительной силы государства в вопросе обеспечения социального порядка. Фактор добровольности и осознанности у практически половины респондентов отходит на второй план.

Анализируя ответы на вопрос: «В каком возрасте Вы стали задумываться о праве, законах, государстве?», следует отметить, что респонденты разделились в следующей градации: «я и сейчас не задумываюсь» – 32,8% (это весьма рискогенный показатель, коррелирующий с данными, приведенными ранее относительно установок и мнений людей о праве, государстве). Кроме того, респонденты предложили следующие возрастные интервалы в порядке снижения популярности при выборе: «от 14 до 16 лет» – 27,7%, «старше 18 лет» – 15,9%, «от 16 до 18 лет» – 13,8%, «от 12

до 14 лет» – 3,8%, «до 12 лет» – 2,8%. Затруднились ответить на этот вопрос 3,2% участников исследования.

При ответе на вопрос: «Когда Вы планируете какие-то действия, думаете ли о том, как они оцениваются с точки зрения закона?» респонденты в большинстве ответили отрицательно (скорее нет – 47,2%, и нет – 16,2%). Противоположные установки характерны лишь для порядка трети респондентов (варианты «скорее да» отметили 20,7%, а «да» – 12,8%). Кроме того, затруднились ответить на этот вопрос 3,1%. Полученные результаты показывают, что в опрошенной среде в настоящее время актуальна проблема правового нигилизма, что несет в себе риски социальному порядку и устойчивости социальной системы в целом.

При анализе вопроса: «Достаточно ли Вам имеющейся информации о праве, законах?» оказалось, что респонденты разделились следующим образом: большинству в целом такой информации достаточно («скорее достаточно» – 36,6% и «достаточно» – 21,5%). В то же время более трети респондентов придерживаются иной точки зрения. Так, варианты «скорее недостаточно» отметили 28,5%, а «недостаточно» 10,8% опрошенных участников исследования. Кроме того, затруднились ответить на вопрос 2,6%.

Анализируя ответы на вопрос: «Каким источникам информации о праве Вы доверяете?», можно сделать вывод о том, что самыми популярными являются: Интернет (64,4%) и телевидение (56,0%). Остальные источники информации существенно отстают от лидирующих. В частности, мнения друзей, знакомых, родственников отметили 38,3% участников исследования. Существенно реже упоминались участниками исследования: мнения известных людей (политиков, артистов, бизнесменов и т.д.) (19,3%), радио (12,6%), книги, статьи в журналах (11,5%), пресса (9,2%), мнения учителей, преподавателей (5,7%).

Эмпирическое исследование показало, что в изучаемой среде наблюдается противоречивое восприятие права, а также неоднозначное отношение к законам и государству, осуществляющему нормотворчество. Немалая часть респондентов (от 10% до более 30%, в зависимости от задаваемых вопросов) продемонстрировали установки правового нигилизма, криминализации сознания, общего индифферентного отношения к праву. В их представлениях право не является серьезной социальной ценностью. Сложившаяся ситуация косвенно свидетельствует и о недостаточной эффективности правового воздействия.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что правовое воздействие во многом обуславливается спецификой права, как социокультурного феномена современного общества. Право обладает способностью продуцировать символы, образы, картины мира и т.п., которые формируют духовно-нравственный фундамент личности. Данные результаты достигаются в процессе правового воздействия, и именно этим оно кардинально отличается от правового регулирования, осуществляемого государством при помощи правотворческой деятельности. Для повышения эффективности правового воздействия необходимо не только всестороннее развитие личности как объекта воздействия, но и создание объективных условий, когда право и государство действуют в едином социокультурном, мировоззренческом, аксиологическом пространстве.

В настоящее время в науке сформировалась гносеологическая проблема, связанная с изучением правового регулирования, особенно показателей его эффективности. Ситуация осложняется как неопределенностью терминологического аппарата, в результате чего исследователи нередко некорректно сравнивают результаты других ученых (например, в аспекте правового воздействия или правового регулирования), а также используют нерелевантные инструменты на эмпирическом уровне познания. В настоящее время очевидно, что изучение различных аспектов правового воздействия весьма перспективно, особенно на эмпирическом уровне познания – число таких публикаций незначительно на сегодняшний день.

Литература и источники

1. Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика. Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 429 с.
2. Груздев В.В. Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник Костромского государственного университета. 2011. №2. С.297-310.
3. Латынов В.В. Коммуникативное воздействие: принципы, закономерности, эффекты // Психологический журнал. 2012. №5. С.16-27.
4. Семитко А.П. Рецензия на диссертацию Л.Н. Берг «Исследование правового воздействия: методология, теория, практика» // Вестник гуманитарного университета. 2019. №2. С.77-87.
5. Щербакова Е.К. Проблемы правового воздействия в современных условиях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №5. С.71-77.

References and Sources

1. Berg L.N. Issledovanie pravovogo vozdejstviya: metodologiya, teoriya, praktika. Dis. ... dokt. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2018. 429 s.
2. Gruzdev V.V. Voprosy sootnosheniya pravovogo vozdejstviya i pravovogo regulirovaniya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №2. S.297-310.
3. Latynov V.V. Kommunikativnoe vozdejstvie: principy, zakonomernosti, efekty // Psihologicheskij zhurnal. 2012. №5. S.16-27.
4. Semitko A.P. Recenziya na dissertatsiyu L.N. Berg «Issledovanie pravovogo vozdejstviya: metodologiya, teoriya, praktika» // Vestnik gumanitarnogo universiteta. 2019. №2. S.77-87.
5. Shcherbakova E.K. Problemy pravovogo vozdejstviya v sovremennyh usloviyah // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2017. №5. S.71-77.

ГОЛУБИХИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).
GOLUBIKHINA, NATALIA V. – Ph.D. in Law, Deputy Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (kiap_krdu@mvd.ru).

УДК 343.101

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-40-45

ЕПИФАНОВ А.Е.

**ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЦАРИЦЫНСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА (1919-1920
ГГ.)**

Ключевые слова: Конституция РСФСР, Царицын, Губернский революционный комитет, Красная Армия, Гражданская война, исполнительный комитет, милиция, городской совет, уезд, волость, съезд.

В статье с историко-правовых позиций рассматриваются проблемы, связанные с образованием Царицынской губернии, организацией и деятельностью Царицынского губернского революционного комитета. С использованием впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, автор анализирует роль чрезвычайных органов советской власти в региональном управлении и ведении военных действий. Показано, что эффективно могли действовать только чрезвычайные органы, а именно революционные комитеты (ревкомы). Лишь они оказались в состоянии проводить в жизнь экстраординарные меры военной поры, сосредоточив в своем лице всю полноту государственной власти и управления. По сути, они полностью подменили предусмотренные Конституцией РСФСР 1918 г. советы депутатов и их исполнительные комитеты, установив в пределах своих полномочий большевистскую военную диктатуру.

EPIFANOV, A.E.

**FROM THE HISTORY OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE TSARITSYN PROVINCIAL
REVOLUTIONARY COMMITTEE (1919-1920)**

Key words: Constitution of the RSFSR, Tsaritsyn, Provincial Revolutionary Committee, Red Army, Civil War, Executive Committee, Militia, City Council, Uyezd, Volost, Congress.

The article from the historical and legal positions deals with the problems associated with the formation of the Tsaritsyn province, the organization and activities of the Tsaritsyn Provincial Revolutionary Committee. Using archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the author analyzes the role of emergency bodies of Soviet power in regional administration and warfare. It is shown that only emergency bodies, namely revolutionary committees (revolutionary committees), could act effectively. Only they were able to carry out the extraordinary measures of the wartime, concentrating in their person the fullness of state power and control. In fact, they completely replaced the councils of deputies and their executive committees provided for by the Constitution of the RSFSR of 1918, establishing a Bolshevik military dictatorship within their powers.

История становления и развития советской государственности неизменно является одной из приоритетных тем российской науки. Пристальное внимание к ней вызвано разработкой новых форм и методов управления, вызываемой потребностями российского государства на том или ином этапе его развития. Проблема истории и правового регулирования управления государственным аппаратом, особенно в экстраординарных условиях, в современной обстановке приобретает особую актуальность.

Гражданская война внесла свои коррективы в порядок административно-территориального деления государства, а также управления соответствующими единицами. В значительной степени они стали осуществляться органами военного управления, а также вновь образованными чрезвычайными органами советской власти, соединившими в своем лице всю ее полноту. На образованные с этой целью революционные комитеты ЦК РКП(б) были возложены задачи обороны советской республики, организации партизанских отрядов, возведения оборонительных сооружений, подготовки командиров и политработников РККА, обеспечение ее частей и подразделений продовольствием, связью и жильем. Особенно характерно соответствующие процессы проявились в Нижнем Поволжье, в частности, в районе прифронтового Царицына, где развернулись наиболее упорные бои.

7 сентября 1918 г. Военным советом Северо-Кавказского военного округа был издан приказ

№ 62 об образовании из Царицынского, Царевского и Черноярского уездов самостоятельной губернии с центром в Царицыне. Мотивировалось это целями оперативного формирования в регионе боевых единиц, а также более оптимального осуществления распоряжений органов военного управления Северо-Кавказского округа и республики в целом. Временно вновь созданная губерния была объявлена исключительно военной структурой. В последующем же предполагалось объединение названных уездов как в административном, так и хозяйственном отношении [1, л. 163].

По мере развития событий на театре военных действий и в интересах своевременного разрешения насущных задач территория Царицынской губернии увеличивалась. Приказом Военно-революционного совета Южного фронта № 111 от 6 октября 1918 г. все местности Области Войска Донского, по мере их очищения от белогвардейских казачьих формирований, до подавления контрреволюции, в административно-военном отношении временно также были включены в ее состав [2, л. 8]. После этого первоочередным стал вопрос организации необходимых для управления ею органов советской власти. В условиях военного времени, наиболее ярко выраженных для данного региона, эффективно могли действовать только чрезвычайные органы, а именно революционные комитеты (ревкомы). Лишь они оказались в состоянии проводить в жизнь экстраординарные меры военной поры, сосредоточив в своем лице всю полноту государственной власти и управления. По сути, они полностью подменили предусмотренные Конституцией РСФСР 1918 г. советы депутатов и их исполнительные комитеты, установив в пределах своих полномочий большевистскую военную диктатуру.

Первая попытка образования военно-революционного комитета в Царицыне произошла в середине января 1919 г., по инициативе Реввоенсовета 10-й Армии Южного фронта. Согласно его приказу, в первый состав комитета были включены председатель исполкома Царицынского Совета Левин, председатель комитета ВКП(б) Литвиненко, губернский военный комиссар Федотов, комиссар железнодорожного узла Теряев и председатель ЧК Павин. Председателем ВРК Царицынской губернии был назначен особо уполномоченный названного Реввоенсовета Богатин [3, л. 2]. На Военно-революционный комитет, которому была предоставлена вся полнота власти в Царицыне и его «районе», была возложена обязанность срочно призвать на военную службу всех пригодных для этого жителей города, установить в нем «железную дисциплину революционной власти», а также предпринять самые решительные меры по борьбе с дезертирством. Для выполнения возложенных на него задач, Царицынскому ВРК были предоставлены неограниченные полномочия. Несмотря на его экстраординарный статус, комитету так и не удалось приступить к действию. Породившее его командование 10-й Армии устранилось от последующей организации и деятельности комитета, занятое своими непосредственными обязанностями по ведению военных действий. Председатель ревкома также уклонился от руководства комитетом и никакого участия в его работе практически не принимал.

15 февраля 1919 г. Коллегия НКВД, учитывая ходатайства Черноярского, Царевского (впоследствии Ленинского), Камышинского и Царицынского уездов, экономическое и политическое тяготение Усть-Медведицкого и 2-го Донского округов Донской области, а также принимая во внимание складывание в Царицыне производственного, политического и просветительского центров, утвердила предварительный проект Царицынской губернии в их составе. Он был направлен для обсуждения в Саратовский, Царицынский и Астраханский губисполкомы. Решение их совместной комиссии было рассмотрено 5 марта 1919 г. Всероссийским съездом председателей городских и губернских председателей исполкомов. Царицынский губернский съезд наметил центры уездов, после чего им были присвоены наименования.

По распоряжению НКВД от 27 февраля 1919 г., 15 марта того же года для управления Царицынской губернией был образован Царицынский губернский революционный комитет из представителей Царицына и уездов. В административном отношении уезды подчинялись только Царицынскому губернскому ревкому. Впредь до созыва Губернского съезда советов и выборов губисполкома, для проведения выборов представителей в губернский ревком уездными исполкомами было организовано тайное голосование [4, л. 5].

Таким образом, распоряжением Наркомата внутренних дел Царицын с названными уездами и округами были выделены в самостоятельную губернию, а сам он возведен в ранг

губернского города. Губернский революционный комитет (Губревком) составили 9 членов. При этом 3-е из них (президиум), представляли Царицынский исполком. Политотдел 10-й армии, Царицынский совет профсоюзов и уезды выделили в Губревком по 1-му представителю. Его председателем стал глава губкома ВКП(б) Литвиненко, который 14 февраля 1919 г. закрепил его образование своим приказом № 1 [5, л. 17].

Работа в масштабах губернии временно была возложена на отделы Царицынского горисполкома. При формировании штатов революционных комитетов, как губернского, так и уездных, сразу же возникла острая проблема нехватки необходимых для этого кадров. Несмотря на это Губревком отказался от снятия служащих с фронта, поскольку это было чревато для него катастрофическими последствиями. Согласно приказанию председателя ВЦИК Калинина и начальника Политуправления Реввоенсовета Республики Смильги, Губревкому вверялось исключительное право организации советской власти в Царицынской губернии [6, л. 33]. Практика показала, что осуществлять единовластие ревкому оказалось явно не под силу, в связи с чем он вынужден был использовать уже сложившийся аппарат обычных органов советской власти, Горисполкома в частности. «Работа» губернии была возложена при этом на отделы последнего. Его распоряжения расценивались как распоряжения собственных отделов Губревкома [5, л. 17].

Первоочередной задачей Губревкома явилось установление советской власти на вверенной территории [5, л. 1]. Первоочередными мероприятиями Губревкома явились экстренные меры по ремонту железнодорожных путей, восстановлению советской власти во 2-м Донском и Усть-Медведицком округах, организации губернского продовольственного комитета, намеченные им на 2 апреля 1919 г. [5, л. 12] На территории губернии уполномоченные Губревкома принялись за формирование и при необходимости перевыборы местных советов, а также создание партийных ячеек. Так, в июле 1919 г. ответственным инструктором Царицынского губревкома Кабуниным были организованы перевыборы Мордовского сельсовета Камышинского уезда, который оказался сильно засорен проникшими в него представителями кулачества и торговцев [7, л.л. 77-77об].

Своей главной задачей Губревком провозгласил всемерное ослабление тягот, вызванных нашествием белогвардейцев, оказание помощи в восстановлении разрушенного хозяйства, а также установление твердого советского порядка. В своем обращении к чрезвычайным съездам уездных советов он предложил осуществить перевыборы местных органов исполнительной власти таким образом, чтобы они оказались в достаточной степени работоспособными и были в состоянии действовать «по революционному» [7, л. 6].

Однако, в критические моменты обороны Царицына Губревкому пришлось организовывать эвакуацию советских учреждений. Соответствующие мероприятия осуществляла образованная при нем специальная комиссия. После того как 30 июня 1919 г. Царицын был захвачен белогвардейцами, 5 июля 1919 г. Губревкомом и Горсоветом совместным постановлением была решена судьба его учреждений и организаций [8, л.52]. Городской совет был ликвидирован. Его дела принял Губревком, а сотрудников передал Реввоенсовету 10-й Армии. После того как был мобилизован основной состав самого ревкома, деятельность его была прекращена. 10 сентября 1919 г. постановлением Реввоенсовета 10-й армии Южного фронта № 311 организация советской власти в очищаемых от кадетских банд местностях Царицынской губернии вновь была возложена на Царицынский губернский ревком и губернский комитет РКП(б), которым предстояло действовать в эвакуации [9, л. 7].

В сентябре 1919 г. Губревком командировал в населенные пункты Царицынской губернии своих уполномоченных на предмет налаживания организационно-методической работы среди уездных ревкомов. Их работа существенно осложнялась близостью фронта, полным отсутствием какого-либо инструктивного материала и директивных указаний. Поэтому им приходилось руководствоваться в своей работе в основном своими собственными соображениями [10, л.л. 17-18].

2 октября 1919 г., Реввоенсоветом особой группы Южного фронта Царицынский губревком был восстановлен. Его составили один представитель от военного командования и два – от Царицынского горисполкома [11, л. 3]. С тем, чтобы придать работе органов советской власти большую мобильность и гибкость, а также сэкономить необходимые для этого средства,

отделы Горисполкома и Губревкома было решено объединить. Образованный при этом временный губернский исполком явился исполнительным органом последнего [12, л. 219]. С целью правильной постановки дела инструктирования волостных и уездных исполкомов, постановлением Губревкома № 14 от 2 октября 1919 г. при его отделе управления была образовано совещание по выработке проектов руководящих документов разъездным уполномоченным, которое приступило к работе 10 октября 1919 г. [13, л. 3].

Находясь в эвакуации, Царицынский губревком продолжил активную деятельность по налаживанию работы органов советской власти, местных ревкомов прифронтовой полосы в частности. Так, 5 октября 1919 г. для доклада был вызван председатель Дубовского уездного ревкома. Он сообщил, что работа по организации и закреплению советской власти в Дубовке после ее освобождения от белогвардейцев налаживается. Вместе с тем, были приняты меры по развитию отделов и подразделов уездного ревкома, снабжению фронта и местного населения всем необходимым, материальному обеспечению сотрудников милиции и пр. [14, л. 12].

24 октября 1919 г. Положением ВЦИК о революционных комитетах, организация и деятельность Царицынского губревкома была легализована и упорядочена [12, л. 219]. Согласно названному Положению, он явился временным чрезвычайным органом власти. С наступлением необходимых для этого условий ревком был призван обеспечить передачу власти советским органам, предусмотренным Конституцией РСФСР 1918 г. Согласно установленной Положением классификации, Царицынский губревком относился к категории прифронтовых [12, л. 219]. При этом устанавливалось его двойное подчинение – органам военного управления и центральным органам советской власти одновременно.

Как того требовало Положение 24 октября 1919 г., деятельность Губревкома была направлена исключительно на обеспечение насущных потребностей Красной Армии. В этой связи активное участие он принимал в формировании частей и соединений Красной армии, их командования прежде всего. Так, Постановлением Губревкома № 16 от 12 октября 1919 г. для участия в губернской аттестационной комиссии по пересмотру и назначению состава РККА был назначен его представитель Данченко [13, л. 3 об].

В числе важнейших на повестке дня ревкома находились вопросы снабжения воинских частей и подразделений всем необходимым. Причем для их решения он не останавливался даже перед такими чрезвычайными мерами, как реквизиции и конфискации. Так, 24 октября 1919 г. Губревком во исполнение постановления Совета рабоче-крестьянской обороны об изъятии шинелей у гражданского населения от 10 сентября 1919 г. образовал при уездных и волостных исполкомах соответствующие комиссии [15, л. 27]. При эвакуации, ввиду наступления неприятеля, постановлением № 83 от 1 ноября 1919 г. Царицынский губревком обязал советские учреждения сдать все запасы продовольствия войскам для их текущего обеспечения [15, л. 29].

В районах боевых действий, как это, например, имело место в ноябре 1919 г. в Ленинском уезде, уполномоченным Губревкома нередко приходилось заниматься непосредственной организацией ревкомов прифронтовой полосы, а также заградительных вооруженных отрядов при них для противодействия прорвавшимся белогвардейским частям [7, л.л. 38-38 об].

Вместе с тем, Губревком всемерно занимался укреплением органов советской власти, совершенствованием их работы, избавлением от недостатков и правонарушений. 27 октября 1919 г., например, своим постановлением № 40, Губревком обязал все органы советской власти незамедлительно произвести тщательное расследование «преступных упущений и иных ненормальностей» в своей работе, сведения о которых были опубликованы в печати. Их результаты надлежало обнародовать в тех же изданиях в 7-дневный срок. Губернской и уездным чрезвычайным комиссиям предписывалось производить внеочередные расследования по названным происшествиям [13, л.5].

Учитывая потребности военно-политической обстановки, Губревком мог становиться органом внесудебной расправы. Так, 8 ноября 1919 г. своим постановлением № 59 он объявил порчу телеграфных и телефонных линий, а также железнодорожных сооружений изменой трудовому народу и советской власти. Виновных в подобных деяниях лиц предписывалось карать беспощадно, вплоть до смертной казни - расстрела. Оконченным преступлением считалось даже покушение на их совершение. При этом конкретные меры наказания

устанавливались уездными исполкомами или ревкомами, после чего предоставлялись на утверждение Губревкому [15, л. 39].

Состав Царицынского губревкома постоянно находился в развитии. Первоначально в его структуре были образованы отделы управления, финансовый, соцобеспечения, труда, юстиции, здравоохранения, народного образования, топливный и земельный [16, л. 37]. Постановлением Губревкома № 17 от 14 октября 1919 г., например, был назначен заведующий отделом юстиции и определена его структура. Она включала подотделы: административно-хозяйственный, карательный и судебно-следственный.

После того как в январе 1920 г. Царицын был освобожден от белых и туда возвратился Губревком, к названным подразделениям присоединились отделы почты и телеграфа, а также по делам мусульман [16, л.л. 6-7]. 4 февраля 1920 г. распоряжением Губревкома отделы труда и социального обеспечения были соединены в единый губернский отдел соцобеспечения, при котором действовал комитет помощи больным и раненым красноармейцам [16, л.л. 15, 27]. В последующем состав Царицынского губревкома пополнило отделение Российского телеграфного агентства (РОСТА) [16, л. 34]. При Губревкоме действовали различные комиссии и комитеты: всеобщей трудовой повинности, по борьбе с дезертирством, противочумный, по подготовке амнистии, помощи жертвам контрреволюции и др.

Согласно Постановлению Совета рабочей и крестьянской обороны «Об упразднении губернских и уездных революционных комитетов» от 2 января 1920 г., во избежание дублирования органов власти, все губернские ревкомы подлежали упразднению. В виде исключения они были сохранены лишь там, где еще не были учреждены «нормальные правительственные органы» [17, с. 6-7]. Царицынский губревком продолжал свою деятельность вплоть до созыва 1-го губернского съезда Советов, который проходил 16 – 20 мая 1920 г. В целом он признал его работу удовлетворительной. Однако отсутствие у Губревкома единого плана работы в масштабах всей губернии, слабая связь с уездами и волостями были названы в качестве недостатков [12, л. 221]. Как отмечалось на съезде, несогласованность работы Губревкома с местными исполнительными органами отрицательно сказывалась на благополучии населения. В конечном счете названным Съездом было принято решение об объединении городского и губернского исполкомов в единый губернский, который после своего избрания Съездом пришел на смену Губревкому [18, с. 91].

История становления местного советского государственного аппарата, местных государственных учреждений, особенно чрезвычайного характера показывает, что его руководству в своей деятельности во многом приходилось руководствоваться своими собственными соображениями, в отсутствие необходимого законодательства и директивных указаний от центральных органов советской власти. Местным руководителям и функционерам не оставалось ничего другого как самим разрабатывать детали организации и деятельности вверенных органов советской власти, революционных комитетов в том числе.

Литература и источники

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.105. Оп. 1. Д.29.
2. ГАВО. Ф.71. Оп. 1. Д. 44.
3. ГАВО. Ф. 71. Оп. 13. Д. 159.
4. ГАВО. Ф. 55. Оп. 5. Д. 26.
5. ГАВО. Ф. 55. Оп. 5. Д. 70.
6. ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 37.
7. ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 58.
8. ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 169.
9. ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д.11.
10. ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 56.
11. ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1.
12. ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 74.
13. ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д.22.
14. ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 49.
15. ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д.25.
16. ГАВО. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1.
17. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР М.: Издательство Управления делами Совнаркома СССР, 1943. 1033 с.
18. Фастов А.Г., Епифанов А.Е., Ломов В.С., Мулукаев Р.С., Кантемиров А.В. Органы внутренних дел России: история становления и развития. Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2005. 228 с.

References and Sources

1. Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO). F.105. Op. 1. D.29.
2. GAVO. F.71. Op. 1. D. 44.
3. GAVO. F. 71. Op. 13. D. 159.
4. GAVO. F. 55. Op. 5. D. 26.
5. GAVO. F. 55. Op. 5. D. 70.
6. GAVO. F. 342. Op. 1. D. 37.
7. GAVO. F. 342. Op. 1. D. 58.
8. GAVO. F. 71. Op. 1. D. 169.
9. GAVO. F. 342. Op. 1. D.11.
10. GAVO. F. 342. Op. 1. D. 56.
11. GAVO. F. 37. Op. 1. D. 1.
12. GAVO. F. 37. Op. 1. D. 74.
13. GAVO. F. 342. Op. 1. D.22.
14. GAVO. F. 342. Op. 1. D. 49.
15. GAVO. F. 342. Op. 1. D.25.
16. GAVO. F. 342. Op. 2. D. 1.
17. Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR M.: Izdatel'stvo Upravleniya delami Sovnarkoma SSSR, 1943. 1033 s.
18. Fastov A.G., Epifanov A.E., Lomov V.S., Mulukaev R.S., Kantemirov A.V. Organy vnutrennih del Rossii: istoriya stanovleniya i razvitiya. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD RF, 2005. 228 s.

ЕПИФАНОВ АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

EPIFANOV, ALEKSANDR E. - Doctor of Law, Professor; Chief Scientist, Department for the Study of Historical Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia) (mvd_djaty@mail.ru)

УДК 340.158:342.5

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-45-51

БАХМАДОВ Б.Д. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: Терская республика, Горская республика, автономия, округ, Чечня, РСФСР, ЧИАССР, ЧИР.

В статье, прежде всего на примере Чечни, рассматривается проблема политических и правовых (юридических) оснований возникновения и становления такой формы государственности как автономия в составе РСФСР. В хронологическом порядке анализируются политические, конституционные и иные нормативно-правовые акты, которые служили регулятором возникновения, становления, совершенствования и изменения форм национальной государственности в России в XX веке. Показано, что становление государственности Чечни началось с 16 февраля (1 марта) 1918 г., когда она вошла в состав Терской области (республики), по государственному устройству являвшейся союзом народов, пользующихся национально-территориальной автономией. Однако и тогда, и в составе Горской АССР (1921-1922) она представляла собой лишь административно-территориальную единицу, основанную по национальному признаку, которая не может быть отнесена к государственным образованиям в форме автономии. Лишь 30 ноября 1922 г. появилась Чеченская автономная область, в 1936 г. трансформированная в Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ЧИАССР) (с перерывом в 1944-1957 гг.). 27 ноября 1990 г. ЧИАССР была преобразована в ЧИР, а с ноября 1991 г. ЧИР стала именоваться Чеченской республикой.

BAKHMADOV, B.D. STATEHOOD OF THE CHECHEN REPUBLIC

Key words: Terek Republic, Mountainous Republic, autonomy, district, Chechnya, RSFSR, CHIASSR, CHIR.

In the article, primarily on the example of Chechnya, the problem of political and legal (legal) grounds for the emergence and formation of such a form of statehood as autonomy within the RSFSR is considered. Political, constitutional and other legal acts that served as a regulator of the emergence, formation, improvement and change of forms of national statehood in Russia in the 20th century are analyzed in chronological order. It is shown that the formation of the statehood of Chechnya began on February 16 (March 1), 1918, when it became part of the Terek region (republic), which, according to the state system, was a union of peoples enjoying national-territorial autonomy. However, even then, and as part of the Mountain ASSR (1921-1922), it was only an administrative-territorial unit based on a national basis, which cannot be attributed to state formations in the form of autonomy. Only on November 30, 1922, the Chechen Autonomous Region appeared, in 1936 it was transformed into the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic (ChIASSR) (with a break in 1944-1957). On November 27, 1990, the CHIASSR was transformed into the CHIR, and from November 1991, the CHIR became known as the Chechen Republic.

30 ноября 2022 года исполнилось 100 лет государственности Чеченской республики. Исходя из значительности этого события, мы решили еще раз подвергнуть исследованию эволюцию форм административно-территориального и государственного устройства Чечни в советский период 1918-1991 гг. При этом мы исходим из того, что, исследуя вопрос о Чечне, его невозможно рассматривать вне связи с развитием других национально-территориальных единиц Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее РСФСР, Россия).

Сама по себе тема эволюции форм государственности терских (горских) народов России, в т.ч. и Чечни, в отечественной исторической, политической и юридической науке не нова. Ей посвящено немало научных трудов ученых – историков, политологов, юристов. В частности,

отметим публикации А.Х. Дудаева [1], Ю.И. Кониева [2], С.Н. Джугурьянца [3], А.Х. Бугаева [4], П.И. Юсупова [5], М.И. Алхазурова [6], М.И. Бакаева [7], М.Х. Сайдумова [8] и др.

Исследования по данному вопросу в советский период были подчинены коммунистической (марксистской) доктрине, носили выраженный идеологический характер, зависели от общественно-политической ситуации того времени, а нередко и от текущих установок партийных руководителей, даже их настроений и предпочтений. При этом в немалой степени они зависели и от еще не изживших себя и навязываемых обществу отрицательных стереотипов о чеченском народе. В данной статье не преследуется цель вступать в какую-либо полемику, опровергать или признавать выводы других авторов. С уважением воспринимая существующую научную традицию, в то же время, как бывший участник процесса совершенствования формы государственности Чеченской республики, оставляю за собой право на собственную точку зрения на оценку обстоятельств, сопутствовавших формированию государственности Чечни.

Термин «государственность» начал употребляться в научных трудах ученых-юристов, в выступлениях высших должностных лиц, вошел в речевой оборот и закрепился в отечественной науке как новое, более широкое, чем понятие государство, в середине 50-х годов XX века. Представители юридической науки полагают, что понятия государственность и государство тождественны, однако с той разницей, что государственность охватывает не только структуры власти и политические движения, но и возникновение, развитие, оформление и признание государства мировым сообществом.

В словаре русского языка под государственностью подразумевается государственный строй, государственная организация [9, с. 145]. Что означает термин «автономия»? «Автономия [гр. *autonomia* < *autos* сам + *nomos* закон] – 1) самоуправление, право какой-л. территории самостоятельно осуществлять государственную власть или управление, предоставленное ей конституцией; 2) государственное образование, пользующееся таким правом» [10, с. 21].

Политической и правовой основой национальной политики Советской России явилась «Декларация прав народов России», принятая Советом Народных Комиссаров 2 (15) ноября 1917 г. [11, с. 35-36]. Особое значение имело также обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» [12, с. 66-67].

16 февраля (1 марта) 1918 г. в Пятигорске открылся второй съезд народов Терека, на котором были представлены все народности региона (567 делегатов). В числе других съезд рассмотрел национальный вопрос, и пришел к пониманию того, что решение национального вопроса основывается на самоопределении народов, а Терская область по государственному устройству является союзом народов, пользующихся национально-территориальной автономией. Терская область была провозглашена на съезде Терской Советской республикой. Была принята Конституция Терской республики, в которой закреплялось положение о том, что она является составной частью РСФСР [13, с. 15]. На высоком законодательном уровне об автономии было упомянуто в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. Конституция РСФСР допускала возможность добровольного объединения населения в автономные образования при наличии таких признаков, как особый быт, национальный состав, вхождение в состав РСФСР [14].

Постановлением ВЦИК РСФСР от 20 января 1921 г. была образована Автономная Горская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР, включавшая территории, занимаемые чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами. Соответственно, она состояла из Чеченского, Назрановского, Балкарского, Владикавказского, Кабардинского и Карачаевского округов, а также городов Грозного и Владикавказа, как отдельных административных единиц [13, с. 30-31]. Были сформированы высшие органы власти и управления ГССР: Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров и пр. В ЦИК и Совнарком входили представители соответствующих субъектов ГССР. Председателем Президиума ЦИК был избран Т.Э. Эльдарханов, Совнарком возглавил С.А. Такоев. В Совет Народных Комиссаров вошли наркомы: внутренних дел И.Б. Зязиков, социального обеспечения – А.И. Горчханов, рабоче-крестьянской инспекции – И.Г. Мальсагов, юстиции – И.Ф. Станский, просвещения – К.С. Бугаев и другие.

Созданием Горской республики было завершено юридическое оформление коллективной автономии горских народов Северного Кавказа [13, с. 32-35]. Однако оказалось, что Горской республике не суждено было долгое существование. В первоначальном виде она не просуществовала

и года. Уже 1 сентября 1921 года ВЦИК выделил Кабардинский округ в отдельную автономную область. Начался распад Горской ССР. Окончательно Горская республика была упразднена 7 июня 1924 года [13, с. 53-54]. При этом Чечня была выделена в автономную область 30 ноября 1922 года. Был утвержден революционный комитет в составе 13 человек под председательством Таштемира Эльдарханова [15, с. 462; 16].

В процессе последующего административного строительства, декретом ВЦИК от 26 января 1925 г. из Донской области, Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской губерний, города Грозный и автономных областей Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской (Черкесской) и Чеченской был образован Северо-Кавказский край с центром в городе Ростове-на-Дону [3, с. 49-50]. Через месяц 26 февраля 1925 года в состав Северо-Кавказского края были включены Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, Сунженский округ и г. Владикавказ [13, с. 55-56].

Вслед за этим, 11 мая 1925 г. был утвержден измененный текст Конституции РСФСР. В ст. 13 этой Конституции было закреплено более определенное, чем в предыдущей Конституции, положение о том, что «РСФСР признает право за отдельными национальностями на выделение по решению их съездов Советов, с утверждения верховных органов РСФСР, в автономные советские социалистические республики и области» [17]. В этой редакции определялись и возможные формы государственности – автономная республика или автономная область.

В начале 1929 г. г. Грозный и Сунженский округ вошли в состав Чеченской автономной области [13, с. 55-56]. Далее с Чеченской автономной областью была объединена Ингушская автономная область, что подтверждается соответствующим документом.

«№25. Постановление Президиума ВЦИК СССР об образовании Чечено-Ингушской автономной области

15 января 1934 г.

В согласии с выраженной волей трудящегося населения Чеченской и автономных областей Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

Автономную область Ингушетию объединить с Чеченской автономной областью, образовав Чечено-Ингушскую автономную область, с центром в городе Грозном, входящую в состав Северо-Кавказского края.

Председатель Всероссийского

Центрального Исполнительного Комитета М. Калинин.

Секретарь Всероссийского

Центрального исполнительного Комитета А. Киселев» [15, с. 623].

Вторая половина 30-х годов ознаменовалась важными политическими событиями, связанными с совершенствованием и укреплением государственности Советского Союза. Были приняты Конституции СССР (5.12.1936), РСФСР (21.01.1937), Чечено-Ингушской АССР (22.06.1937). По Конституции СССР, Чечено-Ингушская автономная область, наряду с другими автономными областями, была преобразована в Чечено-Ингушскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (далее Чечено-Ингушская АССР, ЧИАССР). Это же положение было воспроизведено и в Конституции РСФСР. В ст.14 Конституции РСФСР указывалось, что РСФСР состоит из краев, областей, республик и автономных областей. Автономные республики имеют свои Конституции, которые подлежат утверждению РСФСР. В Конституцию РСФСР были введены положения о высших органах государственной власти автономных республик (ст. 56-64), глава 6 об органах государственного управления Автономных республик (ст. 65-72) и глава 7 – об органах государственной власти автономных областей (ст. 73-76).

Предполагаемое преобразование Чечено-Ингушской Автономной области в Чечено-Ингушскую Автономную Республику народами Чечни и Ингушетии было встречено с воодушевлением и заверением, что в ближайшее время ЧИАССР превратится в одну из передовых республик [18, с. 124-131].

В Конституции ЧИАССР были закреплены положения: 1) ЧИАССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян (ст.1); 2) политическую основу ЧИАССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов, завоевания диктатуры пролетариата, освобождение чеченского и ингушского народа от национального гнета царизма и русской империалистической буржуазии и разгрома

националистической контрреволюции (ст.2); 3) ЧИАССР входит в состав РСФСР на правах Автономной Республики (ст.13); 4) Законы СССР и РСФСР обязательны на территории ЧИАССР; в случае расхождения действуют законы СССР и РСФСР (ст.16); 5) каждый гражданин ЧИАССР является гражданином РСФСР и СССР (ст.17); 6) Верховный Совет ЧИАССР является высшим и законодательным органом государственной власти ЧИАССР (ст.19 и 21); 7) он избирается гражданами ЧИАССР по избирательным округам сроком на четыре года по норме один кандидат на шесть тысяч населения (ст.22); 8) Верховный Совет избирает Председателя и двух его заместителей (ст.25); 9) образует Правительство ЧИАССР – Совет Народных Комиссаров ЧИАССР (ст.37) [19].

12 декабря 1937 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР. От ЧИАССР было избрано 12 депутатов [18, с. 124-131]. 26 июня 1938 г. состоялись одновременно выборы депутатов в Верховный Совет РСФСР [18, с. 112-119] и в Верховный Совет ЧИАССР. В Верховный Совет РСФСР от ЧИАССР было избрано 5 депутатов, в Верховный Совет ЧИАССР были избраны 112 депутатов по 112 избирательным округам. 25-29 июля 1938 г. состоялась первая сессия Верховного Совета ЧИАССР первого созыва, на которой были сформированы органы государственной власти Президиум Верховного Совета ЧИАССР (председатель Тамбиев Ю.Д), правительство – Совнарком ЧИАССР (председатель Моллаев С.К.) и др. [18, с. 113-118].

Воодушевленный приобретением статуса государства в форме автономной республики народ Чечено-Ингушетии добросовестно трудился на всех участках трудовой деятельности, принимал самое активное участие в Великой Отечественной войне, проявляя мужество и героизм. Однако 23 февраля 1944 года руководство СССР осуществило репрессивную акцию, выслал чеченцев и ингушей в Сибирь, Казахстан, Киргизию с ярлыком изменников родины. ЧИАССР была упразднена, полномочия депутатов от ЧИАССР оказались прекращенными, чеченцы и ингуши были лишены права быть избранными в органы власти вплоть до 1958 г. ЧИАССР сначала была преобразована в Грозненский округ в составе Ставропольского края, затем – в самостоятельную Грозненскую область в составе РСФСР [15, с. 674-676].

Лишь после 13-летнего перерыва 9 января 1957 г., руководствуясь решениями XX съезда КПСС [20, с. 101-105], Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О восстановлении ЧИАССР в составе РСФСР» [20, с. 107]. В этот же день, 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ о восстановлении ЧИАССР и упразднении Грозненской области [15, с. 875-876]. 11 февраля 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов. Этим законом были утверждены Указы Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. о восстановлении ЧИАССР, внесены изменения и дополнения в ст.22 Конституции СССР о том, что ЧИАССР входит в состав РСФСР [21, с. 111].

Вслед за этим, 16 марта 1958 года прошли выборы в Верховный Совет ЧИАССР 2-го созыва (1958-1962 гг.) наряду с выборами в Верховный Совет СССР 5-го созыва (1958-1962 гг.). В Верховный Совет ЧИАССР были избраны 116 депутатов по 116 избирательным округам. В Верховный Совет СССР от ЧИАССР были избраны 13 депутатов [21, с. 110-118]. 1 марта 1959 г. состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР 5-го созыва (1959-1963 гг.). От ЧИАССР туда были избраны пять человек по пяти избирательным округам [22].

Таким образом, завершилось и политическое, и юридическое, и фактическое восстановление автономии ЧИАССР. Далее статус автономии ЧИАССР не претерпел никаких изменений ни в Конституции СССР от 7 октября 1977 г., ни в Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 г. ни в Конституции ЧИАССР тех лет.

Коренные изменения в статусе Чечено-Ингушетии произошли в связи с принятием Верховным Советом ЧИАССР 27 ноября 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики. Основные положения этой Декларации выделим ниже:

«Верховный Совет Чечено-Ингушской республики... торжественно провозглашает государственный суверенитет Чечено-Ингушской республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство» (один из пунктов преамбулы).

Чечено-Ингушская республика есть суверенное государство, созданное в результате самоопределения чеченского и ингушского народов. Суверенитет Чечено-Ингушской республики

– естественное и необходимое условие существования государственности Чечено-Ингушетии (ст.1).

Государственный суверенитет Чечено-Ингушской республики провозглашается во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь и свободное развитие (ст.2).

Носителем суверенитета и источником государственной власти в Чечено-Ингушской республике является ее многонациональный народ ... (ст.3). [23, с. 3-6].

В связи с принятием Декларации, Верховный Совет Чечено-Ингушской республики в тот же день постановил: установить 27 ноября – день принятия Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики Днем национального возрождения чеченского и ингушского народов [23, с. 3-6].

14 мая 1991 г. Верховный Совет, в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики, внес изменения и дополнения в Конституции ЧИАССР. Из названия Конституции были исключены слова «автономная советская социалистическая». Чечено-Ингушетия стала именоваться «Чечено-Ингушская республика (ЧИР)». Все основные положения Декларации были включены в Конституцию [24, 12 июня].

В данном контексте, приходим к следующим выводам:

1. С 16 февраля (1 марта) 1918 г. Чечня вошла в состав Терской области (республики), которая по государственному устройству являлась союзом народов, пользующихся национально-территориальной (не государственной) автономией. С 20 января 1921 г. Чечня находилась в составе Горской АССР. И эти формы, по нашему мнению, относятся больше к статусу административно-территориальной единицы, основанной по национальному признаку, которая не может быть отнесена к государственным образованиям в форме автономии.

В своем развитии Чеченская республика прошла следующие формы государственности: 1. с 30 ноября 1922 г. – Чеченская автономная область; 2. с 26 января 1925 г. – Чеченская автономная область в составе Северо-Кавказского края; 3. с 15 января 1934 г. – Чечено-Ингушская автономная область; 4. с 5 декабря 1936 г. – Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика (ЧИАССР).

7 марта 1944 г. ЧИАССР, как автономная государственно-территориальная единица, была ликвидирована и восстановила свой статус ЧИАССР 9 января 1957 года. Наконец, 27 ноября 1990 г. ЧИАССР была преобразована в ЧИР, а с ноября 1991 г. ЧИР стала именоваться Чеченской республикой, как независимое государство. В связи с учреждением поста Президента Чечено-Ингушской республики, 3 сентября 1991 г. Верховным Советом ЧИР были внесены очередные изменения в Конституцию и принят закон о выборах Президента Чечено-Ингушской Республики [24, 4 сентября].

Ни в Декларации, ни в Конституции не было ни слова о том, что ЧИР входит в состав СССР или РСФСР. Юридически Чеченская республика приобрела статус самостоятельного независимого государства и существовала в таком качестве фактически до конца 90-х годов XX века. Этому способствовали отдельные представители, как сейчас принято говорить, федерального центра России, которые настояли на роспуске законных органов государственной власти. Именно по их попустительству власть в Чечне перешла к представителям Исполкома Общенационального Конгресса Чеченского Народа (ОКЧН). Независимость Чеченской Республики ни РФ, ни другими государствами признана не была.

Через год после принятия Конституции РФ 1993 г. руководство России, развалившее великое могучее государство Советский Союз, под видом восстановления конституционного порядка в Чеченской республике развязало войну против чеченского и других народов, проживавших в Чечне (так называемая «первая чеченская война»), которая, по мнению министра обороны РФ и других официальных лиц того времени, должна была завершиться в течение двух часов взятием г. Грозного. Их расчет не оправдался, война продолжалась около двух лет и завершилась в представлении народных масс поражением Российской армии.

Здесь ярко проявилось предупреждение В.И. Ленина о том, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что

ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке» [25, с. 527-530].

Литература и источники

1. Дудаев А.Х. Возникновение и основные этапы становления Чечено-Ингушской национальной советской государственности. М., 1964.
2. Кониев Ю.И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе: Издательство «ИР», 1969.
3. Джугурьянц С.Н. От вековой отсталости к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917-1941 гг.) Сборник документов и материалов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977.
4. Бугаев А.М. Развитие Чечено-Ингушской советской автономии. 1957 – 1978 гг. М., 1987.
5. Юсупов П.И. От отсталости к расцвету и сближению наций. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1982.
6. Алхазуров М.И. Становление и развитие Чеченской республики: историко-политический анализ. М., 2006.
7. Бакаев А.Х. Восстановление Чечено-Ингушской АССР: предпосылки, условия и этапы решения проблемы (1950-е – начало 1960-х годов. Пятигорск, 2012.
8. Сайдумов М.Х. Периодизация этапов восстановления и развития Чеченской государственности с XX по XXI вв.: Правовые основы Советского, постсоветского и Российского периодов государственно-правового развития республики // Северо-Кавказский юридический вестник, 2020. №1. С.20-30.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. Яз., 1989.
10. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. 2-е тзд., стер. М.: ООО Издательский Центр «Азбуковник», 2006.
11. Декларация прав народов России. Сборник Законов СССР. В 2-х т. Т.1. М.: Издательство «Известия Советов Депутатов Трудящихся», 1968.
12. История Советской Конституции (в документах). 1917-1956. М., 1957.
13. Кониев Ю.И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе: Издательство «ИР», 1969.
14. Сборник законов СССР. В 2-х т. Т.1. М.: Издательство «Известия Советов Депутатов Трудящихся», 1968. С. 44-61.
15. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней. политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: РОССПЭН, 2011.
16. Библиотека нормативно-правовых актов СССР // www.libussr.ru
17. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1925. Ст.218.
18. Бахмадов Б.Д. Выборы депутатов от Чечено-Ингушской АССР в Верховный Совет СССР первого созыва (1937-1941). // Вестник ЧГУ. 2017. №4 (28).
19. Конституция Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1958.
20. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962). Сборник документов и материалов. Т.1. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2013.
21. Бахмадов Б.Д. Выборы в Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР второго созыва (1958-1962). // Вестник ЧГУ. 2018. №2 (30).
22. Бахмадов Б.Д. Выборы депутатов Верховного Совета РСФСР 2, 3, 4 созывов от Грозненской области и 5 созыва от Чечено-Ингушской АССР. // Вестник ЧГУ. 2019. №3 (35). С.108-112.
23. Верховный Совет Чечено-Ингушской республики. Информационный бюллетень №1. Грозный. Январь, 1991. С. 3-6.
24. Голос Чечено-Ингушетии. 1991.
25. Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М.: Политиздат, 1989.

References and Sources

1. Dudaev A.H. Vozniknovenie i osnovnye etapy stanovleniya Checheno-Ingushskoj nacional'noj sovetskoj gosudarstvennosti. M., 1964.
2. Koniev Yu.I. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Tereke. Ordzhonikidze: Izdatel'stvo «IR», 1969.
3. Dzbugur'yanc S.N. Ot vekovoj otstalosti k socializmu. Osushchestvlenie leninskoj nacional'noj politiki v Checheno-Ingushetii (1917-1941 gg.) Sbornik dokumentov i materialov. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977.
4. Bugaev A.M. Razvitie Checheno-Ingushskoj sovetskoj avtonomii. 1957 – 1978 gg. M., 1987.
5. Yusupov P.I. Ot otstalosti k rascvetu i sblizeniyu nacij. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982.
6. Alhazurov M.I. Stanovlenie i razvitie Chechenskoj respublik: istoriko-politicheskij analiz. M., 2006.
7. Bakaev A.H. Vosstanovlenie Checheno-Ingushskoj ASSR: predposylki, usloviya i etapy resheniya problemy (1950-e – nachalo 1960-h godov. Pyatigorsk, 2012.
8. Sajdumov M.H. Periodizaciya etapov vosstanovleniya i razvitiya Chechenskoj gosudarstvennosti s XX po XXI vv.: Pravovye osnovy Sovetskogo, postsovetskogo i Rossijskogo periodov gosudarstvenno-pravovogo razvitiya respublik // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik, 2020. №1. S.20-30.
9. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov / Pod red. N.Yu. Shvedovoj. 21-e izd., pererab. i dop. M.: Rus. YAz., 1989.
10. Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyj slovar' inostrannyh slov: 25 000 slov i slovosochetaniy. 2-e tzd., ster. M.: ООО Izdatel'skij Centr «Azbukovnik», 2006.
11. Deklaraciya prav narodov Rossii. Sbornik Zakonov SSSR. V 2-h t. T.1. M.: Izdatel'stvo «Izvestiya Sovetov Deputatov Trudyashchihsya», 1968.
12. Istoriya Sovetskoj Konstitucii (v dokumentah). 1917-1956. M., 1957.
13. Koniev Yu.I. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Tereke. Ordzhonikidze: Izdatel'stvo «IR», 1969.
14. Sbornik zakonov SSSR. V 2-h t. T.1. M.: Izdatel'stvo «Izvestiya Sovetov Deputatov Trudyashchihsya», 1968. S. 44-61.
15. Vajnahi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej. politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – sredina XX v.). M.: ROSSPEN, 2011.
16. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR // www.libussr.ru
17. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1925. St.218.
18. Bahmadov B.D. Vybory deputatov ot Checheno-Ingushskoj ASSR v Verhovnyj Sovet SSSR pervogo sozyva (1937-1941). // Vestnik CHGU. 2017. №4 (28).
19. Konstituciya Checheno-Ingushskoj ASSR. Groznyj, 1958.
20. Vosstanovlenie Checheno-Ingushskoj ASSP (1953-1962). Sbornik dokumentov i materialov. T.1. Nal'chik: ООО «Pечатnyj dvor», 2013.
21. Bahmadov B.D. Vybory v Verhovnyj Sovet Checheno-Ingushskoj ASSR vtorogo sozyva (1958-1962). // Vestnik CHGU. 2018. №2 (30).
22. Bahmadov B.D. Vybory deputatov Verhovnogo Soveta RSFSR 2, 3, 4 sozyvov ot Groznenskoj oblasti i 5 sozyva ot Checheno-Ingushskoj ASSR. // Vestnik CHGU. 2019. №3 (35). S.108-112.
23. Verhovnyj Sovet Checheno-Ingushskoj respublik. Informacionnyj byulleten' №1. Groznyj. Yanvar', 1991. S. 3-6.
24. Golos Checheno-Ingushetii. 1991.

БАХМАДОВ БАУДИН ДАДАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Чеченский государственный университет, Заслуженный юрист Российской Федерации.
BAKHMADOV, BAUDIN D. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Chechen State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (bacmadov@mail.ru).

УДК 343.1(019)

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-51-54

ПОТЕХИН Д.С.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1960-Х ГОДОВ

Ключевые слова: советская прокуратура, положение о прокурорском надзоре, права и обязанности прокурора, места заключения, места лишения свободы, Владимирская область, заключенные.

В статье проведен анализ обязанностей прокуроров в сфере соблюдения законодательства за местами лишения свободы, в соответствии с положением о прокурорском надзоре СССР 1955 года. На конкретных примерах, по данным из архивных источников, рассматривается специфика работы прокурорского надзора прокуратуры Владимирской области по надзору за исправительно-трудовыми учреждениями. Показано, что состояние законности в ИТУ нельзя признать в полной мере удовлетворительным. Прокурорский надзор не отвечал предъявлявшимся к нему требованиям. Прокурорские проверки проводились не регулярно, причем в ряде случаев носили поверхностный характер. При проверках не всегда вскрывались недостатки в работе и негативные процессы в ИТУ, не выявлялись нарушения и не принимались действенные меры к их устранению.

POTEKHIN, D.S.

TO THE QUESTION OF THE STATE OF PROSECUTOR'S SUPERVISION IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE VLADIMIR REGION IN THE END OF THE 1960S

Key words: Soviet prosecutor's office, regulation on prosecutorial supervision, rights and obligations of a prosecutor, places of detention, places of deprivation of liberty, Vladimir region, prisoners.

The article analyzes the duties of prosecutors in the field of compliance with the law for places of deprivation of liberty, in accordance with the regulation on prosecutorial supervision of the USSR in 1955. On specific examples, according to data from archival sources, the specifics of the work of the prosecutor's supervision of the prosecutor's office of the Vladimir region in the supervision of correctional labor institutions are considered. It is shown that the state of legality in the ITU cannot be considered fully satisfactory. Prosecutor's supervision did not meet the requirements for it. Prosecutorial checks were not carried out regularly, and in some cases they were superficial. During inspections, shortcomings in the work and negative processes in the ITW were not always revealed, violations were not identified and effective measures were not taken to eliminate them.

Идея правового государства означает систему взглядов и представлений о справедливом государственном устройстве, основанном на признании народа в качестве единственного источника власти, на ограничении государства законом, на идеях верховенства права, равной ответственности всех перед законом, демократического устройства государственной публичной власти [1].

В соответствии с положением о прокурорском надзоре в Союзе Советских Социалистических Республик (Положение), утвержденным указом высшего органа государственной власти - Президиума Верховного Совета СССР в 1955 году, высший надзор от имени государства за точным исполнением законов государственными органами, должностными лицами, организациями, и гражданами возлагался на Генерального Прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров.

Прокуратура в этот период представляла собой централизованную систему и осуществляла свою деятельность с соответствующим подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим без какого-либо подчинения местным органам власти. Возглавлявший эту систему Генеральный Прокурор СССР, отчитывался перед Верховным Советом СССР или перед Президиумом Верховного Совета СССР в период между сессиями. Также в перечень основных функций генерального прокурора входило издание нормативных документов, носящих обязательный характер для всех уровней органов прокуратуры, полномочия по отмене которых возлагались на Президиум Верховного Совета СССР. Одновременно полномочия генерального прокурора позволяли осуществлять представление в Президиум вопросов, подлежащих разрешению в законодательном порядке или требующих толкования закона.

Для достижения главной цели прокуратуры – высшего надзора за точным исполнением законов – устанавливались задачи по укреплению в СССР социалистической законности, охране общественного и государственного строя СССР от любых посягательств, охране социалистической собственности, а также гарантированных Конституцией СССР личных и

имущественных прав и охраняемых законом интересов граждан, государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных общественных организаций и пр.

Одним из направлений работы, определенных в Положении, определялась организация надзора за точным соблюдением законов всеми министерствами и ведомствами, равно как должностными лицами и гражданами, а также привлечение виновных в совершении преступлений лиц к уголовной ответственности. В качестве важного направления деятельности прокуратуры выступала организация надзора за соблюдением законности в деятельности судебных органов, органов дознания и предварительного следствия; надзора за деятельностью и исполнению приговоров. Отдельным направлением выделялся надзор за соблюдением законности при содержании заключенных в местах лишения свободы. Структура Положения предусматривала более подробное рассмотрение каждого из отмеченных выше направлений в работе прокуратуры, выделяя их в отдельные главы.

Рассмотрим более детально особенности надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы. В Положении конкретно указывалось на обязанность органов прокуратуры осуществлять компетентную проверку не только обоснованности содержания в учреждениях лишения свободы лиц, заключенных под стражу на законных основаниях, после вынесения санкции прокурора, либо постановления суда, но и непосредственно правил и режима содержания заключенных.

Рассматривая соблюдение законности в СССР, необходимо рассмотреть понятие «социалистической законности», так как фактически отдельного понятия «законности» не существовало. Данное понятие являлось основой для укрепления государственной дисциплины, обеспечения устойчивого правопорядка, создания правовой атмосферы в социалистическом обществе. Являясь мощным средством осуществления задач социалистического строительства, оно решающим образом определяло полномочия органов власти, права и обязанности должностных лиц и граждан [2].

При этом акцент делался на том, что должностные лица и сами государственные органы должны неукоснительно соблюдать нормы закона, так как они выражают интересы не привилегированного класса, а всего общества [3, с. 272]. Соответственно, любое неуважение советского закона вызывало решительное противодействие со стороны органов государства, должностных лиц и граждан. В частности, исходя из вышесказанного, в соответствии со ст. 97 Конституции СССР к обязанностям местных Советов также относилось обеспечение на подведомственной им территории точного соблюдения советских законов.

В соответствии со ст. 32 Положения, на органы прокуратуры возлагалась ответственность за соблюдение социалистической законности в местах лишения свободы. В обязанности прокурора в советский период входили мероприятия по регулярному посещению мест лишения свободы. Во время посещения прокурор, беспрепятственно посещая любые помещения учреждений, был обязан знакомиться со служебной деятельностью сотрудников, обеспечивающих режимные требования, с порядком и условиями содержания осужденных и пр. При обнаружении приказов или распоряжений, противоречащих действующему на тот период закону, он обладал правом выносить на них протест. Аналогично современной практике, в полномочия прокурора также входила и процедура привлечения лиц, виновных в нарушении законов в местах лишения свободы, к соответствующему виду ответственности; ознакомление с документами, на основании которых лица подвергнуты лишению свободы; производство личных опросов, заключенных и истребование личных объяснений представителей администрации по фактам выявленных нарушений.

Положение также устанавливало срок извещения и направления, адресованных прокурору обращений от осужденных и заключенных. В отличие от периода времени, установленного современным законодательством, в количестве одного рабочего дня [4], срок по Положению составлял время равное одним суткам – 24 часа. Стоит разобрать, что сейчас понятие рабочего дня имеет расплывчатый характер и не имеет единого, строго определенного количества часов. В соответствии с трудовым кодексом, понятие рабочего дня не регламентировано, упомянута только нормальная продолжительность рабочей недели, равная 40 часам в неделю [5].

Согласно комментариям, представленным электронной системой «Консультант плюс», максимальная продолжительность рабочего дня законом также не установлена. Она может быть,

как длиннее 8 часов, в том числе 24 часа при работе по графику «сутки через трое», так и короче. Например, при неполном рабочем дне его продолжительность может составить один час. Она может быть разной в разные рабочие дни [6].

Учитывая специфику и графики работы сотрудников в учреждениях УИС время передачи обращения оператору связи для перемещения, в соответствии с понятием «рабочий день», сегодня будет варьироваться от 8 часов до 24 часов, в зависимости от дня недели подачи такого обращения осужденным и установленному конкретному графику работы сотрудников учреждения.

Возвращаясь к рассмотрению обязанностей прокурора, необходимо отметить его обязанность рассматривать каждую поступившую от заключенных жалобу в установленные сроки и дать обязательный ответ на них с уведомлением инициатора. Отдельно выделялась обязанность по контролю за деятельностью администрации мест заключения в сфере направления для рассмотрения жалоб заключенных, в соответствующие органы и учреждения и в установленные законом сроки – незамедлительно. Прокуроры, при проведении своих проверок, имели право вносить предложения относительно соблюдения установленных правил содержания заключенных, в то время как на администрацию учреждения возлагались обязанности по выполнению высказанных предложений [7].

Исходя из перечня рассмотренных прав и обязанностей прокуратуры, согласно проанализированным нами архивным материалам прокуратуры Владимирской области за 1969 год, состояние законности в ИТУ нельзя признать удовлетворительным. Очевидно, что на деле прокурорский надзор не отвечал предъявлявшимся к нему требованиям. Прокурорские проверки проводились не регулярно, причем в ряде случаев носили поверхностный характер. При проверках не всегда вскрывались недостатки в работе и негативные процессы в ИТУ, не выявлялись нарушения и не принимались действенные меры к их устранению. Требования Генерального Прокурора СССР о проведении ежеквартальных проверок состояния законности в ИТУ рядом прокуроров не выполнялись [8, л. 56].

Проводя анализ состояния прокурорского надзора во Владимирской области в первом полугодии 1969 г., стоит отметить, что прокуроры г. Вязников и г. Коврова не произвели за это время ни одной проверки состояния законности в исправительно-трудовых колониях. В третьем квартале 1969 г. прокуратурой г. Вязников была проведена проверка ИТК по вопросам условно-досрочного освобождения. Другие вопросы состояния законности в этой колонии не проверялись, хотя администрацией колоний допускались факты послабления режима в отношении злостных нарушителей и другие нарушения законности, которые в последствии были выявлены областной прокуратурой. Некоторые прокуроры проводили проверки в колониях вообще без учета состояния в них законности, либо сосредотачивались на второстепенных вопросах. Например, Ковровская городская прокуратура в сентябре 1969 года организовала проверку в Ковровской ИТК состояния охраны труда. Необходимости в этом не было, так как в июне прокуратурой области этот вопрос подвергался проверке, и в соответствующем акте было отмечено, что охрана труда осужденных не вызывает замечаний. И это при том, что в колонии явно неблагополучно дела обстояли с трудоустройством заключенных, имелись нарушения в дисциплинарной практике. Однако эти вопросы не нашли отражения в материалах проверок, произведенных прокуратурой города [8, л. 57].

В нарушении требований статьи 97 УПК РСФСР, Прокурором Меленковского района по делу обвинения по ст. 102 п. «и» уголовного кодекса, установлено, что трехмесячный срок содержания под стражей истек, после чего гражданин содержался под стражей 16 дней с грубым нарушением статьи 97 УПК РСФСР [8, л. 61].

В протоколах оперативного совещания при заместителе прокурора Владимирской области отмечались не только недостатки в работе прокуроров, но и давались прямые рекомендации по улучшению эффективности работы по соответствующим направлениям. В качестве таких рекомендаций отмечалась необходимость усилить прокурорский надзор за законностью в местах лишения свободы, обеспечить ежеквартальное проведение проверок законности в ИТК и тюрьмах. Не оставлять без должного реагирования вскрываемые нарушения, добиваться от администрации ИТК исполнения закона и перевоспитания заключенных на основе приобщения их к общественно полезному труду. Остро реагировать на факты плохой организации труда заключенных,

послабления режима, нарушений и недостатков в исполнении законов об условном и условно-досрочном освобождении [8, л. 58].

Подводя итоги исследованию работы прокуратуры Владимирской области в конце 1960-х гг., необходимо сказать и о ее положительных результатах. Так, в течение 1969 года прокуратурой проделана определенная работа по надзору за исполнением законов за деятельностью исправительно-трудовых учреждений области. Материалы прокурорского надзора свидетельствуют, что в ИТУ несколько сократилась преступность. Некоторая положительная работа была проведена по возмещению государству материального ущерба, улучшилась охрана труда осужденных, меньше стало нарушений законности в практике условного и условно-досрочного освобождения осужденных [8, л. 56].

Таким образом, органы прокуратуры Владимирской области в рассматриваемый период проводили определенную работу в сфере надзора за ИТК, однако здесь еще оставалось немало недостатков и упущений.

Литература и источники

1. Лобач Д.В. Роль прокуратуры в становлении правового государства в России на современном этапе: к вопросу о связи прокурорского надзора и конституционного контроля. // Роль прокуратуры в построении правового государства: история и современность. Сборник статей по материалам научно-практического круглого стола 18 февраля 2022, Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации - Владивосток, 2022.
2. Юридический словарь (С.Н. Братусь, 1953г.) // [Электронный ресурс] социалистическая законность 2022 URL <http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-bratus/articles/197/socialisticheskaya-zakonnost.htm> (дата обращения: 11.11.2022)
3. Солуков А.А. Формирование представлений о социалистической законности в отечественной правовой науке // Вестник экономической безопасности. 2016. №3.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ, в ред. от 26 мая 2021 г.] // СЗ РФ. 1997. №2. ст. 198 (п.4 ст.15).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Парламентская газета. 2002. 05 января. N 2-5. (ст.91).
6. Готовое решение: Как определить продолжительность рабочего дня // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офф. сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/bd14cccf0a1f074ef104e82522f7e2dea04d651f/
7. Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. ст. 222 (ст.37).
8. Протоколы оперативных совещаний при прокуратуре Владимирской области: Протокол совещания горрайпрокуроров и их помощников от 02.03.2070 «О состоянии и мерах усиления борьбы с преступностью и нарушениями законности.» // Государственный архив Владимирской области. Ф. Р-3836. Оп. 1. Д. 109.

References and Sources

1. Lobach D.V. Rol' prokuratury v stanovlenii pravovogo gosudarstva v Rossii na sovremennom etape: k voprosu o svyazi prokurorskogo nadzora i konstitucionnogo kontrolya. // Rol' prokuratury v postroenii pravovogo gosudarstva: istoriya i sovremennost'. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskogo kruglogo stola 18 fevralya 2022, Dal'nevostochnyj yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii - Vladivostok, 2022.
2. Yuridicheskij slovar' (S.N. Bratus', 1953g.) // [Elektronnyj resurs] socialisticheskaya zakonnost' 2022 URL <http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-bratus/articles/197/socialisticheskaya-zakonnost.htm> (data obrashcheniya: 11.11.2022)
3. Solukov A.A. Formirovanie predstavlenij o socialisticheskoy zakonnosti v otechestvennoj pravovoj nauke // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. №3.
4. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: [feder. zakon ot 8 yanvarya 1997 g. № 1-FZ, v red. ot 26 maya 2021 g.] // SZ RF. 1997. №2. st. 198 (p.4 st.15).
5. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 04.11.2022) // Parlamentskaya gazeta. 2002. 05 yanvarya. N 2-5. (st.91).
6. Gotovoe reshenie: Kak opredelit' prodolzhitel'nost' rabocheho dnya // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema [Ofic. saj]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/bd14cccf0a1f074ef104e82522f7e2dea04d651f/
7. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 24.05.1955 «Ob utverzhenii Polozheniya o prokurorskom nadzore v SSSR» // Vedomosti VS SSSR. 1955. № 9. st. 222 (st.37).
8. Protokoly operativnyh soveshchanij pri prokurate Vladimirskej oblasti: Protokol soveshchaniya gorrajprokurorov i ih pomoshchnikov ot 02.03.2070 «O sostoyanii i merah usileniya bor'by s prestupnost'yu i narusheniyami zakonnosti.» // Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskej oblasti. F. R-3836. Op. 1. D. 109.

ПОТЕХИН ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (potehin@yahoo.com)

POTEKHIN, DMITRY S. – Lecturer, Department of Organization of Regime and Supervision, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (potehin@yahoo.com)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 34.01

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-55-59

СМОРЧКОВА Л.Н.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: К ВОПРОСУ О НОВОЙ НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: номенклатура научных специальностей, паспорт научной специальности, публично-правовые науки, направление исследования, публичное право, система права, отрасль права.

В статье критически оценивается традиционно сложившееся в системе отечественного права деление на отрасли. В качестве минуса отмечается препятствие для проведения комплексных научно-правовых исследований. На этом фоне произошедшее укрупнение юридических научных специальностей рассматривается автором как позитивная тенденция. Отдельное внимание уделено анализу научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» и направлениям исследований, которые возможно проводить в ее рамках. По мнению автора, хотя новые научные специальности не бесспорны, как и их паспорта, их принятие стало безусловным шагом вперед – к комплексному, системному, всестороннему и междисциплинарному подходу при проведении юридических научных исследований и подготовке научно-квалификационных работ на соискание ученых степеней.

SMORCHKOVA, L.N.

PUBLIC LAW SCIENCES: TO THE QUESTION OF A NEW SCIENTIFIC SPECIALTY

Keywords: nomenclature of scientific specialties, passport of a scientific specialty, public law sciences, direction of research, public law, system of law, branch of law.

The article critically assesses the division into branches traditionally established in the system of domestic law, as a minus an obstacle to conducting complex scientific and legal research is noted. Against this background, the consolidation of legal scientific specialties that has taken place is considered by the author as a positive trend. Special attention is paid to the analysis of scientific specialty 5.1.2. "Public-legal (state-legal) sciences" and areas of research that can be carried out within its framework. According to the author, although new scientific specialties are not indisputable, as well as their passports, their adoption has become an unconditional step forward - towards an integrated, systematic, comprehensive and interdisciplinary approach in conducting legal scientific research and preparing scientific qualification papers for the competition of academic degrees.

Систематизация отечественного права (в недавнем прошлом – советского социалистического права), по большей части состоявшаяся в конце тридцатых – начале сороковых годов прошлого века, была объективно обусловлена необходимостью упорядочивания правовых норм по каким-либо универсальным, признаваемым всеми критериям, что было потребностью и законодателя, озабоченного совершенствованием правового регулирования, и правоприменителя, искавшего правовых оснований для принятия решений, и сферы юридического образования, для которой в то время было свойственно абсолютное разнообразие учебных курсов и программ.

В то же время признание и дальнейшее развитие системы дореволюционного права было невозможно по идеологическим причинам. Требовались новые принципы построения, новые подходы к дифференциации и последующему объединению в группы (отрасли) всего массива действовавших тогда правовых норм. Как писал в то время Я.Н. Уманский, цель работы состояла в разоблачении и очищении науки советского права «от всевозможных контрреволюционных, вредительских извращений» [1, с. 124].

В итоге, как отмечают современные ученые, систему права стали рассматривать как совокупность стоящих рядом отраслей права, представленных в систематизированном виде [2, с. 122]. В достаточно сильно видоизмененная от первоначального видения, но тем не менее разделенная на отрасли по предмету и методу правового регулирования, система российского права признается и сейчас, а выделяемые отрасли еще до недавнего времени были положены в основу научных специальностей в юридической отрасли науки, коих в 12 группе «Юридические науки» насчитывалось 15.

Надо сказать, что доминирующее в юридической науке традиционное представление о системе отечественного права всегда было в достаточной степени дискуссионным. Так, например, П.В. Крашенинников еще в советское время считал, что критерии отраслевого деления права – предмет и метод, сами по себе являются чисто научно-методологическими категориями, при этом общественные отношения как предмет права являются также предметом других наук, а заявленные методы являются не методами научного исследования, а способами юридического воздействия [3, с. 93–94]. А Ц.А. Ямпольская даже высказывала предложения об отказе от деления права на отрасли в силу определенной искусственности и неопределенности критериев такой дифференциации [4, с. 94–95].

Действительно, жесткость деления права на отрасли по смежным критериям зачастую в большей степени препятствует решению задач комплексного правового регулирования общественных отношений, чем способствуют. Узкоотраслевой подход юристов можно констатировать и на стадии применения права. Более того, даже на уровне научных исследований такой подход скорее препятствовал всестороннему и объективному к решению научных задач правового характера, ведь статьи, монографии, диссертации должны быть выполнены по определенной научной специальности, соответствующей отрасли права, а защищаться на стыке научных специальностей, демонстрируя междисциплинарный подход, всегда было дело крайне неблагодарным.

Сейчас все чаще в юридической науке можно встретить мнение о том, что устоявшееся в теории права понимание системы российского права себя изжило. При правовом регулировании общественных отношений, конечно, необходимо учитывать их отраслевую специфику и использовать соответствующие методы, но не ущерб всесторонности и системности правового регулирования. В.Н. Синюков справедливо полагает, что жесткое разграничение социальных фактов по различным отраслям и институтам права с механическими процессуальными и материальными границами ведет к утрате духовного и психологического смысла этих фактов. В процессе правового регулирования необходимо отталкиваться не от отраслевого подхода, а от регулируемого общественного отношения как элемента пространства [5, с. 411].

Мы наблюдаем, что именно в вопросах деления права на отрасли в наибольшей степени проявляется присущий отечественной юридической науке правовой консерватизм, в других случаях зачастую действительно оправданный. Отраслевая и институциональная сепаративность научных интересов также ранее способствовала сохранению строгого отраслевого подхода, поскольку ученые в соответствии с установленными требованиями к диссертационному исследованию стремились не залезать в отрасль права, соответствующую иной научной специальности. По этой причине решение проблем правового регулирования в определенной сфере общественных отношений зачастую предлагалось однобокое, исключаящее комплексное, межотраслевое видение [6, с. 98].

В то же время объективное представление о праве дает основание полагать, что оно едино, неправильно выделять отдельные предметы правового регулирования, и отрасли права, в том понимании, в каком они были образованы в далеком 1938 году, в настоящее время стали анахронизмом, тем не менее сыгравшим при этом свою роль, прежде всего в сфере юридического образования. Под отраслью права возможно понимать определенную сферу жизнедеятельности общества, не отделенную от других сфер, но обладающую какими-то специфическими свойствами и характеристиками. А традиционное понимание отрасли права с ее предметом и методом создает правовые преграды между этими сферами и скорее препятствует эффективному правовому регулированию, чем способствует.

Использовать в качестве критерия систематизации правовых норм сферу жизнедеятельности не является абсолютно новой и оригинальной идеей. На протяжении истории отечественного права к подобной мысли приходили многие юристы. В числе первых – один из самых значительных государственных деятелей и правоведов в истории России М.М. Сперанский. Размышляя о построении системы права (законодательства), он полагал осуществление такого не по отраслям, а по решаемым социальным проблемам [7, с. 444–450; 8, с. 5].

Стремительное развитие общественных отношений порождает все новые сферы жизнедеятельности, новые конфигурации взаимодействия людей по поводу и с использованием новейших достижений научно-технического прогресса, которые в полной мере не укладываются ни в одну из традиционно признанных отраслей права, однако конфликтность и значимость такого рода общественных отношений требуют от государства правового регулирования и защиты законных интересов их участников.

Состоявшее укрупнение правовых научных специальностей по юридической отрасли науки до пяти стало официальным подтверждением назревшей в праве проблемы комплексного правового регулирования и системного решения научных задач. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации приказом от 24 февраля 2021 года № 118 утвердило новую номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Согласно номенклатуре, теперь в области науки 5. «Социальные и гуманитарные науки» в группе научных специальностей 5.1. «Право» содержатся 5 научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени по юриспруденции и возможно защищать юридические диссертации. Такими научными специальностями стали: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки.

Интересен тот факт, что при делении права на отрасли в конце тридцатых годов, одной из задач которого было изживание в сознании юристов романо-германского деления права на частное и публичное, изначально было выделено десять отраслей, однако впоследствии их сократили до пяти. Эти пять отраслей: конституционное, административное, гражданское, уголовное и процессуальное право получили статус основных. Как мы помним, в поздний советский период в теории права классически снова выделялись десять основных отраслей, но также неосновные, комплексные и т.д., то есть древо системы отечественного права уже тогда обросло множеством отростков (отраслей), соотносящихся друг с другом достаточно сложно.

Что мы наблюдаем в перечне новых научных специальностей по юридической отрасли науки? Во-первых, аналоговое количество пять. Во-вторых, терминологическое появление и, следовательно, признание публично-правовых и частно-правовых наук. В-третьих, не выделение процессуального права в качестве самостоятельной научной специальности, в то время как в старой номенклатуре значились самостоятельные научные специальности 12.00.09. – Уголовный процесс и 12.00.15. – Гражданский процесс; арбитражный процесс», что, по мнению автора, правильно, поскольку нормы процессуального права должны неразрывно сопровождать нормы материального права и исследовать их отдельно противоречит комплексному подходу. В-четвертых, сохранение в качестве самостоятельной научной специальности международно-правовых наук: выделять международное право в качестве самостоятельной отрасли в числе десяти было в свое время предложено А.Я. Вышинским [9, с. 26].

Одной из самых сложных, объединяющей в себе бесчисленное количество возможных направлений юридических научных исследований стала научная специальность 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

В соответствии Рекомендациями Президиума ВАК Минобрнауки России от 28.05.2021 № 15/1-НС «О научных специальностях новой номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» научная специальность 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» считается образовавшейся в результате слияния нескольких научных специальностей номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027, а именно научных специальностей юридической отрасли науки: 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право; 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения; 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право; 12.00.07 – Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право; 12.00.13 – Информационное право; 12.00.14 – Административное право; административный процесс. Таким образом, в научную специальность 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» были включены семь из пятнадцати старых научных специальностей, а официально возрожденное таким вот образом публичное право вобрало в себя порядка двадцать различных отраслей права.

В этой связи особый интерес представляет Паспорт научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», а именно ответы на вопросы, каким образом было произведено слияние семи разных научных специальностей, равномерно ли они представлены в Паспорте новой специальности, уделено ли внимание общим вопросам публично-правовых наук.

Паспорт научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» содержит 30 направлений исследований, при этом надо отметить, что никаких рекомендаций и ограничений по количеству направлений исследований, обозначенных в Паспортах научных специальностей, нет. В этом отношении они все достаточно разные. Так, в Паспорте научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки» выделено четыре подраздела, в которых перечислены 68 направлений научных исследований. В Паспорте

научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки» насчитывается 32 направления научных исследований. Паспорт научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» включает в себя всего 12 направлений научных исследований, а Паспорт научной специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки» также 30 направлений.

Исходя из сравнительного анализа указанных данных видно, что Паспорт научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» по формальному признаку в целом не выбивается из ряда Паспортов иных правовых научных специальностей, хотя сложносоставной характер публичного права мог обусловить более насыщенное содержание направлений научных исследований.

Первые три направления исследований по публично-правовым наукам действительно посвящены общим вопросам, публичной власти, публичному праву. Но при внимательном ознакомлении с направлениями исследования обращает на себя внимание то обстоятельство, что публично-правовая общность присуща и другим направлениям исследований. К примеру, отметим такие как публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности, общества и государства; принуждение в публичном праве; публичный контроль и надзор в публично-правовой и частноправовой сферах; общие, особые и специальные режимы в публичном праве.

Многие направления исследований, включенные в Паспорт специальности по публично-правовым наукам, действительно имеют межотраслевое выражение, подразумевающее комплексность и междисциплинарность научного исследования с преодолением сложившихся в сознании барьеров, разделяющих правовые науки по предмету и методу правового регулирования. Но не все, чуть больше половины направлений сформулированы с вполне очевидной отраслевой привязанностью. При этом в наибольшей степени представлено конституционное право, далее последовательно и по нисходящей в плане объема – административное, финансовое (если его рассматривать в единстве с бюджетным и налоговым), информационное. Всего по одному направлению предусмотрено для исследований, которые ранее соответствовали специальностям 12.00.05; 12.00.06; 12.00.07.

Несколько странно смотрится такое направление, как правовое регулирование в таможенной сфере, размещенное среди финансово-правовых направлений, хотя, возможно, оно действительно восполняет определенный пробел. И вызывает определенное недоумение расположение такого направления исследований, как государственная и муниципальная служба, указанного последним, тридцатым пунктом, как будто его включили для ровного числа.

В целом мы видим, что публично-правовые науки, согласно паспорту специальности, представляют собой не простую совокупность разноотраслевых направлений исследований государственно-правовой тематики, а действительно новое явление – публичное право, имеющее общие для всех составных частей систему, предмет, методологию и взаимодействующее с другими науками как единое целое. Другой разговор, что в целом Паспорт научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» вызывает довольно много вопросов, а перечисленные в нем направления научных исследований не составляют единую непротиворечивую картину публичного права как слияния государственно-правовых наук. Видимо, практика защиты диссертаций по специальности 5.1.2 внесет свои коррективы, как в понимание, так и непосредственно в текст Паспорта научной специальности.

В научном мире неоднозначно были встречены новые научные специальности правовой группы. Так, например, высказано мнение что новые специальности в том виде, в каком они представлены, могут привести к окончательному смешению частного и публичного регулирования без возможности их разделения на основании научно обоснованных критериев [10]. Другая точка зрения состоит в том, что эволюция юридических специальностей должна восприниматься в комплексе с иными новациями номенклатуры, затронувшими область социальных и гуманитарных наук, и даже с новациями естественных, технических и медицинских наук, что позволит полнее удовлетворить потребности общества в инновационных проектах. [11, с. 155]. В юридической литературе в настоящее время по большей части оценивается роль и место отдельных отраслей, институтов и категорий в системе публичного права [12], чем оценивается само публичное право, как самостоятельное правовое явление.

По мнению автора настоящей статьи, новые научные специальности не бесспорны, как и их паспорта, но все равно это шаг вперед – к комплексному, системному, всестороннему и

междисциплинарному подходу при проведении юридических научных исследований и подготовке научно-квалификационных работ на соискание ученых степеней.

Литература и источники

1. Уманский Я.Н. Первое совещание по вопросам науки советского государства и права // Социалистическая законность. 1938. № 9. С. 124-126.
2. Курдюк Г.П. О значении первой дискуссии о критериях деления права на отрасли для современной науки // Вестник Краснодарского университета МВД. 2017. № 4. С. 122-124.
3. Крашенинников П.В. Советское прав. Итоги: Очерки о государстве и праве. 1962-1984. М.: Статут, 2020. 350 с.
4. Система советского права и перспективы ее развития [«Круглый стол» журнала «Советское государство и право», статья 1] // Советское государство и право. 1982. № 6.
5. Синоков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. 672 с.
6. Сморгчова Л.Н. К вопросу о сущности современного российского государства: административно-бюджетный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2018. Том 18, № 4. С. 96-102.
7. Сперанский М.М. О коренных законах государства. М.: Эксмо, 2015. 544 с.
8. Сморгчова Л.Н. Трансформация формы правления российского государства в идеях М.М. Сперанского и в новых конституционных реалиях // Право и практика. 2022. № 3. С. 5-9.
9. Вышинский А.Я. XVIII Съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 1-26.
10. Курбатов А.Я. Новая номенклатура научных специальностей по юридическим наукам как тупик в развитии правовой науки (на примере специальности 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки») // URL: https://zakon.ru/blog/2021/9/9/novaya_nomenklatura_nauchnyh_specialnostej_po_yuridicheskim_naukam_kak_tupik_v_razviti_i_pravovoj_nau
11. Болдырев В.А., Кузбагаров А.Н., Максимов В.А. Укрупнение научных специальностей по юриспруденции: аналитика и прогностика // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 3. С. 143-158.
12. Романовская О.В. О концепции экономического права в системе публично-правовых наук // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 4. С. 99-107.

References and Sources

1. Umanskij Ya.N. Pervoe soveshchanie po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava // Socialistscheskaya zakonnost'. 1938. № 9. S. 124-126.
2. Kurdyuk G.P. O znachenii pervoj diskussii o kriteriyah deleniya prava na otrasli dlya sovremennoj nauki // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD. 2017. № 4. S. 122-124.
3. Krasheninikov P.V. Sovetskoe prav. Itogi: Ocherki o gosudarstve i prave. 1962-1984. M.: Statut, 2020. 350 s.
4. Sistema sovetskogo prava i perspektivy ee razvitiya [«Kruglyj stol» zhurnala «Sovetskoe gosudarstvo i pravo», stat'ya 1] // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1982. № 6.
5. Sinyukov V.N. Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. M.: Norma, 2010. 672 s.
6. Smorchkova L.N. K voprosu o sushchnosti sovremennoego rossijskogo gosudarstva: administrativno-byudzhjetnyj podhod // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2018. Tom 18, № 4. S. 96-102.
7. Speranskij M.M. O korennyh zakonah gosudarstva. M.: Eksmo, 2015. 544 s.
8. Smorchkova L.N. Transformaciya formy pravleniya rossijskogo gosudarstva v ideyah M.M. Speranskogo i v novyh konstitucionnyh realiyah // Pravo i praktika. 2022. № 3. S. 5-9.
9. Vyshinskij A.Ya. XVIII S"ezd VKP(b) i zadachi nauki socialistscheskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1939. № 3. S. 1-26.
10. Kurbatov A.Ya. Novaya nomenklatura nauchnyh special'nostej po yuridicheskim naukam kak tupik v razviti_i pravovoj nauki (na primere special'nosti 5.1.3. «Chastnopravovye (civilistscheskie) nauki») // URL: https://zakon.ru/blog/2021/9/9/novaya_nomenklatura_nauchnyh_specialnostej_po_yuridicheskim_naukam_kak_tupik_v_razviti_i_pravovoj_nau
11. Boldyrev V.A., Kuzbagarov A.N., Maksimov V.A. Ukrupnenie nauchnyh special'nostej po yurisprudencii: analitika i prognostika // Sociologiya nauki i tekhnologij. 2022. T. 13. № 3. S. 143-158.
12. Romanovskaya O.V. O koncepcii ekonomicheskogo prava v sisteme publichno-pravovyh nauk // Nauka. Obshestvo. Gosudarstvo. 2021. T. 9. № 4. S. 99-107.

СМОРЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия) (l.smorchkova@mail.ru).

SMORCHKOVA, LARISA N. – Doctor of Law, associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (l.smorchkova@mail.ru).

УДК 342.417

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-59-66

СБОЕВА И.М.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «КОНКУРЕНЦИЯ»

Ключевые слова: конституционное право, конкуренция, поддержка конкуренции, конкурентные отношения, конкурентное право, конституционализация.

Статья посвящена анализу конституционно-правового смысла термина «конкуренция» в российском законодательстве и в отечественных научных исследованиях. Автор сопоставляет различные отраслевые подходы к раскрытию данной категории с конституционным значением, в котором выделяется многосоставный характер понимания конкуренции, что позволяет разграничить её содержание в зависимости от целей, методов и принципов правового регулирования. Отмечается, что конкуренция в конституционно-правовом выражении обладает признаками разных теоретических конструкций: конституционно-правового принципа, запрета, ограничения, гарантии, ценности, а также механизма осуществления конституционных прав и свобод и инструмента конституционно-правовой защиты. В результате сделан вывод об определении пределов правового вмешательства в конкурентные отношения, которые развиваются преимущественно самими участниками гражданского оборота.

SBOEVA, I.M.

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL CATEGORY "COMPETITATION"

Key words: constitutional law, competition, competition support, competitive relations, competition law, constitutionalization.

The article is devoted to the analysis of the constitutional and legal meaning of the term "competition" in Russian legislation and in scientific research. The author compares industry approaches to the disclosure of this category with the constitutional meaning and highlights the multi-component nature of the understanding of competition. This makes it possible to delimit the content of competition depending on the goals, methods and principles of legal regulation. It is noted that competition in constitutional and legal terms has features of different theoretical constructs: a constitutional and legal principle, prohibition, restriction, guarantee, value, as well as a mechanism for exercising constitutional rights and freedoms and an instrument of constitutional and legal protection. As a result, a conclusion was made about determining the limits of legal intervention in competitive relations, which are developed mainly by the participants in civil circulation.

В Конституции Российской Федерации термин «конкуренция» использован в двух правовых значениях: 1) в качестве элемента экономической основы конституционного строя (ч. 1 ст. 8); 2) в качестве конституционно-правового запрета (недопущения недобросовестной конкуренции) при осуществлении субъективного права на свободное использование способностей и имущества для экономической деятельности (ч. 2 ст. 34).

Вместе с тем, в конституционно-правовой доктрине понятие «конкуренция» приобрело гораздо больше смысловых нагрузок, выделяемых как в пределах формально-юридического толкования указанных норм Конституции РФ [1, с. 7; 2, с. 34], так и в масштабе категориального аппарата современной науки конституционного права [3; 4, с. 12]. Прежде всего, поддержка конкуренции раскрывается учёными в плоскости конституционно-правового принципа, определяющего рамки регулирования экономических отношений и выступающего основой при построении взаимных обязательств участников экономического оборота не только между собой, но и с государством, и с обществом [5, с. 66]. Подобный широкий подход подводит к необходимости введения конкурентных условий в разряд принципиальных положений конституционной экономики, которые должны охраняться государством и сопровождать механизм правового регулирования устоявшейся системы отношений [6, с. 41].

Понимание поддержки конкуренции, как принципа конституционного права, не является однозначным среди представителей юридической науки. Оно опирается в несколько научных направлений, по-разному трактующих назначение и содержание правовых принципов [7, с. 360]. Так, одни исследователи склонны воспринимать принципы в качестве основы существования конституционного права [8, с. 72], атомарных частиц, из которых сформировано и действует система конституционно-правовых норм [9, с. 122]. В данном значении поддержка конкуренции выступает неотъемлемым элементом конституционного строя, предопределяющего комплекс запретов, ограничений и пределов правового регулирования любых вопросов, затрагивающих экономическую сферу государства [10, с. 25]. Напротив, другие авторы полагают, что принципы выполняют функцию особых норм, направленных на достижение целей и задач как конституционного права в целом, так и правового регулирования отношений в других отраслях права [11, с. 13].

В последнем случае значение принципа поддержки конкуренции сужается до нормативных рамок, установленных не столько для субъектов правоотношений, а сколько для правотворческой и правоприменительной деятельности государства. При этом сторонники данного теоретического подхода акцентируют внимание на карательной функции, выражающейся в государственной реакции на соответствующие нарушения [12, с. 93]. В частности, нарушение конституционно-правовых принципов рассматривается как посягательство на цели и ценности, сформулированные Конституцией [13, с. 440]. Тем самым несоблюдение принципа поддержки конкуренции влечёт искажение экономических основ, нивелируя не только действие конкурентного законодательства, но и сложившихся экономических институтов, обеспеченных конституционными гарантиями и представляющих государственную значимость.

Дискуссию вызывает соотношение конституционно-правовых принципов поддержки конкуренции и недопущения недобросовестной конкуренции. Одни авторы рассматривают их как единое целое, отмечая многосоставность общего конституционно-правового смысла [14, с. 165]. Другие исследователи придерживаются идеи разграничения указанных категорий, называя недопущение недобросовестной конкуренции в качестве смежного, но не равнозначного принципа конституционной экономики [15]. Существует также восприятие недобросовестной конкуренции в плоскости одного из механизмов реализации принципа поддержки конкуренции [16, с. 95].

Несовпадение правовой значимости рассматриваемых категорий обосновывается в научной литературе их расположением в разных конституционных нормах. Так, размещение принципа поддержки конкуренции в главе 1 Конституции РФ, характеризующей основы конституционного строя, наделяет его, по мнению сторонников данного подхода, особыми юридическими свойствами [17, с. 22]. Напротив, указание на термин «недобросовестная конкуренция» в главе 2 придаёт ему более узкий диапазон применения – в рамках конституционных прав и свобод граждан [18, с. 37].

На наш взгляд, теоретическое обоснование по несовпадению указанных принципов лишь в зависимости от их привязки к определённому месту в структуре Конституции нельзя считать убедительным. Следует признать, что контекст словосочетаний «поддержка конкуренции» и «недопущение недобросовестной конкуренции» может иметь разное содержание, но обладает общей направленностью – обеспечение целей, задач и функций конституционной экономики, определённой комплексом конституционно-правовых норм, которые необходимо толковать в их совокупном выражении и взаимосвязи.

Между тем в указанном дискурсе прослеживается попытка разграничить конституционно-правовую сущность категории «конкуренция» [19, с. 11]. В частности, по смыслу ч. 1 ст. 8 Конституции РФ поддержка конкуренции имеет основные черты конституционно-правового принципа, которому свойственна определённая юридическая абстракция, а в ч. 2 ст. 34 сформулирован вполне однозначный конституционный запрет на осуществление такой экономической деятельности, которая направлена на недобросовестную конкуренцию.

Конституционно-правовые запреты в науке конституционного права понимаются в качестве императивных норм, направленных на предотвращение субъектами конституционных правоотношений определённых действий, которые могут нарушить или создают соответствующую угрозу нарушения конституционных положений [20, с. 125]. При этом учёные выделяют запреты-принципы, запреты-меры, запреты-пределы применительно к конституционно-правовому регулированию [21, с. 19], что не препятствует рассматривать недопущение недобросовестной конкуренции в качестве принципа не только антимонопольного регулирования [22, с. 140], но и построения экономических правоотношений [23, с. 31]. В отмеченной взаимосвязи «принцип – запрет» конкуренция должна трактоваться как совокупность обязанностей государства и других субъектов правоотношений по соблюдению комплекса правил, установленных для конкурентной среды национальной экономики.

Схожее смысловое значение заложено в правовой дефиниции «конкуренция», содержащейся в Федеральном законе № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В п. 7 ст. 4 она раскрывается термином «соперничество» хозяйствующих субъектов, при этом отсутствует его конкретизация. Исследователи полагают, что в таком виде конкуренция представляет собой вид правоотношений, объектом которых является деятельность (предпринимательская, экономическая, хозяйственная) по формированию условий товарного обращения [24, с. 31]. Исходя из этого, одностороннее воздействие на рынок, обеспеченное исключением или ограничением деятельности другого субъекта экономической деятельности, рассматривается как нарушение.

Тем не менее отсылка лишь к Федеральному закону № 135-ФЗ в определении конкуренции, как правовой категории, по нашему мнению, не вполне состоятельна. Предметом регулирования данного закона выступают не сами конкурентные правоотношения, а их защита. Поэтому в ч. 1 ст. 1 очерчены соответствующие неправомерные проявления, на предупреждение и пресечение которых направлены основные нормы Закона:

- монополистическая деятельность;
- недобросовестная конкуренция;
- недопущение конкуренции;
- ограничение конкуренции;
- устранение конкуренции.

Примечательно содержание ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 135-ФЗ, в которой в концентрированном виде расширяется понятие конкуренции, выраженной не только в свободном перемещении товаров и в свободе осуществления экономической деятельности, но и в единстве

экономического пространства, и в создании условий, способствующих эффективному функционированию рынков.

Названные цели действия рассматриваемого закона во многом совпадают с ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, за исключением такой правовой абстракции, как «эффективное функционирование рынков». Если дефиниция товарного рынка раскрыта в п. 4 ст. 4 Федерального закона № 135-ФЗ в качестве сферы товарного обращения (экономического оборота), то характеристика эффективности в действующем российском законодательстве отсутствует.

Отсюда можно заключить, что отраслевое понятие конкуренции имеет более узкий смысл, чем её конституционно-правовое значение. Принцип поддержки конкуренции, закреплённый в ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, предполагает не только защитную функцию государства по предупреждению и пресечению противоправных действий участников экономического оборота в отношении условий товарного обращения, но и комплекс мер, направленных на достижение определённой эффективности в рассматриваемых сферах.

Таким образом, конкуренция в широком значении должна трактоваться как состояние экономического оборота, при котором соблюдается система конституционно-правовых принципов (принципов конституционной экономики), ориентированных на эффективное функционирование товарных рынков (рынков работ и услуг, рынка труда, финансовых рынков и др.). При этом эффективность выступает оценочной категорией, зависимой от объективных критериев построения и развития рыночных отношений и субъективного восприятия их непосредственными участниками экономической деятельности, гражданами-потребителями, государством и обществом.

В предложенном варианте понимания конкуренции, как конституционно-правовой категории, прослеживается влияние правового релятивизма [25, с. 64], построенного на идее изменчивости восприятия терминов и смыслов в зависимости от времени и культуры. Тогда конкуренция одновременно выступает в двух смежных значениях:

- 1) как вид конституционного правоотношения;
- 2) как конституционно-правовая ценность.

Тезис о конкурентных отношениях прослеживается в концепции выделения комплексной отрасли конкурентного права [26, с. 131], представляющей собой совокупность правовых норм, которые определяют стандарты и рамки рыночного оборота [27, с. 170]. При этом, по существу, конкурентные отношения отождествляются с рыночными отношениями – системой связей, возникающих по поводу свободного товарного оборота [28, с. 207]. В более широком выражении конкуренция смешивается с реляционным пониманием термина «экономика» [29, с. 151], что не соответствует их смысловым нагрузкам.

Конкурентные отношения выступают признаком, характеризующим состояние экономики, предопределяющим экономическую модель в масштабах определённой территории (государства). По нашему мнению, именно в таком значении необходимо толковать категорию «конкуренция» в конституционном праве – как юридически закреплённое условие формирования и обеспечения функционирования конституционной экономики.

Одновременно с указанным терминологическим содержанием поддержка конкуренции является конституционно-правовой ценностью, поскольку сопряжена с извлечением пользы (достижением эффективности) при соответствующем уровне правового регулирования рыночных отношений.

Особенность аксиологического восприятия конституционных положений сопряжена с неоднозначностью понимания термина «ценность» в конституционно-правовой науке. Так, в одних трактовках ценности отождествляются с принципами [30, с. 141], в других – с целями [31, с. 44], в третьих – с установками [32, с. 28].

Применительно к конкуренции ценностный аспект проявляется одновременно в нескольких задачах, стоящих перед субъектами конституционных правоотношений:

- по достижению конкурентного состояния национальной экономики;
- по правовым ориентирам работы органов публичного управления;
- по соблюдению запретов и ограничений в правотворческой и правоприменительной деятельности;

- по построению экономических отношений между участниками рынка на основе правовых, экономических, социальных норм.

Близким по смыслу следует признать подход, раскрывающий конкуренцию как вид конституционно-правовой гарантии [33, с. 244]. Сторонники такого восприятия опираются на формулировку нормы ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, в которой использован глагол «гарантируется» применительно к поддержке конкуренции [34, с. 3].

Действительно, достижение определённого конкурентного состояния в экономике нельзя рассматривать лишь как декларативную задачу для государства. Она представляет собой комплекс юридических обязанностей, которые:

- с одной стороны, ограничивают механизм правового регулирования экономических отношений необходимостью обеспечения конкурентных условий;
- с другой стороны, предполагают определённые корреспондирующие субъективные права, выделяемые в конституционно-правовом статусе участников рынка.

Относительно новым в науке конституционного права является понимание конкуренции в плоскости субъективного права, имеющегося у граждан и юридических лиц при осуществлении ими экономической деятельности и гарантированного положениями Конституции РФ [35, с. 182]. Тем самым «право на конкуренцию», по мнению сторонников данного подхода, выступает разновидностью социально-экономических прав личности, построенных на системе конституционных гарантий их реализации и защиты [36, с. 64].

Прямого указания на отнесение конкуренции к категории субъективных прав граждан в действующей Конституции РФ не прослеживается. Равным образом отсутствует упоминание такого права в отраслевом законодательстве, во многом построенном на идее охраны классической системы прав граждан и организаций в сфере экономики. Однако в теоретическом направлении существование определённого субъективного права может не всегда сопровождаться соответствующим формально-юридическим выражением [37, с. 6]. Вследствие этого конструкция конституционно-правовых норм позволяет делать предположения о существовании права граждан на некоторые блага, возведённые в разряд ценностей или гарантий [38, с. 103].

Между тем у гипотезы о выделении конституционного права на конкуренцию имеется ряд недостатков. Помимо отсутствия чётко закреплённой формулировки такого субъективного права в Конституции РФ и в отраслевом законодательстве, теряется смысл его существования.

Как известно, право является возможностью, которую гражданин способен реализовать сам или при помощи государства. В таком ракурсе конституционное право на конкуренцию означало бы возможность граждан осуществлять свою экономическую деятельность на сопернических началах, т.е. предоставляло бы выбор: развивать экономические отношения на конкурентных условиях или на каких-либо иных (например, монополистических либо олигополистических). Последний вариант противоречит содержанию конституционной гарантии поддержки конкуренции. Кроме того, существование субъективного конституционного права на конкуренцию препятствует сохранению естественных монополий в ряде отраслей, где невозможно или нецелесообразно обеспечить действие конкурентных условий в силу их государственной значимости (безопасность, стратегическое значение, социальный характер государственных обязательств и пр.).

Таким образом, конкуренция в конституционно-правовом выражении обладает признаками разных теоретических конструкций:

- как конституционно-правовой принцип;
- как конституционно-правовой запрет;
- как конституционно-правовое ограничение;
- как конституционно-правовая гарантия;
- как конституционно-правовая ценность;
- как механизм осуществления конституционных прав и свобод;
- как инструмент конституционно-правовой защиты.

Отмеченный многосоставный характер понимания конкуренции в конституционном праве позволяет разграничить её терминологическое значение в других отраслях права в зависимости от целей, методов и принципов правового регулирования, а также от определения пределов

правового вмешательства в конкурентные отношения, которые развиваются преимущественно самими участниками рыночного оборота.

Литература и источники

1. Хабриева Т.Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 1 (241). С. 5-15.
2. Евтушенко И.В. Защита конкуренции и свободы экономической деятельности: конституционно-правовой анализ // Современное право. 2015. № 3. С. 34-38.
3. Сухоруков А.С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 206 с.
4. Борисова Н.Е. Формы взаимодействия конституционного права и экономики // Правозащитник. 2013. № 1. С. 12.
5. Байдаров А.Д. Принцип поддержки конкуренции как конституционный принцип в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2012. № 8 (92). С. 65-68.
6. Лаптев В.А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 103. № 6. С. 39-47.
7. Карев Д.А. Критерии классификации правовых принципов: предметный, нормативный и функциональный подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 357-361.
8. Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 159 с.
9. Егорченко И.Н. К вопросу о принципах конституционно-правового регулирования экономического развития // Образование и право. 2016. № 8. С. 119-125.
10. Ломидзе О.Г. Приоритеты в защите участников оборота: гражданско-правовые решения и конституционно-правовые принципы // Российская юстиция. 2021. № 8. С. 25-28.
11. Алебастрова И.А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источники // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 12-17.
12. Куликов А.Е. О понятии «недопущение конкуренции» по современному российскому уголовному праву // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1. С. 92-94.
13. Парамонов А.В. Практическое значение конституционных принципов права // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 435-441.
14. Донецков Е.С. Баланс частного и публичного интереса в контексте реализации правового принципа поддержки конкуренции // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 163-167.
15. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного суда Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. 284 с.
16. Ларькина М.С. Правовые основы реализации конституционного принципа поддержки конкуренции // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 1 (17). С. 94-98.
17. Варламова А.Н. К вопросу о правовой поддержке развития конкуренции // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 5. С. 17-29.
18. Евтушенко И.В. Защита конкуренции и свободы экономической деятельности: конституционно-правовой анализ // Современное право. 2015. № 3. С. 34-38.
19. Башлаков-Николаев И.В. О влиянии конституционных новелл на развитие антимонопольного регулирования и правоприменения // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 2 (30). С. 8-15.
20. Нурмагамбетов Р.Г. Запреты и ограничения в конституционном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 223 с.
21. Коломейцева Т.А., Свистунова Л.Ю. Функции и гарантии конституционных запретов и ограничений // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 3. С. 19-22.
22. Матвеева М.А. Конституционный запрет монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 135-145.
23. Егорова М.А. Недобросовестная конкуренция как разновидность правового запрета PER SE // Право и экономика. 2018. № 1 (359). С. 30-34.
24. Даниловская А.В. Межотраслевой подход к исследованию понятия «конкуренция» // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 4 (20). С. 30-34.
25. Честнов И.Л. Принцип релятивизма в постклассической теории права // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 62-65.
26. Арзуманян Л.С. Конкурентное право как самостоятельная отрасль права // Modern Science. 2022. № 5-1. С. 130-133.
27. Томилова Л.Н., Корниенко А.В. Конкурентное право – отрасль будущего // Власть Закона. 2021. № 1 (45). С. 167-179.
28. Попов А.П., Караев Р.Ш. Особенности публично-правового регулирования конкурентных отношений на товарных рынках // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 2. С. 206-209.
29. Амелина Е.Е. К вопросу об источниках и принципах правового регулирования конкурентных отношений // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 3. С. 150-153.
30. Кемргогов Т.Х. Конституционные принципы и ценности как предмет баланса (пропорциональности): к вопросу о сложностях теоретического и практического содержания // Государство и право. 2021. № 1. С. 135-142.
31. Комкова Г.Н., Тюменева Н.В. Конституционные ценности как правовые ориентиры совершенствования информационно-коммуникативной культуры // Право: история и современность. 2020. № 2 (11). С. 39-48.
32. Бура В.М. Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125). С. 23-32.
33. Жданов И.Ю. О некоторых аспектах нарушения органами власти конституционной гарантии поддержки конкуренции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2 (11). С. 241-246.
34. Бельх С.В. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 2-7.
35. Цкаева Л.В. Юридическая природа конституционного права на конкуренцию // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 1 (13). С. 181-186.

36. Косинов В.А. Федеральный закон «О естественных монополиях» как препятствие к реализации конституционного права на конкуренцию // Современное право. 2015. № 10. С. 62-65.
37. Овсепян Ж.И. Развитие учения о субъективном характере основных (конституционных) прав и свобод в классической научной теории // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 13. С. 2-8.
38. Зубкова В.С. К соотношению субъективных прав и субъективных обязанностей в российской науке конституционного права // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2 (78). С. 102-105.

References and Sources

1. Habrieva T.YA. Konstitucionno-pravovye osnovy konkurencii v Rossijskoj Federacii // ZHurnal rossijskogo prava. 2017. № 1 (241). S. 5-15.
2. Evtushenko I.V. Zashchita konkurencii i svobody ekonomicheskoy deyatel'nosti: konstitucionno-pravovoj analiz // Sovremennoe pravo. 2015. № 3. S. 34-38.
3. Suhorukov A.S. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie konkurencii v Rossijskoj Federacii. Diss. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2010. 206 s.
4. Borisova N.E. Formy vzaimodejstviya konstitucionnogo prava i ekonomiki // Pravozashchitnik. 2013. № 1. S. 12.
5. Bajdarov A.D. Princip podderzhki konkurencii kak konstitucionnyj princip v Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2012. № 8 (92). S. 65-68.
6. Laptsev V.A. Konstituciya Rossii kak osnovnoj istochnik predprinimatel'skogo prava // Lex russica (Russkij zakon). 2015. T. 103. № 6. S. 39-47.
7. Karev D.A. Kriterii klassifikacii pravovyh principov: predmetnyj, normativnyj i funkcional'nyj podhody // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2018. T. 18. № 3. S. 357-361.
8. Mosin S.A. Prezumpcii i principy v konstitucionnom prave Rossijskoj Federacii. Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. 159 s.
9. Egorchenko I.N. K voprosu o principah konstitucionno-pravovogo regulirovaniya ekonomicheskogo razvitiya // Obrazovanie i pravo. 2016. № 8. S. 119-125.
10. Lomidze O.G. Priority v zashchite uchastnikov oborota: grazhdansko-pravovye resheniya i konstitucionno-pravovye principy // Rossijskaya yusticiya. 2021. № 8. S. 25-28.
11. Alebastrova I.A. Konstitucionnye principy: forma vyrazheniya, mesto v sisteme prava i ego istochnikov // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2007. № 8. S. 12-17.
12. Kulikov A.E. O ponyatii «nedopushchenie konkurencii» po sovremennomu rossijskomu ugolovnomu pravu // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2009. № 1. S. 92-94.
13. Paramonov A.V. Prakticheskoe znachenie konstitucionnyh principov prava // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2020. T. 4. № 16. S. 435-441.
14. Doneckov E.S. Balans chastnogo i publichnogo interesa v kontekste realizacii pravovogo principa podderzhki konkurencii // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2014. № 17. S. 163-167.
15. Gadzhiev G.A. Konstitucionnye principy rynochnoj ekonomiki. Razvitie osnov grazhdanskogo prava v resheniyah Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii. M.: YUrist", 2004. 284 s.
16. Lar'kina M.S. Pravovye osnovy realizacii konstitucionnogo principa podderzhki konkurencii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2017. T. 5. № 1 (17). S. 94-98.
17. Varlamova A.N. K voprosu o pravovoj podderzhke razvitiya konkurencii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2008. № 5. S. 17-29.
18. Evtushenko I.V. Zashchita konkurencii i svobody ekonomicheskoy deyatel'nosti: konstitucionno-pravovoj analiz // Sovremennoe pravo. 2015. № 3. S. 34-38.
19. Bashlakov-Nikolaev I.V. O vliyani konstitucionnyh novell na razvitie antimonopol'nogo regulirovaniya i pravoprimeniya // Rossijskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. 2022. № 2 (30). S. 8-15.
20. Nurmagambetov R.G. Zaprety i ogranicheniya v konstitucionnom prave. Dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2006. 223 s.
21. Kolomejceva T.A., Svistunova L.Yu. Funkcii i garantii konstitucionnyh zapretov i ogranichenij // Uchenye zapiski juridicheskogo fakul'teta. 2021. № 3. S. 19-22.
22. Matveeva M.A. Konstitucionnyj zapret monopolizacii ekonomicheskoy deyatel'nosti i nedobrosovestnoj konkurencii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2018. № 3. S. 135-145.
23. Egorova M.A. Nedobrosovestnaya konkurenciya kak raznovidnost' pravovogo zapreta PER SE // Pravo i ekonomika. 2018. № 1 (359). S. 30-34.
24. Danilovskaya A.V. Mezhotraslevoj podhod k issledovaniyu ponyatiya «konkurenciya» // Rossijskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. 2019. № 4 (20). S. 30-34.
25. CHestnov I.L. Princip relyativizma v postklassicheskoj teorii prava // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Noveye gumanitarnye issledovaniya. 2013. № 1 (30). S. 62-65.
26. Arzumanyan L.S. Konkurentnoe pravo kak samostoyatel'naya otrasl' prava // Modern Science. 2022. № 5-1. S. 130-133.
27. Tomilova L.N., Kornienko A.V. Konkurentnoe pravo – otrasl' budushchego // Vlast' Zakona. 2021. № 1 (45). S. 167-179.
28. Popov A.P., Karaev R.Sh. Osobennosti publichno-pravovogo regulirovaniya konkurentnyh otnoshenij na tovarnyh rynkah // Problemy ekonomiki i juridicheskoy praktiki. 2019. T. 15. № 2. S. 206-209.
29. Amelina E.E. K voprosu ob istochnikah i principah pravovogo regulirovaniya konkurentnyh otnoshenij // Problemy ekonomiki i juridicheskoy praktiki. 2020. T. 16. № 3. S. 150-153.
30. Kemryugov T.H. Konstitucionnye principy i cennosti kak predmet balansa (proporcional'nosti): k voprosu o slozhnostyah teoreticheskogo i prakticheskogo soderzhaniya // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 1. S. 135-142.
31. Komkova G.N., Tyumeneva N.V. Konstitucionnye cennosti kak pravovye orientiry sovershenstvovaniya informacionno-kommunikativnoj kultury // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2020. № 2 (11). S. 39-48.
32. Burla V.M. Cennost' kak bazovaya kategoriya otechestvennoj konstitucionnoj aksiologii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 4 (125). S. 23-32.
33. Zhdanov I.Yu. O nekotoryh aspektah narusheniya organami vlasti konstitucionnoj garantii podderzhki konkurencii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2009. № 2 (11). S. 241-246.
34. Belyh S.V. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie konkurencii v Rossijskoj Federacii // Konkurentnoe pravo. 2022. № 1. S. 2-7.
35. Ckaeva L.V. YUridicheskaya priroda konstitucionnogo prava na konkurenciyu // Teoriya prava i mezhgosudarstvennyh otnoshenij. 2021. T. 1. № 1 (13). S. 181-186.
36. Kosinov V.A. Federal'nyj zakon «O estestvennyh monopolijah» kak prepyatstvie k realizacii konstitucionnogo prava na konkurenciyu // Sovremennoe pravo. 2015. № 10. S. 62-65.
37. Ovspeyan Zh.I. Razvitie ucheniya o sub"ektivnom haraktere osnovnyh (konstitucionnyh) prav i svobod v klassicheskoj nauchnoj teorii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 13. S. 2-8.
38. Zubkova V.S. K sootnosheniyu sub"ektivnyh prav i sub"ektivnyh obyazannostej v rossijskoj nauke konstitucionnogo prava // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2-2 (78). S. 102-105.

СБОЕВА ИРИНА МИХАЙЛОВНА – старший преподаватель кафедры экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета (irinasb@list.ru).

ЭФРИКЯН Р.А., ГОЛУБИХИНА Н.В., БЕСКОРОВАЙНАЯ Е.С.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ)

Ключевые слова: исполнительные органы местного самоуправления, публичная власть, местная администрация, население, исполнительная власть, полномочия

В статье осуществлен анализ норм Европейской Хартии местного самоуправления и норм Конституции России на предмет правового регулирования института исполнительных органов местного самоуправления. Конституция Российской Федерации и российское законодательство, в целом, следуют идеологии Европейской Хартии местного самоуправления, но о которых идет речь в данной статье. Основной акцент авторы делают на том, что предоставляемые органам местного самоуправления полномочия должны быть, как правило, полными и исключительными. Они могут быть оспорены или ограничены иным органом власти, центральным или региональным, только в пределах, установленных законом. Тем не менее, в реальности законодатель формулирует здесь определенные ограничения. Поэтому предлагается в Конституции России сделать соответствующее дополнение.

EFRIKYAN, R.A., GOLUBIKHINA, N.V., BESKOROVAYNAYA, E.S.
LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF EXECUTIVE BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
(INTERNATIONAL LEGAL AND CONSTITUTIONAL ASPECTS)

Key words: executive bodies of local self-government, public power, local administration, population, executive power, powers

The authors of the article consider and analyze the norms of the European Charter of Local Self-Government and the norms of the Constitution of Russia for the legal regulation of the institute of executive bodies of local self-government. The Constitution of the Russian Federation and Russian legislation generally follow the ideology of the European Charter of Local Self-Government, but there are certain features that are discussed in this article. The authors make the main emphasis on the fact that the powers granted to local governments should, as a rule, be full and exclusive. They may be challenged or limited by another authority, central or regional, only within the limits established by law. However, in reality, the legislator formulates certain restrictions here. Therefore, it is proposed to make an appropriate addition to the Constitution of Russia.

Нормативно-правовое регулирование института исполнительных органов местного самоуправления осуществляется на всех правовых уровнях, которые в настоящее время возможны в России, а именно: 1) на международном уровне; 2) на федеральном уровне; 3) на региональном уровне; 4) на муниципальном уровне. Указанная последовательность предопределяет и степень глубины и объема правового регулирования – от более общих (международный уровень) – к предельно конкретным (муниципальный уровень) [1, с. 36]. Исполнительные органы местного самоуправления, реализуя функции исполнительной власти на местном уровне, отражают все свойства, присущие местному самоуправлению, и соответственно к ним относимы признаки, характерные для всего института местного самоуправления.

Прежде всего, рассмотрим Европейскую Хартию местного самоуправления, принятую 15 октября 1985 г. в Страсбурге и ратифицированную Россией 11 апреля 1998 г. [2, с. 6-44]. В ст. 3 Хартии под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения. Хартия определяет, что местное самоуправление должно быть признано, а значит гарантировано в конституции и законах государства (ст. 2). И далее: «Это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного тайного равного прямого и всеобщего голосования. Советы или собрания могут располагать подотчетными им исполнительными органами. Это положение не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан там, где это допускается по закону».

Представляет интерес ст. 4 Хартии местного самоуправления, согласно которой основные полномочия органов местного самоуправления устанавливаются конституцией или законом. Однако это положение не исключает предоставления органам местного самоуправления в соответствии с законом отдельных конкретных полномочий. Органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для осуществления собственных инициатив по любому вопросу, который не исключен из их компетенции и не отнесен к компетенции другого органа власти. Осуществление государственных полномочий, как правило,

должно преимущественно возлагаться на органы власти наиболее близкие к гражданам. Предоставление каких-либо из этих полномочий иному органу власти должно производиться с учетом объема и природы поставленной задачи, а также требований эффективности и экономии. Предоставляемые органам местного самоуправления полномочия должны быть, как правило, полными и исключительными. Они могут быть оспорены или ограничены иным органом власти, центральным или региональным, только в пределах, установленных законом. Ниже мы покажем, что вопросу делегирования местному самоуправлению отдельных государственных полномочий в России стало уделяться внимание лишь в последние годы.

Хартия определяет (ст. 5), что местные органы власти должны иметь возможность, не нарушая более общих законодательных положений, сами определять свои внутренние административные структуры, которые они намерены создать, с тем, чтобы те отвечали местным потребностям и обеспечивали эффективное управление. Статус персонала органов местного самоуправления должен обеспечивать подбор высококвалифицированных кадров, основанный на принципах учета личных достоинств и компетентности; для этого необходимо обеспечить соответствующие условия профессиональной подготовки, оплаты труда и продвижения по службе. В ст. 7 определяются условия осуществления полномочий на местном уровне – так, статус местных выборных лиц должен обеспечивать свободное осуществление их мандата, предусматривать надлежащую денежную компенсацию расходов в связи с осуществлением ими своего мандата, а также, при необходимости, денежную компенсацию за упущенный заработок или вознаграждения за проделанную работу и соответствующее социальное обеспечение. Функции и деятельность, не совместимые с мандатом местного выборного лица, могут устанавливаться только законом или основополагающими правовыми принципами.

Так же Хартия закрепила в себе положения о контроле государства за деятельностью органов местного самоуправления. Так в ст. 8 указывается, в частности, что любой административный контроль над органами местного самоуправления может осуществляться только в формах и в случаях, предусмотренных конституцией или законом государства. В ст. 9 Хартии закреплено положение о том, что органы местного самоуправления имеют право, в рамках национальной экономической политики, на обладание достаточными собственными финансовыми средствами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих функций. Финансовые средства органов местного самоуправления должны быть соразмерны предоставленным им конституцией или законом полномочиям. По меньшей мере, часть финансовых средств органов местного самоуправления должна поступать за счет местных сборов и налогов, ставки которых органы местного самоуправления вправе устанавливать в пределах, определенных законом.

Здесь хотелось бы отметить, что положения, закрепленные в Хартии и других международно-правовых документах чрезвычайно актуальны для России, и особенно это важно подчеркнуть в том смысле, что в исполнительских органах местного самоуправления, и прежде всего поселенческого уровня, ощущается нехватка высококвалифицированных управленцев, и отмеченная выше рекомендуемая политика будет способствовать их появлению.

Российское законодательство, в целом, следует идеологии Европейской Хартии местного самоуправления, но при этом встречаются определенные особенности, о которых речь пойдет ниже. Сначала рассмотрим специфику конституционного регулирования института местного самоуправления, в целом, и его исполнительных органов - в частности.

В Конституции России, а именно: согласно ч. 2 ст. 3 «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и *органы местного самоуправления*»; согласно ч. 2 ст. 15 «органы государственной власти, *органы местного самоуправления*, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы»; согласно ст. 18 «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, *местного самоуправления* и обеспечиваются правосудием»; согласно ч. 2 ст. 24: «органы государственной власти и *органы местного самоуправления*, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом»; согласно ч. 2 ст. 32 «граждане Российской

Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и *органы местного самоуправления*, а также участвовать в референдуме»; согласно ст. 33 «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и *органы местного самоуправления*»; согласно ч. 2 и 3 ст. 40: «органы государственной власти и *органы местного самоуправления* поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище»; согласно п. «н» ч. 71: «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: ... установление общих принципов организации системы органов государственной власти и *местного самоуправления*»; согласно ч. 1 ст. 131 «структура *органов местного самоуправления* определяется населением самостоятельно»; согласно ч. 1 ст. 132 «*органы местного самоуправления* самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения»; согласно ч. 2 ст. 131 «*органы местного самоуправления* могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств».

Исходя из вышеуказанного, можно прийти к выводу, что в конституционных нормах органы местного самоуправления ставятся в один ряд с органами государственной власти. Указанное обстоятельство говорит о том, что законодатель (в данном случае – весь многонациональный народ России принял Конституцию РФ) отделил местное самоуправление от системы государственной власти, а с другой стороны это свидетельствует о тесной связи местного самоуправления и государственного управления как составных частей единой публичной власти в России. О тесной взаимосвязи органов государства и органов местного самоуправления свидетельствуют и другие факты. Так, основной нормативный акт муниципальных образований – устав, являясь правовой основой их самостоятельности, подлежит государственной регистрации.

И в этом контексте смысл ст. 12 Конституции России не так прост, как может показаться, исходя из текста этой нормы. Не случайно положения ст. 12 Конституции России, закрепляющие организационную обособленность местного самоуправления, стали объектом серьезной критики со стороны некоторых исследователей, поскольку они позволяют рассматривать местное самоуправление в отрыве от государственной власти [3, с. 195]. Самостоятельность местного самоуправления может быть ограничена, например, в силу указания ст. 55 Конституции России, которая предусматривает возможность ограничения прав человека и гражданина, в том числе на местное самоуправление, федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В этом плане нельзя не согласиться с М.В. Демидовым, который, исследуя вопрос финансового контроля на разных уровнях управления, пишет, что, «хотя и Конституция Российской Федерации закрепляет самостоятельность местного самоуправления, которая, прежде всего, проявляется в том, что оно не входит в систему государственного управления, но, тем не менее финансовый контроль, в том числе и внешний, вне зависимости от осуществления его государственными или муниципальными органами должен основываться на принципе единства системы, методологической и правовой базы» [4, с. 14; 5, с. 29]. Как видно, самостоятельность местного самоуправления является относительной и проявляется в наличии у муниципальных образований самостоятельных предметов ведения и полномочий, то есть для муниципальной власти определено свое поле деятельности, свои полномочия и строго определенные функции в государстве.

Вместе с тем мы полагаем, что содержание ст. 12 Конституции России непротиворечно в том смысле, что, объединив в одном термине («органы государственной власти») два самостоятельных уровня публичной власти (федеральный и региональный), законодатель дает основания для предположения, что эти уровни между собой административно соподчинены, хотя это не так, и, например, отношения «местное самоуправление – органы госвласти субъекта Федерации» и отношения «органы госвласти субъекта Федерации – федеральные органы госвласти» по сути, не отличаются, поскольку субъект Федерации, равно как и муниципальное образование, самостоятельно определяют структуры органов власти. Кроме того, здесь следует заметить и названия законов аналогичны (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления

в Российской Федерации» и ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [6]). Однако более подробно мы не имеем в виду развивать эту тему.

Для нас важнее отметить то, что Конституция России, вслед за Европейской хартией местного самоуправления, прямо не называет исполнительные органы власти на муниципальном уровне (хотя косвенно Конституция России предписывает иметь исполнительные органы, что вытекает, например, из ч. 1 ст. 132 Конституции России, согласно которой следует «исполнять местный бюджет», а делать это без исполнительных органов невозможно). Так, в ч. 2 ст. 130 Конституции России среди основных форм реализации народовластия на муниципальном уровне указывается на осуществление местного самоуправления через выборные и другие органы местного самоуправления.

Дело в том, что правильные сами по себе, то есть теоретически, соображения Л.Б. Соболевой [7, с. 30], применительно к конкретному законодательству, на наш взгляд, излишне категорично формулирует варианты того, что *предположительно* подразумевается из смысла ч. 2 ст. 130 Конституции России, поскольку указанные этим автором варианты вполне конкретизируются в федеральном законодательстве о местном самоуправлении, в котором, как известно, способы формирования органов местного самоуправления имеют достаточно жесткие рамки, и, в частности, местную администрацию как исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления, население непосредственно избирать не может; эта невозможность обусловлена, прежде всего, тем, на наш взгляд, что сама местная администрация как коллегиальный орган не имеет какой-либо предписываемой законодателем организационной структуры (как, например, относительно немногочисленный исполком местного Совета, который избирался на сессии местного Совета), и последняя, как будет ниже показано, имеет существенные различия в разных субъектах Федерации.

И в этом смысле мы критически оцениваем норму ст. 131 Конституции России, устанавливающую самостоятельность определения населением структуры органов местного самоуправления без ссылок на законодательство, регулирующее данные общественные отношения. В литературе Н.Ю. Давыдовой отмечается, например, что, «исходя из права населения муниципального образования на самостоятельное определение организации местного самоуправления федеральные органы государственной власти не могут препятствовать муниципальным образованиям самостоятельно решать вопрос о порядке взаимоотношений органов местного самоуправления муниципального образования между собой» [8, с. 85]. Т.Я. Хабриева определяет это как «организационную самостоятельность» местного самоуправления [9, с. 11]. Однако эти авторы, не делая оговорок по поводу того, что самостоятельность не может быть полной, допускают конституционное ее понимание именно в таком смысле.

Согласно еще одной точке зрения, «под самостоятельностью населения в вопросе определения структуры органов местного самоуправления подразумевается право населения соответствующей территории решать указанный вопрос, как через прямое волеизъявление, так и через представительный орган местного самоуправления. При этом необходимо обратить внимание на механизм реализации права граждан на самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления. Следует учитывать, что, исходя из ч.3 ст. 55 Конституции РФ указанное право может быть ограничено только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [10, с. 153]. Далее авторы данной работы (А.Н. Кокотов, А.С. Саломатин) не конкретизируют, какое именно основание из указанных в ст. 55 Конституции России, может ограничивать самостоятельность местного самоуправления в определении структуры органов местного самоуправления.

Мы полагаем, что ни одно из перечисленных оснований не является препятствием для самостоятельности населения в вопросах определения структуры органов местного самоуправления. Однако в реальности, как мы отмечали, законодатель формулирует определенные ограничения, и в этом смысле, как представляется, в Конституции России следовало бы сделать соответствующее дополнение. Положение о том, что структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно, но с ограничениями, а именно в

соответствии с федеральными законами, законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации, устанавливающими общие принципы организации местного самоуправления, подтвердил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 1 февраля 1996 г. [11]. В этом акте указывалось на право субъектов Федерации издавать такого рода законы, однако позже, после принятия закона о местном самоуправлении 2003 г., возможности субъектов Федерации в этом отношении значительно сократились.

Кроме того, следует согласиться И.В. Выдриным, который в одной из своих работ указал на то, что используемый в Конституции России термин «структура органов местного самоуправления» не совсем точен. Обосновывая это тем, что структура органов местного самоуправления должна определяться в рамках устава конкретного муниципального образования а также, нормативно-правовых документах, регулирующих организацию местного самоуправления (регламентах, положениях и т.д.), а Конституция и законодательство должны ограничиться закреплением права населения самостоятельно определять *систему* органов местного самоуправления (представительные, исполнительные органы, главы муниципальных образований и др.) [12, с. 67; 13, с. 51]. Однако, как и в предыдущих аналогичных случаях, мы не предлагаем изменять Конституцию России, полагая целесообразным ввести изменения и дополнения в текущем законодательстве.

Литература и источники

1. Ляпин М.Ф. Конституционная теория и практика децентрализации государственной власти в России. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
2. Европейская хартия местного самоуправления от 15.10.1985 г. // Сборник нормативных правовых актов по местному самоуправлению / Сост. П.М. Курдюк, А.В. Лесных, В.В. Прудников. В 2 частях. Ч. 1. Краснодар, 1999.
3. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: НОРМА, 2001.
4. Демидов М.В. Некоторые правовые аспекты совершенствования и перспективы развития органов парламентского финансового контроля в России // Юридический мир. 2010. № 3.
5. Цирин А.М. Субъекты права муниципальной собственности в Российской Федерации // Современное право. 2006. № 7.
6. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 г. N 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021, с изм. от 14.07.2022) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Соболева Л.Б. Исполнительные органы местного самоуправления в Российской Федерации: особенности правовой природы и статуса. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
8. Давыдова Н.Ю. Усложнение структуры и системы института конституционно-правового принуждения в сфере местного самоуправления // Адвокат. 2009. № 11.
9. Хабриева Т.Я. Муниципальная реформа в правовом измерении // Журнал российского права. 2008. № 3.
10. Кокотов А.Н., Саломаткин А.С. Муниципальное право России. М.: Юрист, 2005.
11. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 01.02.1996 г. N 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава - Основного Закона Читинской области» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 1996. № 1.
12. Выдрин И.В. Местное самоуправление в Российской Федерации: от идеи к практике. Екатеринбург, 1998.
13. Масловская М.В., Якин Р.Л. К вопросу о статусе представительного органа муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 23.

1. Lyapin M.F. Konstitucionnaya teoriya i praktika decentralizacii gosudarstvennoj vlasti v Rossii. Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2011.
2. Evropejskaya hartiya mestnogo samoupravleniya ot 15.10.1985 g. // Sbornik normativnyh pravovyh aktov po mestnomu samoupravleniyu / Sost. P.M. Kurdyuk, A.V. Lesnyh, V.V. Prudnikov. V 2 chastyah. Ch. 1. Krasnodar, 1999.
3. Koveshnikov E.M. Gosudarstvo i mestnoe samoupravlenie v Rossii: teoretiko-pravovye osnovy vzaimodejstviya. M.: NORMA, 2001.
4. Demidov M.V. Nekotorye pravovye aspekty sovershenstvovaniya i perspektivy razvitiya organov parlamentskogo finansovogo kontrolya v Rossii // Yuridicheskij mir. 2010. № 3.
5. Cirin A.M. Sub"ekty prava municipal'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. 2006. № 7.
6. Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 06.10.1999 g. N 184-FZ (red. ot 21.12.2021, s izm. ot 14.07.2022) // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus».
7. Soboleva L.B. Ispolnitel'nye organy mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: osobennosti pravovoj prirody i statusa. Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.
8. Davydova N.Yu. Uslozhenie struktury i sistemy instituta konstitucionno-pravovogo prinuzhdeniya v sfere mestnogo samoupravleniya // Advokat. 2009. № 11.
9. Habrieva T.Ya. Municipal'naya reforma v pravovom izmerenii // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. № 3.
10. Kokotov A.N., Salomatkin A.S. Municipal'noe pravo Rossii. M.: Yurist, 2005.
11. Postanovlenie Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii ot 01.02.1996 g. N 3-P «Po delu o provere konstitucionnosti ryada polozhenij Ustava - Osnovnogo Zakona Chitinskoj oblasti» // Vestnik Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii. 1996. № 1.
12. Vydrin I.V. Mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj Federacii: ot idei k praktike. Ekaterinburg, 1998.
13. Maslovskaya M.V., Yakin R.L. K voprosu o statuse predstavitel'nogo organa municipal'nogo obrazovaniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2007. № 23.

ЭФРИКЯН РУБЕН АЛЬБЕРТОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (kiar_krdu@mvd.ru).

ГОЛУБИХИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).

БЕСКОРОВАЙНАЯ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).

EFRIKYAN, RUBEN A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (kiap_krdu@mvd.ru)

GOLUBIKHINA, NATALIA V. – Ph.D. in Law, Deputy Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap_krdu@mvd.ru).

BESKOROVAYNAYA, ELENA S. – Senior Lecturer, Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap_krdu@mvd.ru).

УДК 342.742.5

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-71-74

**БАГДАСАРЯН А.О., ПРОКОФЬЕВ С.В., ПОНОМАРЕНКО А.А.
ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНАМИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ
ОБОРОНЫ И ЗАЩИТЫ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В ГОРОДАХ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

Ключевые слова: гражданская оборона, защита от чрезвычайных ситуаций, органы местного самоуправления, города федерального значения, законодательное регулирование.

В статье представлен анализ нормативного регулирования полномочий органов местного самоуправления в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в городах федерального значения. Выявлены противоречия федерального и регионального законодательства, регламентирующие их деятельность в данной сфере. Представлены предложения по совершенствованию федерального законодательства в части организации гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в муниципальных образованиях городов федерального значения. Прежде всего, предлагается внесение изменений в федеральные законы «О гражданской обороне» и «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» на предмет наделения органов государственной власти городов федерального значения правом по определению структуры органов управления РСЧС и гражданской обороной в муниципальных образованиях, определения полномочий органов местного самоуправления в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций.

**BAGDASARYAN, A.O., PROKOFEV, S.V., PONOMARENKO, A.A.
PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CIVIL DEFENSE AND EMERGENCY PROTECTION FUNCTIONS BY
MUNICIPAL AUTHORITIES IN FEDERAL CITIES**

Key words: civil defense, emergency protection, municipal authorities, federal cities, legislative regulation.

The article presents the analysis of legislative regulation of civil defense and emergency protection functions by municipal authorities in federal cities. There are identified contradictions between federal and regional legislation, which regulated their functions in these area. Proposals for improving federal legislation of organization of civil defense and emergency protection in municipality in federal cities are presented in article. First of all, it is proposed to amend the federal laws "On Civil Defense" and "On the Protection of the Population and Territories from Emergencies" with a view to empowering the state authorities of cities of federal significance with the right to determine the structure of the management bodies of the RSChS and civil defense in municipalities, to determine the powers local self-government bodies in the field of civil defense and protection from emergencies.

Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, является одной из важнейших функций государства. Эффективность её реализации напрямую зависит от структуры построения органов управления и сил, уполномоченных на решение задач в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций, и нормативного регулирования их деятельности. Действующее законодательство определяет полномочия не только органов государственной власти в данной области, но и органов местного самоуправления. При этом особое внимание стоит обратить на особенности осуществления этих функций в муниципальных образованиях городов федерального значения.

Актуальность проблемы функционирования Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) и гражданской обороны в муниципальных образованиях городов федерального значения обусловлена спецификой реализации в них муниципальной власти и нормативного регулирования их деятельности в данной области.

Так, согласно требованиям Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» городам федерального значения предоставлено право определять полномочия органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в области защиты населения и

территорий от чрезвычайных ситуаций. При этом, там же сказано, что принципы построения и состав органов управления РСЧС определяется законодательством Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации [1].

Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» и Положением о РСЧС, утверждённом постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 г. № 794 установлены уровни, на которых функционирует РСЧС. Так, этими нормативными правовыми актами определено наличие муниципального уровня РСЧС, на котором органы местного самоуправления обязаны создавать координационные органы, постоянно действующие органы и органы повседневного управления [1, 2].

Однако, изучая структуру территориальных подсистем РСЧС в городах федерального значения, можно заметить их несоответствие требованиям федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» и Положения о РСЧС.

Приведём ряд примеров.

Так, Положением о Санкт-Петербургской территориальной подсистеме РСЧС органы управления и силы РСЧС на районном уровне создаются администрациями районов, которые не являются органами местного самоуправления [3]. Они являются исполнительными органами государственной власти субъекта Российской Федерации [4]. Это означает, что в г. Санкт-Петербурге муниципальный уровень территориальной подсистемы РСЧС отсутствует. Вместо муниципального уровня образован районный уровень территориальной подсистемы РСЧС, на котором функционируют органы управления РСЧС, созданные органами государственной власти г. Санкт-Петербурга.

В Москве можно наблюдать дублирование органов управления на муниципальном уровне РСЧС. Обязанностью по их созданию наделены управы районов г. Москвы и органы местного самоуправления [5]. При этом управы районов являются территориальными органами государственной власти субъекта Российской Федерации, а их границы соответствуют границам муниципальных образований г. Москвы [6, 7]. Получается в границах одной территории государственными органами власти регионального уровня и муниципальными образованиями создаются идентичные органы управления РСЧС с схожими задачами, правами и полномочиями.

Что касается вопросов гражданской обороны, то федеральным законом от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» (далее – федеральный закон «О гражданской обороне») никаких дополнительных полномочий для муниципальных образований городов федерального значения в нем не предусмотрены. Этим законом установлено требование создания органами местного самоуправления органов, осуществляющих управление гражданской обороной в муниципальных образованиях [8]. То есть, каждое муниципальное образование в городе федерального значения обязано иметь на постоянной основе орган, уполномоченный на решение задач в области гражданской обороны. При этом руководство гражданской обороной в них обязаны осуществлять главы муниципальных образований.

Однако и это законодательное требование не соблюдается в городах федерального значения. Полномочия органов местного самоуправления в области гражданской обороны определены только в г. Москве [9]. В остальных городах федерального значения главы муниципальных образований не наделены полномочиями по руководству гражданской обороной в соответствующих муниципалитетах. Создание органов, осуществляющих управление гражданской обороной в муниципальных образованиях (далее – органы управления гражданской обороной), не предусмотрено [10, 11].

Таким образом, можно считать, что законодательство городов федерального значения, регламентирующее полномочия и деятельность органов местного самоуправления в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций, противоречит федеральному законодательству. Между тем, согласно статьи 76 Конституции Российской Федерации, законодательство субъектов Российской Федерации не должно противоречить федеральным законам. В случае их противоречия действует федеральный закон [12].

С другой стороны, федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» городам федерального значения предоставлено право определять перечень вопросов местного значения для органов местного самоуправления, куда входят вопросы защиты от чрезвычайных ситуаций и

организации гражданской обороны [13]. Получается, что органы государственной власти городов федерального значения могут не наделять органы местного самоуправления полномочиями в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций. Тогда наблюдается противоречие между нормативными правовыми актами федерального уровня, регулирующими вопросы местного самоуправления и гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций. Для устранения этих противоречий необходимо понять, могут ли органы местного самоуправления городов федерального значения реализовывать вышеуказанные полномочия.

Федеральными законами «О гражданской обороне» и «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» установлено, что финансирование мероприятий по гражданской обороне и защите от чрезвычайных ситуаций на местном уровне является расходным обязательством муниципального образования [1, 8]. То есть, создание, обеспечение деятельности и содержание органов управления РСЧС и гражданской обороной должно осуществляться за счёт муниципального бюджета. Практика показывает, что реальная возможность исполнять эти обязательства у органов местного самоуправления в городах федерального значения отсутствует. Так, структура органов местного самоуправления Адмиралтейского округа г. Санкт-Петербурга включает в себя:

- представительный орган – Муниципальный совет;
- высшее должностное лицо – Главу Муниципального образования;
- исполнительно-распорядительный орган – Местную администрацию;
- Избирательную комиссию;
- Контрольно-расчетный орган.

Как правило, органы управления РСЧС и гражданской обороной создаются в составе местной администрации. Однако согласно данным официального сайта Адмиралтейского округа г. Санкт-Петербурга, Местная администрация там представлена всего тремя должностными лицами (Главой Местной администрации, главным бухгалтером и секретарем) [14]. Это не позволяет иметь в муниципальном округе органы, уполномоченные на решение задач в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций. Аналогичная ситуация наблюдается и в других муниципальных образованиях городов федерального значения. Это означает, что требования федерального законодательства в отношении органов местного самоуправления городов федерального значения не соответствуют их реальным возможностям по реализации задач гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций.

Кроме того, выполняемые в указанных муниципальных образованиях мероприятия гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций, осуществляются непосредственно в едином комплексе мероприятий в составе субъекта Российской Федерации.

Таким образом, можно выделить следующие проблемы нормативного регулирования реализации органами местного самоуправления функций в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в городах федерального значения:

структура территориальных подсистем РСЧС и органов управления гражданской обороной в муниципальных образованиях городов федерального значения не соответствует требованиям федерального законодательства;

региональное законодательство в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций городов федерального значения противоречит Федеральным законам «О гражданской обороне» и «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций»;

имеются противоречия между Федеральными законами «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О гражданской обороне» и «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» в части наделяния органов государственной власти городов федерального значения полномочиями по определению перечня местных вопросов в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций;

органы местного самоуправления городов федерального значения не имеют реальной возможности по организации гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций в муниципальных образованиях в полном объёме.

Учитывая отмеченные проблемы, наиболее подходящим вариантом их решения представляется внесение изменений в федеральные законы «О гражданской обороне» и «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» на предмет наделяния органов

государственной власти городов федерального значения правом по определению структуры органов управления РСЧС и гражданской обороной в муниципальных образованиях, определения полномочий органов местного самоуправления в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 2 ноября 2006 г. № 1359 «О Санкт-Петербургской территориальной подсистеме единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 31 мая 2012 г. N 36-пг «О структуре исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга». // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Правительства Москвы от 20 сентября 2005 г. № 715-ПП «Об утверждении Положения о Московской городской территориальной подсистеме единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». // СПС КонсультантПлюс.
6. Закон г. Москвы от 28 июня 1995 г. «Устав города Москвы». // СПС КонсультантПлюс.
7. Закон г. Москвы от 5 июля 1995 г. № 13-47 «О территориальном делении города Москвы». // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне». // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Правительства Москвы от 18 марта 2008 г. N 182-ПП «Об утверждении положения об организации и ведении гражданской обороны в городе Москве». // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 19 июня 2012 года N 37-пг «Об утверждении Положения об организации и ведении гражданской обороны в Санкт-Петербурге». // СПС КонсультантПлюс.
11. Закон города Севастополя от 17 ноября 2020 г. № 611-ЗС «О гражданской обороне в городе Севастополе». // СПС КонсультантПлюс.
12. Конституция Российской Федерации. // СПС КонсультантПлюс.
13. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.
14. Органы местного самоуправления. Адмиралтейский муниципальный округ. URL: <http://www.admiraloktug.ru/organy-mestnogo-samoupravleniya>.

References and Sources

1. Federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 1994 g. № 68-FZ «O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodного i tekhnogenного haraktera» // SPS Konsul'tantPlyus.
2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2003 g. № 794 «O edinoj gosudarstvennoj sisteme preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij». // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 2 noyabrya 2006 g. № 1359 «O Sankt-Peterburgskoj territorial'noj pod sisteme edinoj gosudarstvennoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij». // SPS Konsul'tantPlyus.
4. Postanovlenie Gubernatora Sankt-Peterburga ot 31 maya 2012 g. N 36-pg «O strukture ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti Sankt-Peterburga». // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 20 sentyabrya 2005 g. № 715-PP «Ob utverzhenii Polozheniya o Moskovskoj gorodskoj territorial'noj pod sisteme edinoj gosudarstvennoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij». // SPS Konsul'tantPlyus.
6. Zakon g. Moskvy ot 28 iyunya 1995 g. «Ustav goroda Moskvy». // SPS Konsul'tantPlyus.
7. Zakon g. Moskvy ot 5 iyulya 1995 g. № 13-47 «O territorial'nom delenii goroda Moskvy». // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Federal'nyj zakon ot 12 fevralya 1998 g. № 28-FZ «O grazhdanskoj oborone». // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 18 marta 2008 g. N 182-PP «Ob utverzhenii polozheniya ob organizacii i vedenii grazhdanskoj oborony v gorode Moskve». // SPS Konsul'tantPlyus.
10. Postanovlenie Gubernatora Sankt-Peterburga ot 19 iyunya 2012 goda N 37-pg «Ob utverzhenii Polozheniya ob organizacii i vedenii grazhdanskoj oborony v Sankt-Peterburge». // SPS Konsul'tantPlyus.
11. Zakon goroda Sevastopolya ot 17 noyabrya 2020 g. № 611-ZS «O grazhdanskoj oborone v gorode Sevastopole». // SPS Konsul'tantPlyus.
12. Konstituciya Rossijskoj Federacii. // SPS Konsul'tantPlyus.
13. Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». // SPS Konsul'tantPlyus.
14. Organy mestnogo samoupravleniya. Admiraltejskij municipal'nyj okrug. URL: <http://www.admiraloktug.ru/organy-mestnogo-samoupravleniya>.

БАГДАСАРЯН АРТЕМ ОЛЕГОВИЧ – заместитель начальника кафедры (организации управления повседневной деятельности МЧС России) Академии гражданской защиты МЧС России, доктор исторических наук;

ПРОКОФЬЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – начальник кафедры (организации управления повседневной деятельности МЧС России) Академии гражданской защиты МЧС России, кандидат военных наук;

ПОНОМАРЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ – доцент кафедры (организации управления повседневной деятельности МЧС России) Академии гражданской защиты МЧС России, кандидат военных наук, доцент.

BAGDASARYAN, ARTEM O. – Doctor of History, Deputy Head of the Department for Organization of Management of Daily Activities of the EMERCOM of Russia of the Academy of Civil Defense of the EMERCOM of Russia.

PROKOFEV, SERGEY V. - Ph.D. in Military, Head of the Department for Organization of Management of Daily Activities of the EMERCOM of Russia of the Academy of Civil Defense of the EMERCOM of Russia.

PONOMARENKO, ALEXANDER A. – Associate Professor of the Department for Organization of Management of Daily Activities of the EMERCOM of Russia of the Academy of Civil Defense of the EMERCOM of Russia, Ph.D. in Military.

ФРОЛОВ С.А., КОРОБКИНА П.С.
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ
ПАЦИЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: здравоохранение, медицинская помощь, медицинские услуги, пациент, права и обязанности, договор возмездного оказания медицинских услуг.

В статье рассмотрен правовой статус пациента при получении медицинских услуг, проанализированы проблемы соотношения его прав и обязанностей, отношений с врачом и медицинской организацией. Освещена дискуссия относительно сущности термина «пациент», обоснован вывод о необходимости законодательной доработки существующего определения. Аргументируется положение о существовании категории «обязанности пациента». Основное внимание уделено анализу перечня закрепленных в законе прав и обязанностей пациентов, приводится их классификация. Показано, что, исходя из буквы закона, право на охрану здоровья охватывает не только качество и доступность лекарственных препаратов и медицинской помощи, но и состояние окружающей среды, условия труда, питание и отдых граждан. Если первая составляющая определения прямо связана с медициной, то вторая составляющая охраны здоровья ложится на не медицинскую область.

FROLOV, S.A., KOROBKINA, P.S.
PROBLEMS OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF PATIENTS IN THE RUSSIAN
FEDERATION

Key words: healthcare, medical care, medical services, patient, rights and obligations, paid medical services contract.

The article considers the legal status of a patient when receiving medical services, analyzes the problems of the correlation of his rights and obligations, relations with a doctor and a medical organization. The discussion on the essence of the term "patient" is highlighted, the conclusion about the need for legislative revision of the existing definition is substantiated. The position on the existence of the category of "duties of the patient" is argued. The main attention is paid to the analysis of the list of rights and obligations of patients enshrined in the law, their classification is given. It is shown that, based on the letter of the law, the right to health protection covers not only the quality and availability of medicines and medical care, but also the state of the environment, working conditions, nutrition and rest of citizens. If the first component of the definition is directly related to medicine, then the second component of health care falls on the non-medical area.

Жизнь человека во много зависит от состояния здоровья организма, именно здоровье является основным условием и залогом полноценной жизни. Однако каждый человек подвержен болезням, которые ухудшают состояние организма, его нормальное функционирование. В таких случаях человек обращается за медицинской помощью в медицинские организации, деятельность которых направлена на восстановление и поддержание здоровья человека.

Всесторонняя правовая регламентация поддержания и сохранения жизни и здоровья человека позитивно влияет на качество оказываемой медицинской помощи. В данной связи сегодня особое внимание уделяется субъектам медицинских правоотношений – пациентам, медицинским организациям и работникам. В зависимости от того, насколько полно будет урегулировано правовое положение субъектов зависят порядок оказания медицинских услуг и установленные гарантии сторон.

Заключаемое между пациентом и медицинской организацией соглашение об оказании медицинской помощи определенного вида оформляется договором. Совокупность прав и обязанностей сторон по договору оказания медицинских услуг влияет на порядок предоставления платных медицинских услуг.

Согласно ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг, исполнитель, которым выступает в случае оказания медицинских услуг медицинская организация, обязуется по заданию заказчика (пациента) оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Корреспондирующим этим обязательствам являются право исполнителя требовать оплату оказанных услуг и право заказчика требовать оказания оплаченных услуг. Применительно к договору возмездного оказания медицинских услуг данным перечнем права и обязанности сторон не ограничиваются.

В правоотношения по оказанию медицинских услуг заказчиком выступает пациент. В российском законодательстве определение термина «пациент» содержится в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее-ФЗ № 323) и означает физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи, независимо от наличия у него заболевания и от его состояния [4]. Таким образом, законодатель при отнесении лица к категории «пациент», учитывает факт оказания человеку медицинской помощи или его обращение за такой помощью. При этом организационно-правовая форма учреждения, в которое человек обращается, для данной

дефиниции не имеет ключевого значения. Из других норм данного закона и иных нормативно-правовых актов мы узнаем о признаках медицинских организаций и требованиях, предъявляемых к ним [5]. Также хотелось бы обратить внимание, что, при определении категории «пациент», законодатель не связывает с этим понятием наличие, либо отсутствие у человека заболевания. Данная логика вполне обоснована, поскольку медицинская деятельность направлена не только на восстановление здоровья, но и его поддержание.

В научной литературе, несмотря на наличие легального определения термина «пациент», продолжается дискуссия относительно сущности данного термина. Например, О.Г. Печникова при определении дефиниции «пациент» выделяет обязательным признаком заключение договора с лицом, профессионально занимающимся медицинской деятельностью [11, с. 55]. Данная позиция ценна тем, что расширяется круг субъектов, подпадающих под категорию исполнителя медицинских услуг. Но в то же время, автор не раскрывает признаки самого лица, обратившегося за помощью, ограничиваясь лишь указанием на физическое лицо. Н.К. Елина обращает внимание на то, что пациентом может быть только физическое лицо, независимо от степени его дееспособности. Но при этом уточняется, что объектом медицинского воздействия является организм человека [12, с. 77].

Н.А. Савосина при исследовании данной темы подчеркивает, что пациент, как субъект медицинских правоотношений, должен обладать субъективными правами и обязанностями, а медицинская помощь, за которой обращается человек, должна носить профессиональный характер. Упоминание автора о наличии правоспособности весьма спорно, поскольку правоспособность возникает с рождения человека, а медицинская помощь оказывается всем – без учета каких-либо субъективных особенностей. Соответственно, наличие субъективных прав и обязанностей не является отличительным признаком пациента. В качестве удачной характеристики стоит отметить указание автора на то, что человек приобретает статус пациента с момента обращения в лечебное учреждение, а не с момента оказания ему помощи [13, с. 143].

Стоит отметить, что дефиниция «пациент» и его права закрепляются во многих международных актах [1-3], многочисленными нормативно-правовыми актами, которые были взяты за основу отдельными странами (в том числе и Россией) при создании собственного законодательства.

Если обратиться к ФЗ № 323, то права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья включают в себя определенный перечень из девяти прав, закрепленных в главе 4. Данные права можно разделить на три группы: общие медицинские права, информационные права пациента, права особых категорий пациентов [4].

Каждое из перечисленных выше прав раскрывается в статье закона. Исходя из буквы закона, право на охрану здоровья охватывает не только качество и доступность лекарственных препаратов и медицинской помощи, но и состояние окружающей среды, условия труда, питание и отдых граждан. Если первая составляющая определения прямо связана с медициной, то вторая составляющая охраны здоровья ложится на не медицинскую область.

Некоторыми учеными отмечается несовершенство такого закрепления прав, поскольку в статьях идет простое перечисление прав без их конкретизации, что создает трудности в практической деятельности при толковании того или иного права [14, с. 76]. В 2010 г. на Первом Всероссийском Конгрессе была принята Декларация о правах пациентов в России [9], которая формально устранила замечания исследователей. Однако в настоящее время она так и не применяется при решении возникающих проблем. Толкование прав позволит избежать проблем в ходе оптимизации и совершенствования правоприменения. Кроме того, чаще всего граждане (пациенты) обладают низкой юридической грамотностью, а потому понять, что включает в себя гарантированное законом право им не всегда представляется возможным. Это отражается на способности граждан защитить свои права в случае их нарушения.

Право на получение платных медицинских услуг также закрепляется за каждым человеком. В связи с тем, что такая медицинская помощь предоставляется на возмездной основе, гражданин сам выбирает на какой основе получать ему помощь – возмездной в рамках частных медицинских организаций или безвозмездной в рамках государственных медицинских учреждений. Принудить человека получать платную медицинскую помощь нельзя. Указанные в рассмотренной выше норме права пациента корреспондируют обязанностями исполнителя медицинских услуг по

оказанию качественной медицинской помощи и обеспечению должного уровня соблюдения прав пациентов.

При заключении договора возмездного оказания медицинских услуг пациент, в первую очередь, имеет право на предоставлении ему качественных, квалифицированных и профессиональных услуг. Данное право также корреспондирует с обязанностью исполнителя медицинских услуг оказать услуги надлежащим образом. Критерии оценки качества медицинских услуг нормативно закреплены в приказе Минздрава России от 10.05.2017 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» [8]. Кроме того, при оказании медицинских услуг необходимо соблюдение санитарно-эпидемиологических норм [7] и норм безопасности.

Вступая в договорные правоотношения, пациент также принимает на себя ряд обязанностей, который должен выполнить.

Исполнитель медицинских услуг, в свою очередь, наделен правами, корреспондирующими обязанностям пациента. Он имеет право требовать от пациента оплатить услуги и предоставить документы, подтверждающие оплату. В случае, если пациенту потребовалась дополнительная помощь, на которую он согласен, то эта помощь также подлежит оплате.

Хотелось бы также заметить, что если исполнитель не имеет права отказаться от предоставления услуг, то у заказчика (пациента) есть право отказаться от получения услуг даже после подписания договора. Нужно лишь учитывать, что в таком случае заказчик должен возместить исполнителю фактически понесенные расходы, связанные с исполнением обязательств по договору.

В ходе лечения врач дает пациенту рекомендации по поддержанию и сохранению здоровья и обеспечению необходимого результата оказанной помощи. Несоблюдение данных требований пациентом может сказаться на качестве предоставляемых услуг или вовсе отрицательно повлиять на здоровье пациента. В связи с этим у исполнителя возникает право требовать от пациента выполнения всех назначений лечащего врача, а у пациента, соответственно, образуется обязанность по соблюдению требований врача. Кроме того, при наличии у пациента каких-либо сопутствующих болезней или патологий, он обязан известить об этом врача, чтобы тот скорректировал план лечения и не навредил пациенту. Если этого не сделать, то возможны негативные последствия.

В Апелляционном определении Тюменского областного суда от 03.12.2018 г. по делу № 33-6613/2018 суд не удовлетворил требования истца-пациента о компенсации морального вреда именно потому, что у пациентки имелись хронические заболевания (о которых не было заранее сообщено лечащему врачу), повлиявшие на качество медицинских услуг [10].

Проблемным аспектом является также и то, что пациент может не знать и даже не догадываться об имеющихся у него заболеваниях, либо непереносимости препаратов. Однозначного решения данная проблема не имеет. Представляется, что врач должен обследовать пациента перед назначением лечения, и если какая-то патология всё же возникла, то врач не может быть привлечен к ответственности ввиду правильно проведенной методики подготовки к медицинскому вмешательству.

Обязанности граждан при получении медицинской помощи закреплены в ст. 27 ФЗ № 323. При этом стоит отметить, что в законодательстве прямо не установлены санкции в отношении пациентов, не соблюдающих установленные обязанности. По нашему мнению, необходимо более серьезно подойти к определению ответственности пациента за невыполнение установленных обязанностей, поскольку несоблюдение рекомендаций врача может не привести к желаемому результату (выздоровлению) или вовсе усугубить состояние пациента.

После того, как исполнителем оказаны медицинские услуги, а заказчиком эти услуги оплачены, исполнитель медицинских услуг выдает заказчику медицинские документы, отражающие состояние здоровья гражданина после получения платных медицинских услуг.

Пациентам, как более незащищенной стороне в правоотношениях по оказанию медицинских услуг, предоставлен широкий круг прав. В то же время на исполнителя медицинских услуг ложится огромная ответственность за качество оказываемой помощи. Следует отметить, что медицинская услуга всегда индивидуальна, и в большинстве случаев сразу невозможно определить её объем, поскольку необходимо выполнить ряд подготовительных мероприятий

(провести диагностику, собрать анализы и т.д.). Ученые отмечают в этой связи особенность договора возмездного оказания услуг, что содержание договора нельзя определить, как ряд действий [15, с.19].

При оказании медицинской помощи могут быть изменена методика лечения, объем необходимых действий, а также в связи с индивидуальностью случаев при оказании одной и той же услуги в разных случаях может потребоваться разная совокупность действий.

В заключении стоит отметить, что вопросы оказания медицинской помощи с течением времени все детальнее и детальнее регламентируются нормами права. Отношения, связанные с предоставлением медицинских услуг, стали самостоятельным объектом правового регулирования. В настоящее время мы можем наблюдать, что в российской системе здравоохранения сформировался частный сектор, который достиг такого уровня, что может конкурировать с государственным. Частные медицинские клиники привлекают часть платежеспособного населения своим подходом к осуществлению медицинских услуг и профессионализмом. По нашему мнению, наличие дополнительной возможности осуществления заботы за своим здоровьем в виде частных медицинских организаций является хорошей гарантией охраны здоровья и жизни человека.

Литература и источники

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996) // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 N 715 (ред. от 31.01.2020) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 24.12.2020 № 44 «Об утверждении санитарных правил СП 2.1.3678-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к эксплуатации помещений, зданий, сооружений, оборудования и транспорта, а также условиям деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг» // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи» // [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Декларация о правах пациентов в России (Принята на Первом Всероссийском конгрессе пациентов 28 мая 2010 года в Москве) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vspru.ru/association/docvsp/rights-declarations> (дата обращения: 12.03.2022)
10. Апелляционное определение Тюменского областного суда от 03.12.2018 г. по делу № 33-6613/2018 // Режим доступа: <http://судебныерешения.рф/37364093> (дата обращения 07.04.2022).
11. Печникова О.Г., Печников А.П. К вопросу об условиях договора оказания платных медицинских услуг // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). С. 54-58.
12. Елина Н.К. К вопросу о роли понятийного аппарата в сфере правового регулирования медицинской деятельности // Медицинское право: теория и практика. 2016. Т. 2. № 1 (3). С. 76-80.
13. Савосина Н.В., Васенин А.Ю., Тхаровская О.Ю. Понятие «Пациент» как стороны договора возмездного оказания медицинских услуг // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №3. С. 143-146.
14. Старцев А.М. Договор возмездного оказания медицинских услуг: права пациента и корреспондирующие им обязанности исполнителя // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 71-77.
15. Сироткина А.А. Договор оказания медицинских услуг: особенности правового регулирования: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2004.

References and Sources

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 24.06.2013) (vmeste s Protokolom [№ 1] (Podpisan v g. Parizhe 20.03.1952), Protokolom № 4 ob obespechenii nekotoryh prav i svobod pomimo tek, kotorye uzhe vklyucheny v Konvenciyu i pervyj Protokol k nej (Podpisan v g. Strasburge 16.09.1963), Protokolom № 7 (Podpisan v g. Strasburge 22.11.1984)) // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Evropejskaya social'naya hartiya (peresmotrennaya) (prinyata v g. Strasburge 03.05.1996) // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Federal'nyj zakon «O licenzirovanii otdel'nyh vidov deyatel'nosti» ot 04.05.2011 № 99-FZ (poslednyaya redakciya) // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.12.2004 N 715 (red. ot 31.01.2020) «Ob utverzhdenii perechnya social'no znachimyh zabolevanij i perechnya zabolevanij, predstavlyayushchih opasnost' dlya okruzhayushchih» // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 24.12.2020 № 44 «Ob utverzhdenii sanitarnyh pravil SP 2.1.3678-20 «Sanitarno-epidemiologicheskie trebovaniya k ekspluatatsii pomeshchenij, zdaniy, sooruzhenij, oborudovaniya i transporta, a takzhe usloviyam deyatel'nosti hozyajstvuyushchih sub"ektov, osushchestvlyayushchih prodazhu tovarov, vypolnenie rabot ili okazanie uslug» // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Prikaz Minzdrava Rossii ot 10.05.2017 № 203n «Ob utverzhdenii kriteriev ocenki kachestva medicinskoj pomoshchi» // [Elektronnyj resurs]: – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
9. Deklaraciya o pravah pacientov v Rossii (Prinyata na Pervom Vserossijskom kongresse pacientov 28 maya 2010 goda v Moskve) // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://vspru.ru/association/docvsp/rights-declarations> (data obrashcheniya: 12.03.2022)
10. Apellyacionnoe opredelenie Tyumenskogo oblastnogo suda ot 03.12.2018 g. po delu № 33-6613/2018 // Rezhim dostupa: <http://sudebnyeresheniya.rf/37364093> (data obrashcheniya 07.04.2022).
11. Pechnikova O.G., Pechnikov A.P. K voprosu ob usloviyah dogovora okazaniya platnyh medicinskih uslug// YUridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika. 2012. № 2 (20). S. 54-58.
12. Elina N.K. K voprosu o roli ponyatijnogo apparata v sfere pravovogo regulirovaniya medicinskoj deyatel'nosti// Medicinskoe pravo: teoriya i praktika. 2016. T. 2. № 1 (3). S. 76-80.
13. Savosina N.V., Vasenin A.Yu., Tharovskaya O.Yu. Ponyatie «Pacient» kak storony dogovora vozmezdno go okazaniya medicinskih uslug// Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. №3. S. 143-146.
14. Starcev A.M. Dogovor vozmezdno go okazaniya medicinskih uslug: prava pacienta i korrespondiruyushchie im obyazannosti ispolnitelya// Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 6. S.71-77.
15. Sirotkina A.A. Dogovor okazaniya medicinskih uslug: osobennosti pravovogo regulirovaniya: Avtoref. dis. kand. yurid. nauk. M., 2004.

ФРОЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет.

КОРОБКИНА ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА – магистр, кафедра конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет (polina-volga00@mail.ru).

FROLOV, SERGEY A. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University

KOROBKINA, POLINA S. – Master, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University.

УДК 342.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-79-86

БОЧАРОВА Н.Н., МУСТАФАЕВ Р.А.
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ)

Ключевые слова: социальная функция, чрезвычайная ситуация, меры государственной финансовой поддержки, субсидии

Данная статья представляет собой анализ мер государственной финансовой поддержки, предпринятой в период распространения новой коронавирусной инфекции. Предоставление Российской Федерацией данных мер поддержки является проявлением сущности социального государства, прямо закреплённого в тексте Основного закона, и призвано способствовать восстановлению экономики, пострадавшей ввиду введения ограничительных мер, призванных пресечь распространение коронавируса, общего упадка деловой активности в связи с пандемией. Обоснован вывод о том, что анализ опыта Российской Федерации является принципиально важным для создания системы социальной поддержки граждан и организаций, пострадавших от каких-либо чрезвычайных ситуаций. Прикладное применение такого опыта является наиболее актуальным для Российской Федерации в условиях действия санкционных ограничений со стороны стран “запада”.

BOCHAROVA, N.N., MUSTAFAEV, R.A.
IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE (ON THE EXAMPLE OF MEASURES OF STATE FINANCIAL SUPPORT FOR INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES DURING THE SPREAD OF CORONAVIRUS INFECTION)

Keywords: social function, emergency situation, measures of state financial support, subsidies.

This article is an analysis of the measures of state financial support undertaken during the spread of a new coronavirus infection. The provision of these support measures by the Russian Federation is a manifestation of the essence of the welfare state, directly enshrined in the text of the Basic Law, and is intended to contribute to the recovery of the economy affected by the introduction of restrictive measures designed to curb the spread of coronavirus, the general decline in business activity due to the pandemic. The conclusion is substantiated that the analysis of the experience of the Russian Federation is fundamentally important for creating a system of social support for citizens and organizations affected by any emergency situations. The applied application of such experience is the most relevant for the Russian Federation in the context of sanctions restrictions imposed by the countries of the “West”.

В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации [1], Россия – это социальное государство. В соответствии с данной нормой, государство берёт на себя обязательства по созданию экономической, социальной и правовой возможности для поддержки наименее защищённых слоёв населения. Социальное государство должно стремиться к наиболее разумному распределению материальных благ, создавая условия для поддержания достойного уровня жизни, развития и благосостояния как отдельных граждан, так и их объединений.

Исходя из этого, важно определить, как помогать и кому помогать. Представляется, что основными ответами на первый вопрос являются активные действия органов государственной власти, а именно вмешательство в рыночные процессы, предоставление субсидий, пособий, создание социально-ориентированных институтов экономического развития, функционирующих за счёт непосредственного использования государственных и муниципальных бюджетов, либо путём косвенного вмешательства, снижая налоговую и иную финансовую нагрузку, особенно ощутимую в период пандемии. В качестве примера здесь можно выделить дополнительные возможности для граждан и юридических лиц при получении особых налоговых льгот, отсрочек, снижения размеров взимаемых страховых и иных выплат. Считаем, что наиболее удачным подходом является реализация в стране комплексной политики, направленной на снижение негативного влияния различных процессов и тенденций, как путём прямого и активного предоставления помощи, государственного вмешательства в экономические процессы, так и путём создания правовых механизмов, с помощью которых граждане и их объединения смогут обеспечить себе стабильное существование и развитие, воспользовавшись определёнными послаблениями.

Что касается адресности помощи, то на передний план выдвигаются 2 противоположных подхода: помогать всем в равной мере либо помогать наиболее нуждающимся, причём размер такой помощи должен идти регрессивно – от наименее нуждающихся к более нуждающимся, предоставляя последним максимально возможную поддержку. На наш взгляд, лучше предоставить бóльшую помощь тем, кто наиболее в ней нуждается. Именно такой подход максимально соответствует природе и общественному назначению социального государства, когда происходит распределение национального дохода с целью поддержания социальной справедливости и устойчивости.

Одним из проявлений правовой и общественно значимой природы социального государства является функционирование механизма финансовой поддержки граждан и юридических лиц в условиях чрезвычайной ситуации. В соответствии с Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [2]. Из данного определения видно, что перечень ситуаций, имеющих характер чрезвычайных, не носит исчерпывающего характера, что создаёт органам государственной власти пространство для манёвра, позволяя использовать механизм смягчения последствий чрезвычайных ситуаций максимально эффективно, отталкиваясь от реальной ситуации. В соответствии со статьёй 8 указанного Федерального закона, Президент Российской Федерации полномочен определять направления государственной политики и принимать иные решения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. На практике реализация данного полномочия, зачастую, осуществляется посредством издания указов главы государства – подзаконных нормативно-правовых актов, распространяющих своё действие на всю территорию России.

Ярким примером реализации политики социального государства в условиях чрезвычайной ситуации стали меры поддержки граждан и юридических лиц, принимаемые Российской Федерацией в период пандемии новой коронавирусной инфекции. Считаем, что объективной причиной проведения такой политики стало осознание государственной властью возможных негативных эффектов, связанных с ростом числа заболевших – глобальное снижение деловой активности ввиду введения ограничительных мер приводит к резкому снижению доходов субъектов хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, приведёт к росту безработицы, негативно скажется на реальных доходах населения, повысит уровень бедности. Правительство было вынуждено действовать в крайне оперативном режиме, дополнительные сложности представляли темпы распространения заболевания. Никогда прежде в современной истории России не было инфекций, распространявшихся настолько динамично, в связи с чем меры поддержки граждан и юридических лиц создавались в сжатые сроки, политика поддержки

фактически формировалась с нуля. Именно исполнительная ветвь власти осуществила основные мероприятия, направленные на поддержку благосостояния граждан и юридических лиц.

Реализуя политику социального государства в условиях распространения коронавируса, Правительство Российской Федерации издало 7 сентября 2021 года Постановление, утвердившее Правила предоставления из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, а также социально ориентированным некоммерческим организациям [3]. Указанными Правилами было закреплено предоставление субсидий для компенсации затрат их получателей, вызванных введением на территории соответствующего муниципального образования специальных мер предотвращения распространения заболевания – карантина. Также Правительство РФ предусмотрело предоставление субсидий с целью частичной компенсации затрат получателей субсидий, вызванных введением в России режима нерабочих дней, а также адаптацией к требованиям, вызванным введёнными ограничениями. Для получения субсидий их получателю необходимо обратиться в соответствующий территориальный орган Федеральной налоговой службы с заявлением о предоставлении субсидии. Размер субсидии исчислялся на основании произведения количества сотрудников предприятия, минимального размера оплаты труда, составлявшего 12 792 рублей, и коэффициента 1 или 0,5 в зависимости от продолжительности действия на территории муниципального образования соответствующих ограничительных мер.

На наш взгляд, подобные меры не являются достаточными для поддержки бизнеса. Средства, на которые получатели субсидий могли рассчитывать, были не так велики и не могли покрыть убытки, которые субъекты малого и среднего предпринимательства несли в связи с действием мер по ограничению распространения заболевания. Помимо помощи субъектам малого и среднего предпринимательства, Правительство России 30 декабря 2018 года издало Постановление N 1764, тем самым утвердило меры поддержки российских кредитных организаций [4], специализированных финансовых обществ. Получатели субсидий, удовлетворяющие требованиям, установленным указанным постановлением, могут обратиться в компетентный налоговый орган с заявлением о получении субсидий. Размер таких субсидий определяется суммой средств, необходимых получателям субсидий для финансового обеспечения в очередном финансовом году заключённых соглашений, принятых обязательств. Общий размер субсидий не может превышать объём лимита бюджетных обязательств, доведённых до Министерства экономического развития РФ. Объективная необходимость введения данных мер вызвана падением доходов должников данных организаций, что привело бы к отсутствию реальной возможности для них исполнить свои обязательства перед кредитными и финансовыми организациями, что привело бы к так называемому «эффекту домино», когда проблемы в одной среде приводят к возникновению проблем в иной сфере, создавая комплексный и глубокий кризис.

Помимо предоставления субсидий, Правительство предусмотрело финансовую поддержку в виде предоставления налоговых льгот, вычетов. Так, был предусмотрен комплекс отношений денежного характера, затрат, связанных с реализацией мер безопасности в целях противодействия распространению коронавируса, который не подлежал налогообложению, обложению страховыми взносами. Например, затраты работников, вызванные необходимостью проведения тестирований для выявления коронавирусного заболевания, были признаны не подлежащими обложению налогом на доходы физических лиц [5], равно как не облагаются страховыми взносами затраты, произведённые организациями для проведения исследований, направленных на поддержание условий эпидемиологической безопасности в рамках обеспечения надлежащих условий труда. Считаем, что меры по введению налоговых льгот и вычетов представляются чрезвычайно эффективными. Снижается так называемый «налоговый гнёт», который в условиях действия мер, ограничивающих распространение коронавируса, является наиболее болезненным ввиду существенного снижения реальных доходов у абсолютного большинства хозяйствующих субъектов. Государство предоставляет возможность исполнения ограничительных мер наименее болезненно для конечного исполнителя – физического и юридического лица. Считаем важным отметить, что такой подход является справедливым по отношению к субъектам малого и среднего предпринимательства, их работникам в особенной мере, поскольку указанные субъекты наиболее подвержены негативному влиянию кризисных экономических процессов, вызванных ростом затрат, введением нерабочих дней и иными мерами.

Также Правительство Российской Федерации 3 апреля 2020 года издало Постановление № 440, в соответствии с которым действие срочных лицензий и иных разрешений, сроки действия которых истекают в установленный период [6], определённый действиями ограничительных мер. Конкретный перечень лицензий и разрешений, подлежащих продлению, установлен Правительством Российской Федерации. Введение данных мер непосредственно призвано способствовать снижению темпов распространения коронавируса, поскольку у обладателей лицензий либо разрешений не возникнет объективной необходимости для личной явки в компетентный орган для решения вопроса о продлении соответствующей лицензии или разрешения. Здесь важно отметить, что с улучшением эпидемиологической обстановки перечень лицензий и разрешений, подлежащих автоматическому продлению, постепенно уменьшался.

В числе успешных мероприятий, предпринятых Правительством России, нельзя не выделить введение программы льготной ставки по ипотечному кредитованию. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2020 г. N 566 [7] утверждалась программа возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по ипотечным кредитам. Механизм действия данной меры, в соответствии с указанным Постановлением, следующий. Кредитор, будь то банк или иная кредитная организация, предоставившая гражданину Российской Федерации ипотечный заём, подаёт в уполномоченное общество ДОМ.РУ определённый перечень документов и сведений. В случае соответствия поданной информации правилам, установленным Правительством, уполномоченное общество выплачивает кредитору определённую сумму средств в порядке возмещения доходов, недополученных кредитными и иными организациями. Выплаты происходят на ежемесячной основе за период с даты выдачи кредита до дня окончания действия соответствующего договора кредитования. Размер выплат исчисляется на основании суммы средств, предоставленной в порядке ипотечного кредитования, и исчисляется следующим образом. Ключевая ставка, установленная Банком России, выраженная в процентах, и действующая на первое число соответствующего месяца, прибавляется к трём, двум с половиной, четырём с половиной либо пяти процентам в зависимости от даты и цели заключения соответствующего договора. Из полученной суммы вычитается размер процентной ставки, установленной на первое число соответствующего месяца по кредитному договору. Полученная разница и подлежит возмещению. Правительство России предусмотрело распространение данной программы на сумму ипотечных кредитов до 3,6 триллионов рублей.

Таким образом, данная мера должна повысить спрос на новое жильё. Целью её реализации является поддержание стабильности в сфере строительства жилища. Правительство создаёт условия, при которых граждане получают определённую финансовую поддержку, кредитные и иные организации, выступающие кредитором – уверенность в том, что введение льгот не отразится на их доходах, а застройщики не испытывают негативного влияния, вызванного комплексным экономическим кризисом. По подсчётам государства, по истечении календарного года действия данной программы более полумиллиона граждан Российской Федерации воспользовались льготной ипотекой. В целом были отмечены позитивные тенденции в сфере кредитования, вызванные эффективными действиями Правительства России.

Ярким примером оказания поддержки со стороны государства людям, наиболее подверженным рискам, вызванным распространением коронавирусной инфекции, стало введение системы выплат, доплат, предоставляемых медицинским работникам в соответствии с текстом Постановления Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 года N 415 [8]. Правительство России, на основании ряда распоряжений, осуществляло межбюджетные трансферты в бюджетной системе Российской Федерации. Из средств федерального бюджета, непосредственным источником которых стал резервный фонд Правительства России, предоставлялись денежные средства, направленные на поддержку медицинских работников. В условиях распространения коронавирусной инфекции врачам приходилось трудиться сверх норм, установленных трудовым законодательством. Зачастую медикам, профиль которых не связан с оказанием медицинской помощи инфицированным больным, приходилось выполнять трудовые функции именно в данной сфере здравоохранения. Безусловно, помимо экстраординарных условий труда, нельзя отрицать и опасность инфицирования коронавирусом, которая среди медиков была исключительно высока ввиду высокой контагиозности инфекции. Для поддержания медицинского персонала Правительство Российской Федерации утвердило правила

предоставления межбюджетных трансфертов для софинансирования расходных обязательств субъектов России при осуществлении дополнительных выплат медикам. Данными правилами устанавливался порядок определения размера межбюджетного трансферта, определялись размеры финансовой поддержки медицинских организаций. Так, в зависимости от должности медицинского работника, государство предоставляло выплаты в размере от 20 до 100% от среднемесячного дохода, полученного за счёт трудовой деятельности. Данные выплаты подоходным налогом не облагались, как это следует из Федерального закона от 22 апреля 2020 года «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [9].

Субъект Российской Федерации был наделён правом предоставления дополнительных выплат, если их осуществление было возможным. Уменьшить размер выплат, установленных на федеральном уровне, субъект не мог. По примерным подсчётам, из средств федерального бюджета на осуществление выплат медицинскому персоналу в бюджеты уровня субъектов Российской Федерации было перечислено более 220 миллиардов рублей. Представляется, что подобная инициатива является правильной. Основная нагрузка по борьбе с распространением коронавируса легла именно на медицинских работников, которые, рискуя собственным здоровьем, спасали жизни инфицированных людей. Разумеется, любое социальное государство было обязано ответить медикам взаимностью. Однако нельзя не отметить несовершенство системы предоставления выплат. На наш взгляд, наличие посредника в виде бюджета уровня субъекта является излишним, отсутствуют основания для предоставления выплат непосредственно из средств федерального бюджета. Создание многоступенчатой системы приводит к росту бюрократизма. Также большой проблемой в осуществлении данной инициативы стала распространённая ситуация, когда денежные средства фактически не доходили до конечных адресатов – врачей.

Как уже было отмечено, риск распространения заболевания среди медицинских работников был крайне высоким. В связи с этим государство предприняло меры оказания материальной поддержки в виде единовременной страховой выплаты медицинскому персоналу, который был инфицирован коронавирусом при выполнении непосредственных трудовых функций. В соответствии с Указом Президента РФ от 6 мая 2020 г. N 313 "О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников [10], в случае смерти медицинского работника, из средств Фонда социального страхования выгодоприобретателям производилась выплата в размере 2,7 миллионов рублей. В качестве выгодоприобретателей определялись родственники медика, его подопечные. В случае, если перенесённое заболевание приводило к появлению у медицинского работника инвалидности, в его пользу устанавливалась единовременная выплата в размере от 688 тысяч до 2 миллионов рублей, в зависимости от группы инвалидности. В случае, если инфицирование коронавирусом не приводило к утрате трудоспособности, в пользу медика осуществлялась единовременная выплата в размере 68 тысяч рублей.

Также государство осуществило меру поддержки в отношении наименее социально защищённых групп населения. Так, единовременные выплаты в размере 10 тысяч рублей были направлены каждой семье, имеющей детей в определённом возрасте. Выплаты производились на каждого ребёнка в возрасте от 6 до 18 лет, а для инвалидов, лиц с ограниченными возможностями возрастной ценз составлял 23 года. Помимо выплат указанным категориям граждан, материальная поддержка со стороны государства была направлена также семьям, имеющим детей в возрасте до 8 лет. Механизм расчёта повторяет предыдущий, однако сумма скромнее – 5 тысяч рублей. Позднее были осуществлены выплаты в размере 10 тысяч рублей семьям, имеющим детей в возрасте до 16 лет, в расчёте на каждого ребёнка. Помимо помощи семьям, имеющим детей, государство предусмотрело меры поддержки и для пенсионеров. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24 августа 2021 г. № 486 «О единовременной денежной выплате гражданам, получающим пенсию» [11], граждане Российской Федерации, являющиеся пенсионерами, получили единовременную выплату в размере 10 тысяч рублей.

Правовой основой осуществления выплат указанным категориям граждан стали множественные указы главы государства. Во их исполнение Правительство России принимало постановления и распоряжения о выделении бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации для предоставления межбюджетного трансферта бюджету Пенсионного Фонда Российской Федерации. Непосредственно выплаты осуществлял Пенсионный

Фонд, он же рассматривал жалобы граждан на неисполнение компетентными органами указа Президента России в случае подачи таковых.

Отдельное внимание необходимо уделить активно применявшемуся в период пандемии коронавируса режиму нерабочих дней. Содержание данной меры проявлялось в том, что граждане, за исключением определённых категорий населения, временно освобождались от исполнения своих трудовых обязанностей, при этом трудовые правоотношения сохранялись, работодатель был обязан выплачивать работнику заработную плату в объёмах, определяемых трудовым договором. Первый режим нерабочих дней в период пандемии коронавирусной инфекции устанавливался Указом Президента Российской Федерации от 25.03.2020 N 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» [12]. В дальнейшем глава государства издавал новые указы, продлевавшие либо вновь вводившие на территории государства режим нерабочих дней. Фактическим последствием реализации такой меры, в сфере экономики, стало резкое падение деловой активности. Деятельность большинства организаций была приостановлена, при этом за ними сохранялась обязанность выплачивать работникам заработную плату, что стало дополнительной и существенной нагрузкой в особенности для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Учитывая строгость введённых ограничительных мер, необходимо было разработать и ввести в действие программу государственной поддержки для граждан и организаций. Своевременно ли органы государственной власти, должностные лица представили подобную систему вспомогательных мер? Ответ на данный вопрос представляется неоднозначным.

С одной стороны, основная масса вспомогательных мер вводилась весной-летом 2020 года. Так, например, уже 3 апреля 2020 года Правительство Российской Федерации издало Постановление N 434, утвердив перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции [13]. В дальнейшем, 24 июня того же года Правительство России издаёт постановление N 915 [14], в котором устанавливает возможность для региональных властей выплачивать субсидии организациям из наиболее пострадавших отраслей экономики. 24 апреля 2020 года Правительство России издало Постановление N 576 [15], в соответствии с которым утвердило правила предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства за счёт средств федерального бюджета. Помимо помощи юридическим лицам, 29 мая 2020 года Постановлением Правительства России N 783 [16], в соответствии с которым были утверждены правила предоставления субсидий физическим лицам и индивидуальным предпринимателям, применявшим в 2019 году специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход».

Однако стоит отметить, что реализация программ предоставления субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям должна была проводиться с момента введения режима нерабочих дней. Субъекты хозяйствования, фактически, были вынуждены некоторое время самостоятельно переносить негативные последствия распространения коронавируса.

Анализ опыта Российской Федерации является принципиально важным в процессе создания системы социальной поддержки граждан и организаций, пострадавших от каких-либо чрезвычайных ситуаций. Прикладное применение такого опыта является наиболее актуальным для Российской Федерации в условиях действия санкционных ограничений со стороны стран «запада». Никогда прежде Российская Федерация не подвергалась настолько организованному и масштабному введению системы ограничительных мер, однако наша страна имеет огромный потенциал практически во всём. Наиболее актуальной проблемой в данной ситуации является эффективное распоряжение ресурсным и человеческим потенциалом, а особую важность составляет оказание поддержки физическим и юридическим лицам, пострадавшим от введения в отношении Российской Федерации ограничительных мер.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс.
2. ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 N 68-ФЗ // КонсультантПлюс.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2021 г. N 1513 «Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства и социально ориентированным некоммерческим организациям в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // КонсультантПлюс.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2018 г. N 1764 «Об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам в целях возмещения недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019 – 2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим “Налог на профессиональный доход” по льготной ставке”» // КонсультантПлюс.
5. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 6 сентября 2021 г. N 03-03-06/1/71912 // КонсультантПлюс.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 440 «О продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020 году» // КонсультантПлюс.
7. Постановление Правительства РФ от 23 апреля 2020 г. N 566 «Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 - 2022 годах» // КонсультантПлюс.
8. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. N 415 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования, в том числе в полном объеме, расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку медицинским работникам, оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией» // КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон от 22 апреля 2020 г. N 121-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс.
10. Указ Президента РФ от 6 мая 2020 г. N 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников» // КонсультантПлюс.
11. Указ Президента Российской Федерации от 24 августа 2021 г. № 486 «О единовременной денежной выплате гражданам, получающим пенсию» // КонсультантПлюс.
12. Указ Президента РФ от 25.03.2020 N 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // КонсультантПлюс.
13. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 N 434 (ред. от 10.03.2022) «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // КонсультантПлюс.
14. Постановление Правительства РФ от 24.06.2020 N 915 (ред. от 17.02.2022) «Об особенностях предоставления в 2020 - 2022 годах субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям) и индивидуальным предпринимателям, ведущим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // КонсультантПлюс.
15. Постановление Правительства РФ от 24.04.2020 N 576 (ред. от 20.06.2020) «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность в отраслях Российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // КонсультантПлюс.
16. Постановление Правительства РФ от 29.05.2020 N 783 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, применявшим в 2019 году специальный налоговый режим "Налог на профессиональный доход", в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // КонсультантПлюс.

References and Sources

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii" (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami,odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Konsul'tantPlyus.
2. FZ «O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodnoho i tekhnogennogo haraktera» ot 21.12.1994 N 68-FZ // Konsul'tantPlyus.
3. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 7 sentyabrya 2021 g. N 1513 «Ob utverzhdenii pravil predostavljeniya iz federal'nogo byudzheta subsidej sub"ektam malogo i srednego predprinimatel'stva i social'no orientirovannym nekommercheskim organizacijam v usloviyah uhudsheniya situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii» // Konsul'tantPlyus.
4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2018 g. N 1764 «Ob utverzhdenii pravil predostavljeniya subsidej iz federal'nogo byudzheta rossijskim kreditnym organizacijam i specializirovannym finansovym obshchestvam v celyah vozmeshcheniya nedopoluchennyh imi dohodov po kreditam, vydannym v 2019 – 2024 godah sub"ektam malogo i srednego predprinimatel'stva, a takzhe fizicheskim licam, primenyayushchim special'nyj nalogovyj rezhim “Nalog na professional'nyj dohod” po lgotnoj stavke”» // Konsul'tantPlyus.
5. Pis'mo Ministerstva finansov Rossijskoj Federacii ot 6 sentyabrya 2021 g. N 03-03-06/1/71912 // Konsul'tantPlyus.
6. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 aprelya 2020 g. № 440 «O prodlennii dejstviya razreshenij i inyh osobennostyah v otnoshenii razreshitel'noj deyatel'nosti v 2020 godu» // Konsul'tantPlyus.
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 aprelya 2020 g. N 566 «Ob utverzhdenii Pravil vozmeshcheniya kreditnym i inym organizacijam nedopoluchennyh dohodov po zhilishchnym (ipotecnym) kreditam (zajmam), vydannym grazhdanam Rossijskoj Federacii v 2020 - 2022 godah» // Konsul'tantPlyus.
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 2 aprelya 2020 g. N 415 «Ob utverzhdenii Pravil predostavljeniya v 2020 godu inyh mezhbyudzhetyh transfertov iz federal'nogo byudzheta byudzheta sub"ektov Rossijskoj Federacii, istochnikom finansovogo obespecheniya kotoryh yavlyayutsya byudzhetye assignovaniya rezervnogo fonda Pravitel'stva Rossijskoj Federacii, v celyah sofinansirovaniya, v tom chisle v polnom ob"eme, rashodnyh obyazatel'stv sub"ektov Rossijskoj Federacii, vznikayushchih pri osushchestvlenii vyplat stimuliruyushchego haraktera za osobyie usloviya truda i dopolnitel'nyu nagruzku medicinskim rabotnikam, okazyvayushchim medicinskuyu pomoshch' grazhdanam, u kotoryh vyyavlena novaya koronavirusnaya infekciya, i licam iz grupp riska zarazheniya novoj koronavirusnoj infekciej» // Konsul'tantPlyus.
9. Federal'nyj zakon ot 22 aprelya 2020 g. N 121-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Konsul'tantPlyus.
10. Ukaz Prezidenta RF ot 6 maya 2020 g. N 313 «O predostavlennii dopolnitel'nyh strahovyh garantij ot del'nym kategoriyam medicinskih rabotnikov» // Konsul'tantPlyus.
11. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 avgusta 2021 g. № 486 «O edinovremennoj denezhnoj vyplate grazhdanam, poluchayushchim pensiyu» // Konsul'tantPlyus.
12. Ukaz Prezidenta RF ot 25.03.2020 N 206 «Ob ob"yavlenii v Rossijskoj Federacii nerabochih dneij» // Konsul'tantPlyus.
13. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.04.2020 N 434 (red. ot 10.03.2022) «Ob utverzhdenii perechnya otraslej rossijskoj ekonomiki, v naibol'sheij stepeni postradavshih v usloviyah uhudsheniya situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii» // Konsul'tantPlyus.

14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.06.2020 N 915 (red. ot 17.02.2022) «Ob osobennostyah predostavleniya v 2020 - 2022 godah subsidij yuridicheskim licam (za isklucheniem subsidij gosudarstvennym (municipal'nym) uchrezhdeniyam) i individual'nym predprinimatel'yam, vedushchim deyatel'nost' v otraslyah rossijskoj ekonomiki, v naibol'shej stepeni postradavshih v usloviyah uhdsheniya situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii» // Konsul'tantPlyus.

15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.04.2020 N 576 (red. ot 20.06.2020) «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya v 2020 godu iz federal'nogo byudzheta subsidij sub'ektam malogo i srednego predprinimatel'stva, vedushchim deyatel'nost' v otraslyah Rossijskoj ekonomiki, v naibol'shej stepeni postradavshih v usloviyah uhdsheniya situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii» // Konsul'tantPlyus.

16. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2020 N 783 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya v 2020 godu iz federal'nogo byudzheta subsidij fizicheskim licam, v tom chisle individual'nym predprinimatel'yam, primenyavshim v 2019 godu special'nyj nalogovyj rezhim "Nalog na professional'nyj dohod", v usloviyah uhdsheniya situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii» // Konsul'tantPlyus.

БОЧАРОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель юридического факультета Южного федерального университета (nbocharova@sfnu.ru).

МУСТАФАЕВ РУСЛАН АЛМУСТАФАЕВИЧ – студент юридического факультета Южного федерального университета.

BOCHAROVA, NATALIA N. – Senior Lecturer, Faculty of Law, Southern Federal University (nbocharova@sfnu.ru).

MUSTAFAEV, RUSLAN A. – student of the Faculty of Law, Southern Federal University (rmustafaev@sfnu.ru).

УДК 342.723

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-86-89

**ХАКИМОВА Ж.А., ВАСИЛЬЕВА А.А.
ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Ключевые слова: цифровое право, цифровые права, конституционное право на образование, единое образовательное пространство.

В статье рассматривается реализация конституционного права на образование через призму цифровизации права. Актуальность темы исследования предопределена существенными изменениями как в характере правовых отношений, так и образовательных. Данные изменения стали следствием многих факторов современности. Юридическая наука неожиданно для себя открыла термин «цифровые права», которые активно внедряются в ее систему. Придя к выводу, что цифровые права конкретизируют основные конституционные права человека и гражданина, мы решили рассмотреть некоторые из них через цифровую интерпретацию. В частности, остановились на конституционном праве на образование. Развитие образовательных технологий, создание электронных библиотечных систем, а также активное использование информационно-коммуникационной сети Интернет в учебном процессе расширяет возможности по реализации права на образование, делает его доступным независимо от места жительства и материального положения обучающихся. Цифровая форма реализации этого права вскрыла наличие существенных проблем как в правовом, так и в административном плане.

**KHAKIMOVA, Z.A., VASILYEVA, A.A.
THE RIGHT TO EDUCATION: CHALLENGES OF DIGITALIZATION**

Key words: digital law, digital rights, constitutional right to education, unified educational space.

The article examines the implementation of the constitutional right to education through the prism of the digitalization of law. The relevance of the research topic is predetermined by significant changes in both the nature of legal relations and educational ones. These changes were the result of many modern factors. Legal science unexpectedly discovered the term "digital rights", which are being actively introduced into its system. Having come to the conclusion that digital rights concretize the basic constitutional rights of man and citizen, we decided to consider some of them through digital interpretation. In particular, they focused on the constitutional right to education. The development of educational technologies, the creation of electronic library systems, as well as the active use of the Internet information and communication network in the educational process expands opportunities for the realization of the right to education, makes it accessible regardless of the place of residence and financial situation of students. The digital form of realization of this right has revealed the existence of significant problems both in legal and administrative terms.

В последнее время тема цифровизации коснулась практически всех сфер человеческой жизнедеятельности. Исключением не стала и правовая сфера. В современной юридической науке достаточно часто можно встретить использование термина «цифровое право». Термин относительно новый, поскольку представляет собой совокупность правовых норм, регламентирующих относительно новые правоотношения в сфере информационных технологий. В науке конституционного права не сложилось единого подхода к пониманию природы данного правового явления. Одни авторы убеждены, что использование данного термина не вполне оправданно в силу его недостаточной научной обоснованности. Другие ученые – представители так называемого «реального подхода» – утверждают, что ныне существующие нормы вполне могут распространяться на отношения, возникающие в информационной среде. И третья позиция – представителей «киберподхода», под «цифровым правом» понимающих совокупность относительно новых норм, регулирующих принципиально новые общественные отношения [1].

Сложность и разноплановость данных правоотношений предполагают сложность и разноплановость прав и свобод, возникающих у субъектов указанных правоотношений. Теория «цифровых прав» в последнее время очень часто находит своё отражение в трудах ученых и представителей науки конституционного права. Так, например, по мнению председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, цифровые права человека рождаются в процессе конкретизации как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения универсальных

прав человека в сфере цифрового и виртуального пространства [2]. Профессор П.П. Баранов в своих трудах отмечает, что цифровые права – это права, конкретизирующие основные права и свободы в цифровом виртуальном пространстве [3]. Несколько иная позиция относительно природы термина «цифровых прав» заложена в так называемом Законе о цифровых правах (Федеральном законе от 18 марта 2019 г. №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»), где «под цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [4]. Данное определение несколько отличается с классическим конституционным подходом к пониманию прав. Однако следует отметить, что оно учитывает современный и динамичный характер общественных отношений, возникающих в данной сфере.

На наш взгляд, цифровые права человека – это не новые права, а новая форма и новое содержание конституционных прав в сфере информационных технологий. В данном случае необходимо уделять особое внимание механизму реализации и обеспечения прав человека с учётом их новой формы в период динамичного развития цифрового пространства.

На сегодняшний день представляется трудным прийти к единой классификации цифровых прав. Рассматривая цифровые права как конкретизирующие основные конституционные права человека и гражданина, становится очевидно, что они будут иметь своё собственное цифровое содержание. Определив цифровое содержание некоторых конституционных прав и свобод человека и гражданина, следует уделить особое внимание способам их реализации и защиты в связи с появлением нового механизма их обеспечения, а также новых возможностей их нарушения.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на конституционном праве на образование в цифровой форме и содержании. В 273-ФЗ Законе об образовании в Российской Федерации понятие, связанное с цифровизацией, встречается лишь в статье 18 в связи с электронными (цифровыми) библиотеками. Далее по тексту используются понятия, образованные от слова «электронный» (электронное обучение, электронные образовательные ресурсы, электронные документы), что, в свою очередь, не тождественно термину «цифровой» [5]. Гарантией реализации конституционного права на образование в своём цифровом воплощении будет выступать создание стабильной цифровой образовательной среды. Думается, что Федеральный закон №273-ФЗ должен определять общее понятие и содержание цифровой образовательной среды, которое будет единым для всех организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы выработать единые требования к её созданию, поскольку это вторит конституционному принципу создания единого образовательного пространства, во-вторых, необходимо выработать единые требования к её наполнению, содержанию, а также использованию новых способов и средств обучения и воспитания.

Термин «цифровая образовательная среда» нашёл своё отражение в Постановлении Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. N 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды», где он определяется как «совокупность условий для реализации образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с учётом функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные и образовательные ресурсы и сервисы, цифровой образовательный контент, информационные и телекоммуникационные технологии, технологические средства и обеспечивающей освоение учащимися образовательных программ в полном объеме независимо от места их проживания» [6].

Нельзя не отметить и изменения в правовом статусе участников образовательных отношений. Это выражается, прежде всего, в том, что:

- для совершения юридически значимых действий субъектам образовательных отношений необходимо только «удалённое участие»;
- характер отношений в части оказания образовательных услуг больше смещается в сторону гражданско-правового;

- меняется объём обязанностей, в частности педагогических работников, при использовании цифровых способов и средств организации образовательного процесса.

- появляются новые участники отношений в сфере образования – участники цифровой образовательной среды – поставщики и потребители цифрового образовательного контента, которые были введены Приказом Министерства Просвещения России от 2 декабря 2019 г. N 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» [7].

Помимо этого, данный Приказ указывает, что цифровая образовательная среда должна включать данные её участников, в том числе участников отношений в сфере образования. И здесь встаёт вопрос о проблеме информационной безопасности данных участников как участников образовательных отношений, так и участников отношений в сфере образования. Информация подобного рода подпадает под режим информации о защите персональных данных, однако данного положения или оговорки в указанном Приказе не имеется. Если цифровая образовательная среда содержит в цифровой форме данные о субъектах образовательных правоотношений, это предполагает всестороннюю защиту их прав в условиях цифрового образовательного пространства.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Современные реалии придали новый импульс развитию цифровой среды в мире. История с пандемией заставила образовательный процесс во всём мире экстренно перестраиваться на новые рельсы цифрового пути, к чему образовательные и правовые системы по всему миру оказались попросту не готовы. Сбои в системе образования коснулись практически всех государств на планете на разных материках. Прежде всего, это связано с тем, что меры, которые вводились на период всеобщей изоляции в целях предотвращения распространения вируса, ограничивали права и свободы, в том числе право на образование. Согласно данным ЮНЕСКО, серьёзное количество школ были закрыты в различных странах, это затронуло где-то половину учащихся на планете [8]. Подобные ограничительные меры позволяли бороться с распространением коронавируса, однако представлялось достаточно трудным удерживать данные меры длительный период времени. Создание электронных форм получения образования стало приоритетным направлением внутренней политики в правительствах многих государств. К примеру, в Италии, около 85 миллионов евро были инвестированы в закупку необходимого оборудования в целях предоставления доступа к дистанционным технологиям для школьного обучения [9].

Зачастую конституционное право на образование в своем цифровом воплощении сводится к следующим правомочиям закреплённых статьёй 16 273-ФЗ это - применение электронного обучения и реализации образовательных программ с использованием дистанционных образовательных технологий. Однако этот подход кажется достаточно узким, поскольку развитие цифровой среды в образовании необходимо начинать с создания как нормативных, так и организационно-управленческих условий. Для начала необходимо закрепить основные образовательные и педагогические категории, наполненные «цифровым содержанием» на законодательном уровне, а не на подзаконном. Создание единой цифровой образовательной среды должно преследовать соблюдение интересов всех участников образовательных отношений, обеспечивать информационную безопасность их данных, а также создавать иные условия для комфортного получения образования для всех желающих.

Литература и источники:

1. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления Цифрового Кодекса? // Электронный ресурс. URL: <https://rozhkova.com/pdf/2020-4.pdf> (дата обращения: 10.12.2022)
2. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. // Российская газета. 2018 год. 30 мая.
3. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. №1. С. 39-45.
4. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс: справочно-правовая система. [Официальный сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 11.12.2022)
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система. [Официальный сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (дата обращения: 11.12.2022).
6. Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040 "О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды" // Гарант: справочно-правовая система. [Официальный сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74922819/> (дата обращения: 10.12.2022)

7. Приказ Министерства просвещения РФ от 2 декабря 2019 г. N 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» // Гарант: справочно-правовая система. [Офис.сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73235976/> (дата обращения: 10.12.2022)
8. ЮНЕСКО «Меры реагирования ЮНЕСКО в области образования в ответ на COVID-19», 25 марта 2020 // [Электронный ресурс] URL: <http://ru.unesco.kz/unesco-s-education-measures-in-response-to-covid-19> (дата обращения: 14.12.2022)
9. ЮНЕСКО «Global Education Coalition» Members» // [Электронный ресурс] URL: <https://globaleducationcoalition.unesco.org/members> (дата обращения: 14.12.2022)

References and Sources

1. Rozhkova M.A. Yavlyayetsya li cifrovoye pravo otraslyu prava i ozhidat' li poyavleniya Cifrovogo Kodeksa? // Elektronnyj resurs. URL: <https://rozhkova.com/pdf/2020-4.pdf> (дата обрaшчeния: 10.12.2022)
2. Zor'kin V.D. Pravo v cifrovom mire. // Rossijskaya gazeta. 2018 god. 30 maya.
3. Baranov P.P. Pravovoe regulirovanie robototekhniki i iskusstvennogo intellekta v Rossii: nekotorye podhody k resheniyu problemy. // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2018. №1. S. 39-45.
4. Federal'nyj zakon ot 18.03.2019 N 34-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Konsul'tant Plyus: spravochno-pravovaya sistema. [Ofic. sajт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обрaшчeния: 11.12.2022)
5. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 N 273-FZ // Konsul'tant Plyus: spravochno-pravovaya sistema. [Ofic. sajт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (дата обрaшчeния: 11.12.2022).
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 dekabrya 2020 g. № 2040 "O provedenii eksperimenta po vnedreniyu cifrovoj obrazovatel'noj sredy" // Garant: spravochno-pravovaya sistema. [Ofic.sajт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74922819/> (дата обрaшчeния: 10.12.2022)
7. Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 2 dekabrya 2019 g. N 649 «Ob utverzhenii Celevoj modeli cifrovoj obrazovatel'noj sredy» // Garant: spravochno-pravovaya sistema. [Ofic.sajт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73235976/> (дата обрaшчeния: 10.12.2022)
8. YUNESKO «Mery reagirovaniya YUNESKO v oblasti obrazovaniya v otvet na COVID-19», 25 marta 2020 // [Elektronnyj resurs] URL: <http://ru.unesco.kz/unesco-s-education-measures-in-response-to-covid-19> (дата обрaшчeния: 14.12.2022)
9. YUNESKO «Global Education Coalition» Members» // [Elektronnyj resurs] URL: <https://globaleducationcoalition.unesco.org/members> (дата обрaшчeния: 14.12.2022)

ХАКИМОВА ЖАННА АЛЕКСАНДРОВНА - старший преподаватель, кафедра конституционного, административного и муниципального права, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (zhanvas@yandex.ru).

ВАСИЛЬЕВА АЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА - магистрант юридического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (alinavas-30@yandex.ru).

KNAKIMOVA, ZHANNA A. - Senior Lecturer, Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (zhanvas@yandex.ru).

VASILIEVA, ALINA A. - undergraduate of the Faculty of Law, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (alinavas-30@yandex.ru).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.214

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-89-95

ВИСКОВ Н.В., ПОНОМАРЕВ В.Г., РОЖНОВ А.П.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОЦЕНКУ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Ключевые слова: способ совершения преступления, состав преступления, составное преступление, интегративный состав преступления, насилие, конкуренция правовых норм

В статье затронуты вопросы квалификации преступлений, при совершении которых четко проявляется способ действия преступника, как один из признаков их состава. В зависимости от того, является ли способ совершения преступления криминальным, авторами предлагается соответствующая классификация преступлений, в рамках которой выделяются: преступления, совершаемые способом, не являющимся преступным; преступления, способ совершения которых образует самостоятельное преступление; преступления, способ совершения которых определен общо и поэтому (в зависимости от конкретной ситуации) может быть преступным и не преступным. На основе положений науки уголовного права авторами формулируются правила квалификации таких преступлений.

VISKOV, N.V., PONOMAREV, V.G., ROZHNOV, A.P.

THE QUESTIONS OF THE INFLUENCE OF THE METHOD OF COMMITTING A CRIME ON THE CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF A CRIMINAL ACT

Key words: method of committing a crime, composition of a crime, composite crime, integrative composition of a crime, violence, competition of legal norms

The article touches upon the issues of the qualification of crimes, in the commission of which the criminal's mode of action is clearly manifested as one of the signs of their composition. Depending on whether the method of committing a crime is criminal, the authors propose an appropriate classification of crimes, within which the following are distinguished: crimes committed in a way that is not criminal; crimes which method of commission forms an independent crime; crimes which method of commission is generally defined and therefore (depending on the specific situation) may be criminal and uncriminal. Based on the provisions of the science of criminal law, the authors formulate rules for the qualification of such crimes.

В последние годы в отраслевой науке наметился очевидный интерес к вопросам квалификации преступных деяний. Причем данный интерес наблюдается, прежде всего, в исследованиях проблем юридической техники, посвященных построению оптимальных моделей уголовно-правовых запретов, которые с одной стороны адекватно описывают признаки состава преступления, а с другой стороны устанавливают справедливую санкцию за его совершение [1]. Целью же уголовного правотворчества является безусловно эффективная работа механизма властной реализации норм уголовного права, важной частью которого является правильная оценка конкретного жизненного случая (преступления или иного деяния), требующего вмешательства именно норм уголовного права. Зачастую такая оценка осложняется дефектами имеющегося в наличии правового материала – неполнотой, противоречивостью того или иного состава преступления, несогласованностью его признаков, отсутствия практики его применения и проч. Квалификационные трудности усугубляются, если правовой основой оценки фактической ситуации выступает сложный состав преступления и особенно та его разновидность, которую принято называть составным преступлением [2, с. 287-288], или (в более современной терминологии) интегрированным составом преступления [3, с. 223-224]. Именно с такими моделями связано подавляющее большинство правоприменительных ошибок, заключающихся в смешении единого сложного преступления и совокупности преступлений. К одной из разновидностей составного преступления, классифицируемого «по характеру сочетания преступлений в рамках одного составного деликта», И.А. Зинченко выделяет «составные преступления, в основе которых лежит основное действие и способ его совершения (вспомогательное преступление)» [2, с. 384].

По данным некоторых исследователей, на долю признаков объективной стороны приходится около 52,9% квалификационных ошибок, влекущих за собой изменение или отмену выносимых по уголовным делам приговоров вышестоящими судебными инстанциями. При этом среди таких ошибок лидирует неверная оценка судами способа совершения преступления [4, с. 47-48]. И это вполне объяснимо – как справедливо, на наш взгляд, указывает В.Б. Малинин, «наибольшее юридическое значение среди факультативных признаков объективной стороны имеет способ совершения преступления» [5, с. 320]. При этом способ совершения преступления определяется как «система целенаправленных актов поведения: действий, операций, приемов, движений, применяемых лицом при совершении преступления» [6, с. 74]. Разумеется, по общему правилу, сама по себе эта система актов поведения не выходит за пределы характеристики деяния и не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. Однако если такая система приобретает характер устойчивого алгоритма, типичного и повторяющегося, при этом существенно облегчающего, оптимизирующего механизм совершения преступления, законодатель придает ей значение самостоятельного признака объективной стороны, характеризующего деяние, относительно обособленного от него, именуемого способом совершения преступления. Частота повторения этой устойчивой системы действий обуславливает место помещения способа в систему признаков его состава, определяющих характер (признаки основного состава) либо типовую степень его общественной опасности (квалифицирующие признаки).

Способ совершения преступления может закрепляться в признаках его состава по-разному. В.Б. Малинин выделяет три варианта отражения способа совершения преступления в признаках составов преступлений действующего УК РФ: 1) указание на исчерпывающее число способов совершения преступления (ст.159 УК РФ), 2) приведение примерного перечня способов, не являющегося закрытым (ст. 150 УК), 3) закрепление обобщенной характеристики способа, описание его отдельных (наиболее главных) черт – «общеопасный», «особая жестокость» и проч. [5, с. 421].

Полагаем, что возможна и такая классификация способов совершения преступления, когда их следует подразделить на преступные и не преступные. В первом случае способ сам по себе, вне его связи с интегративным (составным) деликтом образует самостоятельное преступление; вторая же группа способов будучи самостоятельным вариантом поведения, который в реальной действительности может проявиться самостоятельно как изолированный человеческий поступок, не связанный с посягательствами на основные объекты интегративного деликта, тем не менее, преступным не является. Так, угроза уничтожения или повреждения чужого имущества, угроза распространения заведомо ложных позорящих или порочащих потерпевшего сведений, сведений,

составляющих охраняемую законом тайну (шантаж), угроза применения насилия (помимо угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) и др. сами по себе, вне связи с посягательствами на иные правоохраняемые блага (помимо тех, которые неминуемо затрагиваются такими поступками и составляют их сущность), преступными не являются.

Наконец, возможно выделить и третью группу способов в рамках рассматриваемой классификации, критерием которой является наличие/отсутствие у способа свойств самостоятельного уголовно-правового поступка: речь идет о тех вариантах законодательной обобщенной обрисовки способа совершения преступления, который в определенных случаях может быть и преступным, и не преступным при его проявлении вне интегративного преступления – например, насилие как способ совершения некавалифицированного изнасилования может выразиться и в причинении средней тяжести вреда здоровью (ст.112 УК РФ), и в причинении побоев, не являющихся преступными. Эта третья группа способов занимает промежуточное положение между двумя выделенными выше нами группами способов совершения преступления по критерию их преступности/непреступности.

Вряд ли можно согласиться с точкой зрения о наличии такого приема закрепления способа совершения преступления в тексте действующего Кодекса, когда «способ совершения преступления не указывается непосредственно в тексте статьи Уголовного кодекса Российской Федерации» [7, с. 5]. Во-первых, такая постановка вопроса выглядит несколько странной – если способ совершения преступления в законе не указан, то он и не закреплен в нем. Во-вторых, будучи факультативным признаком состава преступления, способ не может «подразумеваться», «выводиться путем толкования» из других его признаков. Его незакрепление (отсутствие, упоминание, умолчание о нем) в тексте статьи уголовного закона означает только то, что законодатель не придавал ему уголовно-правового значения. И, в свою очередь, присутствие описания способа в законе (с той или иной степенью полноты) сигнализирует о том, что способ использован правотворцем либо при описании видовых признаков преступления, свойственных для всех его проявлений (т.е. как один из конструктивных признаков состава преступления – см., напр., ст.159-162 УК РФ), либо как средство влияния на санкцию в сторону увеличения ее законодательных пределов, когда способ усиливает типовую степень общественной опасности преступления, не выводя это деяние за пределы его видовой определенности (см., напр., п.п. «д», «е» ч.2 ст.105, ч.2 ст.167 УК РФ).

Как справедливо указано А.В. Корнеевой, «если характеристика объективной стороны состава преступления не содержит описания деяния, а лишь указывает на общественно опасный результат, способ совершения преступления может быть любым...» [8, с. 61].

Таким образом, не упомянутый в основном составе способ совершения преступления никакого влияния на квалификацию содеянного не оказывает, а может лишь при определенных обстоятельствах влиять на измерение индивидуальной степени общественной опасности конкретного деяния. Следовательно, если для совершения деяния, описание которого в УК не содержит указания на способ его совершения, применяется такой способ его совершения, который является самостоятельным преступлением, содеянное образует совокупность преступлений (как правило, идеальную). Поэтому каждое из входящих в такую совокупность преступлений должно получать самостоятельную оценку по соответствующей статье или части статьи Особенной части УК (ч.1 ст.17).

Одному из авторов настоящей статьи уже приходилось высказываться в научной периодике на данную тему применительно к анализу криминальных форм вмешательства в деятельность суда и предварительное расследование, представляющих из себя самостоятельные преступления. Речь шла об уничтожении материалов уголовных, гражданских и административных дел, которое совершается обычно лицами, заинтересованными в их исходе (подозреваемые, обвиняемые, стороны гражданского дела, лица, привлекаемые к административной ответственности, защитники, представители). С учетом приведенных выше соображений была поддержана та тенденция судебной практики, которая склонялась к квалификации такого вмешательства по совокупности ч.1, 2 или 3 ст.294 с ч.1 ст.325 УК РФ [9, с. 215]. К сожалению, и до сих пор, даже по прошествии 10 лет, данный вопрос не получил своего сколько-нибудь внятного интерпретационного разрешения. От разьяснения оценки воспрепятствования осуществлению правосудия (в широком смысле), реализуемого через уничтожение материалов судебных дел,

Верховный Суд в относительно недавно изданном постановлении своего Пленума, посвященном отдельным вопросам квалификации преступлений против правосудия, уклонился, равно как и в целом от разъяснения признаков преступлений, предусмотренных ст.294 УК РФ [10]. Текущая же практика кассационных судов общей юрисдикции, отдельных судов субъектов РФ по рассмотрению дел такой категории указывает как раз на обратную тенденцию – при рассмотрении конкретных уголовных дел суды скорее исходят из того, что основные составы преступлений, предусмотренных ч.1 и 2 ст.294 УК РФ, охватывают преступление, предусмотренное ч.1 ст.325 УК РФ, ввиду чего совокупность преступлений в таком случае отсутствует; некоторые суды исходят из того, что приведенные нормы соотносятся между собой как общая (ст.325) и специальная (ч.ч.1, 2 ст.294), что также свидетельствует об отсутствии множественности преступлений.

Так, например, президиум Краснодарского краевого суда, разрешил в кассационном порядке уголовное дело в отношении К., осужденного нижестоящим судом (в числе прочего) и за совершение преступления, предусмотренного ч.3 ст.30 и ч.1 ст.325 УК РФ. Фактическая сторона содеянного К., правильность которой не была поставлена под сомнение судом кассационной инстанции, выразилась в том, что находящийся под стражей К., обвинявшийся в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, был доставлен для проведения следственных действий в следственную комнату, оборудованную металлической решеткой. Пока следователь готовился подключить ноутбук для показа К. видеозаписи, К. через специальный проем в решетке, предназначенный для передачи подозреваемым (обвиняемым) материалов уголовных дел, схватил уголовное дело, переместил его на свою половину следственной комнаты и поджег. Следователь вызвал сотрудников полиции, которые пресекли преступные действия К., почему материалы дела уничтожены не были. Поскольку, по мнению кассационного суда, К. пытался воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному расследованию дела, его действия были переквалифицированы с ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 325 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 294 УК РФ [11].

Подобная правоприменительная тенденция, никак не согласующаяся со ст.17 УК РФ, может быть оправдана только одним. Отмеченное нами вмешательство в правосудие в целях воспрепятствования его осуществлению (включая и досудебные стадии уголовного процесса), как правило, осуществляется путем уничтожения материалов уголовных, гражданских и административных дел. Во всяком случае опубликованная судебная практика настойчиво об этом свидетельствует. Иные формы вмешательства, выделяемые в литературе (в частности: телефонные звонки судьям и следователям, агрессивные акции соседей, создание невыносимых бытовых условий, назойливые докучливые просьбы разрешить дело тем или иным образом и т.п.) [12, с. 80], встречаются крайне редко и «не дотягивают», на наш взгляд, до криминального уровня их социальной вредности. Отсюда «по факту» уничтожение материалов дел характеризует признак деяния в структуре основных составов воспрепятствования осуществлению правосудия (ч.1 ст.294) и производству предварительного расследования (ч.2 ст.294) и, по сути, исчерпывает все криминальные формы такого рода посягательств. Между тем отмеченное – это возможный дефект уголовного закона, поэтому и исправлять его надо на законодательном, а не на правоприменительном уровне. Иначе с точки зрения и буквального смысла закона, и его принципов, и теории уголовного права просто невозможно на рациональном уровне обосновать исключения из правила о квалификации по совокупности преступлений тех практических ситуаций, в которых преступное деяние, запрещенное УК РФ, выполняется способом, в состав данного деяния не включенным и представляющим собой самостоятельное преступление.

В случае если способ совершения преступления, являющийся самостоятельным преступлением, описан в тексте закона достаточно четко (как признак основного либо квалифицированного состава), то тогда, как нам представляется, перед нами имеется интегративный состав (составное преступление), который конкурирует с преступлением-способом как целое и его часть. Разрешается же данный вид конкуренции применением нормы, «которая охватывает с наибольшей полнотой все фактические признаки совершенного деяния» [13, с. 226]. Как правило, санкция интегративного преступления существенно строже, чем санкция за преступление-способ, ввиду чего вопрос о справедливости такой уголовно-правовой оценки возникать не должен: так, например, участие в массовых беспорядках, сопровождающихся (в

числе прочего) уничтожением имущества, влечет за собой наказание на срок от 3 до 8 лет лишения свободы (ч.2 ст.212 УК), тогда как санкция даже за квалифицированные виды уничтожения или повреждения чужого имущества в качестве наиболее строго основного наказания предусматривает лишение свободы на срок до 5 лет (ч.2 ст.167 УК). Однако, как нам представляется, даже возможная несопоставимость санкций за преступление-способ и составное преступление не может быть основанием для исключения из указанного выше правила – конкуренция части и целого все равно должна разрешаться в пользу интегративного состава. Объясняется это тем, что, если законодатель именно так проявил свою волю, установив возможно несправедливое (например, чрезмерно мягкое) наказание за составное преступление, в рамках которого включенный в него в качестве способа деликт описан достаточно определенно, правоприменитель не вправе данную волю поправлять, пока содержание закона не будет изменено самим законодателем.

Пожалуй, наибольшие трудности возникают на практике в тех случаях, когда преступный сам по себе способ совершения преступления определен законодателем размыто, общо и может включать в себя разные криминальные формы своего проявления. В частности, речь идет о т.н. «неконкретизированном насилии». Термин «насилие» встречается в тексте Кодекса 98 раз, при этом 94 раза упомянут он правотворцем в Особенной части:

- для характеристики поведения потерпевшего и особой обстановки совершения преступления, как провокативный фактор, выступающий поводом преступного поведения (ст. 107, 113 УК),

- для описания специального субъекта (ч.2 ст.116.1 УК),

- для характеристики способа совершения преступления, которому придано значение криминообразующего признака, в т.ч. и альтернативно с другими способами (ч.1 ст.120, ч.1 ст.131, ч.1 ст.132, ст.149, ч.1 ст.162, ч.1 ст.163, ч.1 ст.179 и др.),

- как негативный признак, характеризующий деяние в основном составе преступления (ч.1 ст.135 УК),

- для характеристики способа совершения преступления, являющегося квалифицирующим признаком (п. «в» ч.2 ст.126, п. «в» ч.2 ст.127, п. «е» ч.2 ст.127.1 и др.).

В последней роли признак насилия употребляется законодателем наиболее часто.

Квалификационные трудности возникают у данного признака тогда, когда он характеризует способ совершения преступления в структуре признаков основного (реже) либо квалифицированного состава преступления.

Разумеется, изложенное выше правило о необходимости квалификации содеянного по норме, предусматривающей ответственность за составной (интегративный) деликт, вне зависимости от сопоставимости санкций, в данном случае «не работает». И связано это с тем, что способ совершения преступления определен законодателем неконкретно, так как насилие, будучи нарушением телесной неприкосновенности человека, может влечь самые разные последствия – от непричинения значимого вреда здоровью (побои, физическая боль) до тяжкого вреда здоровью и лишения человека жизни. Мало что в этом плане проясняет и характеристика насилия как опасного либо не опасного для жизни или здоровья, также часто используемая в связке с термином «насилие» в статьях Особенной части УК. И связано это с тем, что ни закон, ни интерпретационная практика не сформулировали однозначного понимания, что включает в себя насилие опасное и не опасное для жизни или здоровья. Руководящие же разъяснения, порой лишь не критически, без какого-либо обоснования и только отчасти указывают, что необходимо понимать под насилием, например, опасным для жизни или здоровья человека: в частности, как указано в абзаце втором п.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [14], «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при совершении похищения человека охватывается п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ, тогда как высказывание или иное выражение такой угрозы при незаконном лишении свободы следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 127 УК РФ и ст.119 УК РФ». Помимо того, что из приведенных разъяснений неясно, охватывает ли отмеченный вид насилия легкий, средней тяжести, тяжкий вред здоровью человека, весьма странным и недопустимым видится наполнение различным содержанием одного и того же понятия, что противоречит и законам формальной логики, и правилам законодательной и интерпретационной техники.

В этой связи сохраняет свою актуальность сформулированное в отраслевой науке правило квалификации, в соответствии с которым «если способ совершения преступления является более опасным, чем то преступление, ради совершения которого он применяется, то необходимо квалификация по совокупности преступлений» [8, с. 62-63]. При общей правильной направленности данной рекомендации все же нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, что способ совершения преступления будет более опасным только в том случае, если ответственность за преступление-способ (умышленное причинение того или иного вреда здоровью – по ст. 111, 112, 115 УК) будет исключительно строже (при сравнении наказаний в виде лишения свободы) санкции за составное преступление; при равенстве лишения свободы, установленного в качестве основного (альтернативного либо единичного) наказания в санкциях за оба сравниваемых преступления, предлагается считать, что единичный составной (интегративный) деликт поглощает преступление-способ и, тем самым, не образуется множественности преступлений, почему и не требуется дополнительная квалификация по нормам об ответственности за умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести из главы 16 УК РФ [8, с. 50-51]. Полагаем, что подобный подход (об охвате составным деликтом преступления-способа при равенстве меры наиболее строго вида ответственности за их совершение) противоречит принципу справедливости и, по сути, игнорирует причинение вреда основному (видовому) объекту составного преступления, т.е. по сути делает бесполезным установление ответственности за причинение ему вреда.

В завершении же заметим, что мы разделяем точку зрения авторов, которые считают, что проблема квалификации преступлений, в которых конструктивным либо квалифицирующим признаком выступает тот или иной вид насилия (опасного или не опасного для жизни или здоровья), характеризующий способ их совершения, должна решаться не в плоскости выработки правил их квалификации (вряд ли возможно здесь будет достичь идеального результата), а в плоскости законодательного уточнения признака насилия через указание в законе конкретных последствий его применения (нанесение побоев, ограничение свободы, причинение легкого, среднего, тяжкого вреда здоровью человека и т.д.) [15, с. 26].

Литература и источники

1. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2015. 51 с.
2. Зинченко И.А. Единые (единичные) и составные преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. СПб.: Издание проф. Малинина, 2005.
3. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Проспект, 2014.
4. Колосовский В.В. Квалификационные ошибки. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
5. Малинин В.Б. Объективная сторона преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Издание проф. Малинина СПб. ГКА, 2-е изд. СПб., 2010.
6. Мохоров Д.А. Понятие способа совершения преступления // Юридическая мысль. 2006. № 5 (36).
7. Афанасьева О.Р. Способ совершения преступления: уголовно-правовое значение и способы закрепления в статьях уголовного закона // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2018. № 1.
8. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А.И. Рапога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
9. Рожнов А.П. Актуальные вопросы применения статьи 294 УК РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 2(17).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. 2022. № 145.
11. Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 16 марта 2016 г. по делу № 44у-68/2016. // Электрон. текстовые дан. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Суды общей юрисдикции».
12. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
13. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Юристъ», 1999.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Российская газета. 2019. № 296.
15. Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5.

References and Source

1. Ivanchin A.V. Konceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya: Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk: 12.00.08. Ekaterinburg, 2015. 51 s.
2. Zinchenko I.A. Edinye (edinichnye) i sostavnye prestupleniya // Enciklopediya ugovornogo prava. T. 3. Ponyatie prestupleniya. SPb.: Izdanie prof. Malinina, 2005.
3. Ivanchin A.V. Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika: monografiya / Otv. red. L.L. Kruglikov. M.: Prospekt, 2014.
4. Kolosovskij V.V. Kvalifikatsionnye oshibki. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2006.

5. Malinin V.B. Ob"ektivnaya storona prestupleniya // Enciklopediya ugovnogo prava. T. 4. Sostav prestupleniya. Izdanie prof. Malinina SPb. GKA, 2-e izd. SPb., 2010.
6. Mohorov D.A. Ponyatie sposob soversheniya prestupleniya // YUridicheskaya mysl'. 2006. № 5 (36).
7. Afanas'eva O.R. Sposob soversheniya prestupleniya: ugovno-pravovoe znachenie i sposoby zakrepleniya v stat'yah ugovnogo zakona // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. 2018. № 1.
8. Korneeva A.V. Teoreticheskie osnovy kvalifikacii prestuplenij: ucheb. posobie / pod red. A.I. Raroga. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006.
9. Rozhnov A.P. Aktual'nye voprosy primeneniya stat'i 294 UK RF // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, YUrisprudence. 2012. № 2(17).
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28 iyunya 2022 g. № 20 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugovnym delam o prestupleniyah protiv pravosudiya» // Rossijskaya gazeta. 2022. № 145.
11. Postanovlenie Prezidiuma Krasnodarskogo kraevogo suda ot 16 marta 2016 g. po delu № 44u-68/2016. // Elektron. tekstovye dan. – Dostup iz spravочно-правовой системы «Konsul'tantPlyus». Razdel «Sudy obshchej yurisdikcii».
12. Gorelik A.S., Lobanova L.V. Prestupleniya protiv pravosudiya. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2005.
13. Kudryavcev V.N. Obshchaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. – 2-e izd., pererab. i dop. M.: «YUrist'», 1999.
14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 dekabrya 2019 g. № 58 «O sudebnoj praktike po delam o pohishchenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i torgovle lyud'mi» // Rossijskaya gazeta. 2019. № 296.
15. Bezverhov A. O nekotoryh voprosah kvalifikacii nasil'stvennyh prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti // Ugovnoe pravo. 2014. № 5.

ВИСКОВ НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета (viskov@volsu.ru).

ПОНОМАРЕВ ВЯЧЕСЛАВ ГЕННАДИЕВИЧ – старший преподаватель кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета (ponomarev@volsu.ru).

РОЖНОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета (rozhnov@volsu.ru)

VISKOV, NIKOLAY V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University.

PONOMAREV, VYACHESLAV G. – Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Volgograd State University.

ROZHNOV, ALEKSEY P. – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University.

УДК 343.342

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-95-99

ВАТОРОПИН А.С., ТЕПЛЯКОВ И.И. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ²

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, состав преступления, противодействие, информация.

В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде. Анализируются составы преступных деяний экстремистского характера, приводятся актуальные результаты современных исследователей уголовного права, связанных с разграничением экстремизма и смежных составов преступлений. Дается криминологическая характеристика отдельных категорий экстремистов. Отмечается необходимость совершенствования методов проведения отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий и криминалистических методик для повышения эффективности противодействия организаторам экстремистских сообществ. По результатам исследования сформированы авторские рекомендации по комплексному повышению эффективности противодействия экстремизму в молодежной среде.

VATOROPIN, A.S., TEPLYAKOV, I.I. LEGAL ASPECTS OF COUNTERING EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

Key words: extremism, youth, corpus delicti, counteraction, information.

This study reveals the criminal law aspects of countering extremism among the youth. The compositions of criminal acts of an extremist nature are analyzed, the actual results of modern researchers of criminal law on their differentiation from related elements of crimes are given. Criminological characteristics of certain categories of extremists are given. The need to improve the methods of conducting certain types of operational-search activities and forensic techniques to increase the effectiveness of countering the organizers of extremist communities is noted. Based on the results of the study, author's recommendations for a comprehensive increase in the effectiveness of countering extremism among young people were formed.

В настоящее время в рамках противодействия преступной деятельности в Российской Федерации особую актуальность приобретает борьба с преступными деяниями, посягающими на основы конституционного строя и безопасность государства, составы которых закреплены гл. 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (в том числе, преступления экстремистского характера). По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период январь – июнь 2022 г. в Российской Федерации зарегистрировано преступлений экстремистской направленности – 847, в том числе по субъектам Уральского федерального округа – 42. Выявлено лиц, совершивших преступлений экстремистской направленности – 651, в том числе по субъектам

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика», проект № 20-012-00415.

Уральского федерального округа – 39 [1]. Приведенные данные позволяют, с одной стороны, подчеркнуть актуальность исследования различных аспектов противодействия преступлениям экстремистского характера, с другой – акцентировать внимание всех уполномоченных субъектов на необходимость эффективного взаимодействия, как межведомственного, так и регионального, в рамках противодействия экстремизму.

Следует отметить, что в контексте исследуемого взаимодействия в настоящее время в Российской Федерации можно выделить систему правовых актов различного уровня, устанавливающую правовой механизм противодействия экстремизму. Базовым нормативным правовым актом данной системы следует признать Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). В настоящее время Уголовный закон закрепляет 7 составов преступлений экстремистского характера: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), неоднократная пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4 УК РФ).

Достаточно актуальным в юридической науке является вопрос разграничения составов преступлений экстремистской направленности от смежных составов противоправных деяний. Ключевым критерием при данном разграничении, по нашему мнению, следует считать родовый объект преступления. Следует согласиться с мнением И.С. Макеевой по данному вопросу: «Родовым объектом преступлений, предусмотренных разделом X УК РФ «Преступления против государственной власти», следует считать общественные отношения, охраняющие легитимность, нормальное существование и функционирование законодательной, исполнительной, судебной ветвей государственной власти» [2, с. 53]. Действительно, само наименование преступных деяний экстремистской направленности имеет органическое противопоставление таким основам конституционного строя Российской Федерации, как идентификация многонационального народа Российской Федерации в качестве носителя и единственного источника власти, обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, незаконность общественных объединений, действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни и т.д.

Отдельными представителями российской науки уголовного права предложены варианты систематизации преступных деяний, позволяющие достаточно полно раскрыть элемент экстремизма в каждой из ее элементов. Наиболее успешной нам представляется классификация Е.В. Алехина, в соответствии с которой: «...для получения наиболее полной системы рассматриваемых преступлений в ее основу должны быть положены такие критерии, как объективные и субъективные признаки деяния, что позволит отражать сущность современного экстремизма. Поэтому, не отрицая возможности существования иных подходов относительно классификации преступлений экстремистской направленности, предлагается подразделять их на:

- деяния, содержащие в себе исключительно признаки преступлений экстремистской направленности (статьи 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);
- преступления террористической направленности, как крайняя форма проявления экстремизма;
- преступления, которые считаются экстремистскими в силу наличия соответствующих субъективных признаков, выступающих в качестве квалифицирующих;
- преступления, объективные признаки которых не позволяют отнести их к преступлениям экстремистской направленности, но признаются таковыми при наличии экстремистского мотива (указанного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ), который будет считатьсяотягчающим обстоятельством» [3, с. 30-31].

Таким образом, следует сделать акцент на необходимости комплексного исследования проблемы противодействия преступлениям, которые содержат в себе «исключительно признаки

преступлений экстремистской направленности», т.к. правовые приемы и механизмы противодействия иным смежным составам преступлений будет различаться, как с точки зрения юридической науки, так и практики правоохранительной деятельности.

Следует подчеркнуть, что потенциальное формирование деструктивных радикальных взглядов, в том числе экстремистского характера, в молодежной среде имеет ряд социально обусловленных аспектов – экономических, политических и других. Д.В. Трынов и Я.В. Дидковская отмечают следующие особенности поведения молодежи, как социальной группы: «На протяжении различных этапов общественного развития представителями научного сообщества отмечалось, что для молодежи как социальной группы характерны, такие благоприятные для экстремизма черты, как: накопление протестного потенциала, склонность к необдуманным, импульсивным действиям в виду острого восприятия происходящих общественных событий, несформировавшейся до конца картины мира, способности критически оценивать получаемую информацию» [4, с. 119-120]. В результате складывается ситуация, при которой преступные лица и организации используют представителей молодежи, в том числе несовершеннолетних, для реализации своих противоправных умыслов.

Данная ситуация вызывает особую тревогу, так как тенденция последних лет показывает, что возраст лиц, задержанных за совершение преступлений экстремистской направленности, имеет тенденцию к снижению. О.А. Буркина отмечает следующее: «Около 80% задержанных находились в возрасте, не превышающем 30 лет. При этом в деятельности экстремистских организаций высока доля участников в возрасте от 14 до 18 лет» [5, с. 186].

Примечательно, что субъектами преступлений, как правило, являются мужчины, однако для целей обеспечения организации экстремистского сообщества могут привлекаться и молодые девушки (в качестве наблюдателей, курьеров, вербовщиков и т.д.). Е.В. Ильюк указывает на применение при этом следующих приемов психологической манипуляции: «Для привлечения в качестве исполнителей виден четкий акцент на представителей молодежи с использованием приемов психологической манипуляции и идеологического воздействия (поощрение протестного поведения, отвержения государственно-правовых ценностей, насаждение нигилистского типа правового поведения)» [6, с. 27-29]. Перечисленные приемы способствуют не только объединению участников экстремистских организаций, но и расширению их влияния, вовлечения новых участников, создания аналогичных организаций. Нередки случаи, когда базовым критерием такого воздействия выступает разжигание ненависти к иным социальным группам и институтам, например, национального и религиозного характера.

В рамках правовой практики, при совершении преступлений, посягающих на иные объекты, охраняемые уголовным законодательством, мотивы вышеуказанного характера могут быть обозначены как отдельные квалифицирующие признаки состава преступления. Например, убийство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. л., ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Отдельно следует отметить сложности криминологической характеристики организаторов экстремистских сообществ. В правовой практике преобладает квалификация деяний задержанных лиц за преступления экстремистской направленности по ст. 282 УК РФ, т.е. исполнителей противоправных экстремистских деяний. Разумеется, противодействие организаторам данных преступлений является гораздо более сложной задачей: в основном это люди, имеющие специальные знания, профессиональную и психологическую подготовку, позволяющую им действовать «в тени», без идентификации своей личности, как для подчиненных-исполнителей, так и для правоохранительных органов. Более того, с развитием цифровизации, отмечается тенденция организации и планирования экстремистских деяний лицами, находящимися за пределами территории Российской Федерации [8, с. 171].

Таким образом, для повышения эффективности противодействия организаторам экстремистских сообществ следует обратить внимание на совершенствование методов проведения отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий и криминалистических методик.

В заключение следует отметить критическую опасность последствий развития экстремистских идей в молодежной среде. Благодаря широким возможностям трансляции информации в современном обществе, организаторы экстремистских организаций имеют

значительные потенциальные возможности для развития своих взглядов и умыслов в рамках так называемой «сетевой концепции»: от отдельных людей к группам, с последующими экстраполяцией и воспроизводством. Это, в свою очередь, укладывается в концепцию тотального деструктивного воздействия по цепочке общественных отношений «человек-общество-государство». Следует констатировать особое положение экстремизма в иерархии современных социальных рисков. Данные официальной статистики и правоприменительной практики показывают, что молодежный экстремизм в Российской Федерации можно идентифицировать как массовое явление.

Поэтому противодействие распространению экстремизма в молодежной среде требует усилий со стороны всех вовлеченных субъектов от отдельных личностей до государственных институтов.

По результатам исследования сформированы следующие авторские рекомендации по комплексному повышению эффективности противодействия экстремизму в молодежной среде:

- усилить направление работы, связанное с обеспечением культурной и национальной толерантности в реализации государственной молодежной политики, с привлечением широкого круга субъектов (органы публичной власти, образовательные организации, общественные организации и движения);

- предусмотреть изучение культурного и национального многообразия в образовательных стандартах общего образования для систематизации представлений молодежи о национальной толерантности;

- для повышения эффективности противодействия организаторам экстремистских сообществ, необходимо совершенствование методик проведения отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий и криминалистических методик по вопросам противодействия организованной преступности;

- следует дополнить составы преступлений ст. 280, 280.1, 282, 282.1-282.4 УК РФ квалифицирующим признаком «с вовлечением несовершеннолетнего...» по ч. 2 или 3 составов данных преступлений, и последующей квалификацией в качестве тяжкого преступления.

Литература и источники

1. Показатели преступности России январь-июнь 2022 г. // Электронный ресурс: [Официальный интернет-портал Генеральной Прокуратуры Российской Федерации] url: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat?r=region/66> (дата обращения 01.09.2022)
2. Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 177 с.
3. Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. 2018. № 4. С. 26-31.
5. Трынов Д.В., Дидковская Я.В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. №3(191). С.118-127.
6. Буркина О.А. Детерминанты экстремистской преступности в подростковой среде // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 183-190.
7. Ильюк Е.В. Молодежь как группа риска и основные техники манипуляции при вовлечении в экстремистские организации // Виктимология. 2019. № 3 (21). С. 26-35.
8. Усманов И.М., Силаева Н.А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93).С. 168-175.

References and Sources

1. Pokazateli prestupnosti Rossii yanvar'-iyun' 2022 g. // Elektronnyj resurs: [Oficial'nyj internet-portal General'noj Prokuratury Rossijskoj Federacii] url: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat?r=region/66> (data obrashcheniya 01.09.2022)
2. Makeeva I.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya ekstremistkoj napravlenosti, posyagayushchie na osnovy konstitucionnogo stroya i bezopasnost' gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2017. 177 s.
3. Alekhin E.V. Vidy i klassifikaciya prestuplenij ekstremistkoj napravlenosti // Policejskaya deyatel'nost'. 2018. № 4. S. 26-31.
5. Trynov D.V., Didkovskaya YA.V. Novaya protestnaya molodezh': samoidentifikaciya, social'noe samochuvstvie i obraz budushchego // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2019. T. 14. № 3 (191). S. 118-127.
6. Burkina O.A. Determinanty ekstremistkoj prestupnosti v podrostkovoju srede // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022. № 1. S. 183-190.
7. Il'yuk E.V. Molodezh' kak gruppy riska i osnovnye tekhniki manipulyacii pri vovlechenii v ekstremistskie organizacii // Viktimologiya. 2019. № 3 (21). S. 26-35.
8. Usmanov I.M., Silaeva N.A. Protivodejstvie ekstremizmu v usloviyah informatizacii obshchestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1 (93).S. 168-175.

ВАТОРОПИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом Уральского института управления – филиала РАНХиГС (vatoropin-as@ranepa.ru).

ТЕПЛЯКОВ ИГОРЬ ИГОРЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала РАНХиГС (z-nit@yandex.ru).

VATOROPIN, ALEXANDER S. - Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Human Resources Management of the Ural Institute of Management - a branch of the RANEPА (vatoropin-as@ranepa.ru)
TEPLYAKOV, IGORI. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Ural Institute of Management - a branch of the RANEPА (z-nit@yandex.ru)

УДК 343.23:053.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-99-104

**ОСАДЧУК О. А., ГРОШЕВ А.В.
К ВОПРОСУ О ГЕОРГАФИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ЖЕНСКОГО ПОЛА**

Ключевые слова: география преступности, территориальные различия преступности, причинный комплекс преступности, преступность несовершеннолетних женского пола, коэффициент криминальной активности, криминологическая классификация регионов, интенсивность преступности.

Статья посвящена исследованию территориальных различий преступности несовершеннолетних женского пола. В ней проведена криминологическая классификация регионов Российской Федерации по уровню интенсивности женской преступности несовершеннолетних. Отмечено, что регионы с высокой криминальной активностью несовершеннолетних женского пола, в большинстве своем относятся к экономически развитым территориям с большим промышленным потенциалом. Делается вывод о том, что установление региональных различий преступности несовершеннолетних женского пола позволяет решать общую задачу – конкретизировать представления о причинах данного вида преступности и путях ее минимизации.

**OSADCHUK, O.A., GROSHEV, A.V.
TO THE QUESTION OF THE GEOGRAPHY OF THE CRIME OF FEMALE MINORS**

Key words: geography of crime, territorial differences of crime, causal complex of crime, female juvenile delinquency, coefficient of criminal activity, criminological classification of regions, crime intensity.

The article is devoted to the study of territorial differences in female juvenile delinquency. It carried out a criminological classification of the regions of the Russian Federation according to the level of intensity of female juvenile delinquency. It is noted that regions with high criminal activity of female minors, for the most part, belong to economically developed territories with great industrial potential. It is concluded that the establishment of regional differences in female juvenile delinquency allows us to solve a common problem - to concretize ideas about the causes of this type of crime and ways to minimize it.

Преступность, как деструктивное социальное явление в той или иной степени проявления существует везде. Однако ее пространственная распространенность зависит от многих факторов. Это в полной мере касается преступности несовершеннолетних, географии которой в своих работах значительное внимание уделял Г.И. Забрянский [3, с. 44]. Последний, исследовав уровень интенсивности преступлений несовершеннолетних в целом по стране, сделал вывод о неоднородности их распространенности по территории Российской Федерации. В частности, им были выявлены регионы с наибольшей, средней и наименьшей степенью пораженности этим негативным явлением, а также факторы, влияющие на такое распределение. Как представляется, территориальная распространенность преступности несовершеннолетних женского пола, ставшей объектом самостоятельного изучения только в самом конце XX века, также подчиняется определенным закономерностям, которые до настоящего времени мало привлекали внимание ученых-криминологов, при том, что выявление региональных особенностей любого вида преступности позволяет вносить определенные корректировки в политику борьбы с нею и в конечном счете способствует повышению эффективности данной деятельности [7, с. 117].

География преступности является одним из качественных ее показателей, которые в содержательном единстве с количественными показателями позволяют охарактеризовать преступность в целом и отдельные ее виды. Причем обе группы показателей тесно связаны между собой, коррелируют друг с другом, взаимообуславливая влияние друг друга на характеризуемое явление. В связи со сказанным представляется логичным исследовать региональные особенности преступности несовершеннолетних женского пола через такие ее количественные показатели как объем преступности и уровень криминальной активности несовершеннолетнего населения женского пола, сопоставив полученные данные с криминальной пораженностью региона в целом, степенью экономического развития, уровнем урбанизации, национальной однородностью населения, его религиозной самоидентичностью и пр.

В связи с объемом информации и сложностью ее предоставления в рамках одной статьи, приводятся средние показатели по федеральным округам РФ, а также минимальные и максимальные значения показателей женской преступности несовершеннолетних на определенных территориальных образованиях, входящих в соответствующий округ.

ПРАВО

Так, проведенный анализ позволил констатировать, что по РФ в 2021 году наибольший объем в общем спектре преступности несовершеннолетних демонстрировала девичья преступность в Мурманской области Северо-Западного федерального округа, где она составила 18,68% (34 преступления несовершеннолетних девушек из 182 совершенных всеми несовершеннолетними области). Второй по величине показатель – у города федерального значения Севастополь – 16,66% (12 из 72 соответственно). На третьем месте – Ростовская область с показателем 14,62% (106 из 725 преступлений несовершеннолетних) [6]. По уровню криминальной активности из федеральных округов выделяется Дальневосточный с коэффициентом 17,7 на 10 тысяч несовершеннолетних женского пола в нем проживающих, и Сибирский – 13,73 соответственно. Минимальные значения показывают Северо-Кавказский (3,76) и Центральный (6,02) федеральные округа, как это видно из представленной таблицы.

Таблица 1.

Объем преступности несовершеннолетних женского пола и уровень их криминальной активности в Российской Федерации (по состоянию на 01.012022 года)

Федеральный округ /город федерального значения	Кол-во н/х преступ-ников [6]	Кол-во н/х женского пола [8]	Кол-во преступниц / % от всех н/х [6]	Уровень крим.актив. на 10 тыс. н/х жен. пола	Регионы с макс. и мин. показателями уровня крим. активности н/х женского пола
Москва	464	209299	58 / 12,5%	2,77	//-//-//
Санкт-Петербург	395	80438	51 / 12,91%	6,34	//-//-//
Севастополь	72	10480	12 / 16,66%	11,45	//-//-//
Центральный ФО	4454	705666	425 / 9,54%	6,02	Ярославская обл.-12,25 Московская обл.- 4,41
Приволжский ФО	5347	587510	491 / 9,18%	8,35	Кировская обл.-16,08 Пензенская обл.-4,26
Северо-Западный ФО	2705	257476	307 / 1,41%	11,97	Респ. Коми – 24,96 Ненецкий АО – 0
Уральский ФО	3675	324639	303 / 8,24%	9,33	Свердловская обл.- 10,35 ХМАО-Югра - 3,86
Южный ФО	3015	338035	362 / 12%	10,7	Астраханская обл.-19,7 Респ. Калмыкия - 5,8
Северо-Кавказский ФО	1002	279108	105 / 10,47%	3,76	Ставропольский край- 11,45 Респ.Дагестан – 1,18
Сибирский ФО	5563	371984	511 / 9,18%	13,73	Алтайский край – 17,02 Респ. Тыва – 5,32
Дальневосточный ФО	3360	187195	332 / 9,88%	17,7	Хабаровский край-24,54 Чукотский АО – 6,99

Однако нельзя не упомянуть, что в рамках одного федерального округа отмечается значительное разнообразие показателей – от достаточно высоких до очень низких. Среди областей с наибольшей криминальной пораженностью таким негативным явлением как женская преступность несовершеннолетних следует отметить: Республику Коми (24,96), Хабаровский край (24,54), Забайкальский край (24,52), Еврейскую АО (23,6), Амурскую область (22,76), Новгородскую область (22,31) и Мурманскую область (22,08).

В то же время территориальные образования, созданные по национальному признаку, традиционно характеризуются невысокими, а порой мизерными, показателями общей криминальной зараженности, уровня преступности несовершеннолетних, в целом, и женской преступности несовершеннолетних – в частности. Примером могут служить данные о криминальной активности несовершеннолетних женского пола в Северо-Кавказском федеральном округе, в частности в Чеченской республике (0,17), Республике Дагестан (1,18), Республике Ингушетия (1,63). Невысокие показатели и в большинстве других национальных округов и республиках Российской Федерации. Как представляется особая национальная и религиозная самоидентичность проживающих на этих территориях народов, сохранение традиций, векового уклада жизни на бытовом уровне, семейных ценностей оказывают решающее влияние на поведение подростков.

Как тут не вспомнить немецкого криминолога Г.Й Шнайдера, который еще в 1987 году, описывая особенности географии преступности на примере ФРГ, отмечал, что пониженные показатели преступности обычно встречаются в «малых общинах с хорошо поставленным неформальным общественным контролем, где среди жителей царит чувство сплоченности («ощущение единой судьбы»). Районы эти хорошо просматриваются, и все жители знают друг друга и жизненные привычки каждого» [9, с. 201.

Причин такого разброса в показателях достаточно много и перечень их вряд ли может быть исчерпывающим. На многофакторность явлений, порождающих тот или иной уровень преступности в регионах, обращали внимание многие ученые, такие как А.Д. Бадов [1, с. 7], А.В. Кулагин [5, с. 7], Д.В. Бахарев [2, с. 32], С.А. Шоткинов [10, с. 33] и др. Последний, в частности, констатировал влияние экономических, социальных, культурных, демографических, политических и естественно-природных особенностей региона, субъекта или административно-территориальной единицы на состояние, структуру и динамику преступности.

Исходя из приведенной выше статистики, даже при первом приближении к изучению темы можно отметить, что названные регионы с высокой криминальной активностью несовершеннолетних женского пола, в большинстве своем относятся к экономически развитым территориям с большим промышленным потенциалом, на что в свое время обращал внимание Г.А. Забрянский [3, с. 93]. Повышению общего уровня криминогенности, который как катализатор опосредованно влияет на уровень преступности несовершеннолетних, способствуют концентрация большого количества людей, занятых физическим трудом, с дисбалансом в половой структуре коллективов в пользу мужчин, бытовая неустроенность, рутинность физического труда неизбежно порождают неблагоприятный фон, способствующий возникновению острых социальных конфликтов. Напряженности добавляют сложные климатические условия, связанные с особым географическим положением данных территорий, что отмечал в своих работах А.В. Кулагин [5, с. 88]. Кроме того, о влиянии на общую криминогенную обстановку в регионе количества и близости учреждений пенитенциарной системы писал А.Д. Бадов, вводя термин «геокриминогенное положение» различных территорий страны [1, с. 310]. Следует заметить, что и в историческом прошлом, и в современности именно Сибирь и Дальний Восток известны расположением там большого количества учреждений уголовно-исполнительной системы, что безусловно влияет на общий «климат» общественной жизни.

Исследование степени криминогенности регионов с повышенной интенсивностью преступного поведения несовершеннолетних женского пола наглядно показывает четкое взаимное влияние этих показателей друг на друга.

Таблица 2.

Уровень преступности в регионах с повышенным уровнем криминальной активности несовершеннолетних женского пола (по состоянию на 01.01.2022 г.)

Сравн. позиции Регионы	Коэф.крим. активности н/х жен.пола	Кол-во населения от 14 до 60 лет	Количество преступников	Уровень урбанизации	Уровень крим.актив. населения на 10 тыс.
Республика Коми	24,96	507020	7753	78,5%	152,9
Хабаровский край	24,54	825008	10423	82,2%	126,3
Забайкальский край	24,52	656856	11283	68,7%	171,7
Еврейская АО	23,6	96415	1699	68,1%	176,2
Амурская область	22,76	487600	7742	68%	158,7
Новгородская область	22,31	347309	4099	71,9%	118
Мурманская область	22,08	472005	4608	92,1%	97,6

ПРАВО

Из таблицы видно, что все регионы, отмеченные как повышено криминогенные с точки зрения преступности несовершеннолетних женского пола, выделяются высоким и очень высоким уровнем урбанизации, а также большими значениями общей криминальной активности населения, каждый из которых выше среднероссийского показателя, составившего 94,4 в 2021 году (из 89783579 [8] человек активного населения от 14 до 60 лет были привлечены к уголовной ответственности 848320 лиц [6]). Показатели регионов Дальнего Востока больше практически вдвое!

На фоне проведенного исследования определенный криминологический интерес представляет изучение региональных особенностей женской преступности несовершеннолетних в воссоединившихся с РФ в 2014 году Республике Крым и г. Севастополь в сравнении с другими южными регионами страны, административно отнесенными к Южному федеральному округу, и Ставропольским краем, который, хотя и относится к Северо-Кавказскому округу, ментально ближе к территориям ЮФО.

Все они характеризуются благоприятным климатом, отсутствием диспропорции населения по половому признаку (примерно равные количества юношей и девушек в одной возрастной категории), уровнем урбанизации, минимальным количеством учреждений пенитенциарной системы, а также имеют ряд других сходных показателей. Однако при этом демонстрируют значительный разброс в показателях криминальной активности несовершеннолетних женского пола.

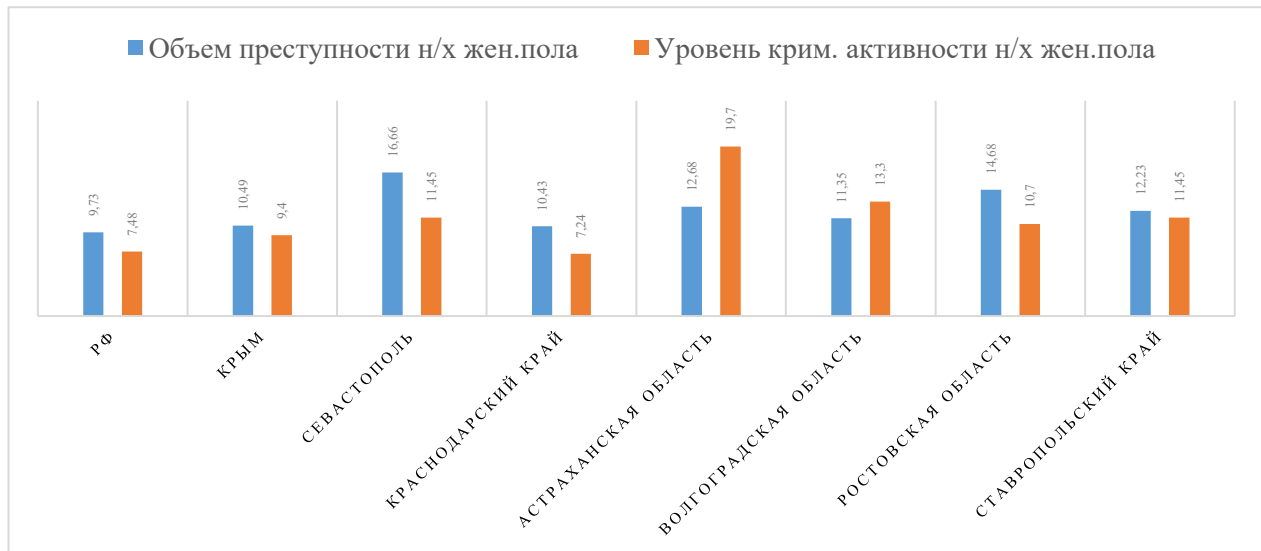
Таблица 3.

Уровень преступности несовершеннолетних женского пола в регионах Южного федерального округа и Ставропольском крае (по состоянию на 01.01.2022 г.)

Сравн. позиции Регионы	Всего н/х преступ- ников /из них девушек	Всего Девушек	Урове- нь крим акт. н/х жен.пола	Объе- м преступ-ти н/х жен.пола	Уровень урбанизации региона	Общий уровень крим, акт.
РФ	29126 /2833	3786120	7,48	9,73%	74,8%	94,4
Республика Крым	343/36	38294	9,4	10,49%	50,7%	98,7
Краснодарский край	824/86	118792	7,24	10,43%	55,94%	82,8
Астраханская обл.	339/43	21801	19,7	12,68%	66,3%	130,5
Волгоградская обл.	590/67	50265	13,3	11,35%	77,6%	100
Ростовская обл.	725/106	80904	10,7	14,62%	68,1%	87,7
Севастополь	72/12	10480	11,45	16,66%	94,2%	79,7
Ставропольский край	572/70	61101	11,45	12,23%	59,3%	86,4

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют, что, несмотря на общность географического положения, природно-климатических условий, уровня экономического развития, половозрастной структуры населения и других основных позиций и показателей сравниваемых регионов, в них наблюдаются существенные отличия в объеме преступности несовершеннолетнего пола и уровне криминальной активности данной категории лиц. Наглядно это можно отразить диаграммой, отражающей сравнительные показатели преступности несовершеннолетних женского пола в регионах Южного федерального округа и Ставропольском крае.

Сравнительные показатели преступности несовершеннолетних женского пола в регионах Южного федерального округа и Ставропольском крае (по состоянию на 01.01.2022 г.)

Согласно статистике, в г. Севастополь при минимальном общем уровне криминальной активности населения (79,7), наблюдается самый высокий в регионе объем преступности несовершеннолетних женского пола (16,6%), что объяснимо, видимо, повышенным уровнем урбанизации (94,2%). В административные границы города включены и прилегающие сельские поселения). И Крым, и Севастополь, демонстрируют повышенный по сравнению со среднероссийским и большинством сравниваемых южных регионов страны уровень криминальной активности несовершеннолетних женского пола (9,4 и 11,45 соответственно). При этом самые негативные тенденции как по общему уровню криминальной активности населения (130,5), так и по уровню криминальной активности несовершеннолетних женского пола (19,7), демонстрирует Астраханская область. Тревожны показатели объема женской преступности несовершеннолетних в Ростовской области (14,62).

Проведенный анализ географии женской преступности несовершеннолетних в Российской Федерации позволяет сделать вывод о ее существенном разнообразии в разных регионах страны и зависимости от множества факторов, катализирующих преступное поведение несовершеннолетних женского пола, минимизация воздействия которых на криминогенное поведение подростков могла бы снизить общий объем преступности несовершеннолетних в стране.

Литература и источники

1. Бадов А.Д. География преступности России в постсоветский период: дис. ... д-ра геогр. наук. Владикавказ, 2009. 496 с.
2. Бахарев Д.В., к вопросу о предмете и содержании географии преступности как одного из направлений исследования причинного комплекса преступности//Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 1. С. 32-38.
3. Забрянский Г.И. Преступность несовершеннолетних: статистико-криминологические этюды. Место преступности несовершеннолетних в социологии преступности// Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба: Юбилейный выпуск, посвященный 55-летию д.ю.н., профессора С.Ф. Милокова. СПб.: Изд-во «Русь», 2005. № 2(9). С.44-57.
4. Кулагин А.В. Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области: дис. ... канд. геогр. наук. Самара, 2009. 202 с.
5. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. //http://crimestat.ru/social_portrait
6. Сутурин М. А. Региональное изучение преступности (Теоретические аспекты) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. №310. С.115-119.
7. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (Статистический бюллетень) Москва 2022 г.// Электронный ресурс https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf
8. Шоткинов С.А. Преступность в крупных городах Восточной Сибири. М., 2004. 280 с.
9. Шнайдер Г.И. Криминология / Под общ. Ред. Л.О. Иванова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. 504 с.

Literature and Sources

1. Badov A.D. Geografiya prestupnosti Rossii v postsovetskij period: dis. ... d-ra geogr. nauk. Vladikavkaz, 2009. 496 s.
2. Baharev D.V., k voprosu o predmete i soderzhanii geografii prestupnosti kak odnogo iz napravlenij issledovaniya prichinnogo kompleksa prestupnosti//Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2012. № 1. S. 32-38.

3. Zabryanskiy G.I. Prestupnost' nesovershennoletnih: statistiko-kriminologicheskie etyudy. Mesto prestupnosti nesovershennoletnih v sociologii prestupnosti// Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba: YUbilejnyj vypusk, posvyashchennyj 55-letiyu d.yu.n., professora S.F. Milyukova. SPb.: Izd-vo «Rus'», 2005. № 2(9). S.44-57.
4. Kulagin A.V. Territorial'naya differenciatsiya prestupnosti v sub"ekte Rossijskoj Federacii na primere Samarskoj oblasti: dis. ... kand. geogr. nauk. Samara, 2009. 202 s.
5. Portal pravovoj statistiki General'noj Prokuratury Rossijskoj Federacii. //http://crimestat.ru/social_portrait
6. Sutorin M. A. Regional'noe izuchenie prestupnosti (Teoreticheskie aspekty) // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2008. №310. S.115-119.
7. Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2022 goda (Statisticheskij byulleten') Moskva 2022 g.// Elektronnyj resurs https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf
8. Shotkinov S.A. Prestupnost' v krupnyh gorodah Vostochnoj Sibiri. M., 2004. 280 s.
9. Shnajder G.J. Kriminologiya / Pod obshch. Red. L.O. Ivanova. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1994. 504 s.

ОСАДЧУК ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра «Уголовное право и процесс», Юридический институт, Севастопольский государственный университет (ksufa2007@rambler.ru).

ГРОШЕВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (groshevav54@gmail.com).

OSADCHUK, OKSANA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Process of the Law Institute, Sevastopol State University (ksufa2007@rambler.ru).

GROSHEV, ALEXANDR V. – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (groshevav54@gmail.com)

УДК 343.221.5:053.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-104-108

ЛЫКОВ Э.Н., ТИЩЕНКО И.В.
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, структура преступности, меры противодействия преступности несовершеннолетних, преступность в период пандемии COVID 19, профилактика, органы внутренних дел.

В статье осуществлен анализ проблем противодействия преступности несовершеннолетних и показано состояние дел с данного вида преступностью в Российской Федерации в период пандемии COVID-19. Авторами были определены основные причины и особенности совершения преступлений несовершеннолетними, выявлены структура и тенденции развития преступности несовершеннолетних за последнее десятилетие. В результате проведенного исследования был сформулирован перечень профилактических мер, способных сократить рост молодежной преступности. Обоснован вывод о том, что деятельность по профилактике преступности несовершеннолетних не должна быть направлена на ужесточение применения к ним мер уголовно-правового характера, а должна основываться на принципах гуманности и милосердия, давая шанс малолетним преступникам встать на путь исправления.

LYKOV, E.N., TISCHENKO, I.V.
ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF COUNTERING JUVENILE DELINQUENCY

Key words: juvenile delinquency, structure of crime, measures to counter juvenile delinquency, crime during the COVID 19 pandemic, prevention, internal affairs agencies.

The article analyzes the problems of combating juvenile delinquency and shows the state of affairs with this type of crime in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic. The authors identified the main causes and features of the commission of crimes by minors, revealed the structure and trends in the development of juvenile delinquency over the past decade. As a result of the study, a list of preventive measures was formulated that can reduce the growth of youth crime. The conclusion is substantiated that activities for the prevention of juvenile delinquency should not be aimed at tightening the application of criminal law measures to them, but should be based on the principles of humanity and mercy, giving juvenile delinquents a chance to take the path of correction.

Преступность несовершеннолетних, как и молодежная преступность, наиболее часто привлекает внимание ученых, специалистов и сотрудников правоохранительных органов по различным причинам. Как отмечают сотрудники органов внутренних дел, несовершеннолетние, совершившие преступления, считают, что за противоправные деяния им будет дано более мягкое наказание в силу их возраста, что является несомненным плюсом для них и огромным минусом для общественной безопасности. Как правило, такие лица значительно труднее поддаются исправлению и, в итоге, создают основной резерв для развития будущей преступности.

Сегодняшнее состояние дел с подростковой преступностью в Российской Федерации, в частности в период пандемии COVID-19, показывает неблагоприятно сложившуюся обстановку в стране, которая оказала влияние и на работу правоохранительных органов. В результате серьезного и острого обострения криминальной ситуации в среде несовершеннолетних, несмотря на все профилактические меры, принимаемые сотрудниками органов внутренних дел, практика показывает их неэффективность. Все чаще оставаясь дома, на самоизоляции, дети находятся во власти Интернета, где и образуются группы, которые «борются со скукой» [1] в столь тяжелой для непоседливых подростков экологической обстановке. Так, например, киберпреступления и мошенничество среди молодежи увеличились за время пандемии почти в 2 раза. По данным

ПРАВО

компания RTM Group, 2021 г. характеризовался в России 518 тыс. зарегистрированных киберпреступлений, что в сравнении с 2020 г. было на 1,4% больше. И в 1,8 раза больше преступлений указанной направленности было больше, чем количество выявленных в 2019 г. [2]. Приведенные статистические данные были приведены исходя из учета возбужденных уголовных дел, связанных с использованием IT-технологий.

Также по данным портала правовой статистики, за январь 2022 года был отмечен прирост несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, на 1,6% по сравнению с предыдущим 2021 годом, что составляет 1989 человек (см. рис. 1) [7]. Данный факт обуславливает необходимость применения эффективных мер для снижения указанного показателя в дальнейшем.

Рис. 1. Количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления.

В связи с тем, что несовершеннолетние относятся к группе особых субъектов уголовной ответственности, они имеют свои особенности. В первую очередь, следует указать на факторы и условия, формирующие сознание ребёнка, который, в силу его возраста, становится легко манипулируемым. К основным факторам отнесём в первую очередь несовершенство социальных институтов, играющих важную роль в развитии подростка. При этом будем учитывать, что любые нарушения в психике ребёнка могут вызвать проблемы с социализацией, впоследствии чего может совершиться противоправное деяние.

Другой характерной чертой преступности несовершеннолетних является особенность видовой структуры преступлений. Это связано с тем, что наиболее часто совершаются преступления с категориями небольшой и средней тяжести, что говорит о некотором снижении удельного веса совершенных несовершеннолетними наиболее общественно опасных преступлений (см. рис. 2) [3, с. 32].

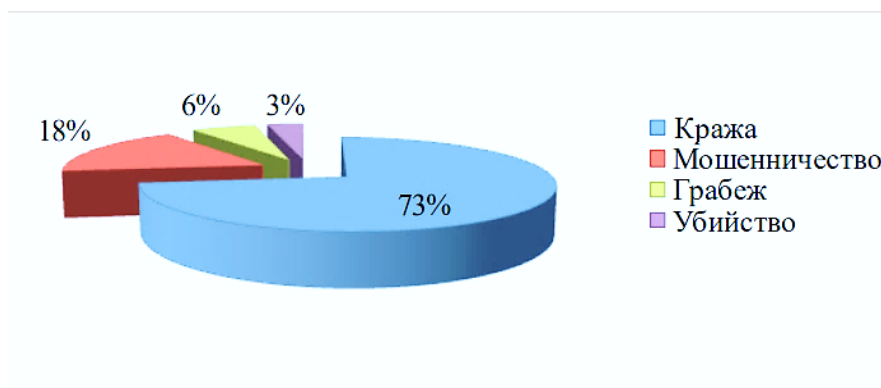

Рис. 2. Структура преступности среди несовершеннолетних.

Анализируя данную структуру преступлений в процентном соотношении, отметим, что из всех зарегистрированных преступлений больше половины составляют хищения чужого

ПРАВО

имущества, совершенные путем кражи – 73 %, грабежа – 6 %, мошенничества – 18 %. Убийства, в свою очередь, составляют только 3%.

Для того чтобы в полной мере выявить основные методы борьбы с несовершеннолетней преступностью, необходимо адекватно осмыслить причины её возникновения.

Были проведены различные социальные опросы несовершеннолетних о причинах совершения преступлений, по результатам которых можно увидеть в процентном соотношении следующую картину (см. табл. 1) [4].

Таблица 1.

Опрос несовершеннолетних	Процентный результат
Оказание влияния со стороны других лиц (взрослые, сверстники)	69%
Финансовые трудности	57%
Психические отклонения	43%
Самоутверждение среди сверстников, желание острых ощущений	39%
Семейные проблемы, отсутствие иных интересов	26%
Негативное влияние со стороны СМИ	22%
Отсутствие внимания и воспитания со стороны семьи	22%
Интерес, любопытство	13%
Алкогольное опьянение	13%
Отсутствие последствий в виде наказания	12%

Также нужно обратить внимание на основные тенденции развития преступности несовершеннолетних за последнее десятилетие. Как сообщает Интернет-портал издательства «Российская газета»: «Университетом прокуратуры Российской Федерации не просто был проведен анализ статистических данных, но и были сформированы психологические особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя, которые по многим параметрам коренным образом отличается от взрослых преступников [5]. К таким особенностям были отнесены:

- 1) отсутствие достаточного жизненного опыта;
- 2) чрезмерная подверженность внушению;
- 3) отрицание запретов и предписаний;
- 4) стремление выделиться в группе или коллективе и др.

Кроме того, практически половина несовершеннолетних осужденных в 2019 году воспитывались в неполных семьях. Около 10% - это воспитанники специальных учреждений или имеющие опекуна (попечителя). Оставшаяся часть - несовершеннолетние не имеющие образования или не получающие его по своему желанию. Также среди факторов риска можно выделить алкоголизм родителей, низкий социальный статус семьи, отсутствие родителей и др. [3, с. 34]. Поэтому в настоящее время успешно функционируют государственные и региональные программы, направленные на устранение указанных предпосылок. Так, к примеру, на территории республики Дагестан была принята подпрограмма «Профилактика правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних в Республике Дагестан на 2019 - 2021 годы», которая закрепляет перечень мероприятий по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [6].

Проблема преступлений среди несовершеннолетних ежегодно усложняется. Предупреждение такой преступности на законодательном уровне недостаточно осознано и реализовано в законотворческой работе. Нередко принимаемые нормативные акты имеют существенные недостатки. В настоящее время все же недостаточно учитывается значение нерешенных проблем социализации несовершеннолетних преступников. Среди них семейное насилие, вооруженные и межнациональные конфликты, жертвами которых становятся несовершеннолетние, неустroенность в семье, нахождение родителей в местах лишения свободы и др.

Во время пандемии COVID-19 был отмечен рост преступлений несовершеннолетних. Генеральная Прокуратура приводит следующую статистику: количество таких преступлений возросло до 40 тысяч от общего числа всех преступлений [7]. Если разделить это количество по видам, среди них: киберпреступления – 60%, мошенничества – 20%, наркопреступления – 10%. Ориентируясь на соответствующие неформальные группы, подростки стремились к самостоятельности и самоутверждению, а привело это, как правило, к уголовной ответственности.

Исходя из вышеуказанных статистических данных относительно преступлений, совершенных несовершеннолетними, органами государственной власти, правоохранительными органами, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, органами опеки и попечительства, органами управления социальной защитой населения и органами по делам молодежи в целях профилактических мероприятий, направленных на предотвращение совершения новых преступлений, осуществлялись определенные меры:

1. была активизирована работа со СМИ и целевыми группами гражданского общества;
2. оказывалась помощь специалистами соцзащиты учителям в поддержании контактов с молодыми людьми;
3. велось ориентирование населения с целью лишения подростков возможности создания преступных групп;
4. проводились постановка на учет и оказание помощи неблагополучным семьям;
5. формировалась новая позитивная молодежная политика.

Указанные меры были направлены на сокращение количества совершенных несовершеннолетними правонарушений путём взаимодействия со СМИ и населением.

Исходя из вышесказанного, предлагается для противодействия преступности несовершеннолетних и молодёжной преступности, а также действенной борьбы с ними предпринять ряд следующих мер:

- 1) создать сеть кабинетов бесплатной правовой помощи для подростков и их семей на базе образовательных организаций высшего образования, чтобы повысить доступность служб, которые напрямую связаны с профилактикой семейного неблагополучия;
- 2) разработать рекомендации, наглядные материалы для несовершеннолетних, их родителей по безопасному использованию сети Интернет, чтобы предотвратить преступления;
- 3) распространять через СМИ антирекламу преступности;
- 4) усилить меры по патриотическому воспитанию молодёжи в образовательных учреждениях путем проведения бесед, мероприятий, лекций на тему противодействия преступности;
- 5) создать программы по пропаганде здорового образа жизни, отказа от вредных привычек, проводить спортивные мероприятия в учебных заведениях;
- 6) законодательно закрепить процесс осуществления ранней профилактики отклоняющегося поведения подростков, включающей в себя комплекс мер по воздействию на личность родителей, других субъектов воспитания и профилактики, общественное мнение;
- 7) в ходе расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, необходимо более широко привлекать специалистов в области детской психологии, психологов, психиатров, экспертов и социальных работников, чтобы в полной мере осуществлять перевоспитание несовершеннолетних преступников и не допустить совершения ими рецидива;
- 8) применить воспитательно-профилактические меры инспекцией по делам несовершеннолетних в рамках подготовки несовершеннолетних преступников к жизни на свободе;
- 9) создать контролирующий орган государственной власти, который бы занимался цензурой продукции, выпускаемой СМИ, и обладал правом запрета на тиражирование продукции, пропагандирующей криминальные ценности.

Хотелось бы отметить, что деятельность по профилактике преступности несовершеннолетних не должна быть направлена на ужесточение применения к ним мер уголовно-правового характера, а должна основываться на принципах гуманности и милосердия, давая шанс малолетним преступникам встать на путь исправления. Поэтому основным направлением в предупреждении преступлений несовершеннолетних будет считаться общесоциальная профилактика, имеющая целью создать условия, способствующие нормальному формированию личности подростка для предотвращения на ранних стадиях возникновения преступного умысла у подростков. Указанные меры помогут сократить рост преступности несовершеннолетних путем пресечения правонарушений и преступлений и перевоспитания неблагополучной части современной молодежи. Благодаря их применению должны произойти, в первую очередь, усиление роли института семьи, повышение эффективности государственной поддержки семьям.

Поэтому крайне необходимо принимать меры по реализации ранней профилактики такого вида преступлений, чтобы установить стабильность в обществе.

Литература и источники

1. Социальное дистанцирование и самоизоляция во время коронавируса – почему это важно и как его переживает интернет // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tjournal.ru/internet/150555-socialnoe-distancirovanie-i-samoizolyaciya-vo-vremya-koronavirusa-pochemu-eto-vazhno-i-kak-ego-perezhiwaet-internet> (дата обращения 25.02.2022).
2. Число киберпреступлений в России за 2 года выросло в 1,8 раза интернет // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/267327861> (дата обращения 01.03.2022).
3. Буренкова Е.О. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 1 (29). С. 30-35.
4. Подростковая преступность в России // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/prezentaciya-na-temu-podrostkovaya-prestupnost-v-rossii-3773117.html> (дата обращения 20.02.2022).
5. Генпрокуратура сообщила о росте подростковой преступности в стране: российская газета // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila-o-rote-podrostkovoju-prestupnosti-v-strane.html> (дата обращения 15.01.2022).
6. О внесении изменений в государственную программу Республики Дагестан «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Дагестан»: Постановление Правительства Республики Дагестан от 09 ноября 2021 года № 302 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 10.11.2021.
7. Портал правовой статистики // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения 21.03.2022).

References and Sources

1. Social'noe distancirovanie i samoizolyaciya vo vremya koronavirusa – pochemu eto vazhno i kak ego perezhiwaet internet // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tjournal.ru/internet/150555-socialnoe-distancirovanie-i-samoizolyaciya-vo-vremya-koronavirusa-pochemu-eto-vazhno-i-kak-ego-perezhiwaet-internet> (data obrashcheniya 25.02.2022).
2. Chislo kiberprestuplenij v Rossii za 2 goda vyroslo v 1,8 raza internet // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/267327861> (data obrashcheniya 01.03.2022).
3. Burenkova E.O. Sovremennoe sostoyanie i tendencii prestupnosti nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 1 (29). S. 30-35.
4. Podrostkovaya prestupnost' v Rossii // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://infourok.ru/prezentaciya-na-temu-podrostkovaya-prestupnost-v-rossii-3773117.html> (data obrashcheniya 20.02.2022).
5. Genprokuratura soobshchila o roste podrostkovoju prestupnosti v strane: rossijskaya gazeta // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila-o-rote-podrostkovoju-prestupnosti-v-strane.html> (data obrashcheniya 15.01.2022).
6. O vnesenii izmenenij v gosudarstvennyu programmu Respubliki Dagestan «Obespechenie obshchestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti v Respublike Dagestan»: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Dagestan ot 09 noyabrya 2021 goda № 302 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 10.11.2021.
7. Portal pravovoj statistiki // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://crimestat.ru/offenses_chart (data obrashcheniya 21.03.2022).

ЛЫКОВ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ - кандидат философских наук, доцент, кафедра юридических дисциплин, Российский государственный гуманитарный университет (Филиал РГГУ в г. Домодедово) (likedik@mail.ru).

ТИЩЕНКО ИРИНА ВИКТОРОВНА - кандидат юридических наук, доцент, кафедра социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова (tishhenkirina@ya.ru).

LYKOV, EDUARD N. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Russian State University for the Humanities (Branch of the Russian State University in Domodedovo).

TISCHENKO, IRINA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov.

УДК 343.9.01

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-108-116

ГОЛИКОВА А.В.

**ЭЛЕМЕНТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В
ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: индивидуальная профилактика, безопасность образовательной среды вуза, несовершеннолетние студенты.

В статье исследуется проблема обеспечения криминологической безопасности обучающихся высших учебных заведений в разрезе учета особенностей поведения несовершеннолетних студентов, обусловленных возрастом и социальным статусом этой группы населения. В данном аспекте большое значение для организаторов образовательного процесса приобретают методы, сочетающие запрос общества на создание безопасных условий в процессе обучения и потребности несовершеннолетних, присущих этому этапу их социализации. Основываясь на универсальном диалектическом подходе, используя методы дедукции, индукции, сравнения, анализа, обобщения и описания удалось выделить предпосылки корректной работы в области индивидуальной профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних обучающихся в системе высшего образования. Результаты исследования позволили выделить ряд ключевых элементов, повышающих уровень криминологической безопасности в условиях организации образовательной среды вуза.

GOLIKOVA, A.V.

THE ELEMENTS OF INDIVIDUAL PREVENTION IN ENSURING CRIMINOLOGICAL SAFETY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Key words: individual prevention, safety of the educational environment of the university, underage students.

The article describes the problem of ensuring criminological safety of students of higher educational institutions through the aspect of age characteristics of students. The specific social status and psychological characteristics of persons under the age of 18 require a tremulous approach. In this aspect, methods that make it possible to combine two requests are of great importance: society wants safe conditions for children, and minors want to realize their needs inherent in socialization. The author used a universal dialectical approach, methods of deduction, induction, comparison, analysis, generalization and description. In the process of work, it was possible to identify the prerequisites for correct work in the field of individual prevention of destructive behavior of underage students in the higher education system. The results of the study allowed us to identify a number of key elements that will improve the organization of the educational environment of the university and reduce the risks of criminal threats.

Имеющийся со стороны общества социальный запрос на снижение уровня криминальных угроз в отношении подростков и молодежи требует многостороннего подхода к его удовлетворению. Общесоциальные и специально-криминологические методы обеспечения криминологической безопасности вузов регулярно становятся предметом исследований, так же, как и личность несовершеннолетних преступников. В тоже время вопросы ранней профилактики деструктивного поведения подростков в процессе получения высшего образования обычно сводятся к поиску «потенциально криминальных субъектов». Между тем, криминология давно отстаивает позицию, согласно которой следует создавать условия, в которых личность не приобретет антиобщественные свойства, либо не станет их проявлять. В данном аспекте большое значение приобретают мероприятия, направленные на обеспечение криминологической безопасности вузов с учетом особенностей личности несовершеннолетних

Криминология разработала пласт концепций и критерии, основываясь на которых, можно выбрать своеобразные группы риска, требующие индивидуального профилактического воздействия. Например, склонностью к совершению правонарушений и преступлений, согласно исследованиям [1], отличаются лица из так называемых неблагополучных семей; лица, имеющие врожденные особенности психики, не исключающие вменяемости. Мотивация поведения подростков в своей основе содержит так называемые причины естественного характера, обусловленные особенностями психологического и физиологического этапа взросления 14-20 летних. Так, главный движущий мотив любого насильственного посягательства это – самоутверждение [2]. «Неприятные личные отношения» в качестве мотивации совершения преступлений составили 33,5 % от общего количества установленных мотивов убийств, совершенных лицами в возрасте от 16 до 18 лет» [3, с. 200]. Из всех разновидностей девиаций, наибольшую опасность представляют собой насильственные действия. Применение физического или психического насилия представляет собой внешнюю форму проявления агрессии. Подростки, как правило, боятся ответственности за свои противоправные действия и готовы идти на все, чтобы их скрыть, даже на совершение более тяжкого преступления, в том числе убийства, порой не задумываясь о последствиях. Крайняя форма проявления подростковой агрессии в современных условиях – скулшутинг [4] (колумбайнинг [5]).

Используемые методы обеспечения криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования для профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних обучающихся должны отвечать следующим принципам, обеспечивающим эффективность данного вида деятельности.

Гуманизм. Приоритет соблюдения прав и свобод человека в образовательной среде. Соблюдение баланса прав и обязанностей обучающихся и сотрудников организации, предоставляющей образовательные услуги.

Законность. Все предпринимаемые меры по обеспечению криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования должны соответствовать правовым нормам.

Обоснованность применения мер по обеспечению криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования. Складывается из наличия: социального запроса на данный вид деятельности; возможности образовательной организации действительно повлиять на процесс формирования личности несовершеннолетнего; прогноза превалирования положительных результатов применяемой меры в сравнении с возможными негативными последствиями ее реализации (особенно актуально в сфере установления правоограничений).

Своевременность. Оперативное выявление условий опасности деструктивного поведения и быстрое реагирование на нее.

Системность. Комплексное использование мер по обеспечению криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования, с привлечением необходимых специалистов в различных областях жизнедеятельности.

Научная обоснованность применения мер по обеспечению криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования.

Безусловно, внимание специалистов привлекают несовершеннолетние уже совершившие преступление или административно-наказуемое правонарушение, привлеченные к ответственности. Обычно представители указанных групп лиц относятся к числу явных девиантов, и нуждаются в помощи. При этом своевременно оказанная поддержка способна нейтрализовать межличностный или внутриличностный конфликт подростка, предотвратить шаг в сторону общественно опасного поступка. Как известно, отклоняющееся поведение подростков – это всегда способ привлечь внимание и сообщить иносказательно окружающим (в первую очередь взрослым) о наличии серьезных проблем, которые решить самостоятельно несовершеннолетний не может. К оказанию такой помощи образовательное учреждение должно быть готово. Медиация конфликтов между учащимися, а также между учащимися и преподавателями, обеспечение юридических консультаций, по необходимости, привлечение представителей власти, требуют консолидированного подхода разных органов власти и негосударственных институтов.

Эффективность индивидуальной профилактики, независимо от этапа ее проведения, тем выше, чем сильнее внутренний глубинный отзыв несовершеннолетнего на предложенные методы совместной работы. Поэтому среди ученых обосновано принято считать, что прием оказания помощи обладает наибольшей результативностью в деле предупреждения преступности. И дело даже не в том, что «Лучше предупредить преступление, чем наказывать» [6, с. 493]. Деструктивное поведение подростков всегда в своей основе имеет цель привлечения внимания к себе и имеющимся нерешенным проблемам (внутриличностного либо социально- психологического характера). Актуальный для личности любого подростка запрос в рамках социализации в возрасте 16-18 лет - потребность быть услышанным взрослыми. Следовательно, создание антикриминогенных условий, снижающих шансы на формирование деструктивного поведения, должно происходить путем создания информационного пространства образовательной организации, где подросток получает шанс обсудить имеющиеся у него проблемы. Все варианты: собственная меэона (внутренние вузовские или межвузовские СМИ), телефоны и «почтовые ящики» доверия, доступ к штатному психологу, доброжелательные партнерские отношения с сотрудниками вуза, площадки для обсуждения неоднозначных социальных проблем, - способны удовлетворить запрос быть услышанным. Следовательно, характер предпринимаемых усилий по нейтрализации внешнего стимулирования деструктивного поведения среди несовершеннолетних обучающихся в организациях высшего образования при обеспечении криминологической безопасности образовательной среды имеет черты компенсаторности.

Запрос на поиск справедливости в социуме и ее проявлений прекрасно восполняется поддержанием баланса прав и обязанностей участников образовательного процесса в образовательной организации. Во- первых число прав и количество обязанностей несовершеннолетних обучающихся должны совпадать. Во- вторых, права обучающихся должны взаимокорреспондировать с обязанностями образовательной организации и, в частности, с требованиями преподавателей. И наоборот, права стороны, предоставляющей образовательные услуги необходимо четко соотносить с обязанностями обучающихся. Например, запрет на использование средств связи обучающимися во время текущего контроля успеваемости студентов в период сессии, должен поддерживаться преподавателями, отказывающимися от эксплуатации мобильных телефонов и иных гаджетов на время экзамена или зачета. В-третьих, существование механизма медиации конфликтных ситуаций в вузе и привлечение сторонних специалистов для участия в ней.

Потребность подростка быть принятым обществом в качестве самостоятельной личности со своими запросами и достоинствами опосредуется получением навыков критического мышления и умения формирования собственной позиции. Поэтому не только обсуждение сущностных проблем, но и предоставление разнообразной информации, также относится к сфере обязанностей образовательной организации. В частности, недостаточный жизненный опыт несовершеннолетнего мешает ему осознавать и прогнозировать развитие причинно-следственных

связей между поступками людей и социально значимыми изменениями, которые наступают в результате. Разъяснение таких закономерностей на реальных примерах (включая игровую форму) помогает формированию этого важного навыка взрослого человека. Так, объяснение социальной значимости преступных или иных деструктивных действий, способно изменить представления подростка о качестве некоторых видов поступков. Например, «экстремальное развлечение» в виде хищения предметов из магазинов «на спор», равно как и любое другое хищение причиняет вред вполне конкретным лицам- продавцам, которые вынуждены компенсировать недостачу из личных средств. Объяснение несовершеннолетним конкретных негативных последствий их поступков, помогает осознанию значимости своих действий. Не случайно в ст. 90 УК РФ среди принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним преступникам, указаны: возложение обязанности загладить причиненный вред и разъяснение несовершеннолетнему социальной значимости совершенного деяния. Одновременно, раскрываются перед подростком рациональные причины установления запретов на разные модели поведения: от кражи и уклонения от уплаты налогов, до нарушения правил безопасности дорожного движения и клеветы. Таким образом, выстраивается и правосознание законопослушной личности, когда требования государства к поведению людей приобретают характер понятных и объективно необходимых. Отказ от деструктивного поведения тогда происходит не просто осознанно, под давлением угрозы юридической или материальной ответственности, а на уровне убеждений. Это же очень просто - улучшать мир путем отказа от деструктивного поведения.

Факторы, усиливающие эффект от мероприятий по обеспечению внутренней криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования для профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних:

- доверительные отношения несовершеннолетних и взрослых в образовательной среде (договорной их характер, когда взаимные права и обязанности сбалансированы и понятны каждой из сторон);

- сопровождение социализации обучающегося несовершеннолетнего (развитие критического мышления для фильтрации поступающей из внешних источников информации, навыки формирования собственной позиции и отстаивания ее);

- поддержка обучающегося несовершеннолетнего в трудных жизненных ситуациях и обстоятельствах конфликта;

- повышение уровня нравственно- правовой культуры за счет создания информационного поля образовательной организации;

- организация досуга и помощь в самореализации (отзывчивое отношение к предложениям обучающихся об организации конкурсов, улучшению условий обучения, подготовке мероприятий внеучебного характера, получению дополнительного образования, индивидуализации процесса обучения и др.);

- взаимодействие с семьей несовершеннолетнего обучающегося [7], как главным фактором социализации обучающихся;

- компенсаторный характер применяемых методов нейтрализации условий, способствующих проявлению деструктивного поведения.

Обобщая публикации последнего времени, можно выделить ультрановые специфические факторы, затрудняющие работу с подростками старшего возраста, подлежащие учету при разработке мер по обеспечению криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования и их применению.

Во-первых, социальный инфантилизм [8]. По данным современных психологов взрослеют не в 18 лет даже не в 21 год, а в районе 24 летнего возраста в основной своей массе. Во-вторых, беспрецедентное влияние Массмедиа и социальных сетей на формирование органов восприятия, мышление и мировоззрение несовершеннолетних [9]. В-третьих, «детоцентрическое общество», в котором выращивается неспособность к эмпатии и ощущениям взаимосвязи себя с окружающими (даже в поступках) мешает осознанию и прогнозированию причинно-следственных связей, уважению чужих прав и свобод [10]. В-четвертых, психолого-социальные особенности выстраивания системы ценностей и потребностей поколения «снежинок» [11]. В-пятых, условия экономического кризиса и кризиса образования [12] в России и мире.

Особо следует выделить участие в неформальных группах, в том числе экстремистского направления. Важно понимать, что такая форма социальной активности несовершеннолетних совпадает с важнейшим этапом самоидентификации, а потому существование подобных сообществ представляет собой некую социальную норму. Другое дело, что модели транслируемого ими поведения сами по себе могут исходить из целей разрушения базовых социальных основ (их нельзя путать с общественными стереотипами, которые должны время от времени подвергаться ревизии новыми поколениями, как например, неприкосновенность тела человека, которая долгое время препятствовала развитию медицины). Повышенное внимание государства к деятельности подобных неформальных групп, особенно если их функционирование приобретает статус культа или напоминает тоталитарную деструктивную секту, вполне оправданно. Мудрое решение в отношении такого рода возрастного социального протеста не запрещение подобных сообществ, а наблюдение за ними, их адептами, для необходимого в критической ситуации вмешательства. Корректная дифференциация молодежных неформальных объединений позволит аккуратно и методически выверено выделять потенциально деструктивные и социально приемлемые варианты.

Пример относительно недавнего прошлого – ситуация, в которой взрослые слишком поздно обратили внимание на интернет сообщества, подталкивающие детей и подростков к суициду. Хроника событий 2015-2016 годов, отраженная в СМИ, свидетельствует о том, что со стороны населения России социальный заказ на жесткую реакцию государства в отношении такого явления, как рост подростковых суицидов, был. Появляются истории о закрытых группах в социальных сетях и сообщения о фактах суицида несовершеннолетних, которые в таких группах состояли. Кроме того, появились конкретные общественные организации (например, создатели сайта «Спасение детей от киберпреступлений»), жалобы пользователей интернета администраторам сайтов и в Роспотребнадзор на своеобразный контент, рекламирующий суицидальное поведение, либо демонстрирующий его. Даже с первого взгляда на ситуацию становится ясно, что использование при вовлечении в «игру» различных практик манипуляции, да и сама постановка вопроса о проведении «игры», как формы взаимодействия между виновным и жертвой, свидетельствуют и явном мотиве самоутверждения. Популяризация психологии и её разных направлений, в последние десятилетия, создали большое число монстров-манипуляторов (как профессиональных, например, востребованных в маркетинге – киберпсихолог, который за Вас знает, что Вам необходимо приобрести, когда и где, куда пойти учиться и так далее...), так и обычных самоучек – неудачников. Социальная невостребованность толкает таких людей на путь использования манипуляций (обман и насилие, как способы заставить человека слушаться), для повышения самооценки. А оттачивать свои навыки удобнее всего на неопытных и пока еще слабо стрессоустойчивых подростках.

Следовательно, своевременность выявления популярных тенденций среди несовершеннолетних и их криминологическая прогностическая оценка позволят предупреждать негативное развитие ситуации, а не только запоздало реагировать на нее.

Справедливости ради стоит отметить, что современные взрослые поддаются манипуляциям ненамного реже. Когда мы (взрослые) рассуждаем о тяжелой участи детей, которые не защищены от пагубной информации жизненным опытом, то забываем о собственной зависимости от информационного потока. Мы покупаем рекламируемые товары гораздо чаще чем вроде-бы «незнакомые», прислушиваемся к мнению медийных персон чаще, к мнению знакомых специалистов, мы формируем свое представление о текущих политических и экономических событиях под воздействием той информации, которую нам предоставляют. Кстати, популярность темы именно суицидального поведения тоже не нова в истории человечества. Вспоминая даже беллетристику можно упомянуть «Клубы самоубийц», отметившиеся в некоторых классических детективах. В современной России самоубийства не являются редким явлением, и причины распространённости этого явления лежат в кризисных общесоциальных тенденциях (об этом много написано, например, у Я.И. Гилинского [13]).

Приведенный пример иллюстрирует, с одной стороны, запоздалую реакцию общества и государства на опасный вид деятельности. Благодаря активистам и СМИ, привлекающих внимание взрослых к проблеме, родители и старшие братья и сестры отслеживали «передвижения» детей и подростков по социальным сетям и иным сайтам. Возникла система

социального контроля. В то же время волна негатива и запретов в отношении социально-культурного явления анимэ создала искусственную полузапретную систему ценностей среди подростков разного возраста. В связи с чем, важным аспектом применения метода запрета отдельных моделей поведения и видов информации должно стать не только понятное желание взрослых оградить детей от нежелательного (зачастую непонятного взрослым) контента, но и целесообразность введения ограничений прав и свобод.

Другим примером молодежно-детского объединения, чье появление вызвало бурю возмущений и опасений за будущее страны – АУЕ [14]. Неоднозначный характер этого движения, безусловно несет в себе угрозу воспроизводства преступности и искаженную систему ценностей, что пагубно сказывается на процессе формирования личности в подростковом периоде. С другой стороны, судя по числу адептов данного движения и сочувствующих ему, существует запрос социума на подобные формы сообществ, имеющих в своей основе хоть и своеобразные, но идеи справедливости. Концепций справедливости [15] (категории не имеющей однозначного наполнения, носящей оценочный, условный характер) очень много. При этом характерной чертой мироощущения несовершеннолетнего является поиск справедливости, то есть ощущения баланса между должным и допустимым, между объемом прав и числом обязанностей, между возможностями и желаниями и др. Поведение взрослых зачастую противоречит требованиям, которые они предъявляют младшим поколениям. Тогда идеология справедливости используется несовершеннолетними интуитивно для нейтрализации негатива «политики двойных стандартов».

Во многом сказанное выше относится к причинам популярности у несовершеннолетних материалов экстремистской направленности, которые не только обнажают нерешенные социальные проблемы и факторы несправедливых жизненных ситуаций, но и предлагают крайне своеобразные (включая заведомо криминальные) пути решения. Фактически подростки, как герои сказок, попадают «на удочку» злодеям благодаря искреннему желанию помочь людям. Потребность в проявлении своих способностей, демонстрации личных достижений и качеств, стремление улучшить окружающий мир, - все это эксплуатируется нечистоплотными взрослыми в своих деструктивных целях. Нереализованная потребность несовершеннолетних – быть услышанными миром взрослых сбывается внутри подобных, альтернативных официальным, сообществам. Получается, что механизм беседы и убеждения при организации образовательной среды, а также выстраивания доверительных отношений со взрослыми (наставниками, тьюторами, кураторами, преподавателями) помогает минимизировать уровень погружения обучающегося в навязываемую «идеологию справедливости», сократить степень влияния на него со стороны активных участников и создателей экстремистских групп и иных асоциальных неформальных сообществ, допускающих или стимулирующих деструктивное поведение.

Договорной характер отношений между взрослым и подростком старшего возраста в процессе обучения должен выходить за пределы устоявшейся системы, в которой несовершеннолетние скорее объект прав, нежели самостоятельный субъект реализации свобод. Диссонанс, вызываемый такой ситуацией, когда несовершеннолетнему предъявляют очень взрослые требования: соответствовать принятым в обществе нормам поведения, нести ответственность за свои поступки и решения, самостоятельно брать на себя обязательства и их выполнять, одновременно с мизерной возможностью в самостоятельной реализации собственных прав и свобод (так, даже решение о том, в как какой вуз пойти учиться и какую профессию в связи с этим выбирать, происходит под давлением родителей или лиц, их заменяющих).

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что возникновение разнообразных неформальных объединений подростков и участие в них, - нормальный этап социализации. Другое дело, что взрослые обязаны защитить несформированные личности от приобретения ими не столько опыта деструктивного поведения (оно объективно обусловлено процессом взросления), сколько выработки навыков и убеждений в правильности такого рода поступков. И, конечно, уберечь от риска физического уничтожения или существенных повреждений здоровья. Мониторинг активности неформальных объединений, осведомленность о сущности формах их деятельности, информированность о возникновении новых популярных в детско-молодежной среде направлениях массовых интересов, - важная информационная база для прогнозирования того, как новое увлечение может быть использовано в корыстных криминальных целях. Своевременное получение необходимых сведений о жизни подростков, тех идеях, потребностях и

пристрастиях, в которых они существуют, составляет значительную часть деятельности по раннему предупреждению девиаций и факторов проявления деструктивного поведения [9].

Таким образом, приходим к мысли о необходимости постоянного мониторинга процессов формирования и развития молодежных субкультур, которые имеют свои организационно-технические и психологические особенности на фоне информационной глобализации и существования online социальной среды. Следовательно, создание в образовательных организациях информационного поля, позволяющего всем участникам образовательного процесса своевременно получать необходимые сведения, как непосредственно связанные с получением знаний по изучаемым дисциплинам, так и формирующим общественное пространство такой организации, принципиально. Подготовка и обустройство площадок, позволяющих высказывать свои идеи или оригинальные решения для получения навыков ведения продуктивных дискуссий и умения выслушивать иные позиции по спорным и неоднозначным вопросам, можно отнести к приему организации безопасной среды. Безусловно, речь не идет о распространении заведомо ложных сведений или антисоциальной информации. Обеспечение корректного и законного формата обсуждения насущных проблем – задача опытных педагогов. Замалчивание, игнорирование неоднозначных социальных проблем и явлений как раз ведет к усилению влияния неформального деструктивного контента, позволяя последнему манипулировать сознанием подростков. Открытый диалог, как честная форма обмена данными, ценится всеми, особенно несовершеннолетними. Подобные площадки помогают донести до сознания обучающихся существующую официальную позицию по животрепещущим вопросам и объяснить ее логичность, необходимость и целесообразность.

Для возрастной группы старших подростков, несмотря на максимальную приближенность к взрослости, актуальным остается игровой аспект взаимодействия [16]. По этой причине неформальные сообщества, как антиобщественного, так и гуманистического толка, успешно используют в своей деятельности элементы ролевого участия (например, участие в разнообразных волонтерских программах позволяет подростку «примерить» на себя разные функциональные роли: от строителя до повара), создания искусственных обстоятельств (например, процедура «инициации» при приеме в преступную группу), внутренних правил для адептов движения (например, соблюдение здорового образа жизни участниками экологических движений), индивидуализирующей внешней атрибутики (например, татуировки в среде сторонников АУЕ или поклонников Анимэ), и др. Аналогичные механизмы присутствуют в кампаниях волонтерских организаций, театрализованных постановках, инструментах самоуправления обучающихся в образовательной организации, флэшмобах, квестах и прочих видах организации досуга вузом.

Таким образом, обобщая все, отмеченное выше, основы обеспечения криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования для профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних обучающихся предпочтительно строить на следующих предпосылках:

1. На современном этапе развития российского общества существует социальный заказ на противодействие деструктивному (в том числе и криминального уровня) поведению несовершеннолетних обучающихся в организациях высшего образования.

2. Организации высшего образования имеют достаточный объем ресурсов для создания условий криминологически безопасной образовательной среды, а, следовательно, способны осуществлять данное направление деятельности.

3. Организации высшего образования в отношении несовершеннолетних обучающихся предоставляют не только образовательные услуги, но и осуществляют важную функцию содействия социализации личности на промежуточном этапе между детством и взрослением.

4. Обеспечение криминологической безопасности сводится к созданию условий, в которых вероятность совершения преступлений минимальна, а в контексте деятельности организаций высшего образования речь идет об обеспечении образовательной среды, в которой совершение преступлений обучающимися или против них приобретает качество невозможности.

5. Предупреждение деструктивного поведения несовершеннолетних обучающихся на общесоциальном уровне предполагает создание организациями высшего образования условий физической и информационной безопасности для несовершеннолетних обучающихся с тем, чтобы причин и поводов для проявления деструктивных поступков у них не возникало.

6. Предупреждение деструктивного поведения несовершеннолетних обучающихся при индивидуальной профилактике строится на базе психологических приемов и объединяет в себе методы: убеждения, принуждения и оказания помощи. Учет личностных особенностей и жизненной ситуации подростка, чье деструктивное поведение попало в поле зрения взрослых, обуславливают обязательное взаимодействие образовательной организации с семьей, участие психологов и юристов в медиации конфликта.

7. Одним из главных инструментов, используемых для контролируемой социализации в современном мире, выступает информация. Создание организациями высшего образования информационного поля, позволяющего всем участникам образовательного процесса своевременно получать необходимые сведения, как непосредственно связанные с получением знаний по изучаемым дисциплинам, так и формирующим общественное пространство такой организации.

8. Эффективность обеспечения криминологической безопасности образовательной среды в организациях высшего образования для профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних напрямую связана с особенностями профилируемой социально-возрастной группы. В частности, снижение мотивации к антисоциальным поступкам достигается за счет удовлетворения потребности подростков в проявлении своих способностей, демонстрации личностных качеств, стремлении улучшить окружающий мир. Нереализованная потребность несовершеннолетних быть услышанными миром взрослых заставляет их привлекать внимание экстремальными формами поведения, наиболее «говорящими» и яркими из которых как раз и выступают деструктивные.

Литература и источники

1. Соколов И.С. Неблагополучная семья - криминогенный фактор детской и подростковой преступности // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 94-100.
2. Девдариани Н.В., Рубцова Е.В. Подростковая агрессия как психологическая проблема // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2(31). С. 319-322.
3. Варыгин А.Н., Григорян З.М. Особенности мотивации убийств, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2(84).
4. Лукашкова И.Л., Ященко А.А. Феномен скулшутинга: причины и профилактика // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 2(12). С. 337-341.
5. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica (Русский закон). 2021. № 11(180). С. 62-76.
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
7. Князева Е.Ю. Криминологическая безопасность семьи и преступный рецидив несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 93-98.
8. Бочавер А. Почему подростки не спешат взрослеть // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научно-образовательный портал IQ. Новости. URL: <https://iq.hse.ru/news/202366945.html> (дата обращения 07.05.2022).
9. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дисс. ... докт. юрид. наук. Казань, 2019. 625 с.
10. Ершова Р.В., Омельчанко Е.В. Эгоизм: врожденное или приобретенное? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 3. С. 7-15.
11. Долгарева А. Интернет породил поколение «снежинок» // Деловая газета «Взгляд» Интернет ресурс. 20.09.2020. URL: <https://vz.ru-turbopages.org/vz.ru/s/opinions/2020/9/25/1062027.html> (дата обращения 07.05.2022).
12. Кабахидзе Е.Л. Системный кризис высшего образования в мире: причины, последствия и решения для университетов // Primo Aspectu. 2020. № 4(44). С. 19-28.
13. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 352 с.
14. Клейменов М.П., Козловская М.Г., Савельев А.И. Экстремистское преступное сообщество "АУЕ" // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17. № 4. С. 75-80.
15. Канарш Г. Справедливость // Философская антропология. 2018. Т. 4. №1. С. 244-262.
16. Брюно В.В. Рискованное сексуальное поведение современных подростков в России. Часть II // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. №1. С. 113-126.

References and Sources

1. Sokolov I.S. Neblagopoluchnaya sem'ya - kriminogennyj faktor detskoj i podrostkovoj prestupnosti // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2013. № 2. S. 94-100.
2. Devdariani N.V., Rubcova E.V. Podrostkovaya agressiya kak psihologicheskaya problema // Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya. 2020. T. 9. № 2(31). S. 319-322.
3. Varygin A.N., Grigoryan Z.M. Osobennosti motivacii ubijstv, sovershaemyh nesovershennoletnimi // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2012. № 2(84).
4. Lukashkova I.L., YAshchenko A.A. Fenomen skulshutinga: prichiny i profilaktika // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 6. № 2(12). S. 337-341.
5. Nikishin V.D. Kolumbajn (skulshuting): sushchnost', pravovaya kvalifikaciya, kriminalisticheskaya diagnostika // Lex russica (Russkij zakon). 2021. № 11(180). S. 62-76.
6. Bekkaria CH. O prestupleniyah i nakazaniyah. M., 1939.

7. Knyazeva E.YU. Kriminologicheskaya bezopasnost' sem'i i prestupnyj recidiv nesovershennoletnih // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 93-98.
8. Bochaver A. Pochemu podrostki ne speshat vzroslet' // Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». Nauchno-obrazovatel'nyj portal IQ. Novosti. URL: <https://iq.hse.ru/news/202366945.html> (data obrashcheniya 07.05.2022).
9. Demidova-Petrova E.V. Prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye problemy ee poznaniya i preduprezhdeniya: diss. ... dokt. yurid. nauk. Kazan', 2019. 625 s.
10. Ershova R.V., Ome'chanko E.V. Egoizm: vrozhdennoe ili priobretennoe? // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika. 2015. № 3. S. 7-15.
11. Dolgareva A. Internet porodil pokolenie «snezhinok» // Delovaya gazeta «Vzglyad» Internet resurs. 20.09.2020. URL: <https://vz.ru.turbopages.org/vz.ru/s/opinions/2020/9/25/1062027.html> (data obrashcheniya 07.05.2022).
12. Kabahidze E.L. Sistemnyj krizis vysshego obrazovaniya v mire: prichiny, posledstviya i resheniya dlya universitetov // Primo Aspectu. 2020. № 4(44). S. 19-28.
13. Gilinskij YA.I. Deviantnost', prestupnost' i social'nyj kontrol' v «novom mire». Sbornik statej. SPb.: Alef-Press, 2012. 352 s.
14. Klejmenov M.P., Kozlovskaya M.G., Savel'ev A.I. Ekstremistskoe prestupnoe soobshchestvo "AUE" // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. T. 17. № 4. S. 75-80.
15. Kanarsh G. Spravedlivost' // Filosofskaya antropologiya. 2018. T. 4. №1. S. 244-262.
16. Bryuno V.V. Riskovannoe seksual'noe povedenie sovremennyh podrostkov v Rossii. Chast' II // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2019. T. 7. №1. S. 113-126.

ГОЛИКОВА АРИНА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия (golikovaa@mail.ru).

GOLIKOVA, ARINA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Lecturer of Faculty Criminal and Penal Law State, Saratov State Law Academy (golikovaa@mail.ru)

УДК 343.353

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-116-120

ЛАПТЕВ Д.А.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАТЬИ 170 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: регистрация прав, кадастровый учет, ведение Единого государственного реестра недвижимости, уголовная ответственность, наказание.

В статье рассматриваются вопросы улучшения диспозиции и санкции ст. 170 УК РФ, с учётом того, что данная уголовно-правовая норма ещё не утратила своей актуальности и регулятивный потенциал. Обосновывается целесообразность исключения из ст. 170 УК РФ деяния в виде «занижения кадастровой стоимости объектов недвижимости» и совершенствования объективной стороны остальных изучаемых преступлений. Выделяется необходимость усиления уголовной ответственности путём закрепления более суровых наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ.

LAPTEV, D.A.

ISSUES OF IMPROVEMENT OF ARTICLE 170 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: registration of rights, cadastral registration, maintaining the Unified state register of real estate, real estate, criminal liability, punishment.

The article deals with the issues of improving the disposition and sanctions of art. 170 of the Criminal code of the Russian Federation, taking into account the fact that this criminal law norm has not yet lost its relevance and regulatory potential. The expediency of an exception from art. 170 of the Criminal code of the Russian federation acts in the form of «understanding the cadastral value of real estate objects» and improving the objective side of the other crimes under study. The need to strengthen criminal liability by fixing more severe punishments listed in art. 44 of the Criminal code the Russian federation.

Вопросы совершенствования ст. 170 УК РФ назревали практически с момента вступления в силу этой нормы (с 01.01.1997 г.). Существовавшая тогда учётно-регистрационная система земель (недвижимости) не была надлежащим образом детализирована и продекларирована на законодательном уровне. По мере её реформирования – актуализировалось уголовно-правовое регулирование соответствующих отношений, постепенно изменяя диспозицию ст. 170 УК РФ (в 2008г. [1] и 2015г. [2]). Тем не менее, образовавшаяся в ней бланкетная несогласованность со вступившим в законную силу с января 2017г. Федеральным законом от 13.05.2015г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» пока на текущий момент не урегулирована. Особенно очевидно это на фоне того, что Президент РФ обратил внимание на вопрос о полной или частичной декриминализации некоторых преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью (в отсутствие регистрации, разрешения и т. д.) [3]. С учётом этого, Правительством РФ была выдвинута законодательная инициатива [4] о различных изменениях, а также о признании утратившими силу отдельного ряда у уголовно-правовых норм, в т. ч. ст. 170 УК РФ.

Основной непосредственный объект рассматриваемых преступлений связан с отношениями в учётно-регистрационной системе недвижимости. Её осуществление хоть и сопряжено с экономической природой, поскольку такая деятельность представляет собой

государственную услугу, но по существу она не тождественна предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 2 ГК РФ).

Субъектом в ст. 170 УК РФ выступает должностное лицо с использованием своего служебного положения. Таким может быть регистратор в Росреестре, штатный оценщик бюджетного учреждения, исчисляющего кадастровую стоимость, сотрудник Роскадастра и др. Они выполняют регистрационно-кадастровые (оценочные) функции в рамках служебно-трудовых отношений с их работодателем. За исключением государственных служащих [5], соответствующая категория лиц может осуществлять коммерческую деятельность, но это уже будет иная социальная платформа, которая не вписывается в объект изучаемых преступлений.

В пояснительной записке к вышеуказанному законопроекту [6] сказано, что он направлен на гуманизацию и либерализацию уголовного закона за экономические преступления, а также на оптимизацию делового климата, уменьшая риски необоснованного преследования лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Прекращение действия ст. 170 УК РФ распространит на объект её уголовно-правового регулирования нормы из главы 30 УК РФ о должностных преступлениях (дополнительный объект исследуемых преступлений станет основным). К примеру, в санкции ч. 3 ст. 2853 УК РФ максимальное наказание – лишения свободы до 10 лет, в ч. 3 ст. 286 УК РФ – лишение свободы до 10 лет. С учётом того, что в санкции ст. 170 УК РФ нет лишения свободы, такое усиление уголовной ответственности за рассматриваемые противоправные деяния не предполагает собой гуманизацию и либерализацию уголовного закона.

Уголовно-правовое регулирование учётно-регистрационной системы недвижимости (земель) нормами о должностных преступлениях было в советском уголовном законодательстве, когда не было частной собственности и землеустройство было в основном распределительным. В современных отечественных экономических условиях недвижимое имущество (земельные участки) – это огромный государственный бюджетобраующий потенциал, поэтому регистрационно-кадастровые (оценочные) отношения обоснованно выделены в качестве индивидуально-обособленного объекта уголовно-правового регулирования в ст. 170 УК РФ.

Таким образом, признание утратившей силу ст. 170 УК РФ не вписывается в вышеотмеченную государственную программу декриминализации некоторых преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Оно не связано с гуманизацией и либерализацией уголовного закона и оптимизацией отечественного делового климата. Но, надо заметить, что вышеуказанная законодательная инициатива верна только в части «занижения кадастровой стоимости объектов недвижимости». Вероятностная природа [7] любой оценки не позволяет определить абсолютные показатели итогов кадастровой оценки – что препятствует выработке конкретных уголовно-правовых критериев для квалификации содеянного. В отношении остальных деяний в ст. 170 УК РФ такой законопроект является преждевременным. Поскольку при достаточно подробной законодательной детализации учётно-регистрационной системы недвижимости, образовались благоприятные условия для совершенствования их объективной стороны.

Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом подразумевает собой положительное решение об одобрении заявления о регистрации права на объект недвижимости («осуществление регистрации права»), к которому была приложена незаконная сделка (недействительная, незаключённая и т. д.). Данное деяние не образовывается: - если к заявлению прилагался иной правоустанавливающий документ, предусмотренный в ст. 14 закона о регистрации недвижимости № 218 (судебный акт, постановление органа местного самоуправления и др.); - по итогам правовой экспертизы принимается иное регистрационное решение (приостановление, отказ, возврат и т. п.); - при проведении кадастрового учёта недвижимости (в т. ч. и при правовой экспертизе в рамках него).

Искажение сведений ГКН и (или) ЕГРП. Такие информационные ресурсы предусматривались до 2017г. (до вступления в силу Федерального закона от 13.07.2015г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»), сейчас они подразумевают собой «реестр (кадастр) недвижимости» и «реестр прав на недвижимость» в ЕГРН. Реестр границ административно-территориального деления и особо охраняемых зон, реестровые дела, кадастровые карты, а также книги учёта документов, будучи частью ГКН [8] (до 2017г.), выведены

из него и стали частью [9] ЕГРН. Т. е. с января 2017г. они выведены из состава преступления по ст. 170 УК РФ.

Такое частичное распространение действия ст. 170 УК РФ на учётно-регистрационную систему недвижимости, а также неочевидная внутривидовая изменяемость объективной стороны рассматриваемых противоправных деяний – требует огромнейшего интеллектуально-волевого внимания процессуального лица, создавая трудности в соблюдении сроков рассмотрения (расследования) уголовных дел. В подобных условиях нередко возникают случаи, когда квалификация содеянного идёт по правилам уголовно-правовых норм (в частности, по ст. 2853 УК РФ, ст. 286 УК РФ и т. д.), являющихся общими по отношению к ст. 170 УК РФ, поскольку её применение требует выяснения дополнительных обстоятельств, увеличивая дополнительные рабочие и временные ресурсы на службе.

Изменение ст. 170 УК РФ, с учётом отмеченных выше недостатков специфически сложной объективной стороны рассматриваемых преступлений будет способствовать «оперативной» квалификации содеянного, повышая эффективность применения данной уголовно-правовой нормы.

Ценность и рентабельность недвижимого имущества в современных отечественных экономических условиях идёт в сторону повышения и увеличивается в связи с этим общественная опасность и вред, причиняемый преступлениями, предусмотренными в ст. 170 УК РФ. Поэтому здесь также нельзя оставлять без внимания вопрос о совершенствовании уголовной ответственности за их совершение. Алексеенко Н.Н., в свою очередь, заметил: «Нарушения в данной сфере отличаются повышенной, а не пониженной общественной опасностью. Существующая санкция ст. 170 УК РФ не соответствует характеру и степени общественной опасности запрещаемых статей деяний» [10].

Безусловно, на современном этапе, уголовная ответственность за рассматриваемые деяния требует усиления. Закрепление более строгого наказания в санкции ст. 170 УК РФ потребует обозначения определённых квалифицирующих признаков, обозначающих повышенную общественную опасность соответствующего состава рассматриваемого преступления. Такой специальный состав преступления будет выходить за пределы категории преступлений небольшой тяжести, максимальное наказание за которые – лишение свободы до 3-х лет (ч. 2 ст. 15 УК РФ) и срок привлечения к уголовной ответственности за содеянное – 6 лет (п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ).

Говоря о квалифицирующих признаках исследуемых преступлений, в данном случае, стоит обратить внимание на ущерб. О том, что его необходимо включить в ст. 170 УК РФ отметили, в частности Плешков М.А. [11, с. 10] и Хомутов Р.В. [12, с. 12]. Но ущерб требует установления (экспертиза, оценка и т. д.), усложняя делопроизводственные и процессуальные процедуры рассмотрения (расследования) уголовных дел. В данном случае, в качестве квалифицирующего признака рассматриваемого состава преступления можно выделить стоимость (кадастровая, инвентаризационная и др.) объекта недвижимости (земельного участка) как предмета изучаемых преступлений в крупном размере. С учётом примечания к ст. 170.2 УК РФ он составит 2 250 000 рублей.

Это положение действует с 15.07.2016г. Вышеуказанной законодательной инициативой (которая внесена 04.08.2022г.) предложено увеличить эту сумму в полтора раза с учётом уровня инфляции – до 3 375 000 рублей (2 250 000 р. x 1,5). Если рассчитать инфляцию за соответствующий временной период, она составит 41,59 % [13]. Т. е. крупный размер в примечании к ст. 170 УК РФ обесценился на 935 775 рублей (2 250 000 р. x 41,59%), и по состоянию на август 2022г. соответствующий показатель амортизируется в сумму 3 185 775 рублей (2 250 000 р. + 935 775 р.). Это на 314 225 рублей меньше размера, заявленного в законопроекте, но по проведению всех законодательных этапов, при текущей динамике инфляции, объективный эквивалент крупного размер приблизится к этому показателю.

Подобные суммы всегда привлекают повышенное криминальное внимание со стороны различных групп и сообществ. Незаконные операции, которые осуществляются ими в т. ч. и по обороту недвижимости, обладают большой латентностью (скрытностью) и повышенной общественной опасностью. С учётом этого, нужно закрепить в ст. 170 УК РФ квалифицирующий признак, обозначающий наличие группы. Подобного мнения придерживаются Валеев А.М. [14, с.

134], Мирзаев З.М. [15, с. 9], Путилин А.В. [16, с. 25]. В данном случае, в отношении изучаемого преступления целесообразно закрепить группу лиц по предварительному сговору.

Таким образом, на сегодняшний момент представляется преждевременным признание утратившей силу ст. 170 УК РФ в полном объеме. Современная законодательная детализация учётно-регистрационной системы недвижимости позволяет полноценным образом скорректировать объективную сторону рассматриваемых преступлений. В связи с невозможностью определить абсолютный показатель искажения итогового результата кадастровой оценки, «занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости целесообразно исключить из диспозиции ст. 170 УК РФ. С учётом этого, существует реальная возможность привести в соответствие уголовную ответственность за изучаемые противоправные деяния с их фактически повышенной общественной опасностью.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 13.05.2008г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» [ст. 1] // СПС Гарант: <https://base.garant.ru/12160392/> 24.10.2022.
2. Федеральный закон от №228-ФЗ 13 июля 2015г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [ст. 1] // СПС Гарант: <https://base.garant.ru/71127768/> 24.10.2022.
3. Перечень поручений по итогам XXV Петербургского международного экономического форума [п. 9] // Официальный сайт Президента Российской Федерации: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045/> 24.10.2022.
4. Проект Федерального закона № 01/05/08-22/00130229 от 04.08.2022г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [п. 4 ст. 1] // Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=130229/> 24.10.2022.
5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [ч. 3.1 ст. 17] // СПС Гарант: <https://base.garant.ru/12136354/> 24.10.2022.
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» 01/05/08-22/00130229 от 04.08.2022г. // Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=130229/> 24.10.2022.
7. Законопроект № 80281-6 (текст внесенного законопроекта) «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями оценщика)», внесенный членом Совета Федерации РФ А.Г. Лысковым // Официальный сайт Государственной думы РФ «Система обеспечения законодательной деятельности»: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> 24.10.2022.
8. Федеральный закон от 24.07.2007г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [редакции от 13.07.2015г., утратившей силу] // СПС КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70088/ 24.10.2022.
9. Федеральный закон от 13.05.2015г. № 218-ФЗ О государственной регистрации недвижимости [п. п. 3-6 ч. 2 ст. 7] // СПС Гарант: <https://base.garant.ru/71129192/> 24.10.2022.
10. Алексеев Н. Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере регистрации незаконных сделок с землей: Монография. Москва, 2013 // Электронная библиотека «lawbook»: <https://lawbook.online/ugolovnoe-pravo-ross-kniga/sovershenstvovanie-ugolovnogo-zakonodatelstva-27868.html/> 24.10.2022.
11. Плешков М.А. Уголовная ответственность за незаконный оборот земли. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
12. Хомутов Р.В. Ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
13. Калькулятор инфляции // Официальный сайт «Инфляция в России»: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/> 08.08.2022.
14. Валеев А.М. Ответственность должностных лиц за преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
15. Мирзаев З.М. Уголовно-правовые и криминологические проблемы регистрации незаконных сделок с землей (по материалам Республики Дагестан). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006.
16. Путилин А.В. Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар 2006.

Literature and sources

1. Federal'nyj zakon ot 13.05.2008g. № 66-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh zakonodatel'nyh aktov (polozhenij zakonodatel'nyh aktov) Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O gosudarstvennom kadastro nedvizhimosti» [st. 1] // SPS Garant: <https://base.garant.ru/12160392/> 24.10.2022.
2. Federal'nyj zakon ot №228-FZ 13 iyulya 2015g. «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zako-nodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [st. 1] // SPS Garant: <https://base.garant.ru/71127768/> 24.10.2022.
3. Perechen' poruchenij po itogam XXV Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma [p. 9] // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045/> 24.10.2022.
4. Proekt Federal'nogo zakona № 01/05/08-22/00130229 ot 04.08.2022g. «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» [p. 4 st. 1] // Federal'nyj portal proektov normativno-pravovyh aktov: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=130229/> 24.10.2022.
5. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2004 g. N 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» [ch. 3.1 st. 17] // SPS Garant: <https://base.garant.ru/12136354/> 24.10.2022.
6. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» 01/05/08-22/00130229 ot 04.08.2022g. // Federal'nyj portal proektov normativno-pravovyh aktov: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=130229/> 24.10.2022.

7. Законпроект № 80281-6 (текст внесенного законопроекта) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями оценщика)», внесенный членом Совета Федерации РФ А.Г. Лысковым // Официальный сайт Государственной думы РФ «Система обеспечения законотворческой деятельности»: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> 24.10.2022.
8. Федеральный закон от 24.07.2007г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [редакция от 13.07.2015г., утратившей силу] // СПС KonsultantPlus: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70088/ 24.10.2022.
9. Федеральный закон от 13.05.2015г. № 218-ФЗ О государственной регистрации недвижимости [п. п. 3-6 ч. 2 ст. 7] // СПС Гарант: <https://base.garant.ru/71129192/> 24.10.2022.
10. Alekseenko N. N. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере регистрации незаконных сделок с землей: Монография. Москва, 2013 // Электронная библиотека «lawbook»: <https://lawbook.online/ugolovnoe-pravo-ross-kniga/sovershenstvovanie-ugolovnogo-zakonodatelstva-27868.html/> 24.10.2022.
11. Pleshkov M.A. Уголовная ответственность за незаконный оборот земли. Автореф. diss. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
12. Homutov R.V. Ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ). Автореф. diss. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
13. Kal'kulyator inflyatsii // Официальный сайт «Инфляция в России»: <https://xn----ctbjnaatmcev9av3a8f8b.xn--p1ai/> 08.08.2022.
14. Valeev A.M. Ответственность должностных лиц за преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. Diss. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.
15. Mirzaev Z.M. Уголовно-правовые и криминологические проблемы регистрации незаконных сделок с землей (по материалам Республики Дагестан). Автореф. diss. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006.
16. Putilin A.V. Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей. Автореф. diss. ... канд. юрид. наук. Краснодар 2006.

ЛАПТЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – соискатель кафедры уголовного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (laptev.90@mail.ru)
LAPTEV, DMITRY A. – competitor of the Department of Criminal Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (laptev.90@mail.ru)

УДК 343.353

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-120-125

СОКОЛОВА О.В., СТЕПАНОВА И.Б.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ СТ. 286 УК РФ)

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, тяжкие последствия, применение насилия, тяжкий вред здоровью, пытка.

Исследователи анализируют правила квалификации превышения должностных полномочий, повлекших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а также совершенных с применением пытки, соединенной с посягательством на здоровье потерпевшего. Обоснована точка зрения, согласно которой признак насилия в п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ может охватывать только побои, иные насильственные действия, причинившие физическую боль, легкий и средней тяжести вред здоровью. Если действия субъекта преступления при превышении должностных полномочий связаны с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, то необходимо применять п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ или ч. 4 ст. 286 УК РФ по совокупности с ч.ч. 1-4 ст. 111 УК РФ в зависимости от наличия тех или иных квалифицирующих признаков. Высказывается мнение о необходимости выработки руководящих разъяснений высшей судебной инстанции о правилах квалификации конкурирующих между собой квалифицированных видов превышения должностных полномочий (п. «в» ч. 3 ст. 286 и ч. 5 ст. 286 УК РФ).

SOKOLOVA O.V., STEPANOVA, I.B.

SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF EXCESS OF OFFICIAL AUTHORITIES (IN THE CONTEXT OF THE NEW VERSION OF ST. 286 OF THE RF CC)

Key words: abuse of power, serious consequences, use of violence, serious harm to health, torture.

Researchers analyze the rules for qualifying abuse of power that caused the intentional infliction of grievous bodily harm, as well as those committed with the use of torture, combined with an attack on the health of the victim. The point of view is substantiated, according to which the sign of violence in paragraph “a” of part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation may cover only beatings, other violent acts that caused physical pain, light and moderate harm to health. If the actions of the subject of the crime in excess of official authority are associated with the intentional infliction of grievous bodily harm, then paragraph “a” of part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation or part 4 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation in conjunction with h.h. 1-4 art. 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the presence of certain qualifying signs. An opinion is expressed about the need to develop guiding explanations from the highest court on the rules for qualifying competing qualified types of abuse of office (clause “c” part 3 of article 286 and part 5 of article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation).

В 2022 году законодатель внес существенные изменения в статью, устанавливающую уголовную ответственность за превышение должностных полномочий, дополнив ее рядом квалифицирующих признаков [1].

Первоначальная редакция законопроекта № 42307-8 не предусматривала включение в ст. 286 УК РФ иных квалифицированных видов, кроме превышения должностных полномочий, совершенного с применением пытки (часть четвертая указанной статьи). В пояснительной записке к законопроекту его авторы, отмечая выявленные в 2021 году нарушения прав человека в пенитенциарной системе, указывали на необходимость усиления уголовной ответственности представителей власти за пытки, в частности, путем отнесения данных действий к разряду особо тяжких преступлений [2].

Пытка – это любое деяние, которым какому-либо лицу умышленно причиняются: 1) сильная боль; 2) физические страдания; 3) нравственные страдания (при этом перечень представлен законодателем как альтернативный). Пытка считается таковой, если в действиях лица обнаруживается мотив (дискриминация любого характера) или цель (например, получить от потерпевшего признания или наказать его за действие, которое оно совершило и пр. (см. п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ)).

Верховный Суд РФ, поддержав концептуально данный законопроект, высказал, тем не менее, ряд замечаний, в том числе, о содержании санкций за разные по степени общественной опасности действия. Так, высшая судебная инстанция обратила внимание его авторов на то, что конвенционное понятие пытки включает как физические, так и нравственные страдания. Но за те и другие действия проектная часть четвертая ст. 286 УК РФ предусматривает наказание от 4 до 12 лет лишения свободы. Пытки, причинение которых возможно и при отсутствии насильственных действий, имеют меньший характер общественной опасности, по сравнению, например, с превышением должностных полномочий, повлекших причинение тяжких последствий, с санкцией от 3 до 10 лет лишения свободы [2].

Несмотря на сомнения Верховного Суда РФ, проектная часть четвертая не пересматривалась в части санкции. Наоборот, законодатель усилил уголовную ответственность за превышение должностных полномочий с применением пытки, соединенной с посягательством на жизнь или здоровье человека. Авторы законопроекта дополнили его частью пятой ст. 286 УК РФ, предусмотрев в числе особо квалифицирующих признаков причинение смерти и тяжкого вреда здоровью по неосторожности. И, конечно, наказание в ч. 5 указанной статьи было предусмотрено более суровое: лишение свободы от 8 до 15 лет, а также безальтернативное (обязательное) дополнительное наказание.

Анализ новелл уголовного законодательства приводит к выводу о том, что причинение смерти по неосторожности в качестве последствий превышения должностных полномочий фигурирует в ст. 286 УК РФ дважды: в частях третьей и пятой. Если в ч. 5 ст. 286 УК РФ сам законодатель указывает на данный признак квалифицированного вида преступления, то в ч. 3 ст. 286 УК РФ он усматривается в содержании тяжких последствий благодаря руководящим разъяснениям высшей судебной инстанции.

Так, согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 [3] Верховный Суд РФ выделяет три вида последствий, именуемых тяжкими: наряду с организационными (крупные аварии, длительная остановка движения транспорта или производства) и материальными (значительный материальный ущерб), он перечисляет т.н. физические или имеющие личностный характер последствия (причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего).

Теперь в случае наступления смерти в результате неосторожных действий при превышении должностных полномочий следует выяснять, сопровождалась ли она пыткой. Если действия виновного не подпадают под признаки, указанные в примечании 1 ст. 286 УК РФ, то, следовательно, смерть потерпевшего должна оцениваться как тяжкие последствия, по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Полагаем, что высшей судебной инстанции еще предстоит дать разъяснения о правилах квалификации конкурирующих между собой квалифицированных видов рассматриваемого преступления (п. «в» ч. 3 ст. 286 и ч. 5 ст. 286 УК РФ).

Но это, на наш взгляд, не единичная ситуация, требующая разрешить вопросы разграничения квалифицирующих признаков превышения должностных полномочий. Такое последствие, как тяжкий вред здоровью, может указывать 1) на наличие тяжких последствий (п. «в» ч. 3), 2) включаться в объем насилия (п. «а» ч. 3), 3) выступать в качестве самостоятельного квалифицирующего признака деяний, связанных с применением пытки в отношении потерпевшего (ч. 5 ст. 286 УК РФ). Остановимся на каждом варианте.

1. Действительно, приведенный выше перечень тяжких последствий не является исчерпывающим, и вопрос о том, относятся ли те или иные последствия, наступившие в результате совершения преступления, к данной категории, разрешается в каждом случае судом с учетом обстоятельств конкретного дела [4]. Так, например, в качестве таковых признавалось незаконное привлечение к уголовной ответственности в связи с возбуждением в отношении потерпевшего уголовного дела за тяжкое преступление, которое он в действительности не совершал, избрание

меры пресечения, что в свою очередь, причинило ему моральные страдания [5]. Также встречаются судебные решения, в которых причинение тяжкого вреда здоровью рассматривалось как тяжкие последствия. Приведем примеры.

Гагаринский районный суд Смоленской области квалифицировал действия Ж., сотрудника ГИБДД, по п. «б, в» ч. 3 ст. 286 УК РФ при следующих обстоятельствах: представитель власти преследовал автомобиль, водитель которого, нарушивший правила дорожного движения, не выполнил требование остановиться и продолжил движение, пытаясь скрыться от сотрудников ГИБДД. После того, как машина нарушителя забуксовала на одном из участков проселочной дороги и остановилась, Ж. произвел несколько выстрелов в заднюю часть автомобиля, но не по колесам и узлам, агрегатам ходовой части автомашины, а в небезопасном направлении, по борту и стеклу задней двери. В результате произведенных Ж. выстрелов из табельного пистолета пассажиру заднего сиденья автомобиля был причинен тяжкий вред здоровью [6].

Согласно приговору Вольского районного суда Саратовской области двое полицейских патрулировали улицы. По пути следования они заметили М. и потребовали проехать в полицию, так как заподозрили его в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ. М. начал нецензурно ругаться, демонстрировать свое недовольство и несогласие с действиями полицейских. В связи с возникшей личной неприязнью полицейские отвезли М. к кладбищу, вытащили из салона машины и избили. При этом наносили удары, и руками и ногами по разным частям тела. В своем решении суд указал, что «преступные действия полицейских, совершенные ими с применением насилия, ... повлекли ... тяжкие последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью М., повлекшего по неосторожности его смерть» [7]. Аналогичный подход отражен в решении Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики [8].

2. Изученная правоприменительная практика свидетельствует, что суды в основном следуют позиции высшей судебной инстанции [9] и при квалификации превышения должностных полномочий, в результате которых потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, и нет иных обстоятельств, указывающих на причинение тяжких последствий, признают излишним допускаемое применение органами предварительного следствия совокупности двух пунктов части третьей ст. 286 УК РФ – п. «а» («с применением насилия или с угрозой его применения») и п. «в» («с причинением тяжких последствий»), т.е. рассматривают тяжкий вред исключительно как последствие примененного насилия.

Приведем пример. А. и О., два инспектора ППС, в ходе патрулирования одного из районов города обратили внимание на мужчину, заподозрив его в совершении правонарушения, предусмотренного ст. 6.8 КоАП РФ. Сотрудники остановили данного мужчину, потребовав предъявить документы, удостоверяющие личность, на что тот ответил отказом, ссылаясь на незаконность и необоснованность действий представителей власти. А. подсечкой сбил его с ног, повалил на землю лицом вниз, прижал с силой левым коленом его туловище к земле и стал пытаться завести обе руки сопротивляющегося потерпевшего за спину, для применения специальных средств - наручников. О., в свою очередь, сел на ноги мужчины, фиксируя их в неподвижном состоянии. Затем А. нанес лежащему на земле потерпевшему не менее одного удара левой ногой, обутой в берцы, в область правой стороны туловища, схватил его обеими руками за верхнюю одежду в области спины и, прилагая силу, не менее трех раз, приподнимая туловище мужчины над поверхностью земли, ударял его передней поверхностью туловища о землю. Затем каждый из инспекторов ДПС наносил потерпевшему удары рукой по левой и задней поверхности туловища. Суд исключил из первоначальной квалификации п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, пояснив, что «... причинение любого вреда здоровью потерпевшего, в том числе и тяжкого, в результате примененного насилия ... полностью охватывается п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ» [10].

Анализ судебной практики позволяет выделить два правила юридической оценки превышения должностных полномочий с применением насилия, последствием которого стало причинение тяжкого вреда здоровью: 1) дополнительная квалификация по ч. 1 и ч. 2 ст. 111 УК РФ не требуется [10], 2) действия виновного квалифицируются по совокупности со ст. 111 УК РФ в том случае, если выявлено наличие особо квалифицирующих признаков преступления, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Так, например, помощник начальника отдела - оперативный дежурный ОВД по Усть-Джегутинскому муниципальному району майор милиции Д.А., находясь на дежурстве при

исполнении своих служебных обязанностей, будучи в состоянии алкогольного опьянения, совершая действия, явно выходящие за пределы его полномочий, при отсутствии оснований для применения физической силы, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, нанес многократные удары руками и ногами, а также твердым предметом продолговатой формы по различным частям тела потерпевшему, доставленному в ОВД и задержанному за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. Своими противоправными действиями Д.А. (ч. 4 ст. 111 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) причинил телесные повреждения, относящиеся к категории тяжкого вреда здоровью, в результате которых утром потерпевший скончался в помещении ОВД [8].

Доктрина уголовного права не принимает безоговорочно правоприменительный подход, а именно, не дает однозначного ответа на вопрос о совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ч. 2 ст. 111 УК РФ. Например, А.В. Галахова считает, что если в санкции предусмотрен один и тот же размер основного наказания, то сравнивать нужно наказания дополнительные, поэтому, по ее мнению, санкция ч. 2 ст. 111 УК РФ является более суровой [11, с. 249].

Полагаем, что при сопоставлении санкций необходимо учитывать, что законодателем установлен не только верхний, но и нижний предел наказания в виде лишения свободы за квалифицированное превышение должностных полномочий (три года), в отличие от санкции в ч. 2 ст. 111 УК РФ, где минимум наказания не указан. Также следует принимать во внимание, что дополнительное наказание, указанное в санкции ч. 3 ст. 286 УК РФ, является безальтернативным (обязательным), тогда как ограничение свободы за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, согласно санкции ч. 2 ст. 111 УК РФ, может и не быть назначено («с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового»). В итоге, однозначного вывода о том, какая санкция более строгая, на наш взгляд, сделать нельзя. И, как мы указали ранее, судебная практика идет по пути отказа от квалификации деяний как идеальной совокупности ч. 2 ст. 111 и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ в пользу последней из перечисленных норм.

3. Часть 5 статьи 286 УК РФ в числе особо квалифицирующих признаков называет не только причинение смерти потерпевшему, но и тяжкого вреда его здоровью. При этом и те, и другие последствия, на наш взгляд, должны быть вызваны неосторожными действиями виновного.

К сожалению, можно предвидеть, что такого однозначного понимания психического отношения к последствиям, указанным в ч. 5 ст. 286 УК РФ, по крайней мере, в юридической литературе, не будет. Законодатель использовал схожую формулировку в квалифицирующих признаках преступлений, предусмотренных, например, в п. «а» ч. 3 ст. 127.1, п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ и др., и, как указывают исследователи, характеристика субъективной стороны этих деяний вызывает спор в юридической литературе, одна из сторон которого усматривает не только неосторожное, но и умышленное отношение к последствиям в виде тяжкого вреда здоровью или тяжким последствиям [12].

Резюмируя наши размышления, можно сделать следующий вывод: если правоприменительный подход к пониманию признака насилия сохранится, то виновный в насильственном превышении должностных полномочий с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью будет привлекаться к уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ без ссылки на ч. 1 или ч. 2 ст. 111 УК РФ, а для квалификации попытки, совершенной должностным лицом с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшему, такая дополнительная квалификация потребует.

Но, как нам представляется, решение данного вопроса должно быть иным. И связано это, в первую очередь, с другим подходом к определению содержания признака насилия в п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, а именно: для определения объема насилия в том или ином составе (в нашем случае п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) необходимо проводить сравнение, используя санкцию, предусмотренную не за совершение квалифицированного состава преступления против личности, а его основного состава, в частности ч. 1 ст. 111 УК РФ (до 8 лет лишения свободы).

Верно замечание Р.Д. Шарипова о том, что «когда общественная опасность сложного насильственного преступления равнозначна общественной опасности насилия, ставшего его способом, но рассматриваемого как самостоятельное преступление, ... содеянное оценивается как идеальная совокупность преступлений» [13]. Если придерживаться такой позиции, то

квалификация деяния по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ч. 2 ст. 111 УК РФ допустима. И, на наш взгляд, целесообразна, так как позволит указать при квалификации наличие тех признаков, отягчающих ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 111 УК РФ), которые не нашли своего отражения в ч. 3 ст. 286 УК РФ (например, беспомощное состояние потерпевшего).

Справедливо ли, если виновный в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, как последствия превышения должностных полномочий, будет нести ответственность, равную той, которая может быть установлена для лица, виновного лишь в одном деянии, а именно, деянии, предусмотренном ст. 111 УК РФ?

Полагаем, что признак насилия в п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ может охватывать только побои, иные насильственные действия, причинившие физическую боль, легкой и средней тяжести вред здоровью, а признак угрозы применения насилия – угрозы причинения любого вреда здоровью (в том числе и тяжкого), а также угрозу убийством. В ч. 5 ст. 286 УК РФ речь идет о тяжком вреде здоровью, причиненном по неосторожности. Если действия субъекта преступления при превышении должностных полномочий связаны с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, то необходимо применять п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ или ч. 4 ст. 286 УК РФ по совокупности с ч.ч. 1-4 ст. 111 УК РФ в зависимости от наличия тех или иных квалифицирующих признаков.

В целом, правоприменительной практике предстоит разобраться в новеллах уголовного законодательства и, возможно, разработать соответствующие рекомендации на уровне высшей судебной инстанции.

Литература и источники

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ // Российская газета. 2022. 21 июля. № 159.
2. Законопроект № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за пытки), включая пояснительную записку и официальный отзыв Верховного Суда РФ // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8> (дата обращения: 01.11.2022).
3. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. 2009. 30 октября. № 207; 2020. 26 июня. № 138.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Недильского Ивана Романовича на нарушение его конституционных прав пунктом «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 № 1446-О. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Приговор Перовского районного суда города Москвы от 14.09.2021 по делу № 1-102/2021. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Приговор Гагаринского районного суда Смоленской области от 21.09.2021 № 1-46/2021. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Приговор Вольского районного суда Саратовской области от 11.02.2020 по делу № 1-1-40/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Приговор Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 15.07.2019 по делу № 1-2/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.01.2015 № 127-УД15-4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Приговор Октябрьского районного суда города Ростова-на-Дону от 03.06.2022 № 1-152/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Применение насилия. Понятие и квалификация: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма: РГУП, 2016.
12. Иванова Л.В. Психическое отношение лица к последствиям в преступлениях против личности, совершаемых с двойной формой вины // Российский следователь. 2017. № 5. С. 31-33.
13. Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112-124.

References and Source

1. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii federal'nyj zakon ot 14.07.2022 № 307-FZ // Rossijskaya gazeta. 2022. 21 iyulya. № 159.
2. Zakonoproekt № 42307-8 «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» (v chasti ustanovleniya otvetstvennosti za pytki), vključaya pojasnitel'nyu zapisku i oficial'nyj otzyv Verhovnogo Suda RF // SOZD GAS «Zakonotvorčestvo». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8> (data obrashcheniya: 01.11.2022).
3. O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyšenii dolzhnostnyh polnomochij: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.10.2009 № 19 (red. ot 11.06.2020) // Rossijskaya gazeta. 2009. 30 oktyabrya. № 207; 2020. 26 iyunya. № 138.
4. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Nedil'skogo Ivana Romanoviča na narushenie ego konstitucionnyh prav punktom «v» chasti tret'ej stat'i 286 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 04.07.2017 № 1446-O. // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Prigovor Perovskogo rajonnogo suda goroda Moskvy ot 14.09.2021 po delu № 1-102/2021. // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Prigovor Gagarin'skogo rajonnogo suda Smolenskoj oblasti ot 21.09.2021 № 1-46/2021. // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Prigovor Vol'skogo rajonnogo suda Saratovskoj oblasti ot 11.02.2020 po delu № 1-1-40/2020 // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».

8. Prigovor Ust'-Dzhegutinskogo rajonnogo suda Karachaev-Cherkesskoj Respubliki ot 15.07.2019 po delu № 1-2/2019 // Dostup iz SPS «KonsultantPlyus».
9. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda RF ot 21.01.2015 № 127-UD15-4 // Dostup iz SPS «KonsultantPlyus».
10. Prigovor Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Rostova-na-Donu ot 03.06.2022 № 1-152/2022 // Dostup iz SPS «KonsultantPlyus».
11. Primenenie nasiliya. Ponyatie i kvalifikaciya: nauch.-prakt. posobie / pod red. A.V. Galahovoj. M.: Norma: RGUP, 2016.
12. Ivanova L.V. Psicheskoe otnoшение lica k posledstviyam v prestupleniyah protiv lichnosti, sovershaemyh s dvojnoj formoj viny // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 5. S. 31-33.
13. Sharapov R.D. Aktual'nye voprosy kvalifikacii nasilstvennyh prestuplenij // Ugolovnoe pravo. 2015. № 1. S. 112-124.

СОКОЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Ивановский государственный университет» (olgasokolova.067@mail.ru).

СТЕПАНОВА ИРИНА БОРИСОВНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ивановский государственный университет (kiddy2006@yandex.ru).

SOKOLOVA, OLGA V. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Ivanovo State University.

STEPANOVA, IRINA B. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Ivanovo State University.

УДК 343.102

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-125-129

КУЗНЕЦОВА Н.А., КУЗНЕЦОВА Н.Э.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 210.1 УК РФ

Ключевые слова: лидеры организованной преступности, преступное сообщество, занятие высшего положения, преступная иерархия, «вор в законе», предварительное расследование, допрос подозреваемого, обыск, иные документы.

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с применением статьи 210.1 УК РФ и принятием, в связи с этим, неоднозначных процессуальных решений. Даны рекомендации о порядке проведения допроса подозреваемого, обыска и некоторых других процессуальных действий по уголовным делам данной категории. Анализируется следственная практика, которая показывает, что спектр документов, которые приобщаются в качестве доказательств по уголовному делу является достаточно разнообразным. При этом причастность лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, может подтверждаться: справками из структурных подразделений НЦБ Интерпола МВД России; справками и заключениями различных специалистов по тем или иным вопросам криминальной субкультуры; справками и характеристиками из учреждений ФСИН и другими документами.

KUZNETSOVA, N.A., KUZNETSOVA, N.E.

FEATURES OF CARRYING OUT SOME INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: leaders of organized crime, criminal community, occupation of the highest position, criminal hierarchy, "thief in law", preliminary investigation, interrogation of a suspect, search, other documents.

The article deals with problematic issues related to the application of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the adoption of ambiguous procedural decisions in this regard. Recommendations are given on the procedure for conducting an interrogation of a suspect, a search and some other procedural actions in criminal cases of this category. The investigative practice is analyzed, which shows that the range of documents that are attached as evidence in a criminal case is quite diverse. At the same time, the involvement of a person in the commission of a crime under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, can be confirmed by: certificates from the structural divisions of the NCB Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia; references and conclusions of various experts on certain issues of the criminal subculture; certificates and characteristics from the institutions of the Federal Penitentiary Service and other documents.

Одной из приоритетных задач правоохранительных органов в настоящее время является борьба с организованной преступностью, которая угрожает безопасности и стабильному развитию государства. Особенностью организованной преступности на современном этапе является то, что она проникла в такие сферы, как экономика, политика, незаконный оборот оружия, наркотических средств, поставка медикаментов и многие другие. С этой целью, лидеры организованной преступности создают устойчивые связи, координируют действия между различными преступными группами, занимаются разделом сфер влияния и доходов, полученных преступным путем и, в связи с этим, представляют большую общественную опасность.

С целью борьбы с лидерами преступной среды, Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) был дополнен статьей 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», которая была введена Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» [1]. Однако неоднозначное толкование данной нормы в судебной и следственной практике привело к принятию неодинаковых процессуальных решений. Действительно, практика привлечения к уголовной ответственности только за то, что лицо, возможно, имеет статус лидера в иерархии преступного мира, в принципе может привести к явным нарушениям конституционных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Именно поэтому обвинение здесь не может основываться на абстрактных формулировках, предположениях, создающих неопределенность, не отражающих пределы судебного разбирательства, и тем самым нарушающих, предусмотренное статьей 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, и защищаться от этого обвинения [3, 4].

По существующим требованиям, к основаниям уголовной ответственности относится наличие в содеянном всех признаков состава преступления (статья 8 УК РФ). Таким образом, для формирования доказательственной базы по уголовным делам данной категории необходимо установить такие моменты, как наличие организованной преступной среды и ее лидера, а также его умысла занять высшее положение в преступной иерархии. В этой связи, органам предварительного следствия необходимо установить какие действия были совершены подозреваемым в рамках реализации своего умысла на занятие им высшего положения в преступной иерархии, где и когда они были им совершены, в чем конкретно выражались и пр. Необходимо отметить, что эти действия должны быть совершены после вступления в силу изменений в УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

В процессе расследования возникают большие трудности в доказывании необходимых признаков данного состава, что связано со сложной объективной стороной рассматриваемого преступления. В этой связи допрос лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, является одним из основных доказательств. Однако, как правило, допрос самого подозреваемого проводится в условиях конфликтной ситуации, когда он не признает виновность в совершении преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, отрицает высший статус в преступных кругах, прямо противодействует следствию, давая откровенно ложные показания, или от дачи показаний отказывается на основании статьи 51 Конституции РФ.

Следует отметить, что, согласно части 2 статьи 100 УПК РФ, обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, должно быть предъявлено подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения, не позднее 45 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу - в тот же срок с момента задержания. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется [4].

В ходе допроса подозреваемого необходимо выяснить: является ли он криминальным авторитетом и имеет ли статус «вора в законе»; когда и где подозреваемый проходил процедуру «коронации», а также, кто рекомендовал его кандидатуру в «воры в законе» и с какими криминальными авторитетами он поддерживает отношения.

Так подозреваемому Н. при допросе был задан вопрос: «являетесь ли вы вором в законе?», на что последний ответил, что «является» [2].

Выяснению подлежат обстоятельства, связанные с поведением и деятельностью подозреваемого в местах лишения свободы или содержания под стражей: признавал ли последний порядки, выполнял или нет требования администрации или следовал криминальным традициям в указанных местах; обращались ли к нему осужденные или содержащиеся под стражей за помощью или разрешением конфликта между собой; занимался ли сбором «общака» и оказывал ли финансовую помощь нуждающимся подозреваемым, обвиняемым и осужденным; каким образом организовывал в местах лишения свободы пронос «общего», то есть сигарет, чая, конфет, предназначенных для находящихся в этих учреждениях лиц.

Так, Б. пояснил, что, находясь в исправительной колонии, он постоянно нарушал установленные правила поведения: не носил нагрудный знак и форменную одежду, курил в неположенном месте, ходил без разрешения из одного отряда в другой, грубил администрации, не являлся на построение для отрядов, за что к нему применялись дисциплинарные взыскания (водворение в ШИЗО и др.).

Б. признает, что занимает высшее положение в преступной иерархии в статусе «положенца», придерживается криминальной идеологии, чтит, распространяет, сохраняет «воровские» преступные традиции и обычаи. Также он стал контролировать пополнение «общака»; назначать «смотрящих» за отрядами, за карантинном, за медицинской частью учреждения, за столовой, за промышленной зоной, за азартными играми; устанавливать свои

правила; материально поддерживать «авторитетов». Кроме этого, он обязал всех осужденных сдавать в «общак» денежные средства, в том числе и лиц, освобождавшихся по УДО [2].

Важное доказательственное значение имеют татуировки на теле подозреваемого. В связи с этим необходимо выяснить при каких обстоятельствах они были нанесены и что означают, а также могут ли данные татуировки наносить иные лица, занимающие низшее положение в преступной иерархии.

Так, обвиняемый Н. нанес на свое тело знаки отличия «вора в законе» - татуировки, то есть перманентные (стойкие) рисунки в виде двух восьмилучевых звезд в ключичной области, указывающие на принадлежность к высшим кругам преступного мира, авторитетам и «ворам в законе». Он пояснил, что никто иной из преступной среды не имеет право на ношение данных татуировок. С лица, незаконно носящего данные татуировки, они по «воровским понятиям» полностью срезаются ножом или лезвием бритвы, как бы глубоко не проник их рисунок. Если «вор в законе» лишен своего статуса, татуировки сводятся в обязательном порядке [2].

По делам данной категории достаточно часто проводится такое следственное действие, как обыск (статья 182 УПК РФ).

Перед началом производства обыска по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии необходимо:

- определить места проведения обыска (например, по месту жительства подозреваемого, других участников, в местах лишения свободы, иных помещениях, автотранспорте и др.);
- определить количество участников обыска;
- принять меры к сохранению в тайне информации о самом факте производства обыска и его результатах;
- продумать необходимость участия тех или иных специалистов с целью получения допустимых доказательств.

В настоящее время в целях обработки, передачи и хранения различного рода информации, а также для совершения преступлений, широко используются компьютерные технологии. В этой связи целесообразно обеспечить участие в обыске специалиста в области компьютерной техники и получить информацию об используемых телекоммуникационных средствах (количестве компьютеров, мобильных телефонах и др.)

Необходимо подготовить технические средства, переносную аппаратуру для считывания и хранения изымаемой информации.

Так, в 2019 году при обыске в жилище обвиняемого Н. и осмотре его персонального компьютера обнаружен Интернет-сайт «Прайм Крайм» с видеозаписью задержания Н. сотрудниками полиции в 2014 году, в ходе которых он сообщил о наличии у него преступного статуса «вор». Видеозаписи скопированы на DVD диски и приобщены к материалам уголовного дела в качестве доказательств [2].

Кроме того, следует тщательно изучить все обнаруженные при обыске фотографии, особенно относящиеся ко времени совершения преступления, периоду расследования уголовного дела. Это позволит, например, установить связи членов преступного сообщества друг с другом, период совершения преступления, а также могут быть предъявлены очевидцам и другим свидетелям для опознания.

Так, в ходе обыска в жилище А. был изъят мобильный телефон. В нем при осмотре мессенджера «WhatsApp» обнаружено фотоизображение. На указанном фото изображены люди, относящиеся к преступным авторитетам.

Кроме того, на осматриваемом мобильном телефоне обнаружены записи абонентских номеров других членов преступного сообщества, изображения, связанные с преступным миром и «воровской» идеологией [2].

Учитывая, что преступная деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, может осуществляться как на территории субъектов РФ, так и за рубежом, в ходе расследования уголовного дела необходимо получить сведения о их пребывании в определенном месте в интересующее следствие время.

Так, при обыске в жилище Н. обнаружен заграничный паспорт на его имя с пометкой о посещении им в 2012 году королевства Таиланд. По информации, имеющейся в базе данных Генерального секретариата Интерпола Н. выезжал в эту страну с целью принять участие в

«сходке воров в законе». По настоящее время Н. состоит на учете в базе данных указанного ведомства как «вор в законе», уведомление с зелёным углом (Green notice) является действующим. Информации о лишении Н. статуса «вор в законе» или его добровольного отказа от него не имеется [2].

Установлению новых доказательств нередко способствует тщательное изучение изъятых при обыске различных записей лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии и членов преступного сообщества. Во время обыска могут быть найдены документы, по содержанию свидетельствующие о причастности обыскиваемого лица к совершению преступления.

Так, в ходе обыска жилища у обвиняемого Б. изъяты многочисленные продукты питания, табачные изделия и черновые записи их учета (так называемые «тачковки»). Впоследствии Б. пояснил, что организывает и контролирует процесс передачи в исправительные учреждения так называемого «грева», то есть продуктов питания, табачных изделий, бытовых принадлежностей для создания благоприятных условий для лиц, содержащихся в местах лишения свободы и следственных изоляторах [2].

В ходе проведения обыска могут быть обнаружены орудия преступления, предметы, изъятые из гражданского оборота, сохранившие на себе следы преступлений, деньги и ценности, банковские документы, ценные бумаги, «теневая бухгалтерия», компакт-диски, сотовые телефоны, сим-карты, а также информация, содержащаяся в компьютерах.

В последующем предметы и документы, полученные в результате следственных и иных процессуальных действий, осматриваются и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем должностное лицо составляет протокол в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ, определяющей общие вопросы оформления протоколов, в том числе их форму, реквизиты и содержание.

Так, согласно протокола осмотра видеозаписи осмотрены файлы, которые записаны на диск.

На диске имеются 2 видеозаписи на которых запечатлен О. при разговоре с сотрудниками полиции, где он подтверждает свой криминальный статус - «вора в законе» [2].

Практика расследования данного вида преступления показывает, что спектр документов, которые приобщаются в качестве доказательств по уголовному делу является достаточно разнообразным.

Причастность лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, может подтверждаться: справками из структурных подразделений НЦБ Интерпола МВД России; справками и заключениями различных специалистов по тем или иным вопросам криминальной субкультуры; справками и характеристиками из учреждений ФСИН и другими документами.

Так, в материалах уголовного дела в отношении Г. имеется уведомление о том, что Г. является «вором в законе» и разыскивается правоохранительными органами иностранного государства как лицо, в отношении которого издано уведомление Интерпола с «зеленым углом» («GREEN NOTICE») (Грин Нотис). Оно издается в целях предупреждения о преступной деятельности лиц, в отношении лидеров и активных участников ОПГ и ПС, а также лиц, причисляющих себя к категории так называемых «воров в законе» [2].

Литература и источники

1. Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // «Российская газета», № 72. 03.04.2019.
2. Материалы, предоставленные Следственным департаментом МВД России.
- 3., Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996, № 25. Ст. 2954/

References and Source

1. Federal'nyj zakon ot 01.04.2019 № 46-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti protivodejstviya organizovannoj prestupnosti» // «Rossijskaja gazeta», № 72. 03.04.2019.
2. Materialy, predostavlennye Sledstvennym departamentom MVD Rossii.
- 3., Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 28.06.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 24.12.2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 14.07.2022, s izm. ot 18.07.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 17.06.1996, № 25. St. 2954.

КУЗНЕЦОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦ № 5 ФГКУ «ВНИИ МВД России» (kuznevava@rambler.ru).

КУЗНЕЦОВА НАТАЛЬЯ ЭДУАРДОВНА – старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации (k.nata1984.2@yandex.ru).

KUZNETSOVA, NATALYA A. – PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Research Center No. 5 of FGKU “VNI of the Ministry of Internal Affairs of Russia” (kuznevava@rambler.ru).

KUZNETSOVA, NATALIA E. – Senior Researcher, Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (k.nata1984.2@yandex.ru).

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-129-134

ТОРОП С.С., ЯВОРСКИЙ М.А.
О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ЛОЖЬ» И «СЛЕДСТВЕННАЯ ХИТРОСТЬ»
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ключевые слова: следственное действие, допрос, тактический прием, «следственная хитрость», ложь.

В статье авторами, на основе анализа различных точек зрения отечественных ученых-криминалистов, рассматривается категория «следственная хитрость», ее соотношение с ложью и возможность применения тактических приемов, основанных на лжи в ходе вербальных следственных действий. В работе представлены результаты анкетирования как действующих работников следственных органов, так и студентов-юристов по вопросу допустимости применения приемов и методов допроса участников уголовного процесса, основанных на следственной хитрости и обмане. Авторами обобщены ситуации неправомерного и неэтичного использования обмана, хитростей и ловушек в следственной деятельности.

TOROP, S.S., YAVORSKY, M.A.
ABOUT THE RELATIONSHIP OF THE CATEGORIES "FALSE" AND "INVESTIGATORY TRICK" IN THE
INVESTIGATION OF CRIMES

Key words: investigative action, interrogation, tactical technique, "investigative trick", lie.

In the article, based on the analysis of various points of view of domestic scientists-forensic scientists, the authors analyze the concept of "investigative cunning", its relationship with deception and the possibility of using tactics based on lies in the course of verbal investigative actions. The paper presents the results of a survey of both current employees of the investigating authorities and students of lawyers on the admissibility of using techniques and methods of interrogation participants in the criminal process, based on investigative cunning and deceit. The authors summarize situations of illegal and unethical use of deceit, tricks and traps in investigative activities.

Следователь, как самостоятельное, независимое процессуальное лицо, вправе самостоятельно определять ход и направление расследования уголовного дела. Именно следователь решает не только какие процессуальные и следственные действия необходимо осуществить по уголовному делу, но и какими тактическими приемами воспользоваться при их проведении. В ходе производства такого следственного действия как допрос, следователь, находясь в ситуации тактического риска, также вправе самостоятельно использовать различные приёмы и методы получения криминалистически значимой информации. В большинстве случаев именно данные, получаемые в ходе допроса, составляют основную доказательственную базу при расследовании уголовного дела. Очевидно, что эффективность допроса на прямую зависит от компетенции следователя, его опыта, наличия у него развитых коммуникативных способностей и навыков использования различных тактических приемов.

Существует значительное количество тактических приемов допроса, применяемых следователем. Отдельного внимания заслуживают тактические приемы, основанные на сокрытии от допрашиваемых лиц истинных планов и целей следственного действия, а также информации о ходе и результатах расследования, а также приемы, преследующие цель «усыпить» бдительность допрашиваемого. Такие приемы в научной литературе получили наименование «следственная хитрость». К ним, например, относят: создание видимой осведомлённости следователя обо всех обстоятельствах преступления; создание у подозреваемого представления о признании в совершении преступления его соучастников; использование факта внезапности, неподготовленности допрашиваемого лица к отдельным вопросам. Тем не менее вопрос о допустимости в отношении допрашиваемых лиц психологических приемов, которые основаны на хитрости, и сегодня остается дискуссионным. В научном сообществе и среди практиков также не сложилось единого понимания следственной хитрости, а также соотношения с указанным конструктом таких категорий, как обман или ложь.

Председатель ВС РФ В.М. Лебедев, комментируя ст. 189 УПК РФ, указал, что следователь должен использовать такие тактические приемы, которые не противоречат нормам закона, а также морали [1, с. 256]. Если с требованиями законности все понятно, то критерий соответствия

тактического приема этическим требованиям нормативной регламентации не получил. В этой связи возникает дилемма: возможно ли применение обмана к допрашиваемому, введение его в заблуждение, использование иных приемов, в том числе и основанных на следственной хитрости.

Проанализируем отдельные взгляды на природу морали и лжи.

О.А. Горбунова на основе анализа юридической литературы определяет мораль как систему представлений и негласных норм о правильном, должном и нравственном поведении. Критериями такого поведения, по ее мнению, выступают такие категории как добро, честь, совесть, порядочность и благородство [2, с. 2]. А.А. Гусейнов, в свою очередь, определяет мораль как индивидуальный ответственный способ взаимодействия индивида с обществом, с окружающего его миром людей [3, с. 9]. Другие авторы отождествляют мораль с совестью или с духовным состоянием, которое формируется на основе всесторонней оценки своего поведения человеком со стороны нравственных позиций, а также ценностях, которые для него являются базовыми, основными правилами, при нарушении которых индивид теряет себя как личность [4, с. 2].

Анализируя доводы ученых разных направлений науки, мы можем утверждать, что мораль – это совокупность понятий, взглядов, обычаев правильного поведения, которые формируются у индивида на основе взаимодействия его с социумом. Мораль – есть личное представление о таких понятиях как добро и зло, хорошее и плохое, правильное и неправильное и т.д. Мораль определяет модель одобряемого в обществе поведения. Отступление от морали чревато для личности духовными, нравственными страданиями или изменениями дальнейшего образа жизни и взаимодействия с окружающим миром. При этом многие придерживаются тезиса «что законно, то морально».

Ложь и обман в системе общечеловеческих ценностей ассоциируются, как правило, с чем-то аморальным, плохим, негативным и даже злым. С другой стороны, как ни странно, в современном обществе ложь не только осуждается, но и признается необходимой. Отсюда поощряемые категории «социально полезная ложь», «ложь во спасение», «благонамеренная ложь» или «ложь во благо», а также «этикетная ложь» или, например, «ложь-умолчание» и др.

Теоретический анализ проблематики лжи позволил А.С. Чахоян выявить следующие основные подходы к определению сущности лжи в социально-этическом срезе: ложь – как морально-деструктивный феномен; ложь – как конструкт, функционально необходимый социальной системы; ложь – как ситуативно значимый инструментальный феномен [5].

Интерес представляют точки зрения о роли и месте лжи в системе правового регулирования. Отечественное законодательство не предусматривает меры юридической ответственности за ложь как таковую. Однако, по верному замечанию А.И. Анучиной, если ложь затрагивает интересы иных лиц, нарушает права и законные интересы других членов общества, она принимает форму противоправного деяния. Таким образом следует разграничивать ложь, наказуемую законодательными актами, от лжи, которая существует в рамках морально-этических ценностей [6].

Профессор Б.С. Шалютин, в свою очередь, полагает, что «ложь в рамках правовых процедур является, прежде всего, преступлением не столько против некоторого конкретного субъекта, сколько преступлением против права как такового», поэтому внутри права она недопустима ни при каких обстоятельствах. При этом, по его мнению, «если в некоторой ситуации поведение, детерминируемое ценностью добра, противоречит поведению, детерминируемому ценностью истины, моральная регуляция допускает возможность лжи» [7].

Ученные-психологи полагают, что ложь или обман – это не черта личности, особое свойство характера или какое-либо патологическое отклонение, а вполне нормальный феномен человеческий природы, одно из средств межличностной коммуникации [8, с. 1]. Кроме того, П. Экман утверждает, что лжец может иметь оправдание, не только в своих глазах, но и в глазах всего общества [9, с. 11].

Ряд ученых категорически высказывается о неприемлемости применения таких способов получения информации, как применение обмана, а другие, наоборот, полагают, что ложь вполне допустима. Так, Р.Р. Насртдинова считает, что обман в юридическом сообществе является наиболее противоречивым приемом, который может быть использован следователем при проведении допроса [10, с. 2].

Использование обмана в ходе допроса, по мнению С.Ю. Якушина возможно, когда, например, следователь предъявляет допрашиваемому различные предметы выдавая их за доказательства, которые на самом деле таковыми не являются, тем самым следователь создает впечатление у допрашиваемого о том, что следствие располагает важными уликами, избобличающие подозреваемого [11, с. 71].

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета А.В. Иванов, рассматривая проблемы этичности тактических приемов, используемых при расследовании преступлений, также приходит к выводу, что, используемые тактические приемы должны соответствовать общепринятым нормам морали и нравственности, не могут содержать в себе прямой обман. При этом, по мнению ученого, вполне допустимы и оправданы приемы в ходе применения которых, у участников процесса в результате неверной оценки ими информации о каких-то фактах или обстоятельствах возникают ложные умозаключения [12].

В свою очередь Н.А. Подольный указывает, что сегодня следствие располагает достаточными приемами и средствами для расследования преступлений, не связанных с обманом. По его мнению, следственная хитрость – это способность и умение следователя использовать сложившуюся ситуацию в интересах проводимого им расследования [13, с. 2].

Видный отечественный ученый-криминалист Р.С. Белкин, размышляя о нравственности обмана в деле борьбы с преступностью, заявлял, что данный спор давно решен, так как государство признало допустимость обмана в правоохранительной сфере [14, с. 108-113]. Так, например, государство узаконило оперативно-разыскную деятельность, которая в некоторых аспектах основывается исключительно на обмане и дезинформации. Поэтому обман уже используется как средство выявления и раскрытия преступления. Так, не прибегая к обману, невозможно внедриться в преступную группировку или провести легендированный опрос. В 2001 году Р.С. Белкиным были представлены результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов о допустимости обмана в ходе допроса, как способа создания условий для получения информации. 75% респондентов посчитали обман допустимым, при этом опрошенные указали, что прибегают к нему редко или вообще не используют. 10% респондентов высказались против использования обмана, указав, что это аморально и недопустимо в следственной практике, при этом следственные «хитрости» и «ловушки» они также не считали обманом. Оставшиеся 15 % не смогли выразить четкую позицию по этому вопросу.

В.П. Бахин также допускает обман в форме умалчивания информации, сокрытия сведений от допрашиваемого, например, об истинных целях допроса. При этом ученый утверждает, что реальный обман использовался ранее и будет использоваться в будущем в рамках тактических приемов, отдельных аспектов следственной деятельности. По его мнению, важно недопустим тот обман, который противоречит принципам и целям следственной деятельности, а также угрожает правам и свободам личности [15, с. 104].

М.О. Котельвин также утверждает, что любой тактический прием должен соответствовать закону и общепринятым критериям, определяющих допустимость тактического приема. При этом он указал, что недопустимыми считаются такие приемы, которые основаны на лжи, провокации, унижении чести и достоинства человека [16, с. 4].

В.В. Глоба в своих научных трудах к критериям допустимости применения воздействия на допрашиваемого относит такие критерии как правовой, познавательный, информационный, тактический и этический. По ее мнению, нарушением указанных критериев может быть любой обман и злоупотребление доверием, а также иные незаконные действия, такие как принуждение к даче показаний [17, с. 3].

Анкетирование, проведенное в 2018 году Е.В. Чернышевой, показало, что многие следователи (30 %) используют методы, направленные на создание искажённого представления об осведомлённости правоохранительных органов о фактах и обстоятельствах расследуемого события у допрашиваемых лиц, в том числе, и приемы, основанные на обмане [18, с. 2].

Вполне солидаризируется с той точкой зрения, что обман в прямой его форме недопустим и не может быть использован при применении тактических приемов, полагаем, что косвенная ложь вполне может быть использована на законных основаниях. Так уголовно-процессуальным законом предусмотрена следственная тайна, которая закреплена в ст. 161 УПК РФ, из которой следует, что

данные предварительного расследования не подлежат разглашению и «могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [19]. Таким образом, когда следователь не сообщает какие-либо факты допрашиваемому, тем самым манипулируя количеством и качеством информации, то есть использует косвенную ложь, следователь действует в рамках закона.

Д.С. Рачкова и Н.Л. Потапова утверждают, что следственная хитрость действительно имеет тонкую грань с обманом. По их мнению, следственная хитрость состоит в том, что следователь создает такие условия в ходе допроса, что допрашиваемое лицо вопреки своим намерениям скрыть от следствия информацию добровольно выдает ее следователю. Они считают, что границу между хитростью и обманом следует проводить по цели. В случае следственной хитрости следователь побуждает допрашиваемого отказаться от противодействия расследованию, при обмане же следователь намерено вводит в заблуждение лицо для получения признательных показаний [20].

Д.В. Зотов и В.А. Панюшкин, исследуя критерии и границы допустимости обмана в правоохранительной деятельности, указывают, что любые приемы следственной тактики, намеренно вводящие других в заблуждение, несмотря на различное этимологическое толкование, выступают как разновидности или различные оттенки обмана. При этом обман является неотъемлемой частью следственной тактики, и без него решение задач расследования порой невысказано [21].

Нами было проведено анкетирование среди действующих следователей и студентов выпускных курсов Института права Самарского государственного экономического университета по вопросам о допустимости использования при производстве вербальных следственных действиях тактических приемов, основанных на лжи, манипуляции, следственной хитрости. В анкетировании приняло участие 100 следователей и 100 студентов-юристов.

На вопрос «допустимо ли применение при производстве следственных действий тактических приемов, основанных на следственных хитростях (например, умолчание о каких-либо важных фактах, которые могут повлиять на ход следственного действия; создание на допросе такой ситуации, в результате которой лицо, желающее утаить какие-либо сведения, вопреки своим намерениям выдает информацию, необходимую для следствия)?» 93% респондентов из числа следователей ответили положительно (сочли допустимым применение тактических приемов, основанных на следственной хитрости). Из числа студентов-юристов 83% опрошенных высказались «за» применение указанных тактических приемов.

На вопрос «допустимо ли использование неэтичных тактических приемов при производстве вербальных следственных действий, основанных на дискредитации родных и близких участников уголовного процесса с целью получения в отношении указанных лиц изблещающих сведений (ложное сообщение, например, жене об измене мужа с целью возбуждения в отношении последнего неприязни и расположения для дачи в отношении него изблещающих сведений)?» 66% респондентов из числа следователей ответили «нет». Из числа студентов-юристов 73% полагают, что указанные тактические приемы не приемлемы. При этом следует отметить, что среди следователей остаётся значительный процент (34%) тех, кто готов применять такие приемы и считает их вполне оправданными. Доля студентов, разделяющих позицию о возможности применении подобных приемов, составила 27% опрошенных.

На вопрос «допустимо ли использовать при производстве вербальных следственных действий тактические приемы, основанные на косвенной лжи (предоставление частично правдивой информации, искажение истины, манипуляции качеством информации и ее количеством, передача двусмысленной и размытой информации)?» 69% респондентов из числа следователей ответили утвердительно (считают допустимым использование косвенной лжи). Из числа опрошенных студентов допустимыми такие приемы сочли 60%.

На вопрос «допустимо ли использовать при производстве вербальных следственных действий тактические приемы, основанные на прямой лжи (активное введение в заблуждение собеседника, предъявление лжедоказательств, ложные обещания и т.д.)?», 85% респондентов из числа следователей ответили отрицательно (считают недопустимым использование прямой лжи). Из числа студентов против высказалось 86% участников опроса.

Анализируя результаты анкетирования, можно констатировать, что в целом и следователи, и студенты-юристы считают допустимым применение тактических приемов, основанных на следственной хитрости, в результате которой лицо, желающее утаить какие-либо сведения, вопреки своим намерениям выдаёт информацию, необходимую для следствия. При этом значительное количество опрошенных допускают использование и косвенной лжи. Следует отметить, что значительная часть опрошенных считают недопустимым применение прямой лжи.

Как нам представляется, проблема использования обмана, хитростей и ловушек в следственной деятельности сводится к установлению случаев их 1) неправомерного и 2) неэтичного использования. К первой категории следует отнести ситуации, когда обман основывается на:

- научной, технической и правовой неосведомленности лица;
- заведомо невыполнимых обещаниях;
- фальсифицированных доказательствах и результатах оперативно-разыскной деятельности;
- расстройствах психики и иных болезненных состояниях лица.

Вторая группа ситуаций, по нашему мнению, включает в себя случаи, когда обман строится на:

- некритических, иррациональных суждениях (предвзятых) лица;
- низменных пристрастиях и свойствах личности;
- манипуляциях с социальной идентичностью личности;
- социальных (в том числе религиозных, этнических и т.д.) конфликтах.

В заключение стоит отметить, что вопрос об этичности тех или иных приемов обусловлен не только едиными для всего общества правовыми и нравственным нормам, но и моральными установками субъекта их применения. При этом следственная деятельность не должна приводить к подрыву авторитета и имиджа правоохранительных органов, к утрате социального доверия.

Литература и источники

1. Лебедев В.М., Божьев В.П. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ/ ответственные редакторы В.М. Лебедев, В.П. Божьев. 6-е изд. М., 2010.
2. Горбунова О.А. Правд и мораль // Вестник магистратуры. 2018. № 5-2 (80).
3. Гусейнов А.А. Моральная философия и этика: демаркационная линия // ЭТ. 2019. Т. 19. № 2.
4. Ожиганова Г.В. совесть как высшая моральная способность // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. №4.
5. Чахоян А.С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. №2.
6. Анучина А.И. Феномен лжи в отношениях, урегулированных нормами уголовно-процессуального и уголовного права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. №3 (22).
7. Шалютин Б.С. Мораль, право и ложь // Этическая мысль. 2016. №1.
8. Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Цоцонава Ж.М., Полумордвинова Н.Ю. Ложь как биопсихосоциальный феномен. Способы симуляции подростков в клинической практике // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. №3 (205).
9. Экман П. Психология лжи. СПб., 2019.
10. Насртдинова Р.Р. О допустимости применения обмана, в качестве психологического приема при допросе // Форум молодых ученых. 2020. № 5(45).
11. Якушин С.Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань: Издат. Казан, ун-та, 2018.
12. Иванов А.В. Проблемы этичности тактических приемов, используемых при расследовании преступлений // ВЭПС. 2020. №1.
13. Подольный Н.А. Нравственные аспекты применения следственной хитрости в ходе предварительного расследования // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. №2 (50).
14. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
15. Бахин В.П. Дезинформация и провокация как средство противодействия преступной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Вып.4; Серия Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. 2001.
16. Котельвин М.О. Тактические приемы допроса в конфликтных ситуациях со строгим соперничеством. Критерии допустимости // E-Scio. 2020. №3.
17. Глоба В.В. Психологическое воздействие на допрашиваемого в целях получения правдивых показаний: критерии допустимости // Общество: политика, экономика, право. 2022. №7.
18. Чернышева Е.В. Эффективность психологических тактик взаимодействия с допрашиваемым лицом при расследовании преступления // Прикладная юридическая психология. 2018. №4.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // КонсультантПлюс.
20. Рачкова Д.С. Потапова Н.Л. «Следственные хитрости» и обман: критерии разграничения // Фин Эксперт Групп [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finexg.ru/sledstvennye-xitrosti-i-obman-kriterii-razgranicheniya> (дата обращения: 13.10.2022).

21. Зотов Д.В., Панюшкин В.А. Обман в уголовном судопроизводстве: сущность, допустимость, формы // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. №4.

References and Sources

1. Lebedev V.M., Bozh'ev V.P. Nauchno-prakticheskij kommentarij k ugovolno-processual'nomu kodeksu RF/ otvetstvennye redaktory V.M. Lebedev, V.P. Bozh'ev. 6-e izd. M., 2010.
2. Gorbunova O.A. Pravo i moral' // Vestnik magistratury. 2018. № 5-2 (80).
3. Gusejnov A.A. Moral'naya filosofiya i etika: demarkacionnaya liniya // ET. 2019. T. 19. № 2.
4. Ozhiganova G.V. sovest' kak vysshaya moral'naya sposobnost' // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2020. №4.
5. Chahoyan A.S. Ponyatie lzhi: differencial'naya diagnostika // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. 2015. №2.
6. Anuchina A.I. Fenomen lzhi v otnosheniyah, uregulirovannyh normami ugovolno-processual'nogo i ugovolnogo prava // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2015. №3 (22).
7. Shalyutin B.S. Moral', pravo i lozh' // Eticheskaya mysl'. 2016. №1.
8. Goncharenko E.V., Tajsaeva S.B., Coconava Zh.M., Polumordvinova N.YU. Lozh' kak biopsihosocial'nyj fenomen. Sposoby simulyatsii podrostkov v klinicheskoy praktike // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2022. №3 (205).
9. Ekman P. Psihologiya lzhi. SPb., 2019.
10. Nasrtdinova R.R. O dopustimosti primeneniya obmana, v kachestve psihologicheskogo priema pri doprose // Forum molodyh uchenyh. 2020. № 5(45).
11. Yakushin S.Yu. Takticheskie priemy pri rassledovanii prestuplenij. Kazan': Izdat. Kazan, un-ta, 2018.
12. Ivanov A.V. Problemy etichnosti takticheskikh priemov, ispol'zuemyh pri rassledovanii prestuplenij // VEPS. 2020. №1.
13. Podol'nyĭ N.A. Nравstvennye aspekty primeneniya sledstvennoj hitrosti v hode predvaritel'nogo rassledovaniya // Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Obschestvennye nauki. 2019. №2 (50).
14. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki. M., 2001.
15. Bahin V.P. Dezinformaciya i provokaciya kak sredstvo protivodejstviya prestupnoj deyatel'nosti // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp.4; Seriya Sovremennye problemy zakonodatel'stva Rossii, yuridicheskikh nauk i pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2001.
16. Kotel'vin M.O. Takticheskie priemy doprosa v konfliktnyh situatsiyah so stroгим sopernichestvom. Kriterii dopustimosti // E-Scio. 2020. №3.
17. Globa V.V. Psihologicheskoe vozdejstvie na doprashivaemogo v celyah polucheniya pravdivykh pokazanij: kriterii dopustimosti // Obschestvo: politika, ekonomika, pravo. 2022. №7.
18. Chernysheva E.V. Effektivnost' psihologicheskikh taktik vzaimodejstviya s doprashivaemym licom pri rassledovanii prestupleniya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2018. №4.
19. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 07.10.2022) // Konsul'tantPlyus.
20. Rachkova D.S. Potapova N.L. «Sledstvennye hitrosti» i obman: kriterii razgranicheniya // Fin Ekspert Grupp [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.finexg.ru/sledstvennye-xitrosti-i-obman-kriterii-razgranicheniya> (data obrashcheniya: 13.10.2022).
21. Zotov D.V., Panyushkin V.A. Obman v ugovolnom sudoproizvodstve: sushchnost', dopustimost', formy // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. 2015. №4.

ТОРОП СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – студент Института права Самарского государственного экономического университета, помощник старшего следователя Ноябрьского межрайонного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ямало-Ненецкому автономному округу. (torop.99sk@mail.ru)

ЯВОРСКИЙ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, кафедра организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет (yavorm@mail.ru).

TOROP, SERGEY S. – student of the Institute of Law of the Samara State Economic University, Assistant Senior Investigator of the Noyabrsk Interdistrict Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. (torop.99sk@mail.ru)

YAVORSKY, MAKSIM A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Organization of Combating Economic Crimes, Samara State University of Economics (yavorm@mail.ru).

УДК 343.94

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-134-138

БОХАН А.П., ГАМАЮНОВА В.П.
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: незаконная миграция, общественная опасность, криминогенность, преступления и преступность, уголовная ответственность.

В статье анализируется достаточность общественной опасности для установления уголовной ответственности за организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) в уголовном законодательстве Российской Федерации. В результате проведенного исследования, авторы приходят к выводу о криминологической обоснованности установления уголовной ответственности за рассматриваемое деяние. Уголовная и криминологическая политика государства должны быть направлены как на прямое противодействие незаконной миграции путем установления и реализации соответствующих уголовно-правовых запретов, так и на минимизацию проявлений криминогенного потенциала незаконных миграционных процессов посредством установления жесткой ответственности за нарушение миграционного законодательства и законодательства в сфере защиты прав мигрантов.

BOHAN, A.P., GAMAYUNOVA, V.P.

CRIMINOLOGICAL SUBSTANTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZATION OF ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: illegal migration, public danger, criminogenicity, crimes and crime, criminal liability.

The article analyzes the sufficiency of public danger to establish criminal liability for organizing illegal migration (Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the criminal legislation of the Russian Federation. As a result of the study, the authors conclude that the criminological validity of establishing criminal liability for the act in question. The criminal and criminological policy of the state should be aimed both at direct opposition to illegal migration by establishing and implementing appropriate criminal law prohibitions, and at minimizing

the manifestations of the criminogenic potential of illegal migration processes by establishing strict liability for violation of migration legislation and legislation in the field of protecting the rights of migrants.

Традиционно рассмотрение любого вопроса требует указания на его актуальность. В данной связи об актуальности исследуемой проблемы свидетельствует целый ряд нормативных актов, которые указывают на важность противодействия незаконной миграции в Российской Федерации. Так в Российской Федерации принята Стратегия национальной безопасности РФ, которая утверждена указом Президента РФ 2.07.2021 № 400. В пп. 16 п. 47 Стратегии указано, что противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками являются одной из задач обеспечения государственной и общественной безопасности [1]. Вторым базовым актом является Концепция государственной миграционной политики РФ на 2019-2025 годы, утвержденная указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622. В п. 14 документа поставлена цель создания миграционной ситуации, которая будет способствовать обеспечению государственной безопасности, поддержанию межнационального и межрелигиозного мира и пр. [2].

Исходя из приведённых выше нормативных актов, отметим, что миграция населения является сложным процессом, обусловленным различными экономическими, политическими, психологическими, организационно-правовыми и иными причинами. Приведём некоторые статистические данные. В 2021 г. подразделениями по вопросам миграции МВД России поставлено на миграционный учет 13 392 897 иностранных граждан и лиц без гражданства [3]. Цифра не маленькая – практически 9 % от общего количества лиц, проживающих на территории Российской Федерации. Количество мигрантов, с учётом геополитические события, в частности миграции с территории Украины в Россию, по итогам 2022 года будет выше показателей 2021 года. Увеличение количества мигрантов, рост нагрузки на сотрудников подразделений по вопросам миграции МВД России может повлечь увеличение нарушений действующего законодательства в сфере миграции, что, в целом, позволит говорить об увеличении в перспективе незаконной миграции по итогам 2022 года.

Что же понимать под незаконной миграцией? – Прежде всего, это источник нелегальной рабочей силы, питающий теневой сектор экономики. влечет девальвацию национальных производственных сил и ряд иных негативных последствий. Также в настоящее время она коррелирует с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, оружия и пр.

Самым распространённым видом преступлений, связанных с незаконной миграцией, является организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ).

Как нами было уже отмечено, существовавшие механизмы управления вынужденной миграцией и в Европейском Союзе, и в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), и в большинстве других стран (отдельно укажем на Украину), дают системный сбой. При этом проблема миграции обостряет противоречия в части сохранения авторитета институтов государственной власти в связи с эффективностью обеспечения верховенства права и защиты национальных интересов, их влияния на рынок труда, социальную защищенность населения (в части обеспечения конкурентоспособности коренного населения), изменения в социально-демографической структуре населения страны и/или ее отдельных регионов и прочее при достаточно высокой плотности населения в отдельных регионах, ограниченности земельных ресурсов и жилищного фонда и одновременном росте цен на недвижимость, низком уровне медицинского и социального обеспечения постоянно проживающего населения и т.д. Особо остро данные противоречия проявляются в случае нелегальной миграции, поскольку при потреблении (которое под зорким контролем мировой общественности и уполномоченных институтов должно строго соответствовать мировым стандартам) нелегальными мигрантами социально-экономических благ, затраты на них, как правило, выходят далеко за пределы затрат, предусмотренных текущими бюджетами, в пополнении которых сами мигранты никак не участвуют [4, 5].

Однако необходимо отметить и позитивный аспект миграционных процессов. Например, с ними связано перераспределение населения, повышение его подвижности и изменение качественного состава, компенсация дефицита трудовых ресурсов в определенном регионе, стимулирование развития производства, культурная взаимоинтеграция [6].

В нынешних условиях глобализации, распространяющейся, в том числе, и на межгосударственное противостояние и международную преступность, большинство традиционно

позитивных или нейтральных аспектов миграции все больше приобретают негативный характер. В силу этого, в первую очередь, необходимо учитывать постоянно развивающийся деструктивный, прежде всего, криминогенный, потенциал миграционных процессов.

Таким образом, незаконная миграция, как уголовно-правовой феномен, не ограничивается незаконным миграционным поведением лиц, перемещающихся по различным территориям. В том числе речь идет о лицах, хотя и законно попавших на территорию, но незаконно находящихся на ней (переход на нелегальное положение), а также лицах, временно (транзитом) находящихся на территории того или иного государства), их действиях как при подготовке и непосредственном перемещении через государственную границу, так и при адаптации на новой территории.

Незаконная миграция включает в себя также деятельность лиц, организующих (в широком смысле слова) такое перемещение и обеспечивающих пребывание нелегальных мигрантов в стране-реципиенте (проживание, трудоустройство, получение документов и пр.). При этом отдельную группу субъектов, задействованных в сфере незаконной миграции, составляют коррумпированные представители органов публичной власти и сотрудники правоохранительных органов.

Общественная опасность незаконной миграции обусловлена ее повышенной криминогенностью, которая проявляется в потенциальном и реальном вреде различным сферам общественных отношений, прежде всего, общественным отношениям в сфере государственного управления.

Криминогенность незаконной миграции обусловлена следующими признаками:

- нелегальная миграция является криминальным промыслом, становится предметом преступной деятельности как уже существующих преступных объединений различного уровня, так и вновь возникающих узко специализированных объединений, занимающихся непосредственно перемещением людей через границы государств;

- в результате незаконной миграции попутно совершаются преступления, посягающие на их жизнь, здоровье, свободу граждан и т.д.

Типичными преступлениями, сопутствующими незаконной миграции, являются торговля людьми (преимущественно с целью продажи их в рабство) [7], организация и обеспечение секс-индустрии, незаконного усыновления детей, незаконной трансплантации органов и тканей человека (что большинством сопровождается убийством потерпевшего) и др. Также мигранты нередко похищаются для различных целей или захватываются в качестве заложников для прикрытия в случае уголовного преследования, либо при предъявлении различных требований властям.

Общее влияние миграционных процессов на уровень преступности в стране обусловлено совершением мигрантами общеуголовных преступлений. Здесь же отметим, что повышенная виктимность мигрантов также повышает уровень преступности, питая организованные формы преступной деятельности мигрантов.

Противоречия и конфликты мигрантов с местными жителями способствуют объединению тех и других в группы по национальному, земляческому и иным признакам, что приводит к межгрупповым конфликтам, возникновению специфических криминальных формирований. При этом незаконная миграция может быть связана с международной (транснациональной) преступностью, а также с международным экстремизмом и терроризмом. Различного рода экстремистские и террористические организации активно создают и используют миграционные процессы в целях осуществления своей деятельности.

Особо отметим, что незаконные миграционные процессы тесно связаны с коррупционной преступностью. Тесная связь незаконной миграции и коррупции прослеживается на всех стадиях миграционного процесса: от содействия незаконному пересечению мигрантов через государственную границу и «попустительству» его незаконному пребыванию на территории страны, до легализации нелегальных мигрантов путем выдачи без законных на то оснований и с нарушением процедуры паспорта гражданина Российской Федерации и пр.

Исследования показывают, что коррупционное содействие незаконной миграции возможно со стороны представителей власти и чиновников различного уровня, сотрудников правоохранительных органов, к примеру, участковых уполномоченных полиции или глав поселений [5].

Необходимо отметить, что рассмотренные основные аспекты взаимосвязей миграции и преступности не исчерпывают весь криминогенный потенциал незаконных миграционных процессов. При этом они являются тесно взаимосвязанными и взаимодополняющими друг друга.

В конечном счете, под влиянием указанных обстоятельств государство вырабатывает законодательный и правоприменительный иммунитет, а преступность, связанная с незаконной миграцией, развивается, вырабатывая способность противодействия правоохранительной деятельности государства и ее законодательной базе.

Подводя итог, отметим, что в сложившихся реалиях формирование и реализация эффективной государственной политики, прежде всего таких ее составляющих как уголовно-правовая и криминологическая политика, невозможны без учета влияния незаконной миграции как угрозы национальной безопасности. При этом общественную опасность незаконных форм миграции необходимо рассматривать не только через призму их влияния на текущее социально-экономическое и политическое развитие государства, но и с учетом их криминогенного потенциала.

Общественная опасность незаконной миграции обусловлена ее повышенной криминогенностью, которая проявляется в потенциальном и реальном вреде различным сферам общественных отношений, прежде всего, общественным отношениям в сфере государственного управления. Соответственно, уголовная и криминологическая политика государства должны быть направлены как на прямое противодействие незаконной миграции путем установления и реализации соответствующих уголовно-правовых запретов, так и на минимизацию проявлений криминогенного потенциала незаконных миграционных процессов посредством установления жесткой ответственности за нарушение миграционного законодательства и законодательства в сфере защиты прав мигрантов.

Таким образом, противодействие организации незаконной миграции невозможно без установления уголовной ответственности за данные деяния.

Литература и источники

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351
2. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // СЗ РФ. 2018 г. № 45. Ст. 6917.
3. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года // <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya>.
4. Сливний А.А. К вопросу об общественной опасности незаконной миграции и необходимости совершенствование порядка привлечения к уголовной ответственности за ее организацию // Уголовная политика, уголовное законодательство: правоприменительная практика. Сборник научных статей. Под редакцией В.И. Тюнина. Санкт-Петербург, 2016. С. 100-102.
5. Рашитов Л.Р. Криминологическая характеристика преступлений в сфере незаконной миграции и их предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 124-128.
6. Косов П.И., Берендеева А.Б. Основы демографии: учеб. пособие / П.И. Косов, А.Б. Берендеева. М.: ИНФРА-М., 2010. С. 164.
7. Иванцов С.В. Актуальные вопросы противодействия организации незаконной миграции и торговле людьми // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12. С. 193-197.

References and Sources

1. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // SZ RF. 2021 g. № 27 (chast' II). St. 5351
2. O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019-2025 gody: Ukaz Prezidenta RF ot 31 oktyabrya 2018 g. № 622 // SZ RF. 2018 g. № 45. St. 6917.
3. Svodka osnovnykh pokazatelej deyatelnosti po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar'-dekabr' 2021 goda // <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya>.
4. Slivnij A.A. K voprosu ob obshchestvennoj opasnosti nezakonnoj migracii i neobhodimosti sovershenstvovanie poryadka privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za ee organizaciyu // Ugolovnaya politika, ugolovnoe zakonodatel'stvo: pravoprimenitel'naya praktika. Sbornik nauchnyh statej. Pod redakciej V.I. Tyunina. Sankt-Peterburg, 2016. S. 100-102.
5. Rashitov L.R. Kriminologicheskaya harakteristika prestuplenij v sfere nezakonnoj migracii i ih preduprezhdenie // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1 (23). S. 124-128.
6. Kosov P.I., Berendeeva A.B. Osnovy demografii: ucheb. posobie / P.I. Kosov, A.B. Berendeeva. M.: INFRA-M., 2010. S. 164.
7. Ivancov S.V. Aktual'nye voprosy protivodejstviya organizacii nezakonnoj migracii i torgovle lyud'mi // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 12. S. 193-197.

БОХАН АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (boxan@mail.ru)
ГАМАЮНОВА ВИОЛЕТТА ПЕТРОВНА – преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России (boxan@mail.ru)
VOKHAN, ANDREY P. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal and Penal Law, Criminology, Rostov State Economic University (RSIN) (boxan@mail.ru)

ГЛАЗУНОВА И.В.

О ПРЕДМЕРЕ КРИМИНАЛИСТИКИ И СЛЕДСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Ключевые слова: криминалистика, доказывание, предмет и объект, следственное познание, следственная практика, научное исследование.

В статье рассматриваются основополагающие вопросы криминалистики, связанные с определением ее предмета и объекта. Внимание уделяется исследованию различий в предмете и объекте криминалистики, как науки, и в научных исследованиях в области криминалистики, при этом проводится разграничение этих понятий и их сути с предметом познания следователя в ходе досудебного производства. Отмечается, что преступления и иные явления, познаваемые в следственной практике, в режиме процессуального доказывания, образуют систему, охватываемую общим понятием родового уровня, обозначаемого автором как «уголовно-релевантное деяние». Предложена трехуровневая модель предмета криминалистики.

GLAZUNOVA, I.V.

ON THE SUBJECT OF CRIMINOLOGY AND INVESTIGATIVE KNOWLEDGE

Key words: criminalistics; proof; subject and object; investigative knowledge; investigative practice; Scientific research.

The article deals with the fundamental issues of forensic science related to the definition of its subject and object. Attention is paid to the study of differences in the subject and object of criminology as a science, and in scientific research in the field of criminology, while distinguishing these concepts and their essence from the subject of knowledge of the investigator in the course of pre-trial proceedings. It is noted that crimes and other phenomena learned in investigative practice, in the mode of procedural proof, form a system covered by the general concept of the generic level, designated by the author as a "criminally relevant act". A three-level model of the subject of criminology is proposed.

В современный исторический период, именуемый постсоветским, наблюдалось заметное укрепление общей теории и развитие представлений о системе частных теорий отечественной криминалистики, совершенствование создаваемой ею научной и учебной продукции. Вместе с тем сделано далеко не все для следственной практики. В частности, это касается отсутствия в научной среде единых, общепринятых позиций по поводу объекта, предмета криминалистики и установления границ (пределов) той сферы правоприменительной практики, на службе интересов, запросов и потребностей которой она находится, действуя бок о бок с другими науками уголовно-правового цикла.

Идея необходимости изучения в курсе «Криминалистика» проблемы объекта криминалистики возникла в 1989 г. и была отражена в «Типовой программе курса «Криминалистика». По мнению разработчиков этой программы, данное понятие включает в себя два вида полярной деятельности – криминальную и ее антипод – криминалистическую деятельность. С этого времени началась и продолжающаяся по наши дни «жизнедеятельность» концепции двухобъектной, или, как выражаются некоторые авторы, двуединого объекта криминалистики. При этом одни ученые первый объект склонны определять как преступную деятельность, а другие – как преступность или преступное поведение. Отсутствует единство и во взглядах по поводу того, что следует понимать под *криминалистической деятельностью*.

По мнению одних авторов, содержанием указанного понятия является деятельность по выявлению и расследованию преступлений, а также по установлению истины в уголовном судопроизводстве. Другая часть авторов рассматривает криминалистическую деятельность в качестве системы, элементами которой являются предварительное расследование, судебное разбирательство, предупреждение преступлений.

Изложенная концепция может быть рассмотрена как дискуссионная. Аргументами в этой дискуссии служат, в частности, следующие. Во-первых, наделение криминалистики особым статусом метанауки как науки, изучающей и преступную деятельность, и деятельность правоохранительных органов по противодействию ей, представляется абсолютно не обоснованным, поскольку работниками следственных органов активно используются знания всех наук, обозначаемых как науки уголовно-правового цикла. Таким образом, преступная деятельность и уголовно-процессуальная деятельность являются не объектом одной науки – криминалистики, а обе представляют собой объекты межотраслевых научных исследований.

Любая наука уголовно-правового цикла подвергает эти объекты изучению с точки зрения своего предмета, при этом одновременно преследуется цель решения общей задачи –

содействовать борьбе с преступностью. Следовательно, ни криминалистика, ни какая-то другая из этих наук в отдельности не может рассматриваться в качестве метанауки.

Во-вторых, неверной представляется идея двуединого объекта криминалистики. На чем основаны эти соображения?

Криминалистика возникла, существует и развивается в целях оказания научного содействия следователям и другим должностным лицам следственных органов и органов дознания, осуществляющим поисково-познавательную уголовно-процессуальную деятельность в сфере досудебного уголовного производства. В этом и заключается главная социальная функция криминалистики, которую она реализует путем создания соответствующей теоретической и прикладной научной продукции, адресуемой указанным органам.

Как представляется, идея двуединого объекта криминалистики (в литературе [1, с. 8, 13; 2, с. 11-12]), связана с некоторой путаницей понятий: объекта науки (в философии под объектом подразумевается объективная реальность, существующая независимо от человека и его сознания, противостоящая субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности) [3, с. 924] и предмета науки с объектами научных исследований и следственной практики. Такое мнение высказано, например, А.А. Эксархопуло: «криминалистикой изучаются и преступления, и многие другие явления действительности, составляющие круг исследуемых наукой объектов. Но совершенствуется только деятельность, направленная на познание события преступления и установление, таким образом, истины по делу на основе полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств преступления» [4, с. 23-24].

В отличие от объекта криминалистики, как науки, перечень вероятных объектов криминалистического научного исследования практически неограничен и определяется, в первую очередь, запросами практической следственной деятельности. Таким образом, объект науки и объект конкретного научного исследования являются разными понятиями. При этом объект науки – это закономерности объективной действительности, которые подвергаются познанию, объяснению, классификации, систематизации в данной науке. Объектом же научного исследования служат «опредмеченные» отношения, формы проявления этих закономерностей [5, с. 119]. В одном и том же объекте можно рассматривать ряд предметов. В философской литературе отмечается, что «о предмете исследования можно говорить как об особой стороне реального объекта» [6, с. 49].

Криминалистика непосредственно связана со сферой досудебного уголовного производства.

Как подчеркивалось в одной из недавних публикаций [1, с. 15-16], как и у любой иной конкретной науки, изучающей человека и его жизнедеятельность, у криминалистики имеется один объект, т. е. тот фрагмент объективной действительности, который изучается и обеспечивается создаваемой ею научной продукцией. При этом под криминалистической научной продукцией нами понимаются разрабатываемые в криминалистике принципы, методы, средства, технологии, методики, рекомендации.

Если определять предельно кратко, объектом криминалистики является следственная практика в сфере досудебного уголовного производства.

Что же понимается под предметом криминалистики.

С легкой руки создателя общей теории криминалистики Р.С. Белкина укоренилось мнение, что ее предмет состоит из двух частей: 1) изучаемых ею закономерностей; 2) средств и методов исследования в ходе уголовного судопроизводства и предупреждения преступлений, разработанных на основе выявленных закономерностей [7, с. 6].

Отдавая дань фундаментальному характеру идей, положенных в основу концепции Р.С. Белкина о предмете криминалистики, полагаем возможным внести в нее некоторые уточнения. Они, в частности, касаются неполноты закономерностей, относящихся к деятельности по собиранию информации, которые нуждаются в дополнении положениями об обнаружении, проверке, сохранении, фиксации, передаче собираемой следователем и поступающей к нему фактической информации, преобразования ее в доказательства.

Важной кажется и необходимость уточнения и конкретизации элементного состава и структуры предмета криминалистики, а также круга главных заказчиков и потребителей ее продукции.

С учетом того, что в криминалистике, как и в следственной практике, основными являются поисковая, познавательная, конструктивная (разработочная, созидательная) и коммуникативная функции, можно предложить авторский вариант трехзвенной структуры *предмета криминалистики*.

Первая часть – объекты, изучаемые в ходе криминалистических научных исследований. Вторая часть – промежуточные результаты изучения указанных объектов (в том числе знание закономерностей происхождения, поиска, интерпретации нормативно-правовой, научной и иной информации в антикриминальной практике правоохранительных органов; знание закономерностей возникновения, собирания, проверки, накопления, передачи, использования фактической уголовно-релевантной информации). Третья часть – это разрабатываемые криминалистикой на основе полученных знаний указанных закономерностей принципы, методы, приемы, технические средства, технико-криминалистические, тактико-криминалистические и методико-криминалистические технологии, рекомендации, методики и технологии решения поисковых и познавательных задач в сфере досудебного уголовного производства.

Понятия объекта и предмета криминалистики необходимо отграничивать от понятий *объекта и предмета процессуального познания* следователя.

Принято считать, что в каждом конкретном случае следователь имеет дело с *объектом*, определяемом в уголовном законе, науке уголовного права и юридической литературе как *преступление*. Действительно, следователь является одним из тех должностных лиц органов правопорядка, которые наделены полномочиями на выявление, раскрытие, пресечение и предотвращение преступлений. Наряду с этим указанным должностным лицам приходится направлять свои усилия и на познание других объективно существующих, как сходных с преступлением, так и отличающихся от него по ряду признаков явлений.

В связи с этим стоит напомнить, что научное знание является результатом обобщения достоверных фактов. За случайным наука находит необходимое и закономерное, за единичным и частным – общее. В отличие от научного, в частности, криминалистического знания и процесса его постижения, следователь имеет дело с единичными явлениями, фактами, предметами, ситуациями, личностями. И в то же время – с нормативно-правовыми и научными общими и частными понятиями, т. е. идеальными (мысленными) моделями.

Изложенное позволяет сделать вывод, что преступления и иные явления, познаваемые в следственной практике, в режиме процессуального доказывания, образуют систему, охватываемую общим понятием родового уровня, обозначаемого нами как «уголовно-релевантное деяние». С точки зрения правила дихотомического деления, это понятие и отражаемые им объекты, представляется, возможно поделить на две общие группы: 1) преступления (в статье 8 УК РФ подчеркивается, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации); 2) иные уголовно-релевантные деяния.

Деяния и той, и другой категорий подразделяются в уголовном законе, теории уголовного права и криминалистике на составляющие (группы и виды) по различным существенным в правовом отношении основаниям. Так, с учетом особенностей правовых критериев, подходов и понятий выделяются такие, например, подгруппы преступных деяний: 1) по формам вины (совершенные умышленно и по неосторожности); 2) по количеству участников.

Большое значение для теории и практики следственного познания имеет обширная, разветвленная система общих и частных классификаций преступлений, разработанных в криминалистике с учетом особенностей отдельных категорий преступников, предмета посягательства, способов криминальной активности и по другим основаниям.

На этой основе выделены различные группы подгруппы преступных деяний. К ним, например, относятся: 1) преступления, связанные с профессиональной деятельностью виновных лиц; 2) серийные преступления, совершаемые на патосексуальной, корыстной или иной основе; 3) преступления, связанные с инсценировкой [7, с. 90-91; 7, 8].

Таким образом, предмет и объект науки криминалистики следует разграничивать с предметом и объектом криминалистического научного исследования, а также предмета следственного познания, осуществляемого следователем в ходе его профессиональной деятельности.

Литература и источники

1. Корма В.Д., Образцов В.А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла// Вестник криминалистики. 2013. Вып. 2 (46). С. 7-18.
2. Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. М., 1996. 448 с.
3. Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
4. Эхархопуло А. А. Предмет и система криминалистики. СПб., 2004. 112 с.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М. Юнити-Дана, 2001. 837 с.
6. Лекторский В.А. Принципы воспроизведения объекта в знании// Вопросы философии. 1967. № 4. С. 44-54.
7. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
8. Курс криминалистики. Общая часть/ Отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юрист, 2000. 784 с.
9. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.

Literature and Sources

1. Korma V.D., Obratsov V.A. Problems of Improving the Paradigm of Forensic Science as a Theory of Common Sense // Bulletin of Criminalistics. 2013. Issue. 2(46). pp. 7-18.
2. Obratsov V.A. Criminalistics: a course of lectures. M., 1996. 448 p.
3. Soviet encyclopedic dictionary. M., 1980.
4. Exarhopulo A. A. Subject and system of criminalistics. SPb., 2004. 112 p.
5. Belkin R.S. Criminology course. M. Unity-Dana, 2001. 837 p.
6. Lektorsky V.A. Principles of object reproduction in knowledge// Questions of Philosophy. 1967. No. 4. S. 44-54.
7. Belkin R.S. Forensic Encyclopedia. 2nd ed. add. M.: Megatron XXI, 2000. 334 p.
8. Course of criminalistics. General part / Rev. ed. V.E. Kornoukhov. M.: Yurist, 2000. 784 p.
9. Obratsov V.A. Criminalistic classification of crimes. Krasnoyarsk: Publishing House Krasnoyar. un-ta, 1988. 176 p.

ГЛАЗУНОВА ИНЕССА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук.

GLAZUNOVA, INESSA V. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ginesa@mail.ru).

УДК 343.985.7

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-141-146

ТИХОНОВИЧ М.И., МАТВЕЕВА М.С.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ключевые слова: криминалистическая баллистика, огнестрельное оружие, криминалистическая характеристика, расследование преступлений.

В статье исследуются особенности рассмотрения огнестрельного оружия, как элемента криминалистической характеристики, в современный период. Тематика исследования является актуальной, поскольку, с учётом невысокого уровня правосознания граждан и свободной продажи различных видов оружия, количество преступлений с применением огнестрельного оружия непрерывно растёт. Преступления с применением огнестрельного оружия совершаются не только в бытовой сфере, но организованными преступными группами в корыстных целях, поэтому объективная экспертная оценка и криминалистическая баллистика в значительной степени способствуют проведению расследования.

TIKHONOVICH, M.I., MATVEEVA, M.S.

FIREARMS AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS IN MODERN RESEARCH

Key words: forensic ballistics, firearms, forensic characteristics, crime investigation.

The authors see the purpose of the study in identifying the features of considering firearms as an element of forensic characteristics in the modern period. The subject of the study is relevant, given the low level of legal awareness of citizens and the free sale of various types of weapons, the number of crimes involving the use of firearms is constantly growing. Crimes with the use of firearms are committed not only in the domestic sphere, but by organized criminal groups for personal gain, so an objective expert assessment and forensic ballistics greatly contributes to the investigation.

В разделе криминалистики, который обычно называется криминалистической техникой, обычно различают ряд самостоятельных и в то же время взаимосвязанных отраслей, которые в своей совокупности, наряду с криминалистической тактикой и методикой, составляют основное содержание криминалистической науки. Одной из таких дисциплин является баллистика, изучающая движение снаряда, причем другие военно-технические дисциплины об огнестрельном оружии (материальная часть и конструирование оружия, теория стрельб и пр.) в отношении баллистики занимают как бы подчиненное положение. Баллистика является специфической областью знаний и, как специфическая область знания, изучает движение снаряда (пули, дроби) в канале ствола оружия и в воздухе, а также, естественно, все сопровождающие такое движение явления и обстоятельства (свойства оружия, образование следов на пулях и гильзах, действие дополнительных факторов выстрела и др.), существенные для решения важных для следствия и суда вопросов. При этом различаются идентификационные и неидентификационные исследования.

Исходя из основной цели исследования, заключающейся в выявлении особенностей

рассмотрения огнестрельного оружия, как элемента современной криминалистической характеристики, авторы определяют и предмет исследования. В качестве предмета исследования выступает система закономерностей по формированию и функционированию правовых и организационных основ применения судебной баллистики в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений. Классическими и базовыми исследователями этой тематики являются такие видные учёные-криминалисты, как Владимиров В.Ю., Кокин А.В., Комаринец Б.М., Кустанович С.Д., Латышов И.В., Плескачевский В.М., Ручкин В.А., Устинов А.И. и др. Среди современных исследований можно выделить таких авторов как Аханов В.С., Белкин Р.С., Виноградов И.В., Драпкин Л.Я., Егоров Н.Н., Ищенко Е.П., Карагодин В.Н., Кустов А.М., Романдовский П.О. и др. В качестве нормативной базы основное значение имеют Конституция РФ, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, ФЗ «Об оружии» и др., содержащие нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с расследованием преступлений, связанных с использованием оружия. Эмпирическую основу исследования составляют статистические и аналитические материалы, содержащие сведения о преступлениях, совершаемых с применением оружия.

Анализ преступлений, особенно тех, что связаны с применением огнестрельного оружия, зависит от определения следов и их оценки. Именно от качества этой экспертной работы достаточно часто зависит и степень раскрываемости этих преступлений, и доказательная база по ним. Центральное место в этом процессе занимает качественное выявление и закрепление следов выстрела из огнестрельного оружия. Проведение различных оценочных мероприятий, определяющих особенности использованного оружия и их характеристики, возможно только при использовании специальных навыков и познаний.

Понятие короткоствольного огнестрельного оружия Федеральный закон № 150-ФЗ в статье 1 устанавливает так: оружие – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, либо подачи сигналов. Огнестрельное оружие – это оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счёт энергии порохового или иного заряда [1].

Оружие рассматривают в разных смыслах [2, с. 198]. 1. В обыденном понимании под оружием может пониматься любой предмет, способный причинить вред. 2. При специальном понимании, как оружие рассматриваются устройства особого назначения, применяемые для повреждения и (или) уничтожения противника, при специальных операциях. 3. Для экспертного понимания оружия, важно определение ФЗ «Об оружии», где оружие выступает «как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов» [1].

Оружие, в зависимости от целей его использования соответствующими субъектами, а также по основным параметрам и характеристикам подразделяется на: 1) гражданское; 2) служебное; 3) боевое ручное стрелковое; 4) холодное.

Огнестрельное оружие бывает: военное, применяемое на войне для поражения живой силы и других военных объектов, и охотничье – применяемое на охоте для поражения животных и птиц. Можно ещё выделить учебно-спортивное оружие (малокалиберное, оружие по примеру военных стрелковых образцов, гладкоствольные ружья для стендовой стрельбы), которое предназначено для обучения стрельбе и стрелковых соревнований, изготавливается по образцам военного и охотничьего оружия и может его заменять [3].

За незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему), установлена уголовная ответственность по ст. 222 Уголовного кодекса РФ [4]. В УК РФ отмечена уголовная ответственность за незаконное изготовление, хранение и распоряжение огнестрельным оружием [4].

Для более понятной для эксперта классификации принято делить огнестрельное оружие на артиллерийское и стрелковое. По длине ствола оружия выделяют: длинноствольное (винтовки и др.); среднествольные (автоматы и пр.); короткоствольные (пистолеты и пр.). По количеству стволов: одноствольное; двуствольное; трехствольное; четырёхствольное. Боевое оружие

подразделяется на автоматическое и неавтоматическое.

Понятно, что за достаточно длительную историю формирования технологий производства огнестрельного оружия появилось множество его видов и моделей. При детальном соединении отдельных элементов, формируют достаточно ограниченные по модификации виды, давая эксперту возможность для его дальнейшего отождествления с выявлением характерных элементов и признаков. Внешний вид, используемые основы и ресурсы, особенности внутренней сборки и зависящие от этого дальнейшие характеристики влияют на выбор производственных режимов. И эти все показатели должны быть знакомы опытному исследователю, который проводит осмотр и последующий анализ при решении установленных криминалистических задач.

Важным при проведении такого рода работ становится дифференциация общего процесса на составляющие элементы с последующей индивидуализацией вида оружия, пуль и гильз, их скорости, возможной траектории движения и др.

По В.В. Кубанову: «...существенной проблемой криминалистического исследования огнестрельного оружия и боеприпасов является установление совокупности признаков, возникающих в процессе его изготовления и эксплуатации...» [5, с. 12]. А.Ф. Мирзаханов дополняет, что «...отечественными и зарубежными криминалистами установлено, что любое изделие массового производства, в том числе и огнестрельное оружие, несмотря на высокую степень совершенства производственных механизмов и автоматизации технологических процессов, приобретает совокупность признаков, позволяющих решать основные идентификационные задачи...» [6, с. 54].

В действительности, когда проводится криминалистическая баллистика, практический исследователь, основываясь на классических идентификационных показаниях и признаках, производит анализ производственных и эксплуатационных составляющих установленного экземпляра, определяя:

- модель огнестрельного оружия;
- вид патрона к огнестрельному оружию по его разделённым частям;
- тождественность конкретного экземпляра оружия по его следам – отображениям, оставшимся на патроне.

Важными критериями при анализе огнестрельного оружия являются категории огнестрельности и надёжности. Так, принцип действия огнестрельного оружия используется и в сигнальных пистолетах для метания ракет, и в строительно-монтажных пистолетах - для внедрения в производственный объект крепёжных деталей. Но данные предметы, хотя и действуют по принципу «огнестрельности», по своему назначению оружием не являются. Однако в случаях, когда они приспособляются для метания снаряда в целях причинения повреждений человеку (например в ствол сигнального пистолета вставляется трубка-стволик, по диаметру соответствующая стрелковым патронам, или у монтажно-строительного пистолета выводится из строя предохранитель, позволяющий произвести выстрел только при надавливании стволом на объект монтажа), имеются все основания их отнести к огнестрельному оружию, так как они в данном случае обладают всеми его основными признаками. Вместе с тем, неправильно было бы отнести к огнестрельному оружию такое, в котором снаряд получает движение за счёт энергии, накопленной в пружинах (например, спортивный лук, ружьё для подводной охоты), или сжатым воздухом (пневматическое оружие).

Категория надёжности в данном случае рассматривается в следующих основных аспектах [7, с. 192]:

1. Ствол, в который для производства выстрела помещается патрон или заряд пороха со снарядом и который придает движение снаряду в определённом направлении. Ствол, в самодельном оружии представляющий собой металлическую трубку (латунную, железную), должен быть достаточно прочным, чтобы не разорваться в момент выстрела.

2. Механизм запирания, обеспечивающий obturation (устранение прорыва пороховых газов в казенной части оружия) в момент выстрела. Наиболее просто запираение канала ствола осуществляется в так называемом шомпольном оружии. Здесь ствол представляет собой замкнутую в казенной части трубку. Заряжание такого оружия производится с дульной части ствола: в ствол насыпается порох, кладется пуля или насыпается дробь, и все это запыжевывается шомполом (отсюда и название данного оружия). Воспламенение заряда пороха происходит через

запальное отверстие в казенной части канала ствола путем поднесения к пороху тлеющего фитиля, а после изобретения капсюля путем нанесения удара по нему курком оружия. Однако такое оружие, не приспособленное для использования унитарных патронов, весьма неудобно из-за длительности его перезаряжания. Поэтому в настоящее время шомпольное оружие промышленностью не выпускается. Таковым оружием могут быть изготовленные кустарно охотничьи ружья и самодельные пистолеты. Современное заводское оружие исключительно казнозарядное, т.е. снаряжаемое унитарными патронами, которые вводятся в ствол оружия с казенной части (отсюда и название – казнозарядное оружие). В простейшем виде запирающие стволы казнозарядного оружия осуществляются колодками.

3. Стреляющий (ударный) механизм, предназначенный для того, чтобы в нужный момент нанести удар по капсюлю патрона, находящегося в патроннике, и тем самым произвести выстрел. Рассмотрим разновидности стреляющих механизмов, которые наиболее часто встречаются в ручном огнестрельном оружии. Курковый стреляющий механизм. Для производства выстрела спусковой механизм воздействует на курок. Капсюль разбивается курком, вращающимся на оси, перпендикулярной оси канала ствола. Непосредственно касается капсюля или выступ курка или прикрепленный к курку боек. Такое простое устройство в настоящее время применяется только в револьверах, сигнальных пистолетах и в некоторых гладкоствольных охотничьих ружьях.

Ударниковый стреляющий механизм. Капсюль разбивается ударником, смонтированным в скользящем затворе и имеющим поступательное движение по оси канала ствола. Для производства выстрела спусковой механизм воздействует на ударник. Такое устройство имеют пистолеты гражданского типа (например, пистолеты Браунинг калибра 6,35 и 7,65 мм), военные магазинные винтовки, некоторые пистолеты военного типа (например, Парабеллум – Р.08, Намбу) и большинство образцов малокалиберного оружия.

Для того чтобы разбить капсюль, ударник должен получить довольно значительное поступательное движение, например в военных винтовках до 15 мм, боек же для производства выстрела выступает из переднего среза затвора на 1,5–2 мм и нередко после выстрела остается в выдвинутом положении.

Затворный стреляющий механизм. Роль ударника здесь выполняет сам затвор, на который воздействует спусковой механизм. Когда затвор подходит к переднему положению и запирает с казенной части патронник, укрепленный в затворе боек разбивает капсюль и производит выстрел. Такой стреляющий механизм имеет большинство пистолетов-пулеметов. Иногда в таком механизме ударник (боек) при подходе затвора к казенной части патронника тем или иным способом получает дополнительное движение вперед.

Курково-ударниковый стреляющий механизм. Капсюль разбивается ударником, в свою очередь получающим движение от курка, движущегося на оси, перпендикулярно оси канала ствола. Спусковой механизм воздействует на курок (См.: приложение 4). Во избежание самопроизвольных выстрелов при наличии патрона в патроннике, ударник специальной пружиной, заключенной в затворе, постоянно отжимается назад. Такое устройство имеют многие охотничьи гладкоствольные ружья, пистолеты военного типа (например, пистолет ТТ, Кольт калибра 11,45 мм, Вальтер образца 1938 г. (Р.38), Маузер калибра 7,63 мм, многие образцы автоматических военных винтовок (например, винтовка Токарева СВТ-40). В некоторых моделях оружия курки скрыты внутри кожуха или ствольной коробки (например, «бескурковые» охотничьи ружья, пистолет Браунинг образца 1903 г.).

У большинства образцов оружия (охотничьи ружья, военные винтовки, пистолеты, револьверы, малокалиберное оружие) движение курку или ударнику придают специальные пружины, называемые боевыми пружинами. У некоторых образцов оружия (большинство пистолетов-пулеметов, некоторые пистолеты) специальных боевых пружин нет, а их функции выполняют возвратные пружины, обеспечивающие возвращение затвора после выстрела в переднее положение. В этих случаях возвратные пружины называются возвратно-боевыми.

Для прохождения бойка к капсюлю патрона в переднем срезе затвора в колодке ружья или раме револьвера делается отверстие, по диаметру несколько большее диаметра бойка. Край этого отверстия нередко отпечатывается на капсюле стреляющей гильзы.

Для отождествления огнестрельного оружия по стреляным гильзам следы на капсюле гильзы от бойка ударника, курка или затвора имеют первостепенное значение, так как дают

информацию о системе (модели, образце) применявшегося оружия и содержат отображение особенностей поверхности бойка, их оставившего.

Часто наблюдаемые неисправности стреляющего механизма приводят к тому, что вследствие недостаточно сильного удара бойка по капсюлю патрона последний не воспламеняется (происходит осечка), но на капсюле патрона образуется небольшая вмятина от бойка (так называемый след осечки). Специальный выступ на ударнике, курке или затворе, которым ударник, курок или затвор удерживается в заднем положении, находясь под действием боевой или возвратно-боевой пружины, называется боевым взводом.

Криминалистическо-баллистическое исследование слагается из осмотра исследуемого объекта, производства экспериментальной стрельбы и определения начальной кинетической энергии или пробивного действия выстреленного снаряда [8, с. 76].

При осмотре наибольшее внимание уделяется изучению ствола и стреляющего механизма: определяется наличие ствола (в самодельном оружии чаще всего это небольшая металлическая трубка), измеряется его длина и внутренний диаметр; выясняется, какова толщина стенок, материал, из которого ствол изготовлен, и другие признаки, характеризующие его прочность; существенно также исследовать внутреннюю поверхность ствола – установить, разделан ли в нем патронник, имеются ли нарезки, нет ли нагара от произведенного выстрела; выясняется надежность запирающего ствол с казенной части; прочность крепления ствола и деталей в его казенной части; при этом следует иметь в виду, что для оружия, снаряжаемого патронами с металлической гильзой, даже заметные зазоры между стволом и деталью, запирающей его с казенной части, не препятствуют систематической стрельбе; устанавливается возможность воспламенения капсюля патрона или заряда пороха, находящегося в стволе, без него выстрел невозможен.

При этом исследуемый объект сопоставляется с теми образцами фабричного оружия, по типу которых он изготовлен.

Важным этапом исследования является производство экспериментальной стрельбы.

Экспериментальная стрельба требует большой осторожности, особенно при исследовании самодельного оружия под патроны калибра более 5,6 мм. Оружие помещается в станок, а экспериментатор должен находиться в укрытии. В случаях, когда есть опасение, что в момент выстрела ствол может не выдержать давления пороховых газов и разорваться, эксперименты надлежит проводить в такой последовательности: сначала проверяется возможность воспламенения одного капсюля патрона, затем производится выстрел с неполным зарядом пороха и после этого стандартным патроном с пулей.

После каждого выстрела оружие осматривается для выяснения, нет ли в нём поломок каких-либо деталей в результате выстрелов. При производстве экспериментальной стрельбы обязательно измеряется начальная скорость или пробивное действие снаряда для определения его кинетической энергии.

В экспертном заключении подробно излагаются результаты осмотра исследуемого объекта, условия и результаты проведенных экспериментов (экспериментальной стрельбы). Приводятся сведения о начальной скорости, кинетической энергии и пробивном действии выстреленного снаряда. Вывод состоит в установлении относимости или неотносимости исследуемого объекта к огнестрельному оружию и в определении его баллистических качеств и устройства по сравнению с оружием заводского изготовления определенных образцов.

Следует подчеркнуть, что судебно-баллистическая экспертиза решает вопрос не о том, подпадает ли предмет под действие соответствующих статей уголовного кодекса. Решение вопроса в такой форме было бы выходом эксперта за пределы ее компетенции. Экспертиза решает вопрос – является исследуемый предмет огнестрельным оружием или нет, что действительно в спорных случаях требует специальных исследований. Для того чтобы суд мог полнее оценить данные судебно-баллистической экспертизы, желательно решить вопрос не только об относимости предмета к огнестрельному оружию, но и дать его оценку как огнестрельного оружия, т.е. определить, что это за оружие, какими баллистическими качествами оно обладает, исправно ли, а если это оружие самодельное, то по какому образцу фабричного оружия оно изготовлено или приближается по своим качествам [9, с. 18].

В случаях, когда по каким-либо причинам из исследуемого оружия в том виде, как оно было представлено на экспертизу, экспериментальные выстрелы невозможны, указывается, при каких

условиях из него всё же можно производить стрельбу. Общий вывод делается по результатам всех проведённых исследований, причем обязательно приводятся основания для его вынесения. При этом экспертное заключение рекомендуется иллюстрировать фотографическими снимками общего вида исследуемого объекта и его деталей, показывающих устройство и действие.

Таким образом, баллистика воспринимается как специфическая область знания, изучающая движение снаряда в канале ствола оружия и в воздухе, а также и все сопровождающие явления. Криминалистическое исследование огнестрельного оружия или же судебная баллистика, выступает как особенная отрасль криминалистической техники, целью которой является анализ признаков самого оружия, боеприпасов к нему, особенных следов их действия, а также сопутствующая этому информация, помогающая определить обстоятельства произведённого выстрела. Преступления с применением огнестрельного оружия совершаются не только в бытовой сфере, но организованными преступными группами в корыстных целях, поэтому объективная экспертная оценка и криминалистическая баллистика в значительной степени способствует расследованию. Различный анализ преступлений, особенно тех, которые связаны с применением огнестрельного оружия, зависит от определения следов и их оценкой. Именно от качества этой экспертной работы достаточно часто зависит и степень раскрываемости этих преступлений, и доказательная база по ним. На современном этапе развития исследователь может использовать кроме общеизвестных способов идентификации, более новые, основанные на информатизации и достижениях науки и техники.

Литература и источники

1. Об оружии: федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681; 2022. №9 (Ч.1). Ст.1253.
2. Назаршоев Ф.Ю. Огнестрельное оружие и боеприпасы как объект криминалистического исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №11. С.198-200.
3. Попова Е.И. Расследование и поддержание обвинения по делам о незаконном обороте оружия: монография / под ред. Ю.П. Гармаева. М.: Юрлитинформ, 2019. 251 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 24.09.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст.2954; 2022. № 39. Ст. 6535.
5. Кубанов В.В. Использование криминалистических учетов огнестрельного оружия и следов его применения в предупреждении преступлений // Эксперт-криминалист. 2006. № 3.
6. Мирзаханов А.Ф. Понятие «криминалистическое оружеведение» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2019. № 25.
7. Кустанович С.Д. Экспертиза для установления относимости исследуемого объекта к огнестрельному оружию // Советская криминалистика на службе следствия. М.: Госюриздат, 1961. Вып.4. С. 192–197.
8. Латышов И.В. Оружие, патроны и следы их действия как объекты диагностических судебно-баллистических экспертных исследований: (теоретические и прикладные аспекты): монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 302 с.
9. Теоретические и прикладные проблемы криминалистической техники: научно-практическое пособие / Н.Н. Егоров, А.М. Зинин, М.В. Жижина и др.; под ред. Н.Н. Егорова. М.: Юрлитинформ, 2018. 182 с.

References and Sources

1. Ob oruzhii: federal'nyj zakon ot 13.12.1996 № 150-FZ (v red. ot 14.07.2022) // SZ RF. 1996. № 51. St. 5681; 2022. №9 (CH.1). St.1253.
2. Nazarshoev F.Yu. Ognestrel'noe oruzhie i boepriпасы kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. №11. S.198-200.
3. Popova E.I. Rassledovanie i podderzhanie obvineniya po delam o nezakonnom oborote oruzhiya: monografiya / pod red. Yu.P. Garmaeva. M.: Yurilitinform, 2019. 251 s.
4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 24.09.2022) // SZ RF. 1996. № 25. St.2954; 2022. № 39. St. 6535.
5. Kubanov V.V. Ispol'zovanie kriminalisticheskikh uchetov ognestrel'nogo oruzhiya i sledov ego primeneniya v preduprezhdenii prestuplenij // Ekspert-kriminalist. 2006. № 3.
6. Mirzahanov A.F. Ponyatie «kriminalisticheskoe oruzhevedenie» // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. 2019. № 25.
7. Kustanovich S.D. Ekspertiza dlya ustanovleniya odnosimosti issleduemogo ob'ekta k ognestrel'nomu oruzhiyu // Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya. M.: Gosyurizdat, 1961. Vyp.4. S. 192–197.
8. Latyшов I.V. Oruzhie, patrony i sledy ih dejstviya kak ob'ekty diagnosticheskikh sudebno-ballisticheskikh ekspertnyh issledovanij: (teoreticheskie i prikladnye aspekty): monografiya. M.: Yurilitinform, 2015. 302 s.
9. Teoreticheskie i prikladnye problemy kriminalisticheskoy tekhniki: nauchno-prakticheskoe posobie / N.N. Egorov, A.M. Zinin, M.V. Zhizhina i dr.; pod red. N.N. Egorova. M.: Yurilitinform, 2018. 182 s.

ТИХОНОВИЧ МАРИЯ ИГОРЕВНА - старший преподаватель кафедры ОПиД ОВД в ОУ, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Tihonovich.ru@mail.ru).

МАТВЕЕВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА - курсант, факультет подготовки следователей, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова (mariiamatveeva@bk.ru).

TIKHONOVICH, MARIA I. - Senior Lecturer of the Department of OPiD ATS at the Educational Institution, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (Tihonovich.ru@mail.ru).

MATVEEVA, MARIA S. - cadet, Faculty of Investigators Training, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov (mariiamatveeva@bk.ru).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-147-155

ВИЛЬДАНОВА М.М.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЧЛЕНОВ ТОВАРИЩЕСТВА
СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ

Ключевые слова: товарищества собственников жилья, садоводческие и огороднические товарищества, товарищества собственников недвижимости, общее собрание собственников недвижимости, уведомление о проведении общего собрания, голосование, обжалование решения общего собрания

Предметом рассмотрения в статье является анализ правового регулирования создания товариществ собственников недвижимости, а также осуществления корпоративных процедур (таких как, порядок подготовки к общему собранию членов товарищества, общее собрание членов товариществ, голосование и обжалование решений общих собраний членов товарищества в суде). Автор анализирует судебную практику и дает предложения по совершенствованию регламентации корпоративных вопросов в Гражданском кодексе Российской Федерации, Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и в Жилищном кодексе Российской Федерации.

VILDANOVA, M.M.

PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE MEMBERS OF THE PARTNERSHIP OF OWNERS OF REAL ESTATE

Key words: associations of homeowners, horticultural and horticultural associations, associations of real estate owners, general meeting of real estate owners, notification of a general meeting, voting, appealing against a decision of a general meeting

The subject of this article is the analysis of the legal regulation of the creation of partnerships of property owners, as well as the implementation of corporate procedures (such as the procedure for preparing for the general meeting of members of the partnership, the general meeting of members of partnerships, voting and appealing decisions of general meetings of members of the partnership in court). The author analyzes judicial practice and makes suggestions for improving the regulation of corporate issues in the Housing Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation and the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Частные интересы участников гражданского оборота выражаются, прежде всего, в гражданском и гражданско-процессуальном праве. Согласно этим нормам воплощается принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела граждан и юридических лиц, что влечет за собою отказ органов государственной власти и иных лиц от нарушения прав субъектов гражданского права, если они действуют в рамках закона. Когда частные интересы входят в противоречие с публичным интересом, закон допускает вмешательство в частные дела и именно в этих случаях происходит включение в законодательство публично-правовых элементов. Государство, регулируя общественные отношения, упорядочивает их и придает им определенную направленность. Такие процессы происходят при регулировании прав и обязанностей членов товариществ собственников недвижимости и защите их интересов.

В настоящее время возросло количество судебных споров членов гражданско-правовых сообществ, в частности являющихся членами товариществ собственников недвижимости.

В пункте 103 Постановления Пленума Верховного суда от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - Постановление Пленума № 25) под «гражданско-правовым сообществом понимается группа лиц, наделенная полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании» [1]. Речь идет о решениях собраний собственников помещений в многоквартирных домах, о решениях собраний кредиторов, о собраниях коллегиальных органов управления товариществ собственников недвижимости и т.д. В принципе имеются в виду случаи создания объединения и образований для решения корпоративных вопросов и вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью.

Согласно другой концепции термин «гражданско-правовое сообщество» целесообразно использовать в отношении неправосубъектных образований [2, с. 148]. Внутрикorporативные правоотношения достаточно урегулированы на уровне гражданского права.

С нашей точки зрения, вторая концепция в последнее время стала предпочтительнее, т.к. она отражает специфику объединений, не являющихся юридическими лицами. При этом следует отметить, что отсутствует необходимость иметь двойственную терминологию для обозначения членов гражданско-правового сообщества и юридического лица.

Степень защищенности прав членов товариществ собственников недвижимости во многом зависит от действий каждого проживающего в многоквартирном доме и жилом комплексе.

Значительное количество судебных споров в России связано с неуплатой соответствующих платежей товариществу собственников недвижимости или управляющей организации в связи с тем, что право участия в товариществах осуществляется на добровольной основе, а лица, проживающие в жилых домах, иногда не являются членами товарищества, но получают услуги в рамках комплексного обслуживания всего дома/домов. В результате может возникнуть задолженность всего товарищества перед обслуживающими организациями и могут быть причинены убытки всем членам товарищества.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то вопрос о платежах решается путем регулирования обязательного членства в товариществах. Во Франции действует Закон «О статусе совместной собственности на недвижимость» № 65-557 от 10 июля 1965 года [3], в Германии принят Закон «О жилищном имуществе» от 15 марта 1951 года [4], предусматривающие приобретение жилья и статуса члена товарищества одновременно.

Введение правовых норм, аналогичных указанному выше регулированию, означающих по сути переход от концепции членства в гражданско-правовом сообществе к членству в товариществах собственников недвижимости, во многом решит существующие проблемы и исключит судебные разбирательства по указанным основаниям. Своеобразная форма регулирования правоотношений складывается в области гражданско-правовых сообществ, которые «трансформируются» в юридические лица, например, при создании товариществ собственников недвижимости, утверждении устава, формировании органов управления на учредительном собрании, т.е. до регистрации соответствующего субъекта права потенциальными участниками товарищества. Соответственно, после регистрации члены гражданско-правового сообщества становятся членами товарищества собственников недвижимости.

В судебной практике при этом возникает вопрос об особом субъектном составе при предъявлении иска в связи обжалованием решений о создании товариществ. Иск предъявляется к учредителям, инициировавшим создание общества и утверждение устава. Однако вряд ли оправдано было бы предъявление иска только к учредителям по вопросу о создании органов управления еще не существующего юридического лица. Полагаем, что разумно предъявление иска о признании недействительным решения об избрании органов управления на учредительном собрании, как к учредителям, так и к самому обществу.

Принятие решений по ключевым вопросам деятельности товариществ собственников недвижимости осуществляется на общих собраниях. В статье 65.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) предусмотрена компетенция высшего органа управления товариществ, которые являются корпорациями. Это принцип определения компетенции квалифицируется как приблизительный, поскольку на уровне специальных законов и учредительных документов к исключительной компетенции высшего органа юридического лица может быть отнесено решение иных вопросов.

Было бы целесообразно установить в ГК РФ ограниченный перечень вопросов, подлежащих решению на общем собрании членов товариществ (к примеру, утверждение устава и внесение в него изменений, избрание единоличного и коллегиального органов управления и досрочное прекращение их полномочий; избрание ревизора/ревизионной комиссии; определение основных направлений деятельности; принятие решений об установлении размера взносов в товариществе; утверждение сметы доходов и расходов; утверждение годовых отчетов и бухгалтерской (финансовой) отчетности; отчет ревизора/ревизионной комиссии; принятие решений о реорганизации и ликвидации товарищества).

Наряду с предлагаемым регулированием разумно было бы детализировать компетенцию собраний членов товариществ в специальных законах о деятельности каждого вида товариществ собственников недвижимости (товариществ собственности жилья, садоводческих и огороднических товариществ и т.д.), что обусловлено целями их создания.

Установление более широкого перечня вопросов, входящих в исключительную компетенцию высших органов управления, нецелесообразно, т.к. не всегда возможно созвать общее собрание собственников ввиду отсутствия кворума из-за занятости собственников или нежелания принимать участие в собраниях. Иные вопросы, которые интересуют членов конкретного товарищества, могут быть предусмотрены в уставе товарищества собственников

недвижимости. Такое соотношение императивного и диспозитивного регулирования могло бы способствовать более оперативному принятию решений [5, с. 115].

В законах, регулирующих различные виды товариществ собственников недвижимости, предусматривается возможность проведения собраний в очной, заочной и очно-заочной формах. Анализируются также вопросы проведения собраний дистанционно в виртуальной среде (т.е. проведение собраний с использованием информационных и коммуникационных технологий без определения места их проведения). Вместе с тем, как отмечается в юридической литературе, «анализ практики виртуальных общих собраний...показал неоднозначность выводов» [6, с. 239], поскольку при проведении таких собраний среди жителей сложно исключить процедурные нарушения.

Собрание может быть инициировано правлением товарищества собственников жилья, а также любым собственником недвижимости. При этом если поступит заявление о созыве общего собрания от собственников, обладающих десятью процентами голосов от общего числа голосов в товариществе, то правление обязано организовать проведение собрания. Уведомление о проведении собрания, которое рассылается каждому члену товарищества заказным письмом или вручается лично под расписку, должно отправляться не позднее, чем за десять дней дня проведения собрания. Порядок извещения членов товариществ в области садоводства и огородничества предусматривает рассылку соответствующих уведомлений не менее чем за четырнадцать дней. Поскольку городские жители часто имеют загородные дома и занимаются садоводством и огородничеством, то во избежание путаницы представляется разумным установить единые сроки отправки уведомлений как для товариществ собственников жилья, так и для садоводческих и огороднических товариществ.

Члены товариществ собственников могут участвовать как непосредственно, так и через своих представителей. Доверенности представителей удостоверяются нотариально либо по месту учебы, работы или по месту лечения в стационаре. Однако довольно часто наблюдается отказ членов товарищества от участия в общем собрании из-за нежелания тратить деньги и время на оформление доверенностей. Полагаем, что требует упрощения порядок оформления доверенностей, так как из-за процедурных сложностей на общих собраниях может отсутствовать кворум. Предлагается установить обычную письменную форму для доверенностей, выдаваемых представителям с целью участия в общих собраниях членов товарищества, и предоставить возможность удостоверения подписей членов товарищества председателю товарищества.

С целью обеспечения легитимности собраний необходимо надлежащее ведение реестра членов товарищества. Согласно части 3.1 статьи 45 ЖК РФ любой собственник или иное лицо/лица, по инициативе которого/ых созывается общее собрание собственников, может потребовать ознакомления с реестром. Заявление составляется в произвольной форме. При этом ответ на такое заявление должен быть предоставлен в течение 5 календарных дней с момента обращения (часть 3.1 статьи 45 ЖК РФ). По общему правилу, согласие собственников жилья на передачу персональных данных, содержащихся в реестре товарищества, не требуется при предоставлении реестра в целях созыва и организации проведения общего собрания собственников недвижимости. Вместе с тем, с целью предупреждения различного рода конфликтов, связанных с использованием персональных данных жителей, единоличному и/или коллегиальным органам управления желательно заблаговременно предложить оформить всем членам товарищества собственников недвижимости согласия на обработку персональных данных в связи с проведение собраний.

Соблюдение процедурных вопросов чрезвычайно важно в корпоративной практике [7, с. 44]. Согласно части 3 статьи 45 ЖК РФ применительно к общему собранию собственников жилья кворум – это число участников общего собрания (собственников жилья, действующих самостоятельно или через своих представителей), обладающих более чем 50% голосов от общего числа голосов собственников жилья. В России для принятия решений по вопросам, находящимся в компетенции общего собрания (например, утверждение сметы доходов и расходов, установление размера взносов членов товарищества и др.), достаточным количеством голосов при принятии решения на собрании является большинство голосов от общего числа голосов собственников, которые приняли участие в собрании. Для принятия таких решений, как осуществление

капитального ремонта, необходимо квалифицированное большинство голосов т.е. не менее чем 2/3 (66,67%) голосов от общего числа голосов собственников помещений.

В товариществах собственников недвижимости, к которым относятся в том числе, товарищества собственников жилья, садоводческие или огороднические некоммерческие товарищества, установлены разные подходы по регулированию вопросов о кворуме общих собраний при учреждении юридических лиц и в текущей деятельности.

Так, в статье 136 ЖК РФ предусмотрен следующий кворум при создании товариществ в многоквартирных домах. При создании одного товарищества собственниками помещений в доме решение принимается на собрании большинством голосов, превышающим 50% голосов от общего числа голосов собственников помещений в этом доме. Если товарищество создается в нескольких многоквартирных домах, расположенных на земельных участках, имеющих общую границу, и в пределах которых имеются элементы инфраструктуры, в том числе сети инженерно-технического обеспечения, предназначенные для использования собственниками помещений в этих домах, то решения на общих собраниях должны приниматься в каждом многоквартирном доме большинством не менее 2/3 голосов от общего числа голосов собственников помещений в доме.

В Федеральном законе от 29 июля 2017 года № 217 - ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрен принцип принятия решения об учреждении товариществ, согласно которому решения принимаются гражданами единогласно на их общем собрании путем очного голосования. Требование о единогласном решении может привести к невозможности принятия решения в течение длительного времени, в связи с чем предлагается в законе установить порог принятия решений, равный большинству в 2/3 голосов.

Если порядок регулирования наличия кворума в зарубежных странах в целом мало отличается, то принципы голосования (например, в Германии) бывают различными:

- стоимостной принцип (вес голоса зависит от размера собственности);
- объектный способ (на каждый объект: квартира - один голос; гараж – один голос);
- поголовный принцип (на собственника приходится один голос, при этом супружеская пара имеет один голос).

В России подсчет голосов на общих собраниях членов товарищества осуществляется в зависимости от площади помещения, находящегося в собственности у членов товарищества. Данный вид подсчета голосов иногда вызывает затруднения на практике. Бывает, что органы управления юридическими лицами не запрашивают информацию в Росреестре перед собранием, а иногда в Росреестре своевременно не приводятся в соответствие данные реестра ввиду смерти граждан. В связи с вышеуказанным, предлагается упростить порядок подсчета голосов путем введения принципа поголовного голосования (при условии, что супруги имеют один голос).

Достаточно важным процедурным требованием является оформление протокола общего собрания. Следует отметить, что согласно статье 136 ЖК РФ протоколы учредительных собраний должны подписываться всеми собственниками жилья, проголосовавшими за принятое решение. Остальные протоколы в течение всей текущей деятельности подписываются председателем и секретарем собрания. При этом протоколы собраний должны содержать сведения о лицах, проводивших подсчет голосов, как это указано в статье 181.2 ГК РФ. На обязательность данного требования неоднократно обращалось внимание судами [8].

Согласно действующему законодательству члены товарищества вправе обжаловать в суд решения, принятые общим собранием с нарушением требований законодательства Российской Федерации, в том случае, если таким решением нарушены их законные интересы и, если они не принимали участие в этом собрании или голосовали против принятия такого решения. С обжалованием решений общих собраний можно встретиться во всех видах товариществ собственников недвижимости, в том числе, садоводческих и огороднических товариществах, а также товариществах собственников жилья. Основаниями для обжалования решений общего собрания являются нарушение порядка подготовки к общему собранию; неуведомление членов товарищества о собрании, процедурные нарушения в ходе проведения собрания и оформления результатов голосования.

Заявление об обжаловании может быть подано в суд в течение срока, установленного в законе, со дня, когда указанный собственник узнал или должен был узнать о принятом решении,

то есть со дня, когда сведения о принятом решении стали общедоступными для участников товарищества собственников жилья.

С учетом конкретных обстоятельства дела общедоступным может быть признано размещение информации о принятом решении на собрании на доске объявлений, в средствах массовой информации, сети «Интернет», на официальном сайте соответствующего органа, если такие способы размещения являются сложившейся практикой доведения информации до участников гражданско-правового сообщества. Наиболее часто в последнее время размещение информации осуществляется в чатах, т.е. иным способом размещения. Вместе с тем, не решен вопрос о представлении доказательства размещения в чате. Наиболее убедительным доказательством является, видимо, нотариальное удостоверение документов, размещенных подобным образом. Но такая практика пока мало распространена из-за отсутствия разъяснений уполномоченных органов.

Как подчеркивается в Постановлении Пленума № 25, учредительными документами товариществ не должно допускаться установление требования о направлении уведомлений на их почтовые адреса членов товариществ. Вместе с тем, уведомления на почтовые адреса является наиболее надежным способом уведомления, к которому все-таки вынуждены обращаться члены товарищества собственников недвижимости.

Лицо, оспаривающее решение собрания, должно уведомить в письменной форме участников соответствующего общества или товарищества о намерении обратиться с иском в суд и предоставить им иную информацию, имеющую отношение к данному делу. Уведомления осуществляются такими же общедоступными способами, как при размещении информации о собрании, например, путем размещения на стенде для объявлений в товариществе. Однако суды при рассмотрении способов размещения подходят довольно строго. Так, порой требуется представление фотографии стендов на протяжении определенного весьма существенного времени с простановкой дат на каждой фотографии. Многие судьи придерживаются позиции уведомления большинства членов товарищества, при этом не ясно, какого именно большинства: простого или квалифицированного. Кроме того, встает много вопросов с квалификацией «общедоступности способа размещения согласно сложившейся практике», если товарищество только что создано и отсутствует вообще какая-либо практика.

Указанные выше уведомления не являются досудебным порядком урегулирования спора, в связи с чем в случае невыполнения истцом указанных требований суд не вправе возвратить исковое заявление на основании пункта 1 части 1 статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ), а также оставить исковое заявление без рассмотрения на основании абзаца 2 статьи 222 ГПК РФ.

Отсутствие доказательств об уведомлении других участников собрания является основанием для оставления искового заявления без движения на основании определения суда в течение срока, установленного в определении суда (статья 136 ГПК РФ). Если в течение указанного срока не будут устранены обстоятельства, препятствующие рассмотрению, то согласно части 3 статьи 136 ГПК РФ суд возвращает исковое заявление и прилагаемые документы в порядке, установленном статьей 135 ГПК РФ «Возвращение искового заявления».

Следует отметить, что в статье 136 ГПК РФ не указано, что возможно повторное обращение с иском в суд к тому же ответчику, по тому же предмету и основанию, если истцом будут устранены нарушения, как это предусмотрено в части 3 статьи 135 ГПК РФ. Полагаем, что здесь уместно применение аналогии процессуального закона, поскольку в части 4 статьи 1 ГПК РФ установлено, что «в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи ... применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона)».

На разосланные уведомления мало кто реагирует. В связи с этим, полагаем, что такой способ уведомления малоэффективен. Более того, представляется, что введение указанного порядка уведомления негативно сказывается на защите прав граждан, а порой создают условия для отказа в правосудии т.к. сложно найти все необходимые адреса для уведомления с учетом того, что это персональные данные. Органы управления товариществами довольно часто не предоставляют адресов жителей, мотивируя отсутствием согласия на обработку персональных данных членов товарищества, которые должны были быть получены по инициативе самих же

членов Правления. Конечно, данные действия можно квалифицировать как злоупотребление правом, но пока какие-либо механизмы борьбы с такой позицией отсутствуют.

В связи с этим, видимо, необходимо то самое «включение» государственно-правовых элементов и установление государством однозначных механизмов защиты прав граждан, в частности, путем отказа на уровне закона от указанного выше уведомления лиц, не являющихся участниками гражданского процесса, доказательство вручения которым уведомления сопряжено порой с нарушением принципов работы органов управления товариществ с персональными данными этих граждан.

Исковая давность при обжаловании решений общих собраний членов товарищества равна шести месяцам со дня, когда указанное лицо узнало или должно было узнать о принятом решении. Ситуация не столь однозначна относительно исковой давности, которая начинает течь со дня, когда сведения о принятом решении собрания стали общедоступными для участников товарищества, но применяется в отношении соистцов, которые были привлечены судом в результате направления уведомлений членам товарищества о подаче иска. Суды иногда констатируют истечение срока исковой давности в рассматриваемой ситуации в отношении соистцов, ходатайства о привлечении которых были поданы по истечению срока исковой давности с учетом. Вместе с тем, представляется более обоснованной позиция, когда суды считают правомерным привлечение соистцов в рамках исковой давности истца. Согласно пункту 1 статьи 204 ГК РФ срок исковой давности не течет со дня обращения в суд истца в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права. Данная правовая норма существует для того, чтобы истец имел возможность воспользоваться правами, предусмотренными статьями 39, 40 и 41 ГПК РФ, а суд – вынести законное и обоснованное решение. Если соистец в данном случае не заявляет самостоятельный иск, а присоединяется к основному иску в соответствии с пунктом 6 статьи 181.4 ГК РФ в порядке, установленном законодательством, то, следовательно, соистец, привлеченный в таком порядке, не пропустил и не мог пропустить срок исковой давности для оспаривания решения общего собрания членов товарищества.

Следует признать, что иногда судебными органами допускается ошибка в распределении бремени доказывания и выносятся решения о полном или частичном отказе в исках о признании решений товариществ собственников недвижимости недействительными. Суды порой не истребуют доказательства и возлагают на истцов обязанность представить доказательства об отсутствии полномочий представителей не явившихся членов товарищества, в то время как именно ответчики должны доказать наличие таких полномочий. При этом не всегда судами проверяются даже представленные доверенности участников собраний [9].

В последнее время часто возникают проблемы с обязательным вручением заказных писем и судебных повесток лиц по гражданским делам адресату. В статье 113 ГПК РФ дается широкий перечень способов вручения. Так, граждане (участники гражданского дела) извещаются о заседании суда заказным письмом или судебной повесткой с уведомлением о вручении, телеграммой, телефонограммой и другими средствами связи, которыми фиксируется доставка судебного извещения и его вручения адресату. Вместе с тем, давая такие обширные возможности, законодатель все же не определил, к примеру, как подтвердить телефонограммой извещение, а также что имеется ввиду под иными средствами связи. Предоставляя возможность широкого усмотрения, законодатель по сути создает проблемы для судебной оценки документов об уведомлении о судебном заседании.

Наряду с вышеуказанными судебными способами защиты прав собственников недвижимости в настоящее время существенная часть споров жителей с товариществами собственников недвижимости, а также с управляющими организациями решается путем обращения к органам местного самоуправления с целью проведения открытого конкурса на право заключения договора управления.

Орган местного самоуправления в порядке, установленном Правительством Российской Федерации от 21 декабря 2018 года № 1616 «Об утверждении Правил определения управляющей организации для управления многоквартирным домом, в отношении которого собственниками помещений в многоквартирном доме не выбран способ управления таким домом или выбранный способ управления не реализован, не определена управляющая организация, и о внесении

изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», проводит открытый конкурс по отбору управляющей организации.

Деятельность по управлению домами осуществляется на основании лицензии на ее осуществление, за исключением ситуации, когда такая деятельность ведется товариществом собственников жилья.

По общему правилу, собственники жилья обязаны выбрать один из существующих способов управления:

- 1) непосредственное управление собственниками в многоквартирном доме, в котором количество квартир составляет не более чем тридцать квартир;
- 2) управление товариществом собственников недвижимости;
- 3) управление управляющей организацией.

Если на общем собрании собственников жилья не был выбран способ управления или если выбранный способ управления не реализован, то возникает обязанность органа местного самоуправления организовать проведение конкурса по отбору управляющей организации. Вместе с тем, недостаточно ясно, что подразумевается под ситуацией, когда выбранный способ управления является не реализованным.

Органами прокуратуры при установлении фактов нарушения органами местного самоуправления сроков проведения конкурсов, длительного неопределения управляющей организации принимаются меры реагирования, направленные на понуждение к исполнению вышеперечисленных обязанностей. Кроме того, на основании части 7 статьи 161 ЖК любой собственник помещения в многоквартирном доме может обратиться в суд с требованием обязать органы местного самоуправления выбрать управляющую организацию.

Наряду с вышеуказанным анализом правового статуса товариществ собственников многоквартирных домов, садоводческих или огороднических некоммерческих товариществ следует обратить особое внимание на пробелы в регулировании домов блокированной застройки (жилых домов). Несмотря на строительство в России таких домов на протяжении более двадцати лет, отсутствует какая-либо регламентация их правового статуса. До недавнего времени дома блокированной застройки приравнивались к многоквартирным домам. В налоговых органах дома блокированной застройки и товарищества собственников недвижимости, созданные жителями домов блокированной застройки, регистрировались как многоквартирные дома и товарищества, объединяющие жителей домов блокированной застройки.

Изменения в Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее - ГрК РФ) были вызваны принципиальной позицией раздельного регулирования многоквартирных домов и домов блокированной застройки в связи с тем, что в многоквартирных домах осуществляется капитальный ремонт за счет государства, а ремонт домов блокированной застройки должны осуществлять сами собственники. Однако встает вопрос о том, нужно ли полностью отказываться от применения аналогии закона при регулировании домов блокированной застройки.

В связи с введением нового пункта 40) в статью 1 ГрК РФ домом блокированной застройки является «жилой дом, блокированный с другим жилым домом (другими жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок». В ЖК РФ не были внесены необходимые указания относительно домов блокированной застройки и особенностей их регулирования. Но понятие «жилой дом» содержится в ЖК РФ и применяется к разного рода институтам. Согласно ГрК РФ понятие «жилой дом» приравнивается к понятию «индивидуальный жилой дом», если иное не установлено в законах и нормативных правовых актах Российской Федерации. Итак, однозначность в обосновании правоприменения отсутствует.

С нашей точки зрения, до внесения в ЖК РФ и иные нормативные правовые акты соответствующей специальной регламентации нельзя отказаться от применения к домам блокированной застройки аналогии закона, регулирующего многоквартирные дома.

В настоящее время разработан проект федерального закона № 155842-8 «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах» (в части регулирования отношений, касающихся имущества общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой) [10] (далее - законопроект), который направлен на реализацию Постановления Конституционного Суда

Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 55-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации. Законопроектом вводится определение понятия «жилого комплекса», определяется порядок управления индивидуальными жилыми домами и содержания имущества общего пользования в жилом комплексе.

Основными отличительными чертами, характеризующими жилой комплекс, являются: наличие совокупности жилых домов и (или) земельных участков; наличие иных объектов, включая объекты, которые определены как имущество общего пользования и используются для удовлетворения потребностей всех собственников жилых домов и (или) собственников земельных участков; а также наличие документации по планировке территории, в границах которой располагаются соответствующие земельные участки. В законопроекте предусмотрен тот же подход к выбору способа управления, как и в ЖК РФ, то есть однозначная обязанность избрания на собрании одного способа управления (непосредственное управление собственниками жилья; управление товариществом собственников недвижимости; управление управляющей организацией). Полагаем, что в результате принятия законопроекта будут более четко урегулированы правоотношения, связанные с управлением индивидуальными жилыми домами, в том числе домами блокированной застройки.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что для обеспечения прав жителей разумно было бы упростить порядок рассмотрения такой категории дел на уровне ГК РФ и ГПК РФ, исключив обязательность направления уведомлений гражданско-правовых сообществ об обращении с иском в суд. Необходимо также унифицировать положения ГК РФ относительно порядка проведения как учредительных, так и очередных/внеочередных общих собраний, являющихся высшими органами управления товариществ (в том числе, процедуры уведомления жителей, порядка ознакомления с реестром членов товарищества, особенностей голосования и др.) в различных видах товариществ собственников недвижимости.

Загруженность органов правосудия довольно опасная вещь, которая может привести к нарушениям конституционного права на защиту граждан. Принятие указанных выше мер должно привести к снижению количества судебных споров и более обстоятельному их рассмотрению.

Литература и источники

1. Российское законодательство (версия Проф) // Система КонсультантПлюс;
2. Цепов Г.В. Проблема омонимов, или допустима ли унификация правового регулирования собраний // Закон. 2016. №12.
3. La loi no 65-557 du 10 juillet 1965 modifiée fixant le statut de la copropriété des immeubles bâtis // <https://www.legifrance.gouv.fr>
4. Wohnungseigentumsgesetz in der ab dem 1.12.2020 geltenden Fassung // https://www.haufe.de/immobilien/verwaltung/weg-reform/wohnungseigentumsgesetz_258_529408.html
5. Вильданова М.М. Основные векторы развития корпоративного управления в товариществах собственников недвижимости // Право и практика. 2021. №2.
6. Чеховская С.А. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: основные направления и риски использования // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / Отв. ред. О.В. Гутников. М.: Статут, 2021.
7. Гутников О.В. Основные проблемы развития корпоративного права на современном этапе // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / Отв. ред. О.В. Гутников. М.: Статут, 2021.
8. Решения высших судов // Система КонсультантПлюс.
9. Решение №2-1-220/2-1-220/20-М-1-95/2017 М-1-95/2017 от 13 июня 2017 года по делу №2-1-220/2017 // <https://sudact.ru/regular/doc>.
10. <http://sozd.duma.gov.ru/bill/155842-8>

References and Sources

1. Rossijskoe zakonodatel'stvo (versiya Prof) // Sistema Konsul'tantPlyus;
2. Cepov G.V. Problema omonimov, ili dopustima li unifikaciya pravovogo regulirovaniya sobranij // Zakon. 2016. №12.
3. La loi no 65-557 du 10 juillet 1965 modifiée fixant le statut de la copropriété des immeubles bâtis // <https://www.legifrance.gouv.fr>
4. Wohnungseigentumsgesetz in der ab dem 1.12.2020 geltenden Fassung // https://www.haufe.de/immobilien/verwaltung/weg-reform/wohnungseigentumsgesetz_258_529408.html
5. Vil'danova M.M. Osnovnye vektory razvitiya korporativnogo upravleniya v tovarishchestvah sobstvennikov nedvizhimosti // Pravo i praktika. 2021. №2.
6. Chekhovskaya S.A. Iskusstvennyj intellekt v korporativnom upravlenii: osnovnye napravleniya i riski ispol'zovaniya // Sovremennoe korporativnoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki: monografiya / Отв. ред. О.В. Гутников. М.: Статут, 2021.
7. Gutnikov O.V. Osnovnye problemy razvitiya korporativnogo prava na sovremennom etape // Sovremennoe korporativnoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki: monografiya / Отв. ред. О.В. Гутников. М.: Статут, 2021.
8. Resheniya vysshih sudov // Sistema Konsul'tantPlyus.
9. Reshenie №2-1-220/2-1-220/20-М-1-95/2017 М-1-95/2017 от 13 iyunya 2017 goda po delu №2-1-220/2017 // <https://sudact.ru/regular/doc>.
10. <http://sozd.duma.gov.ru/bill/155842-8>

ВИЛЬДАНОВА МАРИНА МИХАЙЛОВНА – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

ФЕДОРЕНКО С.А., СМЕТАНА Н.В.

СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА «ВИД И СВЕТ»: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Ключевые слова: гражданское право, сервитут, соседское право, право на «вид и свет», законодательство, строительные нормы и правила, свод правил, инсоляция.

В статье проводится анализ норм, регулирующих право на «вид и свет». Сделан вывод, что существующих сейчас норм недостаточно, ведь даже при соблюдении СНиПов и СП, регулирующих данный вопрос, возможны ситуации, при которых право на «вид и свет» нарушено. Также, в связи с тем, что право на «вид и свет» в отечественном законодательстве не закреплено, важно учесть опыт других стран, изучить соответствующую законодательную и судебную практику. Показано, что отрицательные сервитуты закреплены во многих европейских странах (Франции, Германии, Испании и пр.). Обоснован вывод о том, что отсутствие отрицательных сервитутов и института соседского права являются очевидным пробелом в российском законодательстве, так как споры о защите того же права «на вид и свет» возникают повсеместно. При этом зачастую они бесперспективны, ведь даже при соблюдении всех действующих норм, право «на вид и свет» может нарушаться. Ввиду отсутствия конкретных норм, суды нередко вынуждены отказывать в удовлетворении соответствующих исков.

FEDORENKO, S.A., SMETANA, N.V.

WAYS OF REGULATING THE RIGHT TO "VIEW AND LIGHT": DOMESTIC EXPERIENCE AND FOREIGN PRACTICE

Key words: civil law, easement, neighborhood law, the right to "view and light", legislation, building codes and rules, code of rules, insolation.

The article analyzes the norms governing the right to "view and light". It is concluded that the current norms are not enough, because even if the SNiPs and SPs governing this issue are observed, situations are possible in which the right to "view and light" is violated. Also, due to the fact that the right to "view and light" is not enshrined in domestic legislation, it is important to take into account the experience of other countries, to study the relevant legislative and judicial practice. It is shown that negative easements are fixed in many European countries (France, Germany, Spain, etc.). The conclusion is substantiated that the absence of negative easements and the institution of neighborly law is an obvious gap in Russian legislation, since disputes about the protection of the same right "to view and light" arise everywhere. At the same time, they are often unpromising, because even if all existing norms are observed, the right to "view and light" can be violated. Due to the lack of specific rules, the courts are often forced to refuse to satisfy the relevant claims.

С начала 20 века в мире происходит усиление роли городов, а также стремительный рост их населения. Уровень урбанизации в России на 1 января 2022 года составил 74,8% [18], в мире по разным подсчетам – до 55%. Как прогнозируют специалисты, к 2050 году городские жители составят до 68% от всего населения планеты [19]. Стремительный рост урбанизации ставит перед нами новые вопросы. Как разместить всех желающих жить в городе и при этом не нарушить прав других лиц? Площадь ведь осталась прежней. В связи с этим всё более актуальным становится вопрос регулирования права на «вид и свет». Право на вид и свет – это яркий пример отрицательного сервитута, а также один из ключевых элементов соседского права. Рассмотрим законодательную регламентацию каждого из институтов.

На данный момент в России отрицательные сервитуты законодательно не закреплены, что вызывает полемику ученых. Так, Т.С. Краснова считает это «явным упущением отечественного законодательства» [16, с. 103]. Аргументируя позицию, автор отмечает, что, если построенное здание или сооружение не нарушает нормативные положения, но при этом нарушает интересы соседа (например, ограничивает доступ света), возникает коллизия. Если собственник хочет добиться права на вид и свет, то ему необходимо требовать установления отрицательного сервитута. Но это попросту невозможно, вследствие отсутствия законодательного закрепления данного вида сервитута.

Можно предположить, что той же позиции придерживаются и разработчики Концепции развития законодательства о вещном праве [7], а также Проекта ФЗ № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - ПФЗ) [8], предусмотревшие деление сервитутов на положительные и отрицательные. Однако эти изменения приняты не были, что, быть может, стало следствием предложенного института соседского права, который многие ученые видят в качестве адекватной альтернативы.

Говоря об институте соседского права, необходимо отметить, что, хоть и был предусмотрен проект Федерального Закона, на данный момент законодательного закрепления он не имеет. Это может быть связано с тем, что в проекте не хватает нескольких важных положений. Да, были даны

определение понятию «соседское право», содержание, субъекты, объекты и цель. Но, к примеру, не регламентирована процедура выплаты денежной компенсации соседом, допустившим воздействие, выходящее за допустимые пределы. Представляется необходимым проработка проблемных моментов для того, чтобы институт соседского права мог бы быть встроены в действующую систему гражданского права.

Если ни отрицательный сервитут, ни институт соседского права отечественным законодательством не признаются, то как тогда регулируются подобные отношения? Косвенно действующее законодательство распространяется и на право вида и света. Так, согласно п. 5.3.8 Свода правил 30-102-99: «Планировка и застройка территорий малоэтажного жилищного строительства» на территории с застройкой усадебными, одно-, двухквартирными домами расстояние от окон жилых комнат до стен соседнего дома и хозяйственных построек, находящихся на соседних земельных участках, должно быть не менее 6 м [2]. Согласно п. 7.1. Свода правил 42.13330.2016, расстояние от забора до стен жилого дома должно быть не менее трех метров, а до хозяйственных построек не менее метра [3]. Также можно найти требования к высоте объекта индивидуального жилищного строительства (далее - ИЖС). В соответствии с п.39 ст.1 ГК РФ, ИЖС - отдельно стоящее здание, количество надземных этажей которого не превышает трех, а общая высота не более двадцати метров [1]. Эти требования применимы к жилым домам (в том числе и индивидуальным).

Что касается многоквартирных жилых зданий, опираясь на п. 7 Свода правил 42.13330.2016, можно также найти требования к расстоянию между длинными сторонами таких зданий. Так, между зданиями, чья высота не превышает три этажа, такое расстояние составит не менее 15 метров; для зданий, высотой в четыре этажа — минимум 20 метров. При этом предусмотрено, что в условиях реконструкции данное расстояние может быть уменьшено, но только при соблюдении установленных норм инсоляции, освещенности и противопожарных требований. Также в данном случае нужно обеспечить «непросматриваемость жилых помещений из окна в окно».

Рассмотрим нормы, с учетом которых определяется необходимое расстояние между жилыми зданиями.

Право на свет в России часто называют «правом на инсоляцию» [9, с. 183]. Но что же это такое? Инсоляция – это освещение помещения через оконные проемы солнечным светом. Проще говоря, это необходимое естественное освещение помещения в дневное время без использования дополнительных источников света. Именно достаточный доступ солнечного света в помещения позволяет избежать появления плесени и развития вредных микроорганизмов. Требования к инсоляции закреплены как в нормах СанПиН (Санитарные правила и нормы), так и в СНиП (Строительные нормы и правила). Можно сказать, что, в зависимости от географической широты, продолжительность инсоляции составляет от одного часа тридцати минут, до двух часов тридцати минут. Необходимо отметить, что соблюдение данных значений для квартир, состоящих не более чем из 3 комнат, должно быть, как минимум, в одной комнате; а в квартирах, включающих более 4 комнат – в двух из них. Также для расчета допустимого расстояния между домами, необходимо соблюсти нормы освещенности. В соответствии с СНиП 23-05-95* [4], естественное освещение – это освещение помещений светом неба (прямым или отраженным), проникающим через световые проемы в наружных ограждающих конструкциях. Норма естественного освещения для жилых помещений составляет 0,5 КЕО (коэффициент естественного освещения).

Представляется интересным обзор судебной практики, например, дело Новосибирского районного суда Новосибирской области № 2-170/2020 [5]. Истица обратилась с иском к своему соседу об устранении препятствий в пользовании земельным участком, собственницей которого она являлась. В обоснование требований истица указала, что хозяйственные постройки, расположенные вдоль смежной границы, препятствуют доступу естественного освещения на участок после 13:00 часов. Вследствие чего растения, выращиваемые истицей, гибнут, а также нарушаются требования инсоляции и проветриваемости. После проведения экспертизы, было установлено, что постройки соответствуют установленным требованиям, но деревья действительно затеняют участок истицы. Суд в удовлетворении иска отказал, сославшись на тот факт, что постройки требованиям соответствуют, а «затененность земельного участка произрастанием деревьев не регламентируется нормативной и справочной литературой». Данное

дело указывает на факт бесперспективности подобных исков. Да, очевидно, что участок находится в тени с 13:00 часов дня, что фактически нарушает право на свет (право на инсоляцию). Но в связи с тем, что все требования к расположению построек, расстоянию между ними, а также требования к высоте соблюдены, суд вынужден отказывать в удовлетворении иска. Нам кажется очевидным, что для решения данной проблемы необходимо введение института соседского права.

В связи с тем, что право на «вид и свет» в отечественном законодательстве не закреплено, представляется необходимым изучение опыта других стран. Так, в зарубежных странах проблема закрепления права на вид и свет встала перед законодателями несколько раньше, чем в нашей стране. В большинстве европейских стран уже выработан механизм урегулирования подобных споров. Поэтому считаем необходимым рассмотреть устоявшиеся концепции.

Сама модель «права на свет» стала интересовать общественность уже в 20 веке. Рассматривается она в работе «Требования к солнечному свету в зданиях. Социальное исследование. Строительство и окружающая среда» Хопкинсона Р.Г., Крэддока Дж. и Неемана Э. 1976 г. Задолго до этого была создана Международная комиссия по освещению (International Commission on Illumination). Данная организация с 1913 года занималась разработкой стандартов освещения, а также проводила расчеты инсоляции как помещений, так и открытых пространств.

Право на вид также нашло отражение в трудах различных ученых. Представляется очевидным, что вид играет важную роль при выборе места жительства. От хорошего вида зависит и стоимость такого жилья. Так, квартиры с видом на набережную будут стоить в разы больше тех квартир, из окон которых открывается вид на стройку. Но если на стадии выбора недвижимости представляется возможным отказ от покупки тех помещений, чей вид из окон не отвечает требованиям покупателя, то как быть тем, кто купил недвижимость с хорошим видом за крупную сумму денег, а потом обнаружил за окном стройку нового многоэтажного здания?

Подобным вопросом задавались и в древнем Риме. Так, в дигестах Юстиниана можно найти упоминание сервитута, который заключался в том, чтобы «не заслонять вид» [15].

Говоря о способах регулирования права на вид и свет, необходимо отметить, что отрицательные сервитуты закреплены во многих европейских странах. К ним можно отнести Францию, Германию, Испанию и т.д. Так, закрепление данного вида сервитута можно найти в § 1018 Германского Гражданского Уложения: «Поземельный участок может быть обременен в пользу каждого наличного собственника другого участка таким образом, чтобы лицо, состоящее в данное время собственником последнего, имело право пользоваться обремененным участком в каком-либо определенном отношении, или могло требовать, чтобы на обремененном участке не совершались определенные действия» [11]. Предусмотрен отрицательный сервитут и в п. 5 ст.25 модельного закона «Об ограниченных вещных правах» стран участниц СНГ [6].

Право на вид и свет также закреплено в главе 4 «Сервитуты» Гражданского Кодекса Латвийской Республики [13]. Институт соседского права также вполне успешно вписался в правовые системы ряда стран. К ним относятся Германия (§ 906 –924 ГГУ), Швейцария (ст. 669–701 ГК Швейцарии [14]), Чехия, Словакия и т.д. Данный институт можно встретить и в системах ряда постсоветских стран, например, Грузии (ст. 174–182 ГК Грузии [12]) и Латвии (ст. 1082–1129 ГК Латвии).

В связи с тем, что особенности соседского права и отрицательных сервитутов уже были рассмотрены ранее, считаем необходимым уделить внимание практике.

Ю.А. Волочай, говоря о праве на вид, приводит довольно интересный пример из практики германского суда. В 1901 г. истец приобрел земельный участок, полагая, что территория, через которую осуществлялся доступ к участку, застроена не будет. Но в 1903 г. владелец данного участка получил разрешение на строительство многоэтажного дома. Это повлекло за собой преобразование пути к участку истца в тоннель, а также загромождение вида, который ранее открывался с его участка. Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, но высшим судом земли в Дрездене было принято иное решение. Ссылаясь на § 119 2 главы III раздела ГГУ («Оспоримость вследствие заблуждения»), суд удовлетворил иск. Имперский верховный суд оставил это решение без изменения. Комментируя данный иск, Ю.А. Волочай указывает, что «суд признал свойством домовладения право его собственника на запрещение застройки соседнего земельного участка, которое стороны договора ошибочно сочли существующим и которое должно было увеличивать потребительские свойства предмета купли-продажи» [10, с. 75-96].

Также часто споры возникают из-за недостаточной осведомленности покупателя о качествах недвижимости. Поэтому представляется необходимым законодательное закрепление ответственности собственника недвижимости касаясь принятия мер к реальной осведомленности приобретателя (покупателя, арендатора, нанимателя) недвижимости о ее видовых качествах. Очевидным представляется тот факт, что одного лишь ознакомления с документацией будет недостаточно. Необходимо посещение самого объекта, при котором также нужно учитывать наличие знаний, необходимых для адекватной оценки приобретателем данной недвижимости.

Рассмотрим ещё один прецедент, возникший еще в 1879 г., именуемый «Уилдон против Берроуза» [17]. В соответствии с ним, Тетли принадлежал участок земли, напротив которого находилась мастерская также принадлежащая ему. Участок был продан Уилдону, а несколько позже мастерская была куплена Берроузом. Истица (вдова Уилдона) решила застроить купленный участок земли, вследствие чего доступ света в мастерскую Берроуза был ограничен. Берроуз демонтировал постройку истицы, указывая на тот факт, что право на доступ света установлено не было. Суд иск удовлетворил, указав на тот факт, что в том случае, когда землевладелец продает часть земли и сохраняет право собственности на другую часть, все очевидные сервитуты над сохраненной землей, необходимые для разумного пользования проданной землей, перейдут к покупателю. Но продавец также может «зарезервировать» данные сервитуты, не передавая их покупателям. В приведенном случае продавец не оставил данные сервитуты за сохраненной землей, соответственно Берроуз не имеет права на свет.

На основе данного иска, касающегося права «на вид и свет», представляется очевидным, что для установления данного права не нужно совершать дополнительные действия. В приведенном примере иска «Уилдон против Берроуза» решение суда основывалось на том факте, что продавец не оставил за собой право на вид и свет после продажи доли своей собственности. В связи с этим это право не перешло к покупателю оставшейся части. На наш взгляд необходимость процедуры «резервирования» права «на вид и свет» является абсурдной. Это право должно априори признаваться за каждым человеком. Естественно, что и действующие нормы не оставят человека вовсе без света, но требование к необходимому уровню инсоляции всего лишь от одного часа и тридцати минут, до двух часов и тридцати минут. Не имеет значения, в какое время дня соблюдаются нормы. Быть может ранним утром, а весь остальной день жители вынуждены использовать дополнительные источники освещения.

Таким образом, в настоящее время отечественное законодательство четко не определяет данные институты. Попытки предпринимались несколько раз с 2012 года, в частности в процессе разработки Проекта ГК РФ, но по нынешний момент не реализованы. В связи с тем, что как отрицательные сервитуты, так и институт соседского права законодателем не закреплены, здесь важны нормы, которые косвенно регламентируют право «на вид и свет». К таким можно отнести различные СНиП, СанПиН, Градостроительный кодекс РФ, в которых описаны требования к инсоляции, освещению, а также расстоянию между различными недвижимыми объектами.

Вместе с тем, отсутствие отрицательных сервитутов и института соседского права являются очевидным пробелом в законодательстве, так как споры о защите того же права «на вид и свет» возникают повсеместно. Зачастую они бесперспективны, ведь даже при соблюдении всех действующих норм, право «на вид и свет» может нарушаться. Ввиду отсутствия конкретных норм, регламентирующих данный вопрос, суды нередко вынуждены отказывать в удовлетворении соответствующих исков. Таким образом, складывается ситуация, при которой нормы, регламентирующие расстояние между недвижимыми объектами, а также их высоту соблюдены, но на соседний участок, к примеру, падает тень. В отсутствие в отечественном праве эффективных правовых норм, посвященных праву на «вид и свет», интерес представляет зарубежный опыт.

На данный момент отрицательные сервитуты, как и соседское право, закреплены в праве большинства европейских стран, а также в ряде стран СНГ. Рациональные зерна, применимые в российском праве, можно обнаружить и в практике судов зарубежных государств. Например, о допустимости оспаривания по мотиву заблуждения сделок по купле-продаже земельных участков, вид с которых существенно искажился вследствие непредвиденной в момент купли-продажи застройки соседнего участка зданиями, портящими вид. Также считаем необходимым закрепление обязанности собственника по принятию мер для реального ознакомления приобретателя недвижимости с её качествами и ответственности в случае несоблюдения последней.

Литература и источники

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 01.04.2012). – [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
2. СП 30-102-99. Планировка и застройка территорий малоэтажного жилищного строительства. [Электронный ресурс]: [Свод правил Российской Федерации от 30.12.1999] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004849> (дата обращения 06.05.2022).
3. СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (с Изменениями N 1, 2). [Электронный ресурс]: [Свод правил Российской Федерации от 30.12.2016] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения 06.05.2022).
4. СНиП 23-05-95* - СП 52.13330.2016: [Свод правил Российской Федерации от 07.11.2016]: [ред. от 28.12.2021] [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054197?section=text> (дата обращения 06.05.2022).
5. Решение Новосибирского районного суда Новосибирской области от 21 февраля 2020 г. по делу № 2-170/2020 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ: интернет-портал. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Tx0pkotD8j5I/> (дата обращения 06.05.2022).
6. Об ограниченных вещных правах [Электронный ресурс]: [модельный закон, принят межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ от 27.11.2015]. // URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/613.pdf> (дата обращения 06.05.2022).
7. Концепция развития гражданского законодательства РФ (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10. 2009 г.) // URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/konceptsiya5/> (дата обращения 06.05.2022).
8. Проект Федерального закона № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесён Президентом Российской Федерации в Государственную думу Российской Федерации 3 апр. 2012 г.). – URL: http://pravo-med.ru/legislation/other_docs/9159/ (дата обращения 06.05.2022).
9. Власенко П.Н. Право личности на инсоляцию и его развитие в современном законодательстве// Юридическая техника. 2015. № 9. С. 183–187.
10. Волочай Ю.А. Защита права на вид, открывающийся с недвижимой вещи (в аспекте сравнения права России и Германии) // Вестник гражданского права. Т. 18. № 2. 2018. С. 75–96.
11. Гражданское уложение Германской империи / Перевод с немецкого - СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. С. 215-231.
12. Гражданский кодекс Грузии // [Электронный ресурс]: [закон Грузии от 26 июня 1997 г., ред. от 09.06.2022] URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=118> (дата обращения 06.11.2022)
13. Гражданский кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс]: [закон Латвийской Республики от 28.01.1937, ред. От 19.11.2015]. // URL: <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/Гражданский-закон.pdf> (дата обращения 06.05.2022).
14. Гражданский кодекс Швейцарии [Электронный ресурс]: [федеральный закон Швейцарской Конфедерации от 10 декабря 1907 г., ред. от 01.01.2020] URL: <https://business-swiss.ch/wp-content/uploads/2020/04/210-3.pdf> (дата обращения 06.11.2022)
15. Дигесты Юстиниана / под ред. Л.Л. Кофанова. - Т. 1-8. - М.: Статут, 2004. 779 с.
16. Краснова Т. С. Отрицательный сервитут в российском праве // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 102–112.
17. "Wheeldon vs. Burrows" (1879) LR 12 Ch D 31; [1874-90] All ER Rep. 669. URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/MonashULawRw/2012/17.pdf> (дата обращения 11. 11. 2022) URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wheeldon_v_Burrows (дата обращения 11. 11. 2022)
18. Предварительные данные Всероссийской переписи населения, 15 октября – 14 ноября 2021 года. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784> (дата обращения 17.11.2022)
19. Доклад Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам от 16.05.2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (дата обращения 17.11.2022)

Literature and Sources

1. Gradstroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 190-FZ (red. ot 01.04.2012). – [Elektronnyj resurs] // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant plyus».
2. SP 30-102-99. Planirovka i zastrojka territorij maloetazhnogo zhilishchnogo stroitel'stva. [Elektronnyj resurs]: [Svod pravil Rossijskoj Federacii ot 30.12.1999] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004849> (data obrashcheniya 06.05.2022).
3. SP 42.13330.2016 Gradstroitel'stvo. Planirovka i zastrojka gorodskih i sel'skih poselenij. Aktualizirovannaya redakciya SNiP 2.07.01-89* (s Izmeneniyami N 1, 2). [Elektronnyj resurs]: [Svod pravil Rossijskoj Federacii ot 30.12.2016] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (data obrashcheniya 06.05.2022).
4. SNiP 23-05-95* - SP 52.13330.2016: [Svod pravil Rossijskoj Federacii ot 07.11.2016]: [red. ot 28.12.2021] [Elektronnyj resurs] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054197?section=text> (data obrashcheniya 06.05.2022).
5. Reshenie Novosibirskogo rajonnogo suda Novosibirskoj oblasti ot 21 fevralya 2020 g. po delu № 2-170/2020 // Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF: internet-portal. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Tx0pkotD8j5I/> (data obrashcheniya 06.05.2022).
6. Ob ogranichenyy veshchnyh pravah [Elektronnyj resurs]: [model'nyj zakon, prinyat mezhpaparlamentskoj assambleej gosudarstv — uchastnikov SNG ot 27.11.2015]. // URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/613.pdf> (data obrashcheniya 06.05.2022).
7. Konceptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva RF (odobrena Sovetom pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva 07.10. 2009 g.) // URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/konceptsiya5/> (data obrashcheniya 06.05.2022).
8. Proekt Federal'nogo zakona № 47538–6 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu, tre'tyu i chetvyortuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (vneseny Prezidentom Rossijskoj Federacii v Gosudarstvennuyu dumu Rossijskoj Federacii 3 apr. 2012 g.). – URL: http://pravo-med.ru/legislation/other_docs/9159/ (data obrashcheniya 06.05.2022).
9. Vlasenko P.N. Pravo lichnosti na insolyaciyu i ego razvitie v sovremennom zakonodatel'stve// YUridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 183–187.
10. Volochaj YU.A. Zashchita prava na vid, otkryvayushchijysya s nedvizhimoj veshchi (v aspekte sravneniya prava Rossii i Germanii) // Vestnik grazhdanskogo prava. T. 18. № 2. 2018. С. 75–96.
11. Grazhdanskoe ulozhenie Germanskoj imperii / Perevod s nemetskogo - Spb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1898. S. 215-231.
12. Grazhdanskij kodeks Gruzii // [Elektronnyj resurs]: [zakon Gruzii ot 26 iyunya 1997 g., red. ot 09.06.2022] URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=118> (data obrashcheniya 06.11.2022)

13. Graždanskij kodeks Latvijas Republikai [Elektronnyj resurs]: [zakon Latvijas Republikai ot 28.01.1937, red. Ot 19.11.2015]. // URL: <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/Grazhdanskij-zakon.pdf> (data obrashcheniya 06.05.2022).
14. Graždanskij kodeks Shvejcarii [Elektronnyj resurs]: [federal'nyj zakon SHvejcarskoj Konfederacii ot 10 dekabrya 1907 g., red. ot 01.01.2020] URL: <https://business-swiss.ch/wp-content/uploads/2020/04/210-3.pdf> (data obrashcheniya 06.11.2022)
15. Digesty Yustiniana / pod red. L.L. Kofanova. - T. 1-8. - M.: Statut, 2004. 779 s.
16. Krasnova T. S. Otricate'l'nyj servitut v rossijskom prave // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 1 (47). S. 102–112.
17. "Wheeldon vs. Burrows" (1879) LR 12 Ch D 31; [1874-90] All ER Rep. 669. URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/MonashULawRw/2012/17.pdf> (data obrashcheniya 11. 11. 2022)
URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wheeldon_v_Burrows (data obrashcheniya 11. 11. 2022)
18. Predvaritel'nye dannye Vserossijskoj perepisi naseleniya, 15 oktyabrya – 14 noyabrya 2021 goda. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784> (data obrashcheniya 17.11.2022)
19. Doklad Departamenta OON po ekonomicheskim i social'nym voprosam ot 16.05.2018. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (data obrashcheniya 17.11.2022)

ФЕДОРЕНКО СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и общетеоретических дисциплин Кубанского института социологии и права (филиала) Академии труда и социальных отношений (fedorenkosergey79@yandex.ru)

СМЕТАНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (smetanav@mail.ru).

FEDORENKO, SERGEY A. – PhD in Jurisprudence, associate Professor of the Department of State-Legal and General Theoretical disciplines of the Kuban Institute of Sociology of Economics and Law (branch) Academy of Labor and Social Relations of law.

SMETANA, NATALIA V. - student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (smetanav@mail.ru).

УДК 347.63

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-160-165

НЕТЕСОВА М.С.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ РЕБЕНКА, ОСТАВШЕГОСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; законные представители; право жить и воспитываться в семье; защита семейных прав ребенка.

В статье рассмотрены вопросы защиты семейных прав детей, оставшихся без попечения родителей. Проведен анализ положений семейного и социального законодательства, вступающих в диссонанс с базовыми правами несовершеннолетнего жить и воспитываться в семье, общаться с родителями и другими родственниками и т.д. Представлены предложения по совершенствованию законодательства, направленные на защиту семейных прав детей, которые были помещены для проживания в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

NETESOVA, M.S.

ON TOPICAL ISSUES OF PROTECTING THE FAMILY RIGHTS OF A CHILD LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Key words: orphans; children left without parental care; legal representatives; the right to live and be brought up in a family; protection of the child's family rights.

The article discusses the issues of protecting the family rights of children left without parental care. The analysis of the provisions of family and social legislation that come into dissonance with the basic rights of a minor to live and be brought up in a family, communicate with parents and other relatives, etc. Proposals are presented to improve legislation aimed at protecting the family rights of children who have been placed to live in organizations for orphans and children left without parental care.

Право жить и воспитываться в семье – базовое право ребенка. Не случайно именно с него начинается глава 11 Семейного кодекса Российской Федерации, посвященная правам несовершеннолетних детей [1]. При этом нужно отметить, что совокупность прав ребенка, касающихся его взаимоотношений с родителями и иными родственниками, его проживания в атмосфере любви и заботы, имеет жизненно важное значение для психического, физиологического, когнитивного и эмоционального развития ребенка, его способности в дальнейшем социализироваться в обществе, создавать полноценные взаимоотношения с другими людьми, построить свою собственную семью. Подтверждением этому послужил ряд научных исследований, проведенных в последние десятилетия.

Так, важнейшую роль сыграла разработанная крупным британских психологом, психиатром XX века Джоном Боулби теория привязанности [2], описывающая влияние взаимоотношений между младенцем и матерью или иным заботящимся о ребенке взрослым на дальнейшее развитие ребенка и на его способности формировать отношения привязанности к другим близким людям в будущем. Также следует отметить, важное исследование, проведенное на национальном уровне в Румынии, в ходе которого изучалось влияние проживания ребенка в детском учреждении на развитие мозга ребенка (психосоциальная депривация и др.), и как менялось его состояние при помещении ребенка в приемную семью. Исследование проводилось с

использованием современных медицинских технологий (методы нейровизуализации), генетических тестов и т.д. [3].

Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Этот принцип, а также необходимость защиты детства в 2020 году были закреплены в статье 67.1 Конституции России [4]. Однако одной из особо уязвимых категорий детей являются дети, оставшиеся без попечения родителей (дети-сироты, а также так называемые «социальные сироты», чьи родители живы, но не участвуют в их воспитании в связи с тем, что были лишены родительских прав или по иным основаниям, указанным в статье 121 СК РФ). Они нуждаются в особенной защите. Данная норма также нашла свое отражение и в Основном законе. Так, в соответствии с частью 4 статьи 67.1: «Государство... берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения родителей». Отметим, что данное положение может восприниматься неоднозначно: норма, согласно которой государство берет на себя обязанности родителей, может трактоваться таким образом, что ребенок, получивший статус оставшегося без попечения родителей, передается под опеку государства (от его лица выступают органы опеки и попечительства и организации для детей-сирот), и на этом работа по жизнеустройству ребенка прекращается. Однако в соответствии с федеральным законодательством помещение ребенка в организацию для детей-сирот – это всегда временная мера, применяемая до того момента, пока ребенок не будет возвращен в кровную семью либо будет устроен в замещающую семью (усыновлен или отдан под опеку / попечительство). Таким образом, государство должно исходить из временного характера своих обязательств.

Более того, в последние годы в законодательстве и государственной риторике все более находит отражение приоритетность задачи профилактики социального сиротства. В соответствие с данной позицией, важнее не допустить утрату ребенком родительского попечения, сохранив его проживание в семье, вместо того, чтобы затем искать новую семью ребенку. Данный вектор работы социальных служб и органов опеки и попечительства в будущем должен стать центральным, что позволит значительно сократить масштабы социального сиротства в стране.

Согласно пункту 2 статьи 54 СК РФ, каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, и в том числе, право на совместное проживание с родителями кроме случаев, когда это противоречит интересам ребенка. При этом глава 12 СК РФ дает представление о том, в каких случаях совместное проживание с родителями противоречит интересам ребенка: речь идет, в первую очередь, об институтах ограничения или лишения родительских прав. Все эти меры сопряжены с отображением ребенка, при котором совместное проживание родителя с ребенком становится невозможным, ребенок направляется в детское учреждение (организацию для детей-сирот или детских приют).

Семейный кодекс Российской Федерации устанавливает основания, при которых родитель может быть ограничен в родительских правах или лишен родительских прав, причем некоторые основания дают повод усомниться в их обоснованности с точки зрения интересов ребенка. Так, согласно пункту 2 статьи 73 СК РФ, ограничение родительских прав возможно в случае, если пребывание ребенка с родителями создает опасность для ребенка, однако отсутствуют основания для того, чтобы было осуществлено лишение родительских прав. Это одно из наиболее широких оснований, и критерии для его определения отсутствуют.

Перечень оснований для лишения родительских прав также достаточно широк. Он включает в себя, в том числе, «уклонение от выполнения обязанностей родителей» и «злоупотребление своими родительскими правами», а также тот факт, что родители «являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией». Из последнего основания само по себе не следует, что родитель при этом не может должным образом заботиться о ребенке или что его совместное проживание с ребенком создает для последнего угрозу для жизни или здоровья.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ №44 [5] совершена попытка уточнения того, что подразумевается под уклонением родителей от выполнения своих обязанностей, а также злоупотреблением своими родительскими правами. Так, первое включает в себя отсутствие заботы о здоровье ребенка, физическом или духовном развитии, обучении. Злоупотребление родительскими правами, согласно данному постановлению Пленума Верховного Суда РФ, означает использование их в ущерб интересам ребенка. В частности, в постановлении приводятся примеры создания родителями препятствий к получению детьми общего образования, вовлечения в азартные игры и др. Следует однако отметить, что такие примеры безответственного

родительского поведения как отсутствие заботы об обучении ребенка – несмотря на всю их серьезность – все же никак не создают опасности для ребенка в части совместного проживания ребенка с родителями. Поэтому вызывает явное сомнение в целесообразности применения в данном случае лишения родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности, за которой гарантированно следует размещение ребенка в организацию для детей-сирот, разлучение ребенка с родителями, другими родственниками и близкими людьми, потерю им привычной социальной среды и проживание в условиях коллективного воспитания.

Таким образом, перечень оснований как для ограничения, так и для лишения родительских прав сформулирован излишне широко, что в ряде случаев создает угрозу необоснованного нарушения права ребенка на совместное проживание с родителем, его заботу и воспитание.

Семейный кодекс РФ [4] дает родителям возможность временно поместить своего ребенка в организацию для детей-сирот, если по уважительным причинам законный представитель временно не может выполнять свои обязанности либо если ребенок нуждается в получении социальных, медицинских, образовательных или иных услуг, которые оказывает данная стационарная организация. Важно отметить, что родители при этом сохраняют свои родительские права, и ребенок не приобретает статус оставшегося без попечения родителей. Данная услуга предусматривалась законодателем в качестве полезной для семьи возможности сконцентрироваться на решении своей семейной проблемы, не теряя при этом родительского попечения над ребенком. В результате, подобное размещение детей в учреждения приобрело значительные масштабы. Так, по состоянию на конец 2020 года в таких организациях находилось 20638 детей, временно помещенных по заявлению родителей [6]. При этом детей «со статусом» здесь находится еще 38123 человек [7]. Таким образом, каждый третий ребенок, проживающий в организации для детей-сирот, является так называемым «родительским», то есть помещен временно, и его родители остаются его законными представителями.

Указанный временный характер размещения фактически оказывается весьма условным. До недавнего времени федеральное законодательство не устанавливало строгих и четких требований к срокам такого временного размещения. В учреждениях на практике ориентировались на срок, определенный законодательством о профилактике безнадзорности [8], в соответствии с которым организации принимают детей, имеющих законных представителей на срок «как правило» не более одного года. Однако данная норма, во-первых, имеет диспозитивный характер, а во-вторых, она распространяется только на некоторые случаи размещения детей (в отношении родителей-одиночек, беженцев, вынужденных переселенцев).

В 2022 году ситуация изменилась: в законодательство, регулирующее деятельность организаций для детей-сирот [9], были внесены изменения, в соответствии с которыми ребенок может помещаться на срок «до окончания оснований временного помещения». Другими словами, на любой срок. Так, если ребенок был помещен в связи с инвалидностью или иными ограничениями по здоровью (далее – ОВЗ), то вероятнее всего эти основания будут сохраняться вплоть до совершеннолетия ребенка. Таким образом, он будет находиться в организации для детей-сирот до достижения 18-летнего возраста. При этом следует отметить, что, в отличие от детей-сирот, такой ребенок не может быть устроен в другую семью, так как его родители не теряют статуса законных представителей. Практика показывает, что данной возможностью пользуются и граждане, взявшие ребенка под опеку (попечительство). В случае если они не справляются с воспитанием ребенка, они также могут воспользоваться возможностью разместить ребенка «временно» в организацию для детей-сирот. Случаются ситуации, когда ребенок, устроенный в семью опекуна, тут же возвращается обратно, но уже по заявлению законного представителя. При этом если законные представители получают выплаты на данного ребенка (например, в связи с инвалидностью ребенка), то они продолжают получать их и после того, как помещают ребенка в учреждение, несмотря на то, что фактически перестают осуществлять содержание и воспитание ребенка. Действующее законодательство не ограничивает все эти ситуации.

Таким образом, ребенок, временно помещенный по заявлению родителя (иного законного представителя) попадает в явно уязвимую ситуацию, иногда даже более сложную, чем ребенок-сирота: он может годами находиться в учреждении, при этом не имеет возможности быть устроенным в семью, которая была бы готова взять ребенка с такими особенностями. Кроме того, он может потерять возможность даже видиться с родителем и иными близкими людьми, так как в

соответствии с действующим законодательством такие дети размещаются не в ближайшую к месту проживания организацию, а в зависимости от возраста и состояния здоровья ребенка в один из типов организаций для детей-сирот: дом ребенка (дети до 4 лет), детский дом-интернат (дети с ОВЗ и инвалидностью) и обычные детские дома и ЦССВ (центры содействия семейному воспитанию) – при отсутствии выраженных проблем со здоровьем. При этом во всем регионе может быть 1-2 дома ребенка или детского дома-интерната для детей с инвалидностью. Таким образом, ребенка могут разместить за сотни километров от родного дома, в связи с чем у родителей вероятнее всего не будет возможности посещать ребенка регулярно. На практике дети могут не видеть родителей месяцами и даже годами. Детско-родительские отношения разрушаются. Подобные множественные случаи можно назвать скрытым (латентным) сиротством, когда ребенок фактически остается без родительского попечения, но юридической связи с родителями не теряет.

В таких ситуациях явно нарушаются право ребенка жить и воспитываться в семье, право на заботу и воспитание родителями, право на общение с ними. Все это свидетельствует о том, что предоставление услуги по временному размещению ребенка родителями должно иметь некоторые разумные ограничения. В связи с этим целесообразна разработка мер, направленных на защиту указанных нарушенных прав ребенка. Часть указанных мер лежит в плоскости законотворческой деятельности. Так, помещение ребенка в детское стационарное учреждение должно стать самой крайней мерой, когда невозможно оказать семье помощь, необходимую для сохранения проживания ребенка в семье. Для этого требуется развитие сферы социальных услуг для данных семей и, в первую очередь, социальных услуг, оказываемых на дому. Кроме того, необходимо повышение информированности родителей о том, какие стационарозамещающие услуги могут быть им оказаны по месту проживания.

Кроме того, в целях сокращения времени пребывания детей, помещенных в организации для детей-сирот по заявлению родителей, необходимо введение ограничения срока такого размещения ребенка. Если же ситуация складывается таким образом, что родители по тем или иным причинам не хотят или не могут забрать своего ребенка домой (например, если у ребенка такая форма инвалидности, что семья не сможет организовать ему уход на дому), у органа опеки и попечительства должна возникать обязанность признать такого ребенка оставшимся без попечения родителей, что даст ему возможность быть устроенным в другую семью. Данные изменения, безусловно, должны сопровождаться развитием сферы социальных услуг для семей с детьми в трудной жизненной ситуации, так как необходимость такого размещения достаточно часто обусловлена именно отсутствием необходимых для семьи услуг. Например, одинокая мать, воспитывающая ребенка с инвалидностью, требующего постоянного ухода, не может и работать, и обеспечивать присмотр за ребенком одновременно. Но вместо того, чтобы размещать ребенка по этой причине в учреждение (как это обычно происходит сейчас), ей могли бы предоставить услуги няни на бесплатной основе, что позволило бы сохранить ребенка в семье. Отметим также, что это было бы рационально и с финансовой точки зрения: стоимость услуг такой социальной няни значительно ниже, чем тот объем государственного финансирования, который выделяется на содержание ребенка в детском учреждении (по разным данным стоимость содержания одного ребенка в год составляет от 1 до 3 миллионов рублей в год) [6].

Как уже было указано, защита нарушенных прав ребенка, оставшегося без попечения родителей, возлагается на органы опеки и попечительства. В случае если нарушено право ребенка жить и воспитываться в семье вследствие того, что он утратил родительское попечение, органы опеки и попечительства направляют свои усилия на скорейшее устройство ребенка в семью.

В первую очередь, должны быть совершены все возможные действия, направленные на возвращение ребенка его кровной семье (оказано содействие в решении трудной жизненной ситуации, снятии ограничения в родительских правах, восстановлении родителя в родительских правах – в случае если родитель проявляет такую заинтересованность). И только при невозможности возвращения ребенка родителям начинается прорабатываться «план Б»: устройство ребенка в замещающую семью. Следует отметить, что этот очевидный алгоритм действий до сих пор не получил своего закрепления в Семейном кодексе РФ. Так, пункт 1 статьи 121 СК РФ свидетельствует о том, что в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, предполагается только устройство в новую семью. В связи с этим революционной следует считать норму, внесенную в апреле 2022 г. в законодательство [9], согласно которой дети, оставшиеся без

попечения родителей, помещаются в организацию «временно, на период до их возврата родителям, иным законным представителям», и лишь при невозможности возвращения ребенка в кровную семью – до устройства на воспитание в замещающую семью.

При устройстве ребенка на воспитание в семью опекунов (попечителей), в первую очередь, необходимо использовать возможность устройства ребенка в семью родственников или иных близких взрослых (крестных, друзей семьи, соседей и т.д.) и лишь при отсутствии подобного варианта – в семью иных приемных родителей.

Также целесообразно обратить внимание на существование такой эффективной формы устройства ребенка как профессиональная, или ресурсная (фостерная) семья. Такие приемные родители готовы принимать ребенка временно, на период, пока ведется работа на восстановление с кровной семьей либо осуществляется поиск постоянной приемной семьи. Достоинством данного института является то, что такая приемная семья принимает любого ребенка (а не по выбору потенциальных замещающих родителей, как это происходит при традиционном семейном устройстве). Такой подход позволяет устроить только что выявленного ребенка не в учреждение, а в семейные условия проживания. Кроме того, в такие семьи устраиваются дети, для которых обычно сложно найти замещающую семью: дети с тяжелой инвалидностью, подростки и др. Данный институт широко распространен во многих зарубежных странах, используется он и в ряде субъектов Российской Федерации. В частности, в Московской области законодательно закреплены такие ресурсные семьи, создан реестр ресурсных семей [10].

Подводя итоги, еще раз отметим важную роль обеспечения права ребенка жить и воспитываться в семье, общаться с родителями, право на их заботу и воспитание. В данном контексте особенно выделяется категория детей, оставшихся без попечения родителей: в отношении них данные права априори нарушены или ограничены, однако это не означает, что такие дети утрачивают эти права; они нуждаются в особой защите и восстановлении указанных нарушенных прав. Правовой анализ показал, что семейное и социальное законодательство содержит ряд мер, которые - казалось бы - направлены за защиту ребенка и помощь семье в решении сложившейся трудной ситуации (применение мер временного размещения ребенка в учреждение, ограничение или лишение родительских прав, отобрание ребенка и др.), однако по факту данные меры существенно нарушают право ребенка жить и воспитываться в семье, поэтому требуют дополнительного переосмысления и корректировки.

Литература и источники

1. Семейный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
2. Боулби Дж. Привязанность / Общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Бурменской; Пер. с англ. Н. Г. Григорьевой и Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 447 с.
3. Нельсон, Чарльз А., Фокс Натан А., Зина Чарльз Г. Брошенные дети. Депривация, развитие мозга и борьба за восстановление. М.: Эксмо, 2019. 448 с.
4. Конституция Российской Федерации // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. 20 ноября. № 262.
6. Письмо Минпросвещения России от 01.07.2021 №МП-П-2510. Официально опубликовано не было.
7. Проект Минпросвещения России «Усыновите.ру» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usynovite.ru/?ysclid=lbtfnid9wp94104839> (дата обращения: 10.12.2022).
8. Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 28.06.1999. № 26. С. 3177.
9. Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 02.06.2014. № 22. С. 2887.
10. Распоряжение министерства социального развития Московской области от 31.03.2022 № 20РВ-75 «Об утверждении Порядка осуществления органами опеки и попечительства Министерства социального развития Московской области передачи на воспитание в ресурсные приемные семьи Московской области детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, формирования, ведения и использования реестра ресурсных приемных семей Московской области» // [Электронный ресурс]. URL: <https://msr.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/rasporyazheniya-minsocrazvitiya-mo/31-03-2022-19-15-25-rasporyazhenie-ministerstva-sotsialnogo-razvitiya?ysclid=lbuou9yybs285823964> (дата обращения: 05.12.2022).

References and Sources

1. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii // SZ RF. 01.01.1996. № 1. St. 16.
2. Boulbi Dzh. Privyazannost' / Obsch. red. i vstup. st. G.V. Burmenskoj; Per. s angl. N.G. Grigor'evoj i G.V. Burmenskoj. M.: Gardariki, 2003. 447 s.
3. Nel'son, Ch., Foks N., Zina Charl'z G. Broshennye deti. Deprivaciya, razvitie mozga i bor'ba za vosstanovlenie. M.: Eksmo, 2019. 448 s.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii // oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 14.11.2017 № 44 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannyh s zashchitoy prav i zakonnyh interesov rebenka pri neposredstvennoj ugroze ego zhizni ili zdorov'yu, a takzhe pri ogranichenii ili lishenii roditel'skih prav» // Rossijskaya gazeta. 2017. 20 noyabrya. № 262.

6. Pis'mo Minprosveshcheniya Rossii ot 01.07.2021 №MP-P-2510. Oficial'no opublikovano ne bylo.
7. Proekt Minprosveshcheniya Rossii «Usynovite.ru» // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.usynovite.ru/?ysclid=lbtfnid9wp94104839> (data obrashcheniya: 10.12.2022).
8. Federal'nyy zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» // SZ RF. 28.06.1999. № 26. S. 3177.
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 maya 2014 g. № 481 «O deyatel'nosti organizacij dlya detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditel'j, i ob ustrojstve v nih detej, ostavshihsy bez popecheniya roditel'j» // SZ RF. 02.06.2014. № 22. S. 2887.
10. Rasporyazhenie ministerstva social'nogo razvitiya Moskovskoj oblasti ot 31.03.2022 № 20RV-75 «Ob utverzhdenii Poryadka osushchestvleniya organami opеki i popechitel'stva Ministerstva social'nogo razvitiya Moskovskoj oblasti peredachi na vospitanie v resursnye priemnye sem'i Moskovskoj oblasti detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditel'j, formirovaniya, vedeniya i ispol'zovaniya reestra resursnyh priemnyh semej Moskovskoj oblasti» // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://msr.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/rasporyazheniya-minsocrazvitiya-mo/31-03-2022-19-15-25-rasporyazhenie-ministerstva-sotsialnogo-razvitiya?ysclid=lbuou9yubs285823964>

НЕТЕСОВА МАРГАРИТА СЕРГЕЕВНА – младший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук (netesova@inbox.ru).
NETESOVA MARGARITA SERGEEVNA – Junior Researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

УДК 347.985

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-165-168

ЗМИЕВСКИЙ Д.В., МЕДВЕДЕВ В.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: защита прав потребителей, подсудность, альтернативная подсудность, международные воздушные перевозки, юридическая ответственность

Альтернативная подсудность споров по делам о защите прав потребителей рассмотрена с точки зрения одной из важнейших гарантий прав потребителей. При этом выявлены некоторые проблемы законодательного и правоприменительного механизма реализации такой альтернативной подсудности. В частности, обращается внимание на наличие коллизий между нормами гражданского, гражданского процессуального законодательства России и Варшавской конвенции 1929 г. Предложено внести изменение в действующее гражданское процессуальное законодательство, а именно исключить часть 3 статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. По мнению авторов, подобный подход позволит в полной мере установить необходимый баланс интересов потребителя и перевозчика, а также в большей степени будет соответствовать основополагающим началам законодательства о защите прав потребителей. Также с учетом положений Варшавской конвенции 1929 г. и выявленных в настоящем исследовании проблем высказано предложение о необходимости внесения изменений в пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17. Несомненным достоинством такой новеллы выступит устранения противоречий судебной практики по указанным спорам.

ZMIEVSKII, D.V., MEDVEDEV, V.A.

ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF JURISDICTION OF CONSUMER PROTECTION CASES

Key words: consumer protection, jurisdiction, alternative jurisdiction, international air transportation, legal liability

Alternative jurisdiction of disputes on consumer protection cases is considered from the point of view of one of the most important guarantees of consumer rights. At the same time, some problems of the legislative and law enforcement mechanism for the implementation of such an alternative jurisdiction have been identified. In particular, attention is drawn to the existence of conflicts between the norms of civil, civil procedural legislation of Russia and the Warsaw Convention of 1929. It is proposed to amend the current civil procedure legislation, namely to exclude part 3 of Article 30 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. According to the authors, such an approach will fully establish the necessary balance between the interests of the consumer and the carrier, and will also be more consistent with the fundamental principles of consumer protection legislation. Also taking into account the provisions of the Warsaw Convention of 1929 and the problems identified in this study, a proposal was made on the need to amend paragraph 22 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2012 N 17. The undoubted advantage of such a novel will be the elimination of contradictions of judicial practice in these disputes.

Проблемы защиты прав потребителей не являются новыми для отечественной правовой науки и практики, поскольку общественные отношения, одним из участников которых выступают потребители, традиционно выступают особым объектом правового регулирования со стороны государства. Следует отметить, что история становления и развития российского законодательства о защите прав потребителей, а также практики его применения чрезвычайно интересна, во многих моментах противоречива, преимущественна связана с формированием правовых позиций высших судов Российской Федерации и сама по себе может выступать в качестве самостоятельного объекта научного исследования. Так, окончательный переход к рыночной экономике в начале девяностых годов прошлого века актуализировал проблемы защиты прав экономически слабой стороны многих гражданско-правовых отношений, среди которых особое место традиционно занимают отношения с участием потребителей. Следует отметить, что действующий Закон о защите прав потребителей был принят 7 февраля 1992 года, то есть задолго до принятия Гражданского кодекса Российской Федерации, что было вызвано необходимостью скорейшего создания нормативно-правовых основ обеспечения прав граждан в рассматриваемой сфере.

Действующее законодательство о защите прав потребителей предоставляет существенные гарантии соблюдения прав и законных интересов лиц, приобретающих товары, работы или услуги исключительно для личного пользования, не связанного с осуществлением ими предпринимательской деятельности: особая процедура рассмотрения соответствующих требований; сокращенные сроки их удовлетворения; повышенная гражданско-правовая ответственность контрагента; возможность предъявления требования о компенсации морального вреда и др.

К их числу необходимо отнести и возможность обращения за судебной защитой не только по месту нахождения организации (индивидуального предпринимателя), чьим клиентом является потребитель, но также и в суд по месту, где договор был заключен или исполнен, а также по месту жительства потребителя или месту его пребывания. Аналогичная норма закреплена в статье 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующей вопросы альтернативной подсудности гражданско-правовых споров. В научной литературе отмечается, что «в ряде случаев правила альтернативной территориальной подсудности могут тесно переплетаться с другими ее видами, например, при рассмотрении дел с участием потребителей» [1, с. 14].

Вместе с тем, часть 7 статьи 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации имеет принципиальное отличие от части 2 статьи 19 Закона о защите прав потребителей, поскольку предусматривает ряд ограничений для выбора потребителем органа судебной защиты по территориальной принадлежности. Непосредственная отсылка в части 7 статьи 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации к части 4 статьи 30 этого же кодекса связана с появлением в российском процессуальном законодательстве относительно нового института коллективных исков. Установление императивного требования о территориальной подсудности таких исков, в том числе касающихся защиты прав потребителей, по месту нахождения ответчика вполне объяснима. Однако, соотношение положений нормы части 7 статьи 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 30 того же нормативного правового акта, на наш взгляд, составляет серьезную научную проблему, решение которой на практике зависит от многих обстоятельств. Речь идет о том, что часть 3 статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации содержит императивное требование об исключительной территориальной подсудности исков к перевозчикам. При этом выделены два критерия установления исключительной подсудности: иск должен вытекать непосредственно из договора перевозки; к перевозчику была предъявлена претензия в порядке установленном порядке.

Таким образом, имеет место проблема определения территориальной подсудности судебного спора в том случае, если с иском к перевозчику обращается гражданин-потребитель. Как уже отмечалось, с одной стороны, потребитель имеет право на выбор территориальной принадлежности судебной инстанции для обращения с иском о защите прав потребителей, и это право вытекает из положений как самого Закона о защите прав потребителей, так и часть 7 статьи 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. С другой стороны, потребитель услуг перевозчика лишается такой процессуальной привилегии, поскольку это уже вопросы исключительной подсудности, а значит иск должен быть подан по месту нахождения перевозчика.

На первый взгляд кажется, что решение данной проблемы достаточно простое и лежит в плоскости соотношения общих и специальных норм права, при конкуренции которых подлежат применению нормы специального характера. Однако, стоит обратить внимание на тот факт, что в данном случае нормы Закона о защите прав потребителей не будут выступать специальными, поскольку указанный закон не принят в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, а значит в силу статьи 1 указанного кодекса не будет относиться к законодательству о гражданском судопроизводстве, по правилам которого рассматриваются споры, связанные с защитой прав потребителей.

Полагаем, что из подобной логики исходил и Верховный Суд Российской Федерации, который обратился к этому вопросу еще в 2012 году. Так в пункте 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей" высшая судебная инстанция России исходит из приоритета специального правила, установленного частью 3 статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, при решении вопроса о территориальной подсудности спора перевозчика с участием потребителя. Вместе с тем, в пленуме подчеркивается, что данное правило распространяется лишь на те случаи, когда в силу закона до обращения в суд к перевозчику потребителем в обязательном порядке должна

быть направлена досудебная претензия. Отметим, что по общему правилу в отношении с участием потребителя направление такой претензии не обязательно, что подтверждается так же и результатами современных научных исследований [2, с. 103].

Таким образом, как отмечает высшая судебная инстанция, в качестве исключения выступают лишь два случая. Во-первых, это иски, основанием которых выступают отношения, возникающие из перевозки груза, что в свою очередь регулируется нормами статьи 797 Гражданского кодекса Российской Федерации. Во-вторых, это отношения с участием потребителя, где в качестве перевозчика выступают организации, управляющие объектами внутреннего водного транспорта.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что сложившаяся правоприменительная практика предприняла вполне эффективную попытку решить обозначенную проблему применения норм об исключительной подсудности. Следствием чего стало правило, сформулированное Верховным судом Российской Федерации, о том, что суду не предоставлено право на возврат подателю-потребителю искового заявления, в котором заявлено требование к лицу, осуществляющему перевозки, в случае если такое исковое заявление подано по месту жительства потребителя. В качестве исключения высшая судебная инстанция России указывает лишь на иски, предъявленные к перевозчикам, осуществляющим свою деятельность на внутренних водных путях.

Вместе с тем, подобный подход видится нам крайне ограниченным, поскольку не дает полноценного ответа на вопрос почему именно сфера внутреннего водного транспорта становится исключением из общего правила об альтернативной подсудности споров с участием граждан-потребителей. К сожалению, отсутствуют в настоящий момент и позиция по этому вопросу Конституционного Суда Российской Федерации, хотя соответствующие попытки предпринимались. Однако, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.06.2006 N 170-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беляева Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации", получило статус так называемого «отказного», в связи с чем расширенное официальное толкование рассматриваемого вопроса на настоящий момент отсутствует.

Учитывая изложенное, нами ставится под сомнение целесообразность такого исключения, поскольку само по себе подобное изъятие из общего правила основано на отсутствии прямого законодательного разрешения создавшейся коллизии как между нормами Закона о защите прав потребителей и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, так и между отдельными нормами указанного кодифицированного акта.

Необходимость решения существующей проблемы средствами законодательной техники вполне очевидно, а к самому механизму ее решения мы еще вернемся в завершении настоящей публикации. Одновременно считаем необходимым отметить, что решение рассматриваемой проблемы исключительности средствами формирования высшей судебной инстанцией России судебной практики не может исключить возникновения новых юридических казусов.

В качестве примера следует привести ситуацию с определением территориальной подсудности рассмотрения иска потребителя к авиаперевозчику, связанному с невыполнением обязательств из международной воздушной перевозки. Очень часто, разрешая вопрос о передаче дела для рассмотрения по подсудности, суды первой инстанции, руководствуются статьей 28 Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, заключенной в г. Варшаве 12.10.1929 (далее – Конвенция), и приходят к выводу о передаче такого дела в суд по месту нахождения перевозчика. В качестве примера приведем лишь несколько из них: Определение мирового судьи судебного участка N 105 Комсомольского судебного района г. Тольятти Самарской области от 05.10.2020 по делу № 88-3156/2021; Определение Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 28.04.2020 по делу № 2-2996/2022. Полагаем, что такой подход не всегда допустим и основан на положениях российского законодательства, а также самой упомянутой Конвенции.

В правовой литературе также отмечается, что положениям Конвенции присущ императивный характер. Так, например, Щукин А.И. предлагает обратить внимание на статью 32 Конвенции, согласно которой недопустимы любые соглашения, которыми бы изменялись правила подсудности рассмотрения споров, связанных с причинением вреда при осуществлении международных воздушных перевозок [3, с. 177]. Следует согласиться с упомянутым автором и особо подчеркнуть, что выдвинутый им тезис касается именно вопросов причинения вреда при осуществлении

международных воздушных перевозок. Вместе с тем, невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств из международной воздушной перевозки не всегда связано с причинением вреда, в том смысле, в котором сама Конвенция придает понятие термину «вред». В статьях 17-19 Конвенции установлена юридическая ответственность при воздушной перевозке только за тот вред, который причиняется пассажиру в результате его смерти или нанесения вреда его здоровью, либо в результате утраты, порчи или уничтожения багажа, либо в результате, когда имеет место опоздания пассажира на рейс. Однако, например, вопросы о возврате провозной платы пассажира данная Конвенция не регулирует, в связи с чем применение статьи 28 указанной Конвенции о подсудности рассмотрения споров, вопреки приведенным ранее выводам судов, в данном случае не применима.

Подводя итог, полагаем возможным сформулировать предложение по внесению изменения в действующее гражданское процессуальное законодательство, а именно исключить часть 3 статьи 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Думается, что подобный подход позволит в полной мере установить необходимый баланс интересов потребителя и перевозчика, а также в большей степени будет соответствовать основополагающим началам законодательства о защите прав потребителей. С учетом положений Варшавской конвенции 1929 г. и выявленных в настоящем исследовании проблем считаем необходимым также высказать предложение о необходимости внесения изменений в пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17. Несомненным достоинством такой новеллы выступит устранения противоречий судебной практики по указанным спорам.

Литература и источники

1. Алексеев А.А. Значение воли сторон при определении компетентного суда в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5.
2. Вязовская Т.Н., Змиевский Д.В., Лебедева А.А. Досудебное урегулирование гражданско-правовых споров с участием потребителей: необходимость и практическое значение // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 1(23).
3. Щукин А.И. Договор международной воздушной перевозки пассажиров и багажа: определение компетентного суда // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. Вып. 27.

Literature and Sources

1. Alekseev A.A. Znachenie voli storon pri opredelenii kompetentnogo suda v grazhdanskom processe // Arbitrazhny i grazhdanskij process. 2020. № 5.
2. Vyazovskaya T.N., Zmievskij D.V., Lebedeva A.A. Dosudebnoe uregulirovanie grazhdansko-pravovyh sporov s uchastiem potrebitelej: neobhodimost' i prakticheskoe znachenie // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2016. № 1(23).
3. Shchukin A.I. Dogovor mezhdunarodnoj vozdushnoj perevozki passazhirov i bagazha: opredelenie kompetentnogo suda // Kommentarij sudebnoj praktiki / отв. red. K.B. Yaroshenko. M.: IZiSP, KONTRAKT, 2021. Vyp. 27.

ЗМИЕВСКИЙ ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (zmievsky@yandex.ru).

МЕДВЕДЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (v.medvedev@bk.ru).

ZMIEVSKY, DMITRY V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Advocacy, Chuvash State University named after I.I. I.N. Ulyanov (zmievsky@yandex.ru).

MEDVEDEV, VLADIMIR A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Public Law, Chuvash State University named after I.I. I.N. Ulyanov (v.medvedev@bk.ru).

УДК 347.61/.64

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-168-171

КУДРЯВЦЕВА Л.В., СЕМЕНОВ Д.Ю.

СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС КАК ВИД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: семейный бизнес, предпринимательская деятельность, малое и среднее предпринимательство, предпринимательское право, семейное право.

В статье рассматриваются различные подходы к понятию и сущности семейного бизнеса, как вида предпринимательской деятельности. Данная тема является актуальной, поскольку, несмотря на широкое распространение данного вида предпринимательской деятельности, отсутствует надлежащее нормативное регулирование, и единственным источником выступают судебная практика и нормативные акты смежных отраслей права. Осуществлен анализ практики и нормативно-правовых актов, в целях выявления проблем, которые существуют сейчас, либо могут возникнуть в будущем. Основными проблемами, которым уделяется основное внимание, определены: отсутствие надлежащего нормативного регулирования семейного бизнеса, отсутствие порядка регистрации и приобретения статуса семейного бизнеса и отсутствие правил раздела имущества, используемого в семейном бизнесе. Каждая поднятая проблема анализируется, предлагаются варианты устранения проблем нормативного регулирования.

KUDRYAVTSEVA, L.V., SEMENOV, D.Y.

FAMILY BUSINESS AS A TYPE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Key words: family business, entrepreneurial activity, small and medium business, business law, family law.

The article discusses various approaches to the concept and essence of a family business as a type of entrepreneurial activity. This topic is relevant because, despite the widespread use of this type of entrepreneurial activity, there is no proper regulatory regulation, and the only source is judicial practice and regulations of related branches of law. An analysis of practice and regulations was carried out in order to identify problems that exist now or may arise in the future. The main problems that are given the main attention are identified as: the lack of proper regulatory regulation of the family business, the lack of registration and acquisition of the status of a family business, and the lack of rules for the division of property used in the family business. Each issue raised is analyzed and suggestions are made to address regulatory issues.

Семейный бизнес, несмотря на всю свою важность и широкое распространение, официально так и не получил надлежащего нормативного закрепления. Российский закон не знает такого определения, как «семейный бизнес», хотя фактически такой вид предпринимательской деятельности уже существует на практике длительный промежуток времени. Данная проблема актуальна и интересна многим исследователям и практикам, а также законодателю. Особенно это заметно, если проанализировать последние законодотворческие инициативы.

Так, например, на рассмотрении законодательных органов находится проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» предлагающий закрепить новое понятие – «семейное предприятие». В нем некоторые исследователи видят определение семейного бизнеса, что кажется не совсем правильным. Основным критерием отнесения субъекта малого или среднего предпринимательства к семейному предприятию является нахождение в его составе не менее 50% (или более 50% в случае с АО, ООО) членов семьи. Однако данный критерий, не выглядит достаточным. Например, крестьянское фермерское хозяйство (далее – КФХ) больше похоже на семейный бизнес, поскольку максимум трудящихся в нем лиц, не являющихся членами семьи, составляет только пять человек. Также спорная ситуация с индивидуальными предпринимателями (далее – ИП). В ИП, согласно проекту закона, обязательно должны находиться работники, то есть один из членов семьи будет обладать гораздо большими правами, чем другие. Совершенно очевидно, что проект федерального закона будет дорабатываться, а подобные проблемы устраняться. Однако не известно, когда это произойдет.

Таким образом, на данный момент в Российской Федерации отсутствует закон, закрепляющий определение семейного бизнеса или семейного предприятия. На эту проблему обращают многие ученые. Например, А.Н. Левушкин сосредотачивает свое внимание на отсутствии законодательной дефиниции семейного предпринимательства [1]. Естественно, исследователи в своих публикациях пытались сформировать собственное определение, которое позволило бы передать сущность и особенности семейного бизнеса, выделить семейный бизнес из остальных видов предпринимательской деятельности. Однако из-за большого количества различных определений не представляется возможным остановиться на одном конкретном.

Именно поэтому, было произведено обобщение и выделение двух общих подходов к определению семейного бизнеса.

Первый подход главное внимание сосредотачивает на форме собственности, на отдельных видах деятельности, которые следует признать семейными. Согласно данному подходу, семейный бизнес – это капитал, что может выражаться в акциях, долях, паях, принадлежащий семье или контролируемый ею. Это широкое определение включает не только те виды бизнеса, о которых обычно думают, как о семейных (к примеру, малый бизнес, которым, как правило, занимаются члены семьи), но и публичные компании, имеющие значительную семейную собственность. Подход, выражающийся в отнесении к семейному бизнесу отдельных организационно правовых форм, установленных гражданским законодательством, больше напоминает попытку закрыть существующий пробел, чем целенаправленно его устранить. Так, например, некоторые смело называют КФХ формой семейного бизнеса, поскольку основная деятельность в нем осуществляется членами семьи, глава которого обязательно регистрируется в качестве ИП. Однако, несмотря на это и отмеченную ранее схожесть, данная идея не выглядит правильной, поскольку КФХ может создаваться без участия членов семьи, как юридическое лицо. Также вызывает вопросы тот факт, что закон позволяет создать КФХ одному лицу и привлечь к работе в нем лиц, которые не являются членами семьи. Все это в определенной степени создает преграду для отнесения КФХ к семейному бизнесу.

Второй подход исходит из характера управления семейным предприятием, особых связей, возникающих при управлении им. Согласно этому подходу, семейный бизнес – это любой бизнес, в котором два или более руководителя связаны семейно-правовыми связями [2]. Данный подход

выглядит более правильным, поскольку он передает сущность семейного бизнеса и позволяет выделить характерный признак данного вида предпринимательской деятельности.

Рассмотренные выше подходы, несмотря на свою теоретическую основу и существующие различия, позволяют в своей совокупности выявить сущность семейного бизнеса, который представляет собой особый симбиоз между корпоративными отношениями, основной целью которых является извлечение прибыли, и семейными отношениями, возникающими при создании и существовании семьи, нацеленными на любовь, уважение и взаимопомощь между ее членами. Видится, что именно сложность данного симбиоза не позволяет сформировать должным образом понятие и помимо этого порождает множество проблем.

Говоря о проблемах, следует начать с отсутствия определения «семейный бизнес», а также нормального нормативного регулирования семейного бизнеса, как вида предпринимательской деятельности. Совершенно очевидно, что внесение изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» недостаточно. Это можно назвать только первым шагом законодателя к регулированию данных отношений. Для нормального регулирования семейного бизнеса необходим специальный нормативно правовой акт, который отражал бы все особенности данного правового объекта. Следующие проблемы напрямую связаны с отсутствием нормативного регулирования.

Проблема определения состава семейного бизнеса. Законодателю необходимо будет определить, кто из членов семьи сможет осуществлять ведение семейного бизнеса, а также как будет осуществляться руководство в рассматриваемом виде предпринимательской деятельности. Если решения будут приниматься общим собранием, то необходимо определить порядок голосования, а если принятие решений будет возложено на отдельных членов семьи, выполняющих обязанности коллегиальных, либо единоличных органов, то необходимо установить порядок их назначения/отстранения. С этой проблемой связана проблема распределения долей участников семейного бизнеса и их передачи. Нужно определиться, что будет происходить при выходе члена из состава участников семейного бизнеса. Видится возможным закрепить ликвидацию всего бизнеса при выходе одного из его участников, либо переход его доли остальным участникам, оставшимся в бизнесе, с последующим распределением в равной пропорции между ними. Также важно определиться с возможностью и порядком наследования бизнеса. С одной стороны, передача семейного бизнеса в порядке наследования другим членам семьи продолжит его существование и обеспечит дальнейшее развитие. Однако, с другой стороны, переход бизнеса к другим лицам, без опыта его ведения, может повлечь последующую ликвидацию семейного бизнеса. Наиболее удачным вариантом будет переход к пережившему супругу, который сможет надлежащим образом им распорядиться. Но все еще неизвестно что делать в ситуации если оба супругов не могут продолжать его ведение.

Проблема регистрации семейного бизнеса, порождает уже сейчас множество вопросов, на которые ответы может дать лишь законодатель. Вот некоторые из них: как именно должна проходить регистрация и есть ли вообще в ней необходимость? должны ли регистрацию проходить оба супруга или достаточно одного из них? будет ли статус распространяться на обоих супругов? Естественно, принятие специализированного закона позволит ответить на большую часть вопросов и, таким образом, решит рассмотренные проблемы. Именно поэтому законодателю необходимо пойти дальше, чем внесение изменений в существующий закон.

Актуальной проблемой, которая возникает перед судами уже сейчас, является разделение семейного бизнеса. На данный момент отсутствует достаточно проработанная практика относительно того, как следует делить совместный бизнес супругов. И это лишь один из нескольких правовых пробелов, существующих в современном законодательстве [3]. Сейчас суды стараются сохранить имущество, необходимое для осуществления предпринимательской деятельности за тем из супругов, который ей занимается. Однако в случае с семейным бизнесом возникает проблема при его разделе, поскольку оба супруга принимают равное участие в нем, а режим совместной собственности автоматически определяет доли каждого лица в совместном имуществе. Суд не может отдать предпочтение одному из них, не нарушив тем самым права другого супруга. В то же время, разделив поровну, он лишит бывших супругов возможности осуществлять деятельность и выполнять свои обязательства. Возможным выходом, в случае разделения имущества по закону, является перенесение сотрудничества на другой уровень –

переход из семейного бизнеса в обычный. Однако Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет два возможных правовых режима имущества, которые применимы к отношениям, возникающим между супругами по поводу совместного имущества: законный и договорный режим [4]. Именно договорный режим следует считать прекрасным вариантом для супругов с семейным бизнесом. Он позволяет разделить их бизнес-активы с минимальным ущербом для осуществляемой предпринимательской деятельности. Заключив брачный договор, супруги заранее смогут определиться с порядком раздела их имущества.

Таким образом, хочется отметить, что идея узаконить семейный бизнес выглядит правильной. Однако законодателю предстоит проделать еще много работы, и одним из важных шагов является принятие специального закона. Поскольку данный правовой объект является новым для Российской Федерации, следует медленно и планомерно подходить к решению проблем. Недостаточно просто принять нормативный акт, необходимо также проконтролировать надлежащую его реализацию. Ведь сейчас семейный бизнес стоит в самом начале пути.

Литература и источники

1. Левушкин А.Н. Защита прав при осуществлении семейного предпринимательства как вида экономической деятельности // А. Н. Левушкин // Защита частных прав: проблемы теории и практики: Материалы 7-й ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 03 декабря 2018 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2019. С. 65-71.
2. Левушкин А.Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3(43). С. 206-217.
3. Беловидов Р.Ю., Кудрявцева Л.В. Режим совместного имущества супругов: дискуссионные вопросы // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 76-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2020 год. В 3-х частях, Краснодар, 10–30 марта 2021 года / Отв. за выпуск А.Г. Кошаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2021. С. 46-49.
4. Кудрявцева Л.В. Некоторые аспекты распределения долгов по кредиту между супругами при расторжении брака // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 9. С. 466-468.

Literature and Sources

1. Levushkin A.N. Zashchita prav pri osushchestvlenii semejnogo predprinimatel'stva kak vida ekonomicheskoy deyatel'nosti / A. N. Levushkin // Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki: Materialy 7-j ezhegoednoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Irkutsk, 03 dekabrya 2018 goda. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 65-71.
2. Levushkin A.N. Semejnoe predprinimatel'stvo i semejnij biznes: ponyatie, pravovaya priroda i perspektivy razvitiya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2018. № 3(43). S. 206-217.
3. Belovidov R.Yu., Kudryavceva L.V. Rezhim sovmestnogo imushchestva suprugov: diskussionnye voprosy // Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa: Sbornik statej po materialam 76-j nauchno-prakticheskoy konferencii studentov po itogam NIR za 2020 god. V 3-h chastyah, Krasnodar, 10–30 marta 2021 goda / Otv. za vypusk A.G. Koshchae. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyj agrarnyj universitet imeni I.T. Trubilina, 2021. S. 46-49.
4. Kudryavceva L.V. Nekotorye aspekty raspredeleniya dolgov po kreditu mezhdu suprugami pri rastorzhenii braka // Byulleten' nauki i praktiki. 2021. T. 7. № 9. S. 466-468.

КУДРЯВЦЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (larisa-k75@mail.ru).

СЕМЕНОВ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ – магистрант, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (jonless@yandex.ru)

KUDRYAVTSEVA, LARISA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of International Private and Business Law, The Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (larisa-k75@mail.ru)

SEMENOV, DMITRY Yu. – master's student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (jonless@yandex.ru)

УДК 349.412.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-171-177

ВЛАДИМИРОВ Н.Н.

ТИПЫ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: договор аренды, аренда земельного участка, недвижимое имущество, собственность, арендатор, арендодатель, земля, субаренда.

Статья посвящена рассмотрению правовых форм и типов договорных конструкций аренды земельного участка по законодательству Российской Федерации. Рассмотрены особенности нормативного регулирования договора аренды земельного участка с учетом общих классифицирующих признаков и хозяйственного назначения земель. На основании законодательных положений сделан обоснованный вывод, что право аренды возникает на основании договора, заключенного в отношении земельного участка, находящегося в частной, государственной или муниципальной собственности, поэтому применение Гражданского кодекса РФ к арендным отношениям совершенно оправданно. В статье приведены примеры из судебной практики и проанализированы нормы правоприменения формирующие правовую базу договорных конструкций аренды земельных участков.

VLADIMIROV, N.N.

**TYPES OF CONTRACTUAL LAND LEASE CONSTRUCTIONS UNDER THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Key words: lease agreement, land lease, real estate, property, tenant, landlord, land, sublease.

The article is devoted to the consideration of legal forms and types of contractual structures for the lease of a land plot under the legislation of the Russian Federation. The features of the normative regulation of the land lease agreement are considered, taking into account the general classifying features and the economic purpose of the land. Based on the legislative provisions, a reasonable conclusion was made that the right to lease arises on the basis of an agreement concluded with respect to a land plot that is in private, state or municipal ownership, therefore, the application of the Civil Code of the Russian Federation to lease relations is completely justified. The article provides examples from judicial practice and analyzes the rules of law enforcement that form the legal basis for contractual structures for the lease of land.

В Российской Федерации на протяжении длительного времени остается актуальным вопрос договорного регулирования земельных отношений. Земельная реформа России конца XX столетия изменила порядок использования земельных угодий и площадей для социально-экономического развития нашей страны. С 1 марта 2015 года вступили в силу изменения в Земельный кодекс Российской Федерации, согласно которым, под земельным участком понимается недвижимая вещь и часть земной поверхности, с характерным признаком индивидуально определенной вещи.

В современных реалиях государство уделяет особое внимание вопросам земельного права и его целевому назначению. Именно формирование единого информационного ресурса о земельных участках стало решением проблемы предоставления земельных участков в собственность или аренду различным категориям граждан и организаций.

Представляется, что достижение поставленных целей связано с необходимостью оптимизации правового регулирования и разграничения государственной собственности на землю на собственность Российской Федерации, собственность субъектов Российской Федерации и собственность муниципальных образований. Так, например, в главе VI Земельного кодекса определены основания и порядок предоставления государственных и муниципальных земельных участков на основании договора аренды муниципальным образованиям, городским и сельским поселениям. Примечательно, что, в зависимости от целей предоставления, установлены четкие сроки действия договоров аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности с максимальным сроком действия договора аренды таких участков в 49 лет.

В Конституции РФ в общей форме определены полномочия некоторых органов государственной власти по регулированию земельных отношений. Так, в ст. 114 Конституции РФ (п. «в») указано, что Правительство РФ обеспечивает проведение единой государственной политики в области экологии, имеющее непосредственное отношение к обеспечению охраны земель [1]. Правительство РФ осуществляет управление землями, находящимися в федеральной собственности и его назначением.

Земельные ресурсы являются всеобщим неотъемлемым богатством, что закреплено в нормативных актах РФ, в частности стоит отметить, что их целевое назначение и эффективное использование обеспечивает оборот земель, которые распределены по разным категориям и площадям. Среди них земли федеральной собственности с особым назначением для государства. Это земли, занятые объектами обороны и безопасности, недра, леса и другие. При этом важным является определение объекта недвижимого имущества и, в первую очередь, это земельный участок и все, что прочно с ним связано. Безусловно, земля – это и есть недвижимость, но с другой стороны этот критерий служит решающим фактором для определения иного имущества, как недвижимости, но все же имеющего связь с землей.

Гражданское законодательство регламентирует общие нормы по владению, пользованию и распоряжению земельными участками с учетом особых положений федерального законодательства, установленных для отдельных видов (категорий) земель.

Категория собственности на землю является главенствующей в системе вещных прав на земельные участки, поскольку набор правомочий по владению, пользованию и распоряжению землей дает возможность определять юридическую судьбу недвижимости.

В нормативных актах и научной литературе, учитывая отраслевое законодательство, положительный опыт правоприменительной практики гражданского оборота недвижимости, можно вы выделить несколько типов или видов договора аренды земли с учетом общих классифицирующих признаков и их хозяйственного назначения:

- 1) договор аренды земельного участка для производства сельхозпродукции;
- 2) договор аренды земельного участка под жилищное строительство;

- 3) договор аренды на земельный участок, состоящий в муниципальной собственности;
- 4) договор аренды земельного участка, находящегося в общей долевой собственности;
- 5) договор аренды земельного участка, находящегося в частной собственности;
- 6) договор аренды земельного участка с возможностью субаренды;
- 7) договор субаренды земельного участка.

Одной из форм гражданско-правового оборота недвижимости является договор аренды земельного участка для производства сельхозпродукции. Такой договор заключается между арендодателем – собственник земли (сельскохозяйственных угодий) и арендатором, желающим заполучить его в ограниченное во времени пользование. Указание фиксированной суммы ежемесячных выплат и сроки аренды – обязательное существенное условие для договора. Необходимо так же указание на то, что арендатор может беспрепятственно использовать и реализовывать плоды и продукцию своей сельскохозяйственной работы, полученной именно при эксплуатации земельного объекта, предоставленного в аренду на возмездных условиях. Обязательным пунктом в договоре аренды земли сельхозназначения является срок предоставления в пользование. Нужно обговорить с арендатором и четко прописать период передачи участка в пользование. Особенности аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения определены в Федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [2]. В одном из судебных решений указано, что право на земельный участок или заключение договора аренды предоставлено субъектам права с особым статусом, а именно сельскохозяйственной организации. В Арбитражный суд Нижегородской обратился ООО «Родное поле» с заявлением о признании незаконным решения администрации Лукояновского района Нижегородской области об отказе в предоставлении Обществу в собственность без проведения торгов 1/429 доли земельного участка. С позиции заявителя, Общество, как сельскохозяйственная организация, использующая спорный земельный участок в течении длительного времени по целевому назначению, имеет преимущественное право приобретения в собственность данного земельного участка по цене не более 15% кадастровой стоимости.

Специальный правовой режим земель сельскохозяйственного назначения обусловлен необходимостью их целевого использования, что следует из норм пункта Земельного кодекса Российской Федерации [9, 10].

Суд учитывает, что оборот земель сельскохозяйственного назначения основывается на принципе целевого использования земельных участков, принадлежность спорного участка к землям сельскохозяйственного назначения предопределяет необходимость учета требований специального законодательства при решении вопроса о предоставлении его в частную собственность [11].

Особое значение традиционно играет договор аренды земельного участка под жилищное строительство. Гражданский кодекс РФ требует, чтобы в договоре аренды данного вида были четко указаны сведения, на основании которых можно определить конкретный земельный участок, передаваемый в аренду под строительство. Если таких данных в договоре нет, то он не может признаваться заключенным [8]. Подобный договор в строгом порядке заключается между органами власти и арендатором, желающим на участке начать новое строительство. Важно отметить, право на аренду, можно получить на торгах только для строительства. Исключения представляют крупные проекты, завершение незаконченного строительства и социально-культурные объекты. Если в связи с какой-либо проблемой не было завершено строительство, а срок аренды подходит к концу, то возможно продление срока аренды с целью выполнения принятых обязательств, т.е. завершения объекта строительства.

Практика показывает, что не во всех случаях аренда земельного участка под жилищное строительство, имеет специфику аренды недвижимого имущества, субъектом которых выступает публичный орган. Так, департамент муниципальной собственности администрации города Кирова обратился в арбитражный суд с исковыми требованиями о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «Индикон» задолженности по арендной плате по договору аренды земельного участка и пени за нарушение сроков внесения арендных платежей по договору аренды земельного участка для жилищного строительства. Суд исковые требования департамента муниципальной собственности администрации города Кирова удовлетворил, пояснив это тем, что независимо от

самого договора аренды, его условия должны соблюдаться по всем пунктам. Ненадлежащее исполнение арендатором обязанности по внесению арендной платы за пользование земельным участком послужило основанием для обращения истца в суд [12].

Договор аренды на земельный участок, состоящий в государственной и муниципальной собственности имеет в настоящее время ключевое значение. Наибольшую сложность представляет собой процесс оформления государственных (муниципальных) земель в аренду [4]. Такой договор подлежит к заключению между владельцем (собственником) государственной земли и арендатором. В договоре необходимо проверить наличие информации о земле (адрес, размеры, границы), номер кадастровый, наличие каких-либо объектов, величину денежной платы и сроки аренды. В соответствии с поправками в Земельный кодекс РФ, срок договора аренды зависит от того для каких целей он заключается. Теоретический анализ принципов и элементов рыночного земельного оборота в стране, а также общие вопросы связаны с решением ряда актуальных задач правового, организационного и экономического характера. В России более 99% всех сделок земельного оборота приходится на сделки аренды государственной и муниципальной земли. Эти сделки совершаются в основном с землями сельскохозяйственного назначения.

Например, в практике стран СНГ, Кодекс Республики Беларусь «О земле» устанавливает норму, в соответствии с которой «на земельных участках, находящихся в государственной собственности и предоставленных в аренду, допускаются строительство капитальных строений (зданий, сооружений), создание древесно-кустарниковой растительности (насаждений) или насаждений травянистых многолетних растений арендаторами, если это соответствует целевому назначению этих земельных участков и условиям их предоставления в аренду, указанным в решениях государственных органов, осуществляющих государственное регулирование и управление в области использования и охраны земель, и договорах аренды земельных участков» [6].

В особом порядке осуществляются правомочия владения и пользования земельным участком, находящимся в собственности нескольких лиц, т.е. в общей долевой собственности. Субъекты наделяются абсолютно равными правами по осуществлению и реализации своего права, поскольку общая собственность на земельный участок находится в руках собственников, каждый из которых в равной мере владеет определенной долей. Существуют правовые особенности общей долевой собственности на землю. Исходя из коллективного управления земельной территорией, собственники надела несут права и обязанности согласно своим долям. Например, устанавливается, что собственники обязаны уплачивать налог на землю или получать прибыль с участка в соответствии со своими долями. Все участники несут коллективную ответственность за распоряжение общей собственностью. Если один из владельцев решит возвести здание и использовать для этого часть земли по договору, то остальные собственники не вправе чинить препятствия. На основании ст. 246 ГК РФ, собственники имеют право на отчуждение полагающегося им земельного участка. Продавец обязан оповестить о выходе из долевой собственности остальных участников [3]. Владелец доли из общей собственности на землю может отдать участок в аренду или заключить договор сервитута. По общему правилу, заключать договор аренды земельного участка, находящегося в общей долевой собственности возможно только с собственником земельной доли. С одной стороны, договор подписывает арендатор, а с другой - каждый из собственников участка. Закон допускает и другой вариант заключения договора: между арендатором и одним из собственников, действующим на основании доверенностей, выданных ему другими собственниками. Обязательное указание в договоре размера платы за аренду, сроки и формы расчета, данные о земле. Получая в аренду участок, принадлежащий нескольким собственникам, следует проверить наличие письменного согласия со стороны всех собственников.

Так в мотивировочной части Постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 11 марта 2022 года по делу № А55-34698/2020 суд указал, что в ЕГРН в отношении земельного участка с кадастровым номером 63:30:0205007:18 содержится запись о невозможности государственной регистрации перехода права, ограничения права и обременения объекта недвижимости без личного участия собственника объекта, в связи с чем регистрирующий орган обязан в силу прямого указания закона обязан возратить заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы, отказали в удовлетворении заявленных

требований, в качестве другого основания для отказа послужил и факт раздела земельного участка по инициативе участников долевой собственности, которые голосовали против передачи земельного участка в аренду. Указанные лица вправе выделить земельные участки в счет принадлежащих им долей по правилам пункта 4 статьи 13 Закона № 101-ФЗ и распорядится образованными земельными участками без согласия арендатора земельного участка (пункт 5 статьи 14 Закона № 101-ФЗ) [13].

При таких обстоятельствах дольщики, должны выделить земельный участок и его передать в аренду, или определить между участниками долевой собственности порядок пользования земельными долями, согласовав место пользования своей долей на карте земельного участка. И только после присвоения кадастрового номера части земельного участка, он может быть передан в аренду [7].

Отдельно необходимо рассмотреть договор аренды земельного участка, находящегося в частной собственности. Право аренды возникает на основании договора, заключенного в отношении земельного участка, находящегося в частной собственности. Поэтому применение Гражданского кодекса РФ к арендным отношениям очевидно. Правовые возможности граждан трансформировать ранее возникшие права пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования на земельные участки в собственность или аренду не утратили своей актуальности и юридической силы. Право собственности на землю является главенствующим в системе вещных прав на земельные участки, поскольку только у собственника содержится полный набор правомочий по владению, пользованию и распоряжению землей. Одним из таких правомочий собственника является предоставление земли в аренду. Заключается такой договор между арендатором и собственником земельного участка на срок более года с указанием данных об участке (размер, схема, адрес), номер кадастровый, в каких целях приобретаетась земля, перечисление объектов, располагающихся на участке, а также суммы и сроки оплаты.

Договор аренды земельного участка с возможностью субаренды. Субаренда – это лишь одна из разновидностей оформления земельного участка в аренду, которая заключается между лицом, имеющим землю во временном пользовании и желающим передать ее в аренду другому лицу на условиях возмездности. Арендатор обязан сообщить субарендатору о существующих обязательствах перед арендодателем и прочими лицами, если таковые имеются. Договор субаренды представляет собой договор, заключаемый на земельный участок между арендатором и третьей стороной, которая и будет в дальнейшем использовать предмет договора и получать от него доход. Данное соглашение заключается на время, не превышающее срок действия договора основной аренды. При этом ответственными сторонами будут арендаторы по обоим договорам. К примеру, в области сельского хозяйства может оплачиваться временное использование подобного участка земли или недр. Хотелось бы заметить и то, что все собранные плоды и приобретенные доходы, которые арендатор получает в ходе использования арендуемого участка земли, находятся только в его личной собственности. Делается это для извлечения дополнительной прибыли с участка. Согласно п. 6 ст. 22 ЗК РФ арендатор земельного участка имеет право передать арендованный земельный участок в субаренду в пределах срока действия договора аренды земельного участка без согласия собственника земельного участка при условии его уведомления, если договором аренды земельного участка не предусмотрено иное [4].

Договор субаренды земельного участка. Субарендой называется сложная сделка, при которой арендатор ещё раз сдаёт землю в пользование, уже другому физическому или юридическому лицу, которое в дальнейшем непосредственно пользуется переданным участком. Субаренда является разновидностью аренды, наряду с прокатом наймом, лизингом и поднаймом. Заключается между арендатором участка, не являющимся собственником, но желающим передать его в ограниченное по времени пользование другому лицу. Сделка обязательно должна быть возмездной, а субарендатор должен оплачивать стоимость пользования землей, либо оказывать наймодателю определённые услуги, передавать ему в собственность личное имущество. С другой стороны, заключить такую сделку можно только при наличии подтверждения разрешения от основного арендодателя, того, кто является собственником арендуемой территории. Важно проверить землю на наличие построек, принадлежащих органам государственной власти. Подобные территории запрещено передавать во владение третьим лицам. По срокам субаренда не может превышать основной срок договора аренды земли. Отличительными признаками является

то, что при заключении договора субаренды права на пользование землей переходят к третьему лицу, которое не обременено никакими обязательствами перед собственником.

Данный вывод подтверждается и сложившейся судебной практикой. В своем Постановлении Арбитражный суд Поволжского округа от 29 апреля 2022 года № А55-8458/2021, совершенно верно указал, что из договоров субаренды земельных участков следует, что они заключены для ведения субарендатором сельскохозяйственного производства, что соответствует категории земель и пунктам 1.1 договоров аренды земельных участков. Истец, передавая в субаренду земельные участки, в отсутствие согласия арендодателя действовал в нарушение условий пункта 6.1.2 договоров, указывая в договорах субаренды на наличие такого согласия. До марта 2021 года истец с требованиями к ответчику о возврате земельных участков, расторжении договоров субаренды, признании их недействительными в суд не обращался. Указанные действия истца не отвечают критерию добросовестного поведения, подлежащего судебной защите. Таким образом, споры в области договора субаренды имеют сложный комплексный характер, поскольку включают в себя множество важных вопросов арендной платы и действия срока такого вида договора [14]. Полагаем, что проблема объективного освещения современных проблем договорных отношений в сфере земельных участков может быть разрешена путем анализа актуальной правоприменительной практики.

Как видно из изложенного, договор аренды земельного участка имеет различные виды и типы правовых конструкций в зависимости от того, какое имущество является объектом аренды. Как указано в п. 1 ст. 607 ГК РФ, в аренду могут быть переданы земельные участки, более того законодатель учел тот факт, что земля является специфическим объектом права, по этой причине в п. 2 ст. 607 ГК РФ закреплено, что «законом могут быть установлены особенности сдачи в аренду земельных участков некоторых отдельных категорий земель сельскохозяйственного назначения, под жилищное строительство; находящееся в муниципальной собственности; в общей долевой и частной собственности, а также с возможностью субаренды» [3]. На сегодняшний день статус земельного участка определяется не только его целевым предназначением, но и сферой применения для сделок. Чтобы организовать эффективное использование сельскохозяйственных земель, они разделены на виды: особо охраняемые, продуктивные в плане ведения сельского хозяйства, непригодные для ведения сельского хозяйства.

Проанализировав законодательство, мы пришли к выводу о том, что в законодательстве Российской Федерации такие договоры, как договор аренды на земельный участок, состоящий в муниципальной собственности, договор аренды земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, договор аренды земельного участка, находящегося в частной собственности, договор аренды земельного участка с возможностью субаренды, договор субаренды земельного участка составляют основу не только земельных отношений, но и многих экономических и социальных отношений в обществе и государстве.

Следует вместе с тем констатировать, что в настоящее время особое внимание земельным ресурсам уделяется в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р74 [5]. В документе отмечается, что устойчивое развитие сельских территорий невозможно без изменения государственной политики в сфере земельных отношений применительно к землям сельскохозяйственного назначения. Именно в этих целях предусмотрены меры по установлению механизмов защиты сельскохозяйственных земель от выбытия из сельскохозяйственного оборота, повышению эффективности использования территорий сельских поселений и другие мероприятия.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что, учитывая значительную динамику изменений и дополнений в действующее законодательство, полезным и необходимым будет обращение к нормативно-правовой базе как федерального, так и регионального и местного уровня. В отношении договорных конструкций аренды земельных участков, должен быть сохранен принцип обеспечения условий для повышения эффективности гражданского оборота земельных участков, в т. ч. направленных на защиту прав на недвижимое имущество, снижения правовых барьеров при оформлении гражданско-правовых договоров с земельными объектами.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30

- декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 01 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2009. 21 января (№ 7); 2020. 1 июля (№ 31).
2. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г. N 316-ФЗ) "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" // СЗ РФ. 2002. № 30 ст. 3018.
  3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федеральный закон Российской Федерации от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г. N 295-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2018. № 1 (ч. I). Ст. 43.
  4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ (в ред. от 7 октября 2022 г. N 385-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. N 44 ст. 4147.
  5. Распоряжение Правительства РФ от 30 января 2018 г. № 118-р (в ред. от 29 апреля 2021 г. №1140-р) «О плане мероприятий по реализации в 2018 - 2020 гг. Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г.» // СЗ РФ. 2018. № 6. Ст. 948.
  6. Кодекс Республики Беларусь от 23 июля 2008 года №425-З «О земле» (с изм. от 18.07.2016 г. №403-З) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 7 августа 2008 года. №187. 2/1522., Ст. 17.
  7. Агафонов Ю.А., Лукин В.Н., Сотская Т.Е. Аренда в системе сельскохозяйственных отношений: учебное пособие. Краснодар, 2008. 133 с.
  8. Федотов Д. В. Модель правового регулирования договора аренды. // Российский юридический журнал. 2011. № 7.
  9. Турицын А.В. Ограничение и прекращение права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения. Автореф. дис. ... канд юрид. наук. Владикавказ, 2010.
  10. Турицын А.В., Турицын Д.А. Некоторые проблемы правоприменительной практики в вопросе регулирования земельных отношений с участием иностранных субъектов // Современная научная мысль. 2018. №2. С. 200-206.
  11. Решение от 15 июля 2019 г. по делу № А43-21816/2019. sudact.ru/arbitral/doc/Plpm6nJjbTNT/
  12. Решение от 25 декабря 2020 г. по делу № А28-9843/2020. // Электронный ресурс. URL: //sudact.ru/arbitral/doc/NVSAAttqowK1x/
  13. Постановление от 11 марта 2022 г. по делу № А55-34698/2020 // Электронный ресурс. URL: //sudact.ru/arbitral/doc/l8t98UjiMdbt/
  14. Постановление от 29 апреля 2022 г. по делу № А55-8458/2021 // Электронный ресурс. URL: //sudact.ru/arbitral/doc/pIkvGjWG03Y1/

Literature and Sources

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g., s uchetoм popravok, vnesennyh Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkakh k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 № 7-FKZ, ot 05 fevralya 2014 g. № 2-FKZ, ot 01 iyulya 2020 g. № 11-FKZ) // Rossijskaya gazeta. 1993. 25 dekabrya; 2009. 21 yanvarya (№ 7); 2020. 1 iyulya (№ 31).
2. Federal'nyj zakon ot 24 iyulya 2002 g. № 101-FZ (v red. ot 14 iyulya 2022 g. N 316-FZ) "Ob oborote zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya" // SZ RF. 2002. № 30 st. 3018.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. CHast' vtoraya: federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 26 yanv. 1996 g. № 14-FZ (v red. ot 1 iyulya 2021 g. N 295-FZ) // SZ RF. 1996. № 5. St. 410; 2018. № 1 (ch. I). St. 43.
4. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25 oktyabrya 2001 g. N 136-FZ (v red. ot 7 oktyabrya 2022 g. N 385-FZ) // SZ RF. 2001. N 44 st. 4147.
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30 yanvarya 2018 g. № 118-r (v red. ot 29 aprelya 2021 g. №1140-r) «O plane meropriyatij po realizacii v 2018 - 2020 gg. Strategii ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij RF na period do 2030 g.» // SZ RF. 2018. № 6. St. 948.
6. Kodeks Respubliki Belarus' ot 23 iyulya 2008 goda №425-Z «O zemle» (s izm. ot 18.07.2016 g. №403-Z) // Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus' ot 7 avgusta 2008 goda. №187. 2/1522., St. 17.
7. Agafonov Yu.A., Lukin V.N., Sotskaya T.E. Arenda v sisteme sel'skohozyajstvennyh otnoshenij: uchebnoe posobie. Krasnodar, 2008. 133 s.
8. Fedotov D. V. Model' pravovogo regulirovaniya dogovora arendy. // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2011. № 7.
9. Turicyн A.V. Ogranichenie i prekrashchenie prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki sel'skohozyajstvennogo naznacheniya. Avtoref. dis. ... kand yurid. nauk. Vladikavkaz, 2010.
10. Turicyн A.V., Turicyн D.A. Nekotorye problemy pravoprimenitel'noj praktiki v voprose regulirovaniya zemel'nyh otnoshenij s uchastiem inostrannyh sub"ektov // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2018. №2. S. 200-206.
11. Reshenie ot 15 iyulya 2019 g. po delu № А43-21816/2019. sudact.ru/arbitral/doc/Plpm6nJjbTNT/
12. Reshenie ot 25 dekabrya 2020 g. po delu № А28-9843/2020. // Elektronnyj resurs. URL: //sudact.ru/arbitral/doc/NVSAAttqowK1x/
13. Postanovlenie ot 11 marta 2022 g. po delu № А55-34698/2020 // Elektronnyj resurs. URL: //sudact.ru/arbitral/doc/l8t98UjiMdbt/
14. Postanovlenie ot 29 aprelya 2022 g. po delu № А55-8458/2021 // Elektronnyj resurs. URL: //sudact.ru/arbitral/doc/plkvGjWG03Y1/

ВЛАДИМИРОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ - кандидат юридических наук доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (nadyaalex@list.ru).
VLADIMIROV, NIKOLAY N. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Chuvash State University. I.N. Ulyanov (nadyaalex@list.ru).

УДК 347.24

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-177-182

КАГАЛЬНИЦКОВА Н.В., ЦЫЦЫЛИНА Т.Л.
ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: земля, земельный участок, земельное законодательство, объект гражданских прав, собственник, гражданский оборот, гражданское законодательство.

В статье анализируются признаки земельного участка с различных правовых позиций. Авторы отмечают, что давать определение земельного участка, используя неразъясненное в законодательстве понятие «земля», необоснованно. Это приводит к значительным трудностям в правоприменительной практике. Показано, что особый интерес представляют собой проблемы определения на земельном участке главной вещи и ее принадлежности с точки зрения гражданско-правового регулирования. В статье делается вывод о том, что каждый земельный участок имеет определенные идентифицирующие признаки, при отсутствии которых он не может считаться земельным участком с формально-юридической точки зрения, при этом такие признаки не могут иметь видовой или родовой характер. На основе анализа действующего законодательства, сформировавшейся судебной практики и обобщения выводов

научного сообщества относительно подходов к определению земельного участка авторы выделили восемь признаков земельного участка.

KAGALNITSKOVA, N.V., TSYTSYLINA, T.L.
THE LEGAL STATUS OF A LAND PLOT AS AN OBJECT OF CIVIL LEGAL RELATIONS

Key words: land, land plot, land legislation, object of civil rights, owner, civil turnover, civil legislation.

The article analyzes the signs of a land plot from various legal positions. The authors note that it is unreasonable to define a land plot using the concept of "land" that is not explained in the legislation. This leads to significant difficulties in law enforcement practice. It is shown that the problems of determining the main thing on the land plot and its ownership from the point of view of civil law regulation are of particular interest. The article concludes that each land plot has certain identifying features, in the absence of which it cannot be considered a land plot from a formal legal point of view, while such features cannot have a specific or generic character. Based on the analysis of the current legislation, the established judicial practice and the generalization of the conclusions of the scientific community regarding approaches to determining a land plot, the authors identified eight signs of a land plot.

Действующее гражданское законодательство России не содержит определения земли, как объекта гражданского оборота, а ст. 128 ГК РФ даже не упоминает землю в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, относя ее, вероятно, к категории вещей, либо иного имущества. Статья 130 ГК РФ, так же как все остальное гражданское законодательство, не выделяет землю, как таковую, в качестве объекта гражданских правоотношений, а указывает только на «земельные участки» и «участки недр». Таким образом, можно сделать вывод, что земля, в целом, не может участвовать в гражданском обороте. Войти в него могут только ограниченные, описанные и зарегистрированные в установленном законом порядке «земельные участки».

В соответствии с действующим земельным законодательством РФ, а именно ст. 6 ЗК РФ, под земельным участком надлежит понимать часть поверхности земли, в отношении которой надлежащим образом описаны ее границы, удостоверенные в соответствии с гражданским законодательством. Практически аналогичное по содержанию понятие содержалось и в Федеральном законе от 02.01.2000 г. № 28-ФЗ [1]. В обоих документах ключевым элементом определения земельного участка является то, что он представляет собой «часть поверхности земли». Однако данное определение, равно как и юридическая техника современного земельного законодательства, в целом, подвергается обоснованной критике, что в первую очередь связано с использованием в законодательных актах терминов, определения которых даются через синонимы. Например, «земельный участок» является частью поверхности «земли». Безусловно, все мы понимаем, что такое земля в целом, однако, что считать «частью ее поверхности»? Какова высота этого слоя «поверхности земли» законодательство также не дает четкого ответа.

Кроме того, многие ученые-правоведы обоснованно подвергают критике даже сами принципы земельного законодательства, изложенные в статье 1 ЗК РФ, так как она указывает на землю как на «важнейший компонент», «средство производства», «основу жизнедеятельности» и т.п. Критики указывают, что такие указания носят не нормативный, а скорее декларативный характер и являются следствием низкого уровня владения законодателем юридической техникой. Кроме того, авторы доказывают, что данные декларативные положения основного кодифицированного акта о земле носят не только ненормативный характер, но и содержат множество весьма спорных положений, которые, по мнению научного сообщества, только создают путаницу в законе, но и «засоряют» его. В частности, они отмечают, что принципы, изложенные в ст. 1 ЗК РФ, даже не согласуются с терминологией земельного законодательства, а именно с понятием земельного участка [2, с. 78].

Мы полагаем необходимым отчасти согласиться с приведенной критикой. Однако важно и выступить в защиту законодателя. Безусловно, понятия «земля» и «земельный участок» находятся в непосредственной и неразрывной связи между собой, что прямо следует из характеристик тех объектов, которые каждое из них обозначает. Однако следует отличать данные понятия по отношению друг к другу, так как земля «вообще», в своем единстве и неразрывности не может быть объектом гражданского оборота, в отличие от «земельного участка». К сожалению, разграничить понятия на уровне законодательного акта достаточно сложно, так как их различие становится понятным в большей степени на уровне интуиции, нежели интеллекта. Мы полагаем, что законодатель дает различные понятия «земли» и земельного участка именно с этой точки зрения, а также с учетом того, что каждое из них требует различного правового регулирования. Именно поэтому в законодательстве используются оба понятия, в связи с чем требуется в каждом конкретном случае различать ситуации, к которым применяется то или иное понятие.

Сторонники данной позиции, такие как, например, А.П. Анисимов, Е.А. Черноморец, А.Я. Рыженков [3, с. 192] обоснованно утверждают, что во все времена объектом правоотношений в сфере оборота земли был и, вероятно, будет только конкретный земельный участок, имеющий индивидуально-определенные черты (размер, координаты, и т.д.), а не земля «вообще». Авторы утверждают [4, с. 66], что категория «земля» относится к крайне абстрактным понятиям и отражает только связь этого понятия с природой в целом. При этом они доказывают, что содержание данного понятия заключается и исчерпывается тем, что «земля» в общем смысловом наполнении представляет собой совокупность всех земельных участков. При этом авторы допускают выделение родовых подвидов данного термина [5, с. 112]. Под понятием «земля», по их мнению, возможно понимать совокупность таких земельных участков, которые объединены в какую-либо конкретную категорию в зависимости от предназначения данных земельных участков, либо в зависимости от выполняемой ими функции (например, «земли сельскохозяйственного назначения» или «земли лесного фонда» и т.д.).

Мы полагаем необходимым отметить, что, по нашему мнению, сторонники каждой из приведенных теорий по-своему правы. Так, мы согласны, что давать определение земельного участка, используя неразъясненное в законодательстве понятие «земля», необоснованно, поскольку это приводит к значительным трудностям в правоприменительной практике. Однако невозможно и приравнивать эти понятия, особенно с учетом того, что земля «вообще», действительно, никогда не сможет стать объектом, по поводу которого возможно возникновение, изменение и прекращение какого-либо правоотношения.

Мы солидарны с точкой зрения, что необходимо отграничивать друг от друга такие определения земли:

- как «природного ресурса», обеспечивающего выживание человеческого сообщества в целом, а также каждого индивида в отдельности; [6, с. 102]
- как «средства производства»;
- как «объекта гражданских прав», такого вещественного предмета внешнего мира, по поводу которого возможно возникновение, изменение и прекращение какого-либо правоотношения.

Следует отметить, что в некоторой степени такое разграничение отражено в действующем гражданском законодательстве о земле. А именно, п. 1 ч. 1 ст. 6 ЗК РФ устанавливает, что земля, как природный объект и природный ресурс, может являться объектом правоотношений. Однако до настоящего времени должного развития данное законоположение, к сожалению, не получило.

На основе анализа действующего законодательства, сформировавшейся судебной практики и обобщения выводов научного сообщества относительно подходов к определению земельного участка мы смогли выделить ряд признаков земельного участка. Прежде всего, земельный участок всегда представляет собой определенную поверхность земли, т.е. «суши». Данный признак показывает, что земельный участок всегда должен иметь определенную площадь, которую возможно измерить. Как мы указывали, отсутствует должное законодательное регулирование относительно того, что именно считать «поверхностью». Далее, земельный участок всегда имеет непосредственную и неразрывную связь Землей, как с планетой, т.е. космическим объектом в целом. Данный признак возможно определить, по нашему мнению, только через пример. Так, если снять плодородную поверхность земельного участка и вывезти ее за его пределы, то земельный участок, как объект права не перестанет существовать, а останется на том же самом месте. При этом те «вещества», которые вывезли, не уже не будут относиться к самому земельному участку, а станут самостоятельным объектом права. Соответственно, в случаях, когда осуществляется продажа «земли» в мешках, например, для комнатных цветов, не может идти речь о земле с точки зрения земельного законодательства и статей 6 ЗК РФ и 216 ГК РФ.

Следует особо отметить, что каждый земельный участок обладает определенными качественными характеристиками состава земли (имеется в виду наличие плодородного слоя, пригодного для выращивания пищи; наличие тех или иных дикорастущих растений; и т.д.), однако, они имеют юридическое значение не во всех случаях. Так, например, в случае, если объектом правоотношений является земельный участок, предназначенный для застройки, юридическое значение качественным характеристикам почвы уделяется только с той точки зрения, что данный конкретный участок изначально предназначен именно для целей застройки,

либо аналогичных целей, не связанных, например, с сельским хозяйством. В последнем случае, если выяснится, что соответствующий земельный участок изначально не был предназначен для таких целей, то в целях охраны плодородного случая он может быть изъят, либо допустимо применение иных мер охраны земли. Однако во всех остальных случаях качественные характеристики не имеют никакого правового значения.

В тоже время, если в конкретном случае речь об обороте земель, например, сельскохозяйственного назначения, то качественные характеристики данного земельного участка имеют непосредственное правовое значение, а в некоторых случаях могут даже признаваться существенными условиями соответствующего договора, указание на которые обязательно. Возможны и иные ситуации, когда качественная характеристика земли не имеет никакого значения, например, если соответствующий земельный участок занят какой-либо твердой скальной породой. Соответственно, для такого участка качественные характеристики имеют только факультативное значение.

Земля и земельный участок, как часть гражданского оборота, всегда представляет собой сложный объект как с «физической», так и с юридической точек зрения. На ней располагаются разнообразные объекты, например, здания, строения и сооружения, дороги, предприятие и различная инфраструктура, которая может проходить через множество земельных участков (водопроводы, газопроводы и т.п.), объекты природного мира, растения, животные, либо просто камни. Некоторые из этих объектов представляют собой самостоятельные объекты права (здания, инфраструктуры, дороги или ценные растения и животные). Иные просто составляют часть соответствующего земельного участка и не представляют собой никакой ценности как с фактической, так и с юридической точек зрения.

Интерес в данном контексте представляют собой проблемы определения на земельном участке главной вещи и ее принадлежности с точки зрения гражданско-правового регулирования (ст. 135 ГК РФ). Так, например, возможно ли считать «принадлежностью» земельного участка плодородный слой земли или ценные природные вещества, находящиеся на его поверхности, за счет которых возможно получать выгоду собственнику такого земельного участка, либо растения и водоемы и т.д. В научной литературе нет единого подхода к ответам на эти вопросы. Более того, отечественные ученые-правоведы не могут прийти к единому мнению о том, что является первичным (главным с точки зрения ст. 135 ГК РФ): земельный участок или расположенный на нем объект недвижимого имущества (здание, строение, и т.п.).

Так, по мнению одних авторов [7, с. 54] земля, как первоисточник, на котором располагается любое строение, требует признания на ней роли главной вещи во всех случаях без исключения. Другие возражают [8, с. 91], что главенство следует признавать за наиболее ценным объектом с потребительской точки зрения. То есть, например, земля сельскохозяйственного назначения всегда должна считаться главной вещью по отношению к расположенному на ней сараю или, даже, дому. Напротив, земля, на которой расположено предприятие, должна считаться принадлежностью по отношению к последнему. При этом такими объектами, определяющими ценность земельного участка по отношению к ним, могут быть не только различные строения, но и, например, леса, различные водные объекты или охраняемые территории.

Мы полагаем, что, несмотря на обоснованность и наличие весомых доводов в поддержку обеих приведенных теорий, наиболее верной является именно последняя, согласно которой главная вещь и принадлежность определяются исходя из ценности расположенного на земле объекта по отношению к самому земельному участку. Отчасти эта теория подтверждается, на наш взгляд, взаимосвязанными положениями ст. 273 ГК РФ и 35 ЗК РФ, согласно которым к приобретателю здания переходят права в отношении земельного участка, занятого таким зданием.

Каждый земельный участок с формально-правовой точки зрения имеет определенные физические границы, т.е. имеет определенное пространственное местоположение, при этом речь идет не только о географических координатах, хотя и имеют важнейшее правовое значение, но и о распространение правового режима земельного участка на определенную глубину, т.е. разграничение, в том числе, собственно земельного участка и природный недр. Этот признак имеет важнейшее правовое значение, т.к. правомочия собственника земельного участка, установленные ст. 261 ГК РФ, заканчиваются там, где начинаются недра, имеющие самостоятельное правовое

регулирование. Следует отметить некоторую правовую неопределенность относительно распространения правомочий собственника на воздушное пространство над земельным участком.

Так, очевидно и неоспоримо, что собственник вправе распоряжаться, в некоторой степени, этим пространством, так как в противном случае не имело бы смысла иметь правомочия. Однако законодательство не устанавливает четких границ земельного участка в этой части и практически никак не регулирует его. Тем не менее, ст. 261 ГК РФ прямо предусматривает возможность всего, что расположено над поверхностью земельного.

Следует отметить, что законодательство некоторых зарубежных стран более полно и справедливо регулирует данные вопросы. В частности, Германское соборное уложение устанавливает право собственника соответствующего земельного участка на все, что находится как под его поверхностью, так и над ней. Единственным ограничителем в данном случае является отсутствие интереса собственника на «устранение воздействия на его участок», осуществляемое на значительной глубине или высоте, т.е. на такой глубине или высоте, на которой это воздействие никак не влияет на собственника [9, с. 206]. Таким образом, отмеченная норма более справедлива в той части, в которой позволяет собственнику в полной мере получать выгоду от использования своего земельного участка, а не ограничивает право собственности, по сути, только плодородным слоем почвы, распространяя его и на все богатства недр.

Каждый земельный участок имеет определенные индивидуально определенные идентифицирующие признаки, при отсутствии которых он не может считаться земельным участком с формально-юридической точки зрения. При этом такие признаки не могут иметь видовой или родовой характер (например, картофель или наличные деньги). Единственным допустимым и возможным способом установления таких индивидуально определенных признаков земельного участка является постановка его на кадастровый учет с соблюдением всех установленных законом процедур и формальностей. В соответствии с действующим законодательством, такими признаками являются, в частности, местоположение, т.е. адрес такого участка, его площадь и категория земель, географические координаты с описанием границ соответствующего земельного участка, наличие зарегистрированных объектов недвижимого имущества, а после прохождения процедуры кадастрового учета, также и кадастровый номер земельного участка.

Каждому земельному участку присущ признак делимости. То есть каждый земельный участок может быть разделен на два и более земельных участков, каждый из которых подлежит самостоятельному кадастровому учету, а земельный участок, из которого они образованы, - снятию с такого учета.

Последним правовым признаком земельного участка является отнесение его к категории недвижимого имущества. Данный признак подвергается некоторой критике с той точки зрения, что недвижимое имущество само по себе определяется через наличие неразрывной связи именно с землей, в связи с чем, по мнению сторонников данной теории [10, с. 80], недопустимо относить земельные участки к недвижимому имуществу, так как получается, что «земля должна быть неразрывно связана с землей». Мы полагаем, что данная точка зрения хотя и логична, тем не менее, не соответствует основному критерию недвижимости в целом – невозможности переноса объекта без несоразмерного ущерба, которому земельный участок соответствует в полной мере.

Отмеченные восемь признаков являются универсальными и присущими всем без исключения земельным участкам, образованным в соответствии с действующим законодательством РФ и, соответственно, определяющими в своей совокупности возможность включения каждого конкретного земельного участка в отечественный гражданский оборот.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 02.01.2000 N 28-ФЗ (ред. от 04.12.2006) «О государственном земельном кадастре» // СЗ РФ. 10.01.2000. №2. ст. 149 / Документ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 13.05.2008 N 66-ФЗ
2. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С.А. Боголюбов, А.И. Бутовецкий, Е.Л. Ковалева и др.; под ред. С.А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
3. Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Земельная функция современного государства: монография. М.: Новый индекс, 2012.
4. Рыженков А.Я. Правовые проблемы развития экологического предпринимательства в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1.
5. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Черноморец Е.А. Земельное право России: Учебник. М.: Юрайт, 2010.
6. Романова Г.В. Земельное право: Курс лекций для бакалавров. М.: Изд-во Юстиция, 2016.
7. Хаустов Д.В. Обзор нового земельного законодательства и судебной практики // Экологическое право. 2018. № 5.

8. Елисева И.А. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения: проблемы законодательства и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10.
9. Германское гражданское уложение // Германское право. Ч. 1. М., 1996.
10. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М.: М-Логос, 2017.

References and Sources

1. Federal'nyj zakon ot 02.01.2000 N 28-FZ (red. ot 04.12.2006) «O gosudarstvennom zemel'nom kadastro» // SZ RF. 10.01.2000. №2. st. 149 / Dokument utratil silu v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona ot 13.05.2008 N 66-FZ
2. Kommentarij k Zemel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / S.A. Bogolyubov, A.I. Butoveckij, E.L. Kovaleva i dr.; pod red. S.A. Bogolyubova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2017.
3. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ya. Zemel'naya funkciya sovremenno gosudarstva: monografiya. M.: Novyj indeks, 2012.
4. Ryzhenkov A.Ya. Pravovye problemy razvitiya ekologicheskogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 1.
5. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ya., Chernomorec E.A. Zemel'noe pravo Rossii: Uchebnik. M.: Yurajt, 2010.
6. Romanova G.V. Zemel'noe pravo: Kurs lekcij dlya bakalavrov. M.: Izd-vo Yusticiya, 2016.
7. Haustov D.V. Obzor novogo zemel'nogo zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki // Ekologicheskoe pravo. 2018. № 5.
8. Eliseeva I.A. Pravovoj rezhim zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya: problemy zakonodatel'stva i praktiki // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 10.
9. Germanskoe grazhdanskoe ulozhenie // Germanskoe pravo. Ch. 1. М., 1996.
10. Bevzenko R.S. Zemel'nyj uchastok s postrojkami na nem: vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti. М.: М-Logos, 2017

КАГАЛЬНИЦКОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент, кафедра «Философия, история и право» Волгоградского государственного аграрного университета (lara7@bk.ru).

ЦЫЦЫЛИНА ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА - кандидат юридических наук, доцент, кафедра «Философия, история и право» Волгоградского государственного аграрного университета (meteorain@yandex.ru).

KAGALNITSKOVA, NATALIA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University (lara7@bk.ru)

TSYTSYLINA, TATYANA L. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University (meteorain@yandex.ru).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 347.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-182-187

КУДРЯВЦЕВА Л.В., ЧИРЬЕВ И.С., ЖУКОВА П.С.
СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ, ОСЛОЖНЕННЫЕ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Ключевые слова: семейные правоотношения, иностранный элемент, международное частное право, семья, международный договор, государство.

В статье проведен анализ особенностей правового регулирования семейных правоотношений, осложненных иностранным элементом. Исследуются различия матримониальных норм, признания полигамных и однополых союзов, вопросы правоспособности лиц, вступающих в брак. Затронуты правила применения коллизионных норм для разрешения подобного рода спорных правоотношений. Показано, что семейные правоотношения, осложненные иностранным элементом, в настоящее время не имеют единообразного правового регулирования. Данный факт подтверждается существованием большого количества проблем в области регулирования семейных правоотношений, например, проблема «хромающих браков». По мнению авторов, данная проблема практически не решаема в современных международных условиях. Улучшить ситуацию сможет лишь увеличение количества источников международного частного права. Кроме того, данная проблема могла бы быть решена посредством введения специальной нормы, которая закрепляла бы правило подсудности в таких случаях – территориальная подсудность дел о расторжении брачных отношений должна определяться по последнему месту жительства истца на территории Российской Федерации или же по его выбору.

KUDRYAVTSEVA, L.V., CHIRYEV, I.S., ZHUKOVA, P.S.
FAMILY LEGAL RELATIONS COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT

Key words: family legal relations, foreign element, private international law, family, international treaty, state.

In this scientific work, the author analyzes the features of the legal regulation of family relations complicated by a foreign element. The problems of differences in matrimonial norms, recognition of polygamous and same-sex unions, issues of legal capacity of persons entering into marriage are investigated. The rules of application of conflict of laws rules for the resolution of this kind of disputed legal relations are touched upon. It is shown that family legal relations complicated by a foreign element do not currently have a uniform legal regulation. This fact is confirmed by the existence of a large number of problems in the field of regulation of family relations, for example, the problem of "lame marriages". According to the authors, this problem is practically unsolvable in modern international conditions. Only an increase in the number of sources of international private law can improve the situation. In addition, this problem could be solved by introducing a special rule that would fix the rule of jurisdiction in such cases - the territorial jurisdiction of divorce cases should be determined by the last place of residence of the plaintiff on the territory of the Russian Federation or at his choice.

В настоящее время на современный мир оказывает значительное влияние тенденция постоянной глобализации, расширения масштабов международного взаимодействия и сотрудничества. Данный факт является причиной увеличения количества правоотношений,

осложненных иностранным элементом. Социальная сфера общественной жизни также находится под влиянием указанных общемировых тенденций, в связи с чем семейные правоотношения, осложненные иностранным элементом, становятся отнюдь не редкими. Так, растет количество зарегистрированных браков между лицами – гражданами разных государств, усиливается значение института усыновления, как международно-правового института и пр.

Так, например, согласно статистике за 2021 год, в Москве было заключено свыше 11 тысяч интернациональных браков, что составило около 12 % от общего числа зарегистрированных браков [1]. Данный факт свидетельствует о том, что правовое регулирование таких общественных отношений весьма важно. Стоит отметить, что семейные отношения, осложненные иностранным элементом, нуждаются в особом правовом регулировании. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что каждый из субъектов семейных правоотношений с правовой точки зрения подчиняется законодательству того государства, гражданство которого оно имеет. Правовое регулирование семейных отношений с иностранным элементом всегда означает выход за пределы юрисдикции одной страны, оно характеризуется международно-правовым характером и влечет за собой правовое регулирование с применением законодательства двух и более государств [2].

Такие семейные правоотношения вовсе не поддаются унификации на международном уровне. Это является, по мнению С.Ю. Ли, одной из основных проблем, которая препятствует единообразному такого рода отношений [3]. Однако правовое регулирование возникающих международных споров крайне важно. Рассматривая сформировавшееся в мире правовое регулирование, стоит отметить тот факт, что каждое государство, в силу специфики своего исторического развития, влияния религии и пр. имеет в своем законодательстве индивидуальные и особенные черты. Сложность правового регулирования семейных правоотношений, осложненных иностранным элементом, заключается в том, что каждое государство закладывает в матримониальные нормы свою идеологию и принципы. Зачастую, данные нормы у различных государств могут значительно отличаться. Например, даже понятие «брака» разными странами наделяется разным содержанием: в Германии под «браком» понимается союз между мужчиной и женщиной для совместного проживания и создания семьи (он необязательно должен быть зарегистрирован), в России же «брак» - исключительно зарегистрированный союз мужчины и женщины. Также в ряде стран допускаются однополые браки или многоженство.

Одной из проблем регулирования такого рода общественных отношений является факт неосведомленности участников семейных правоотношений об особенностях законодательства государства, с гражданином которого они установили семейные отношения. Незнание деталей законодательной базы иностранного государства осложняет осуществление и защиту прав субъектов семейных правоотношений. Так, например, между гражданкой Нидерландов и гражданкой Италии был заключен однополый брак на территории Нидерландов. Для осуществления своих гражданских прав, как супруги, гражданке Италии понадобилось признание данного брака законным в Италии, то есть его регистрация. Однако им было отказано в регистрации на том основании, что правовая система Италии не допускает заключения брака однополыми парами [4]. Такие браки многими учеными-правоведами называются «хромающими» - заключенными и признанными в одной стране, и недействительными в другом государстве.

В Российской Федерации правовому регулированию семейных отношений с участием иностранных граждан посвящен VII раздел Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [5]. Так, к условиям заключения брака данный федеральный закон относит достижение брачного возраста – 18 лет и взаимное согласие супругов на заключение брака. Согласно ч. 2 ст. 156 СК РФ, условия на заключение брака определяются законодательством той страны, гражданином которой лицо является в момент заключения брака. Однако в данном случае следует помнить об оговорке о публичном порядке. Так, например, если гражданка Франции в возрасте 16 лет решает вступить в брак с гражданином Российской Федерации, данный брак не может быть зарегистрирован по французскому законодательству, в котором брачным возрастом признается достижение пятнадцатилетия [6]. Это объясняется тем, что публичный порядок России, с точки зрения ее основ морали, общественного строя допускает заключение брака лишь при достижении возраста 18 лет.

По мнению Л.В. Кудрявцевой, следует выделять следующие коллизионные проблемы правового регулирования семейных правоотношений, осложненных иностранным элементом, в международном частном праве [7]: 1) проблема, связанная с формой и условиями заключения

брака; 2) проблема, связанная с особенностями исторического развития государства, его культурой, выражающаяся в расовых и религиозных преградах; 3) проблема запрета на заключение брака с иностранными гражданами; 4) проблема многоженства (полигамии); 5) проблема заключения однополых браков; 6) проблема «хромяющих браков».

Материально-правовые нормы в части семейных правоотношений в каждой стране особенны. В случае заключения брака супруги вправе выбрать применимое законодательство. Однако такой выбор зачастую представляет собой проблему. Для решения вопроса о выборе применимого права существуют так называемые «привязки». Первой из них является личный закон. Личный закон в каждой стране понимается по-разному, но в большинстве случаев под ним подразумевают закон гражданства. Второй привязкой можно считать закон места жительства. Так, например, такой принцип поддерживается правовыми системами Великобритании, Новой Зеландии. Третья привязка – закон места заключения брака. Она широко распространена в США.

Рассмотрим некоторые особенности расторжения брака. Так, например, в России, согласно ст. 160 СК РФ, расторжение брака происходит по принципу привязки закона места расторжения брака. Так, например, если гражданин Российской Федерации заключил брак с гражданкой Италии, и при заключении брака применялось право Италии, то в случае признания данного брака в России его расторжение будет происходить по российскому законодательству, если супруги обратились в суд или органы ЗАГС, находящиеся на территории России.

Однако вопрос расторжения брака иначе разрешается Минской конвенцией стран СНГ [8]. Так, например, согласно ч. 1 ст. 28 вышеуказанной конвенции, при расторжении брака по общему правилу применяется право той страны, гражданами которой являются супруги на момент подачи заявления о расторжении брака. Однако ч. 2 ст. 28 отмечает, что в случае, если супруги имеют гражданство разных стран, то «применяется законодательство договаривающейся стороны, учреждение которой рассматривает дело о расторжении».

Затрагивая особенности расторжения брака, также стоит отметить отсутствие определенности в вопросе о территориальной подсудности таких дел. Так, например, согласно семейному законодательству Российской Федерации если гражданин России проживает за пределами ее территории, то этот факт не мешает ему расторгнуть брак в суде Российской Федерации с супругом, также проживающим в другой стране. Однако возникает вопрос, как должна определяться подсудность, если супруги не имеют постоянного места жительства в России? На наш взгляд, данная проблема могла бы быть решена посредством введения специальной нормы, которая закрепляла бы правило подсудности в таких случаях - территориальная подсудность дел о расторжении брачных отношений должна определяться по последнему месту жительства истца на территории Российской Федерации или же по его выбору.

Еще одной распространённой проблемой является заключение фиктивных браков. Цель таких браков заключается в получении определенной выгоды, например, гражданства, регистрации. Зачастую они заключаются за определенное денежное вознаграждение «принимающей стороне». Так, например, прокурор обратился в суд с иском о признании недействительным брака, заключенного между гражданином Азербайджана и гражданкой России. В обоснование исковых требований прокурор приводит результат прокурорской проверки в сфере исполнения миграционного и семейного законодательства при регистрации. Кроме того, суду было представлено заявление гражданки России, в котором она подтверждает факт получения ею денежного вознаграждения в размере 10 000 рублей за заключение фиктивного брака [9].

В целом, мы можем сделать вывод о том, что деятельность судов, иных государственных органов, занимающихся правоприменением, затрудняется несовершенством законодательных положений, касающихся правового регулирования семейных правоотношений, осложненных иностранным элементом. Многие аспекты такой сферы общественных отношений не находят своего отражения в источниках международного частного права, в связи с чем эффективность судебной защиты субъектов таких правоотношений снижается [14].

Проанализировав судебную практику по разрешению семейных споров, в которых одной из сторон является иностранный субъект, мы пришли к выводу о том, что, разрешая такой спор, судья должен следовать следующему алгоритму для принятия законного решения.

1. Установить факт усложнённости семейных правоотношений иностранным элементом. То есть, судья должен увидеть проявление «иностранного элемента», который может выражаться в субъектном составе, в объекте правоотношений, в юридическом факте.

2. Установить фактические обстоятельства возникшего спорного правоотношения, выявить его правовую природу.

3. Проанализировать полномочия суда в разрешении такого вида семейных споров.

4. Установить наличие или отсутствие международного договора Российской Федерации с той страной, принадлежность к которой имеет «иностранный элемент», участвующий в процессе.

5. Установить наличие или отсутствие иных источников международного частного права для регулирования этой категории спорных семейных правоотношений: европейские конвенции, конвенции СНГ.

6. Проанализировать положения законодательства иностранного государства, связь с которым имеет «иностранный элемент», определить содержание норм иностранного государства, посредством которых разрешался бы такой спор.

7. Определить, имеет ли место быть приоритет норм иностранного государства над нормами российского законодательства.

8. Определить, имеет ли место быть оговорка о публичном порядке.

9. Проанализировать соблюдение положений Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов [10], а также Конвенции по вопросам гражданского процесса [11].

10. Установить иные обстоятельства, которые характерны для определенной категории спорных семейных правоотношений.

На наш взгляд, следование данному алгоритму уменьшит вероятность вынесения судом решения, ущемляющего права субъектов семейных правоотношений, осложненных иностранным элементом.

Одним из проблемных аспектов, выраженном в данном алгоритме, является доступ к нормам иностранного государства, отношение к которому имеет «иностранный элемент». Так, законодательство многих иностранных государств (даже с которыми Россия имеет заключенные международные договоры) не имеет официального перевода на русский язык. И участники правоотношений, и суд в данном случае имеют трудности в доступе к иностранному законодательству, которое официально представлено в Российской Федерации не имеет.

Некую «ясность» в данный проблемный с правовой точки зрения аспект внесла ст. 166 СК РФ. Так, положения данной правовой нормы закрепляют право суда обратиться в компетентные органы с целью разъяснения норм иностранного семейного права, либо вправе привлечь экспертов в данной области. Что касается лиц – участников спорных правоотношений, то они имеют право представлять в суд документы, содержащие нормы иностранного законодательства, которые они закладывают в основу своих возражений [13].

Кроме того, ч. 2 ст. 166 СК РФ закреплено, что, если имеется невозможность установления норм иностранного государства, касающихся правового регулирования рассматриваемой судом категории семейного спора, то следует применять нормы российского законодательства. С одной стороны, это облегчит разрешение спора судом, с другой – невозможность установления норм законодательства иностранного государства, связанная не с их отсутствием априори, а с отсутствием доступа к ним, будет являться причиной ущемления прав лиц, участвующих в конкретном спорном правоотношении. В связи с чем, мы считаем, что положения ч. 2 ст. 166 СК РФ полностью не разрешают проблему доступа к официальному толкованию законодательства иностранного государства, хотя и предлагают пути выхода из такой проблемной ситуации.

Данная проблема порождает у российских судов проблемы, связанные с мотивировкой принятого решения. Так, в большинстве судебных решений отсутствуют ссылки на нормы иностранного государства, которые подлежат применению [12, с. 216]. На наш взгляд, официальное толкование законодательства иностранных государств должно быть доступным. Это повлечет за собой повышение уровня защиты прав участников процесса. Кроме того, считаем, что решение данной проблемы не потребует больших затрат государственного бюджета, поэтому оно должно стать одним из приоритетных в данном направлении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семейные правоотношения, осложненные иностранным элементом, в настоящее время не имеют единообразного правового регулирования. Данный факт подтверждается существованием большого количества проблем в области регулирования семейных правоотношений, например, проблема «хромяющих браков». На наш взгляд, данная проблема практически не решаема в современных международных условиях. Улучшить ситуацию сможет лишь увеличение количества источников международного частного права, которые бы содержали правовые нормы, применимые к правовому регулированию такого рода отношений. Кроме того, предлагаем решение проблемы, связанной с определением подсудности при рассмотрении правовых ситуаций, связанных с расторжением браков. Так, данная проблема могла бы быть решена посредством введения специальной нормы, которая закрепляла бы правило подсудности в таких случаях – территориальная подсудность дел о расторжении брачных отношений должна определяться по последнему месту жительства истца на территории Российской Федерации или же по его выбору.

Не менее насущной проблемой, затронутой в данной статье, является проблема открытого доступа к официальному толкованию законодательства иностранного государства. Считаем, что ее решение не повлечет за собой больших расходов государственного бюджета. Например, перевод законодательств иностранных государств возможно возложить на кафедры ведущих университетов в области международного права, который впоследствии должен быть согласован с представителем иностранного государства, а также, в случае необходимости, прокомментирован их компетентными лицами. Доступ к официальному толкованию законодательства – залог повышение уровня защиты прав участников процесса.

Литература и источники

1. Официальный сайт Российского государственного федерального информационного агентства. Режим доступа - URL:<https://tass.ru/obschestvo/12600751>
2. Канашевский В.А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 56-62.
3. Ли С.Ю. Понятия «иностранец», «иностранный элемент», «иностранный правопорядок» в российском законодательстве и практика их применения к брачно-семейным отношениям // Вестник ХГАЭП. 2010. № 2. С. 60-65.
4. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 14.12.2017 по делу «Орланди и другие (Orlandi and Others) против Италии» (жалоба N 26431/12 и другие) По делу обжалуется отказ властей зарегистрировать однополые браки, заключенные за границей. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. ст. 16.
6. Берендяева О.С. К вопросу о проблемах коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // Новые информационные технологии в науке. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 181-184.
7. Кудрявцева Л.В., Шевченко В.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // Актуальные проблемы современности. 2018. № 3(21). С. 38-43.
8. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2022).
9. Решение Мелекесского районного суда Ульяновской области по делу № 2-424/2016 от 29 апреля 2016 г. // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/UVDISVS7nJbC/>
10. Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (Заключена в г. Гааге 05.10.1961) (вступила в силу для России 31.05.1992) // Бюллетень международных договоров. 1993 № 6.
11. Конвенция по вопросам гражданского процесса (Заключена в г. Гааге 01.03.1954) (вступила в силу для России 26.07.1967) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1996. № 12.
12. Комментарий к судебной практике по семейным спорам / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Юрайт, 2010.
13. Беспалов Ю.Ф. Семейные правила судов РФ как эрзац-способ преодоления пробелов в правоприменении // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1.
14. Ведель И.А., Безбородов Ю.С. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 25-29.

References and Sources

1. Oficial'nyj sajt Rossijskogo gosudarstvennogo federal'nogo informacionnogo agentstva. Rezhim dostupa - URL:<https://tass.ru/obschestvo/12600751>
2. Kanashevskij V.A. Voprosy publichnogo poryadka i kvalifikacii pri regulirovanii semejnyh otnoshenij, oslozhnennyh inostrannym elementom // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 5. S. 56-62.
3. Li S.Yu. Ponyatiya «inostranec», «inostrannyj element», «inostrannyj pravoporyadok» v rossijskom zakonodatel'stve i praktika ih primeneniya k brachno-semejnym otnosheniyam // Vestnik HGAEF. 2010. № 2. S. 60-65.
4. Informaciya o Postanovlenii ESPCH ot 14.12.2017 po delu «Orlandi i drugie (Orlandi and Others) protiv Italii» (zhaloba N 26431/12 i drugie) Po delu obzhaluetsya otkaz vlastej zaregistririvat' odnopolye braki, zaklyuchennyye za granicej. Po delu dopushcheno narushenie trebovanij stat'i 8 Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod.
5. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 1995 g. N 223-FZ // SZ RF. 01.01.1996. № 1. st. 16.
6. Berendyaeva O.S. K voprosu o problemah kollizionnogo regulirovaniya brachno-semejnyh otnoshenij v mezhdunarodnom chastnom prave // Novye informacionnye tekhnologii v nauke. Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2017. S. 181-184.

7. Kudryavceva L.V., Shevchenko V.S. Problemy kollizionnogo regulirovaniya brachno-semejnyh odnoshenij v mezhdunarodnom chastnom prave // Aktual'nye problemy sovremennosti. 2018. № 3(21). S. 38-43.
8. Konvenciya o pravovoj pomoshchi i pravovyh odnosheniyah po grazhdanskim, semejnym i ugovolnym delam (Zaklyuchena v g. Minske 22.01.1993) (red. ot 28.03.1997) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru> (data 19.09.2022).
9. Reshenie Melekeskogo rajonnogo suda Ul'yanovskoj oblasti po delu № 2-424/2016 ot 29 aprelya 2016 g. // Internet-resurs «Sudebnye i normativnye akty Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://sudact.ru/regular/doc/UVDISVS7nJbC/>
10. Konvenciya, otmenyayushchaya trebovanie legalizacii inostrannyh oficial'nyh dokumentov (Zaklyuchena v g. Gaage 05.10.1961) (vstupila v silu dlya Rossii 31.05.1992) // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 1993 № 6.
11. Konvenciya po voprosam grazhdanskogo processa (Zaklyuchena v g. Gaage 01.03.1954) (vstupila v silu dlya Rossii 26.07.1967) // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1996. № 12.
12. Kommentarij k sudebnoj praktike po semejnym sporam / Otv. red. YU.F. Bespalov. M.: YUrajt, 2010.
13. Bespalov Yu.F. Semeynye pravila sudov RF kak erzac-sposob preodoleniya probelov v pravoprimenenii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. № 1.
14. Vedel' I.A., Bezborodov Yu.S. Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv v sfere zashchity prav grazhdan za rubezhom i integracionnye processy // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2014. № 1. S. 25-29.

КУДРЯВЦЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (larisa-k75@mail.ru).

ЧИРЬЕВ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ – студент юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (chirev.2001@mail.ru).

ЖУКОВА ПОЛИНА СТАНИСЛАВОВНА - студентка юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (polina-zhukova-01@inbox.ru).

KUDRYAVTSEVA, LARISA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

CHIRYEV, ILYA S. - student of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

ZHUKOVA, POLINA S. - student of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

УДК 342

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-187-191

ИВАНОВА О.А.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КУБЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: Куба, образовательное законодательство Кубы, образовательные системы, мировое образовательное пространство, государственная образовательная политика.

Изучение опыта правового регулирования образовательных систем государств, находившихся в течение длительного времени в колониальной зависимости или под иным влиянием других государств, актуализируется в последнее время. Показателен опыт становления и развития вузовской образовательной модели на Кубе, имевшей достаточно длительное колониальное прошлое, испытавшей влияние институтов Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Эмпирическую базу исследования составили источники права, определяющие организационно-правовое строение образовательной системы в исторической ретроспективе и в настоящее время. Оценен положительный и отрицательный опыт правового регулирования кубинского образования, возможности его использования в современных российских реалиях.

IVANOVA, O.A.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF HIGHER EDUCATION IN CUBA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL INTERACTION

Key words: competition of the European and transatlantic educational systems, world educational space, state educational policy in Cuba, higher education in Cuba, educational legislation of Cuba

The study of the experience of legal regulation of educational systems of states that have been for a long time in colonial dependence or under other influence of other states has been updated recently. The experience of the formation and development of the educational model in Cuba, which had a fairly long colonial past, dominating the public and state institutions of the United States of America and the Soviet Union, is indicative. The empirical basis of the study was made up of local regulations and sources of law that determine the organizational and legal structure of the educational system in historical retrospect and at the present time. The works of researchers in the field of education from a legal, pedagogical, and economic point of view are taken into account. To substantiate the author's position on the issues under study, statistical material was used, as well as data from historical and legal studies in the field of education. The positive and negative experience of legal regulation of Cuban education, the possibility of its use in modern Russian realities are evaluated.

Мировое образовательное пространство постоянно трансформируется, развиваясь с учетом специфики собственной образовательной среды, а также опыта государств-лидеров в образовательной сфере. Сегодня, когда в отечественном образовании проводится отчетливая государственная политика по обеспечению самоидентичности российской высшей школы, представляет интерес опыт Кубы, где выстроена оригинальная сильная и доступная система образования. Тема развития высшего образования в Кубинской Республике - предмет исследования и в советский период, и сегодня отечественных и кубинских ученых. Из большого количества работ разных лет, на которых основаны наши выводы, отметим работы таких авторов, как: Креспо Гомес Г., Арсе Гарридо М., Колесников Н.С., Пино Эстевес П.Р., Строганова Е.Д., Костенко А.Ф., Гомес Б.М., Дугарева Е.А., Чэн Г.Н.

Кубинская система высшего образования несёт отпечатки формирующего влияния с одной стороны европейских (влияние испанской метрополии, влияние Союза ССР как внешнеполитического союзника), с другой - американских систем (в первую очередь североамериканской в лице высшей школы США, аргентинской, которая развивалась синхронно с кубинской), а также объективных факторов исторического развития Кубы (борьба с безграмотностью и элитарностью образования, демократизация и индустриализация в период революционных преобразований второй половины XX века). Во многом благодаря последней из перечисленных особенностей эта система обрела уникальные черты, такими как всеобщее бесплатное образование с развитым специалитетом и глубоким проникновением государства в организационную структуру высших учебных заведений.

Формирование системы высшего образования Кубы преодолело несколько исторических этапов: период зависимости от испанской метрополии, период северо-американского влияния, период влияния Союза ССР и современный период, характеризующийся выходом из политической изоляции и унификацией образовательных процессов. Целесообразно проанализировать каждый из этапов, чтобы выявить, как в условиях постоянного внешнего влияния на государственные и общественные институты, государству удалось не только не отказываться в высшем образовании от достижений каждого этапа, но и преумножить их.

В период колониальной зависимости (XVI-XIX вв.) образование Кубы испытывало те же затруднения, что и испанское. Попечение религиозных орденов (на Кубе – доминиканского) сдерживало естественно-научные исследования и наукоемкую деятельность, предоставляя образованию простейшие задачи расширения кругозора. Первым учреждением высшего образования на Кубе стал «Королевский и Папский университет св. Иеронима» (Гаванский университет), образованный в 1728 году [1, с. 274-275]. При выполнении образовательной программы его студентам присваивалась степень бакалавра.

Реформы, проведенные под американским протекторатом с середины XIX в., модернизировали систему высшего образования, преобразовав академическое образование в двухступенчатую модель (первый этап общий для всех – аналог бакалавриата, второй со свободным выбором направлений исследовательской деятельности – аналог PhD). Тем самым течение европейской традиции образования, привнесенной на Кубу в «испанский период», было освежено новейшими достижениями все той же европейской системы высшего образования (упрощенной в духе американского прагматизма, но все же европейской в своем корне).

В 1899 году издаются несколько приказов, относящихся к организации высшего образования. К числу принципиально важных, определивших будущее национальной системы образования, следует отнести: приказ от 16 мая 1899 г. о признании дипломов, выданных правительством Испании до 1898 г. (до заключения Парижского мирного договора); приказ от 20 сентября 1899. о свободе выбора направлений научной деятельности в PhD.

Вслед за этим были предприняты масштабные попытки реформирования образовательной системы, известные как План Лануза и План Варона. План Лануза подразумевал расширение образовательной программы дополнительными дисциплинами, что повлекло усложнение организационной структуры Гаванского университета за счет новых факультетов и кафедр. План Варона состоял в утверждении принципиально новых для Кубы организационных начал деятельности университета: выборность должностей в учебном заведении; государственно-частное финансирование университета, контролируемое Попечительским советом ученых, представителей бизнеса и представителей власти; подразделение структуры университета на факультеты, а факультеты на школы (так, например, юридический факультет подразделился на три школы: школу публичного права, школу частного права и школу нотариусов) [14].

Конституция Республики Куба от 5 июля 1940 г. провозгласила широкие демократические свободы и учла многие требования, выдвинутые кубинским обществом в революционных выступлениях первых десятилетий XX века. Например, статья 52 устанавливала, что бюджет Министерства просвещения должен быть не меньше обычного бюджета любого другого Министерства, а статья 53 закрепляла автономию университета и обязательства государства по финансированию университета. Статья 55 объявляла образование светским, но вместе с тем в законоположении статьи 54 допускало создание частных университетов, в которых помимо специальных дисциплин могли изучаться религиозные [2].

В «американский период» всего к 1959 г. на Кубе имелось три государственных университета: Гаванский университет и два новых государственных вуза – в Орьенте (Сантьяго-де-Куба, с 1947 г.) и Центральный университет (Лас-Вильяс, с 1952 г.).

В период советского влияния, берущем начало в 1959 году (победа Кубинской революции, падение режима Ф. Батисты), происходят фундаментальные изменения на всех уровнях образования – от дошкольного до высшего. В течение 1959 – 1961 годов на Кубе искореняется безграмотность взрослых [3]. На повестке дня стояло создание учебных заведений, в которых теперь уже грамотное население страны могло получить образование и обрести специальность, удовлетворяющую нуждам обновляющегося государства. В 1960 году правительство Кубы создало Высший совет университетов, по инициативе которого 10 января 1962 года принят закон – «Основные положения реформы высшего образования» [4]. Закон определял систему управления образованием, во главу которой ставился Высший (Национальный) Совет университетов, а также типовую организационную структуру, обязательную для трех университетов страны (Гаванского, Университета Орьенте и Университета Лас-Вильяс). Закон обязывал студентов посещать лекционные занятия, предусматривал «минимум посещаемости». Законом был введен порядок производственной практики студентов. Наконец, Закон впервые в истории Кубы предусматривал выплату студентам стипендий.

По мере реформирования образования обострились его давние проблемы. Так, до «советского периода» на Кубе отсутствовало нормативно-правовое регулирование присвоения ученых степеней, отсутствовала их номенклатура. Только в декабре 1974 г. был принят Закон № 1281, предусматривавший ученые степени кандидата и доктора наук. Вслед за этим, законом №1296 от 8 мая 1975 г. была утверждена номенклатура должностей профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. В номенклатуру входили следующие должности: профессор – 10 лет преподавательского стажа, наличие ученой степени; доцент – 6 лет преподавательского стажа, желательна наличие ученой степени; ассистент – 3 года стажа, курсы повышения квалификации; инструктор – преподаватель с университетским образованием, инструктор-помощник (выпускник педагогического института), техник-помощник (выпускник техникума), заслуженный преподаватель (почетное звание), преподаватель-совместитель (для приглашенных специалистов). Одновременно были установлены категории иностранных специалистов: приглашенный профессор, приглашенный ассистент, приглашенный доцент.

Реформирование кубинского образования следовало за практическим опытом СССР. Сотрудничество стран в сфере образования и подготовки национальных (кубинских) кадров, воспитания молодых ученых отличается в первую очередь широтой помощи и бескорыстием советской стороны. После победы революции на Кубу постоянно командировались советские преподаватели. Первое соглашение об обучении в СССР кубинских специалистов было заключено уже 16 ноября 1960 года [5, с. 110]. С 1961 г. на Кубе началось системное изучение русского языка [6, с. 41]. Существенному углублению двустороннего сотрудничества способствовало подписание 17 декабря 1964 г. специального соглашения, определившего главные формы сотрудничества университетов Кубы с ведущими советскими ВУЗами [7, с. 223].

В то же время кубинская модель образовательного процесса не превратилась в подобие советской. Куба сохранила испанское наследие, модернизированное в американский период практиками Гарвардского университета, и продолжила двухэтапное обучение студентов с дальнейшей специализацией знаний. В докладе на I съезде Коммунистической партии Кубы в 1975 г. Фидель Кастро обосновывал такую позицию как «реалистическое усвоение опыта и попытку применить его к нашим условиям, действуя очень осторожно и осмотрительно» [8, с. 48].

Отображением советского опыта высшей школы являлся специалитет, программы которого предназначались для освоения физико-технических и инженерных специальностей [9, с. 107].

Сложно сказать, какими соображениями руководствовались власти Кубы, оставляя «старую» модель образовательного процесса. Вероятнее всего за этим решением стояло опасение потерять внешнеполитического партнёра и остаться в окружении культур, с советским образованием совершенно несовместимых. Случись это, и кубинский студент, кубинский ученый не были бы приняты в профессиональных сообществах Америк (вариант – приняты как нечто экзотическое, ограниченное в возможностях профессионального признания). Если это предположение верно, то решение правительства Кубы оказалось весьма дальновидным.

Закрепление образовательной модели состоялось с принятием Конституции Республики Куба 1976 г. [15]. Гл. 4 Конституции «Образование и культура» детально регулировала образование граждан. Марксистско-ленинская идеология определяла направленность воспитания в процессе образования на всех его ступенях. Все учебные заведения являлись государственными. Образование всех уровней провозглашалось общедоступным и предоставлялось бесплатно, обучающимся гарантировалась стипендия, устанавливались льготы для работающих студентов. Причем получение образования являлось обязанностью граждан. Государство гарантировало возможность заниматься научно-исследовательской деятельностью, как в стенах вузов, так и на производстве при условии направленности научных исследований на решение государственных задач в различных отраслях знания и экономики (ст. 38 Конституции Кубы).

Новейшая история кубинской образовательной системы протекает на фоне примирения политических противоречий, выхода из изоляции и расширения контактов с высшими учебными заведениями сопредельных стран. Система высшего образования представлена сегодня исключительно государственными высшими учебными заведениями. При этом заочное (дистанционное) образование допускается лишь по пяти специальностям: праву, истории, научной и технологической информации, финансам, бухгалтерскому учету и экономике. Государственное управление и контроль за выполнением государственной образовательной политики возложен на Министерство высшего образования. С начала 2000-х годов допускаются международные образовательные отношения, юридическим основанием для которых являются трехсторонние соглашения между Министерством образования Кубы, национальными и зарубежными университетами. Такие соглашения имеются с Великобританией (2002), Венесуэлой, некоторыми странами Евросоюза (2006), Российской Федерацией (2022) [13]. Международное политическое сотрудничество сделало возможным введение института академических обменов [11].

Принятая в 2019 году новая Конституция сохранила образование в системе социальных ценностей [16]. Вместе с тем, очевидна включенность образовательной системы в рыночный механизм. Образование провозглашается правом, а не обязанностью граждан. Возможность реализации права гарантируется государством. Образование называется в Конституции услугой, которую граждане вправе получить бесплатно, начиная от дошкольного уровня до бакалавриата по программам, удовлетворяющим «потребности экономического и социального развития страны» (ст. 85 Конституции 2019 г.). Коммерциализация образовательных услуг предусмотрена только для иностранных граждан. Устанавливается обязательный для каждого гражданина объем базовой подготовки в сфере общего и профессионального образования. Последипломное обучение и так называемое образование взрослых (вузовское) остается правом граждан, гарантированным государством, и реализуется в соответствии с образовательным законодательством.

Таким образом, несмотря на серьезное политическое влияние внешних факторов (колониальная зависимость, американский протекторат, советский период), кубинская система образования сумела вобрать все приоритеты от государств, под влиянием которых находилась Кубы, и сохранить самоидентичность, узнаваемость, признанную конкурентоспособность в мировом образовательном пространстве по ряду значимых направлений: лучшее педагогическое и медицинское образование, доступность получения образования, гарантированное трудоустройство, признаваемость кубинского диплома на международном рынке труда, социальная миссия образования и воспитание патриотизма у обучающихся всех уровней.

Опыт выстраивания аутентичной образовательной системы в государстве, претерпевавшем не единожды серьезные социальные потрясения, но сохранявшей от каждого периода лучшие достижения в системе вузовского образования, очевидно, применим в современной России.

Литература и источники

1. Quesada G. de. // Доступно из: <http://catalog.hathitrust.org/Record/000239298>
2. Конституции государств Американского континента // Конституция Республики Куба от 5 июля 1940 года / пер. под ред. Гурвича Г.С. М.: Иностранная литература, 1959. т. 2.
3. Креспо Гомес Г, АрсеГарридо М. Экономика кубинской высшей школы: проблемы и перспективы // Современная высшая школа. 1983. №1 (41).
4. Колесников Н.С. Куба: Народное образование и подготовка национальных кадров (1959-1979 гг.). М.: Наука, 1980.
5. Соглашение между правительством СССР и правительством Республики Куба об обучении кубинских специалистов в СССР от 16 ноября 1960 // Россия – Куба 1902-2002. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 2004.
6. ПиноЭстевес П.Р. Педагогические основы подготовки учителей для средней общеобразовательной школы по заочной системе в высших педагогических институтах Кубы: дисс. канд. пед. наук. Минск, 1984.

7. Соглашение о сотрудничестве и обмене опытом в организации учебно-воспитательной и научной работы между Гаванским университетом и МГУ // Россия – Куба 1902-2002. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 2004.
8. Строганова Е.Д. Идеи социализма в Латинской Америке // Латинская Америка, 2009. №12.
9. Костенко А.Ф. Из истории становления системы народного образования на Кубе. (60-е – 80-е годы XX века) // Современные тенденции в образовании и науке. Матер. межд. конф. 28.11.2014 г. Тамбов, 2014.
10. Высшее образование на Кубе [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://peopleandcountries.com/article-1465-1.html> (дата обращения: 11.11.2022).
11. Гомес Б.М., Дугарева Е.А. Культурное наследие в правовом воспитании вузовских студентов на Кубе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-nasledie-v-pravovom-vospitanii-vuzovskih-studentov-na-kube> (дата обращения: 16.12.2022).
12. История высшего образования Кубы: проблемы и достижения. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15169183_81685464.pdf (дата обращения: 16.12.2022).
13. Россия и Куба обозначили ориентиры для дальнейшего сотрудничества в сфере образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/61017/> (дата обращения: 16.12.2022).
14. Чэн Г.Н. История высшего образования Кубы: проблемы и достижения. СПб., 2016. 116 с.
16. 15. Конституция Кубы 1976. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=50> (дата обращения: 16.12.2022).
17. Конституция Кубы 2019. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.51256b91-639ec412-3538a517-74722d776562/https/walterlippmann.com/wp-content/uploads/2018/09/draft-cuban-constitution-2018.docx.pdf (дата обращения: 16.12.2022).

References and Sources

1. Quesada G. de. // Dostupno iz: <http://catalog.hathitrust.org/Record/000239298>
2. Konstitucii gosudarstv Amerikanskogo kontinenta // Konstituciya Respubliki Kuba ot 5 iyulya 1940 goda / per. pod red. Gurvicha G.S. M.: Inostrannaya literatura, 1959. t. 2.
3. Krespo Gomes G, ArseGarrido M. Ekonomika kubinskoj vysshej shkoly: problemy i perspektivy // Sovremennaya vysshaya shkola. 1983. No1 (41).
4. Kolesnikov N.S. Kuba: Narodnoe obrazovanie i podgotovka nacional'nyh kadrov (1959-1979 gg.). M.: Nauka, 1980.
5. Soglashenie mezhdru pravitel'stvom SSSR i pravitel'stvom Respubliki Kuba ob obuchenii kubinskih specialistov v SSSR ot 16 noyabrya 1960 // Rossiya – Kuba 1902-2002. Dokumenty i materialy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004.
6. PinoEsteves P.R. Pedagogicheskie osnovy podgotovki uchitelej dlya srednej obshcheobrazovatel'noj shkoly po zaochnoj sisteme v vysshih pedagogicheskikh institutah Kuby: diss. kand. ped. nauk. Minsk, 1984.
7. Soglashenie o sotrudnichestve i obmene opytom v organizacii uchebno-vospitatel'noj i nauchnoj raboty mezhdru Gavanskim universitetom i MGU // Rossiya – Kuba 1902-2002. Dokumenty i materialy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004.
8. Stroganova E.D. Idei socializma v Latinskoj Amerike // Latinskaya Amerika, 2009. №12.
9. Kostenko A.F. Iz istorii stanovleniya sistemy narodnogo obrazovaniya na Kube. (60-e – 80-e gody XX veka) // Sovremennye tendencii v obrazovanii i nauke. Mater. mezhd. konf. 28.11.2014 g. Tambov, 2014.
10. Vysshee obrazovanie na Kube [Elektron. resurs]. Rezhim dostupa: <http://peopleandcountries.com/article-1465-1.html> (data obrashcheniya: 11.11.2022).
11. Gomes B.M., Dugareva E.A. Kul'turnoe nasledie v pravovom vospitanii vuzovskih studentov na Kube // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2015. № 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-nasledie-v-pravovom-vospitanii-vuzovskih-studentov-na-kube> (data obrashcheniya: 16.12.2022).
12. Istoriya vysshego obrazovaniya Kuby: problemy i dostizheniya. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15169183_81685464.pdf (data obrashcheniya: 16.12.2022).
13. Rossiya i Kuba oboznachili orientiry dlya dal'nejshego sotrudnichestva v sfere obrazovaniya. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/61017/> (data obrashcheniya: 16.12.2022).
14. Chen G.N. Istoriya vysshego obrazovaniya Kuby: problemy i dostizheniya. SPb., 2016. 116 s.
16. 15. Konstituciya Kuby 1976. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=50> (data obrashcheniya: 16.12.2022).
17. Konstituciya Kuby 2019. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.51256b91-639ec412-3538a517-74722d776562/https/walterlippmann.com/wp-content/uploads/2018/09/draft-cuban-constitution-2018.docx.pdf (data obrashcheniya: 16.12.2022).

ИВАНОВА ОЛЬГА АНДРЕЕВНА - кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой публичного права, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (public_law@mail.ru).

IVANOVA, OLGA A. - PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Public Law, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (public_law@mail.ru).

ТУРКУЛЕЦ С.Е., ТУРКУЛЕЦ А.В. ВЛИЯНИЕ АНТИГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: культура, метакультура, кризис духовности, антиглобализация, мультикультурализм.

В статье дана характеристика современного состояния культуры. Объясняются причины культурного кризиса современного общества. Вводится понятие метакультуры как характеристики современного состояния культуры, отличающегося амбивалентностью и противоречивостью. Определяются тенденции развития российской культуры в современных условиях.

TURKULETS, S.E., TURKULETS, A.V. INFLUENCE OF ANTI-GLOBALIZATION PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF MODERN CULTURE

Key words: culture, metaculture, crisis of spirituality, anti-globalization, multiculturalism.

The article gives a description of the current state of culture. The causes of the cultural crisis of modern society are explained. The concept of metaculture is introduced as a characteristic of the current state of culture, characterized by ambivalence and inconsistency. The trends in the development of Russian culture in modern conditions are determined.

Социогуманитарная наука в последнее время все чаще объясняет особенности содержания различных социальных процессов и явлений влиянием глобализации. Сегодня мы видим изменение вектора социальной интеграции, глубокий раскол в международных отношениях, что позволяет говорить о тенденциях антиглобализации. Наряду с кризисом в политической и социально-экономической сферах раскол в наиболее яркой форме проявляется в сфере культуры. Именно культура является объектом нашего исследования.

Шире понятия «культура» в современном словоупотреблении, вероятно, только понятие «мир». Объясняется это общепринятым универсальным характером данных слов и многообразием контекстов, в которых они используются («культура речи», «культура питания», «война и мир», «мир дверей», и т.д. и т.п.). Вместе с тем, существует научный подход к определению сущности понятия «культура», хотя и он имеет огромное количество вариаций. Считается, что в истории науки было дано более 6 тысяч определений понятия «культура». Безусловно, тот или иной подход к определению сущности культуры, прежде всего, обусловлен той методологической позицией, на которой стоит исследователь. Сразу оговоримся, что мы стоим на позиции материалистической диалектики, суть которой заключается в изучении предмета в развитии, а также в обосновании онтологического приоритета материального над идеальным.

Слово «культура» произошло от латинского «cultura», которое изначально переводилось как «возделывание», а позже приобрело еще несколько значений: воспитание, образование, развитие. Чаще всего под культурой принято понимать совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми, являющимися членами определенного социума. Уровень культуры, очевидно, зависит от уровня развития общества. Культура носит конкретно-исторический, преходящий характер. В контексте данной статьи и с позиции заявленной методологии культура рассматривается, прежде всего, как результат экономического развития общества, отражающийся на духовной сфере.

После краткого вступления обратимся к современному пониманию культуры, выяснению того, что определяет ее содержание в современных социальных условиях, какова ее подлинная сущность и в чем заключаются перспективы ее существования. Для этого, как нам представляется, целесообразно использовать термин «метакультура», то есть попытаться проанализировать современное состояние культуры, как бы выйдя за ее пределы, посмотреть на все, что с ней связано, со стороны. Для данной цели мы будем использовать приставку «мета», которая как раз и означает нечто выходящее «за» пределы или «после» предмета изучения (мета-физика, мета-философия и т.п.).

Определенный опыт использования понятий с данной приставкой существует в научной литературе. В общей дисциплинарной классификации научного знания достаточно широко применяются понятия, сконструированные при помощи этой смысловой приставки. Так, в традиции психоанализа используется понятие «метапсихология» для обозначения психических явлений, лежащих за границами осознаваемых переживаний. В филологии под «металингвистикой» понимается отрасль языкознания, предметом изучения которой являются

содержательные особенности языка в их непосредственной связи с процессом мышления и социальной жизнью коллектива, говорящего на данном языке. Например, «металогика» как область современной логики исследует строение и свойства самих логических систем, способы конструирования различных логических теорий, а также отношения между ними. Например, «метаматематика» (раздел математической логики) изучает основания математики, структуру самих математических доказательств, различные интерпретации формальных систем и пр. Смысловую приставку «мета» можно использовать также и при характеристике творчества отдельного ученого или мыслителя. В одной из статей о выдающемся отечественном философе, культурологе Алексее Васильевиче Потемкине говорится, что его философия носила характер *метафилософии*, то есть выходящей за пределы собственно философии [1, с. 185].

Конечно, имеется огромное количество различных понятий с приставкой «мета». И каждый исследователь в силу заявленных целей и поставленных задач волен использовать их в своих теоретико-методологических изысканиях.

Касательно применения смысловой приставки «мета» к понятию «культура» отметим интересное определение дальневосточного философа С.Е. Ячина: «Метакультура – это состояние культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором рефлексивно проясняется зависимость развития культуры от творческого потенциала личности» [2, с. 161].

Термин «метакультура» получил широкое распространение благодаря сочинению Роза Мира известного русского философа Даниила Андреева. В его произведении метакультура понимается как такая специфическая творческая сфера, что позволяет человеку творить и создавать культурные произведения, тиражируемые далее в обычной культуре.

Вступая в некоторую полемику с приведенными подходами к понятию метакультуры и основываясь, прежде всего, на этимологии слова, обозначим свою позицию, отличающуюся от подхода С.Е. Ячина, утверждающего, что ««Мета» – указывает на источник развития культуры, который находится за пределами самой культуры в творческом потенциале личности» [2, с. 151]. На наш взгляд, выход за пределы культуры одновременно требует и абстрагирования от творческой личности, чья деятельность является составной частью культуры. Предпринимая попытку изучения современной культуры с позиции *метакультуры*, оговоримся, что метакультура в нашем понимании это современное состояние культуры, обусловленное социально-экономическими, политическими и иными значимыми факторами, характеризующееся, прежде всего, отказом от традиционных духовных ценностей, их замещением ценностями потребления и масскульта, что спровоцировано односторонним воздействием западных супердержав на национальные культуры менее развитых стран. Это, по сути, культура, вышедшая за свои рамки, переставшая выполнять функции сферы духовного развития личности и общества.

Согласимся с мнением С.Е. Ячина о противоречивом характере современного состояния культуры, причины которого он видит в амбивалентности тенденций, связанных с процессами культурной глобализации: «С одной стороны, происходит интенсификация межкультурных взаимодействий, так, что большая часть людей сдвигается к границам других культур, результатом чего, казалось бы, должен стать рост творческого потенциала личностей. Но с другой стороны, происходит обратное: интенсификация межкультурных контактов приводит к стиранию культурных границ, к массовому распространению усредненных культурных образцов, не имеющих прямого отношения ни к одной национальной культуре» [2, с. 154].

Российские ученые-гуманитарии неоднократно отмечали упадок российской культуры после распада СССР, крах системы традиционных ценностей, кризис духовности, что объяснялось ими как результат поглощения западной цивилизацией духовной сферы российского общества. На наш взгляд, причины кризиса кроются, прежде всего, в экономическом подчинении России т.н. западным «партнерам», которые всегда видели в нашей стране сырьевую базу, с одной стороны, и привлекательный рынок сбыта, с другой. Развитие духовности, а вместе с тем образования, искусства, культуры, не входило в их планы и в этой связи предпринимались весьма серьезные усилия по формированию в российском обществе прозападного мировоззрения, настроенного на развитие потребительских установок и индивидуалистических ценностей.

Вместе с тем, события последних месяцев позволяют говорить об изменении вектора развития метакультуры. Агрессивные русофобские настроения в странах Европы и США, отказ от

величайших достижений российской культуры во всех ее многонациональных проявлениях ведут к нарастанию процесса антиглобализации, и, вероятнее всего, к установлению «культурного железного занавеса». С одной стороны, это оказывает негативное влияние на тиражирование достижений российской культуры, на включение России в общемировой процесс культурного развития, но вместе с тем, это может положительно сказаться на возрождении традиционных духовных ценностей, приобщении россиян, прежде всего молодежи, к достижениям отечественного искусства и культуры, развитию российской духовности, что было утрачено в последние десятилетия насаждения в нашей стране западной потребительской массовой культуры.

Антиглобализационные процессы последних месяцев запустили механизм возрождения российской духовности, а также творческого развития российской культуры с учетом общемировых достижений и современных форм искусства на отечественной почве. В данной ситуации появилась надежда на то, что рефлексия прошлого опыта позволит построить и реализовать стратегию развития, как духовной сферы, так и в целом российского общества.

Вместе с тем, существует и иной подход к динамике процессов, проистекающих в современной культуре. Речь идет о мультикультурализме. Мультикультурализм – это стратегия (политика) сохранения и развития культурных различий. Она нацелена не на гипертрофию данных различий (искусственное выпячивание противоречий, чрезмерное подчеркивание неповторимости, непохожести культурных реалий и пр.), а на их адекватное восприятие, оценку и понимание. Данная стратегия направлена на сосуществование (на основе взаимовыгодного сотрудничества) и взаимообогащение (на основе творческого взаимодействия) различных культур. Другими словами, понимание оригинальной «культуры Других» служит необходимым условием для выработки собственной культурной идентичности, для принятия и адекватной оценки возможных перспектив культурной коммуникации. «Ход истории требует, чтобы люди расширяли круг своих симпатий и понимания, увеличивали сферу нравственного воображения, разделяли взгляды других людей, все более удаленных от них. Время подталкивает нас к такой здоровой, однако ускользающей истине, согласно которой повсюду люди – точно такие же люди, как мы» [3, с. 453].

В определенном смысле мультикультурализм можно рассматривать как проявление культурной эволюции, по мере осуществления которой происходит как сущностная трансмутация исходных культурных значений («культурных кодов»), так и перманентная трансляция культурного опыта в новые культурные среды («культурный трансфер»). Эти преобразования затрагивают весь культурный комплекс в его (а) наглядно-предметном выражении (обряды, ритуалы, традиции и пр.), (б) ментально-когнитивном проявлении (переживания, образы, понятия, символы, идеи, ценности и пр.), (в) идейно-организационном воплощении (группы, секты, организации, сообщества и пр.). Если продолжить аналогию с биологической эволюцией, то культурная эволюция так же имманентно включает в себя не только позитивные результаты, но чревата и негативными последствиями (появление патологий, нежизнеспособных мутаций).

Нужно помнить, что мультикультурализм – это лишь стратегия (средство) для межкультурного взаимодействия. При неумелом использовании она может привести к культурному изоляционизму, спровоцировать диффузию или даже деструкцию процессов межкультурного взаимодействия.

Существует несколько методологических следствий принятия такой стратегии:

1) реляционный детерминизм: (а) для объяснения процессов, протекающих в культуре, универсальные схемы причинно-следственного анализа не эффективны; (б) культурные феномены возможно описывать лишь при помощи вероятностных моделей; (в) одна причина способна породить как минимум два возможных следствия (а как максимум бесконечное их разнообразие), в свою очередь, одно следствие может быть результатом действия как минимум двух возможных причин (а как максимум их бесконечным разнообразием); (г) хронологический аспект взаимосвязи причины и следствия («раньше-позже») не является абсолютным.

2) функционально-аналитический альтернативизм: (а) культура представляет собой определенный набор функционально взаимосвязанных элементов; (б) отдельно взятый элемент может выполнять множество альтернативных функций; (в) одна и та же функция может быть реализована разными (возможно даже взаимоисключающими друг друга) элементами; (г) каждая функция допускает возможность альтернативных способов своего самораскрытия; (д) существует

область возможной вариативности функции, причем масштаб данной области зависит от культурного контекста.

3) умеренный кондиционализм: в сфере культуры не существует объективно заданных причинно-следственных связей, но есть только совокупность (комплекс) условий для осуществления того или иного культурного явления (события), причем оценка осуществленного (или осуществляемого) явления (события) всегда предполагает субъективно-мировоззренческие версии;

4) понятийный комплементаризм: для воспроизведения целостности того или иного культурного объекта (явления, события, процесса) необходимо применять взаимоисключающие классы понятий, каждый из которых применим в своих особых конкретно-ситуационных условиях (категориальных границах);

5) аутентичный синергетизм: культура представляет собой: (а) саморазвивающуюся систему, неизбежное изменение свойств и качеств которой, происходит вне каких-либо дополнительных влияний, вследствие взаимодействия системы с условиями существования, что приводит данную систему к некоторому относительно устойчивому состоянию; (б) сложноорганизованную систему, то есть некую совокупность закрытых и открытых подсистем, причем характеристика подсистемы в качестве открытой или закрытой является относительной и зависит от исследовательской установки; (в) неустойчивую систему, в которой, с одной стороны, происходит самопроизвольное возникновение элементов обуславливающих относительно устойчивое существование системы и, с другой стороны, происходит формирование элементов, провоцирующих саморазрушение ее системных качеств; (г) открытую систему, актуальное состояние которой строго не детерминировано ее прошлым опытом (состоянием, функционированием).

Сформулированные выше положения следует рассматривать в качестве принципов культурологического исследования. Последовательно применяя эти установки к исследованию культуры в целом или ее отдельных феноменов, можно прийти к адекватному пониманию их творческой сущности. «Если же творчество – высшая, драгоценнейшая и священнейшая способность человека, проявление им божественной прерогативы его духа, то нет на земле и не может быть ничего драгоценнее и священнее культуры, и тем драгоценнее, чем духовнее данный культурный слой, данная культурная область, данное творение» [4, с. 50].

У мультикультурализма есть как минимум две «взаимно переплетающиеся» возможности развития – это позитивная и негативная перспективы. Результатом осуществления позитивной перспективы является реализация творческих потенций взаимодействия различных культур в едином процессе общечеловеческого культурного творчества. Эффективным способом здесь является межкультурная коммуникация, межкультурный диалог. «Диалог культур приводит к углублению культурного саморазвития, к взаимообогащению за счет иного культурного опыта как в рамках определенных национальных культур, так и в масштабах мировой культуры. Необходимость межэтнического диалога культур выступает условием самосохранения человечества» [5, с. 63]. Основанием для осуществления негативной перспективы может стать усиление национально-культурного изоляционизма, диффузия значений культурных феноменов, примитивизация и выхолащивание ценностных смыслов подлинно культурных событий, поверхностное, формализованное участие носителей культурных традиций в межкультурной коммуникации, сознательная деструкция культурно-исторического опыта и пр. В случае доминирования первой возможности процесс развития культуры приобретает направленность к формированию так называемых космосомных культурных форм. В обратном случае (при все большем усилении негативной перспективы) нас ждет хаосомная культурная реальность.

Литература и источники

1. Майданский А.Д. Радикальная метафилософия А.В. Потемкина // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). С. 185-186.
2. Ячин С.Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 149-161.
3. Райт Р. Эволюция Бога. Бог глазами Библии, Корана, науки. М. : Эксмо, 2017. 608 с.
4. Андреев Д.Л. Роза Мира. М. : Эксмо, 2022. 704 с.
5. Штомпель О.М. Демодернизационные эффекты в культуре. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2013. 240 с.

References and Source

1. Majdanskij A.D. Radikal'naya metafilosofiya A.V. Potemkina // Nauchnye ведомosti. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2017. № 3 (252). S. 185-186.

2. Yachin S.E. Metakul'tura – mesto tvorchestva lichnosti na granice kul'turnyh sred // Voprosy social'noj teorii. 2011. T. V. S. 149-161.
3. Rajt R. Evolyuciya Boga. Bog glazami Biblii, Korana, nauki. M. : Eksmo, 2017. 608 s.
4. Andreev D.L. Roza Mira. M. : Eksmo, 2022. 704 s.
5. Shtompel' O.M. Demodernizacionnyye efekty v kul'ture. Rostov-na-Donu, YUFU, 2013. 240 s.

ТУРКУЛЕЦ СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА - доктор философских наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Хабаровск (turswet@rambler.ru).

ТУРКУЛЕЦ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ - доктор философских наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Хабаровск (tual63@mail.ru).

TURKULETS, SVETLANA E. - Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern State University of Communications.

TURKULETS, ALEKSEY V. - Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern State Transport University.

УДК 33 (330)

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-196-201

**ЖУРИН С.А., ФОМЕНКО М.В., ГЛАЗЫРИНА Я. Е., СВИРИНА В.Ю., ЧЕРВЯКОВ А.В.
ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

Ключевые слова: экономическая наука, этика, хозяйственная деятельность, мораль, нравственность, экономическая этика, ценности

В статье определяется системное место и роль экономической этики в условиях постиндустриального общества. Рассматривается история и динамика развития, природа взаимосвязи и особенности взаимодействия деонтологических аспектов экономики. Актуализируется этическая составляющая поведения хозяйствующего субъекта и экономических отношений. Анализируется соотношение позиций этического объективизма и субъективизма в рамках современной экономической науки, а также значимость моральных принципов при осуществлении экономической деятельности рациональным хозяйствующим субъектом.

**ZHURIN, S.A., FOMENKO, M.V., GLAZYRINA, Ya.E., SVIRINA, V.Yu., CHERVYAKOV, A.V.
DEONTOLOGICAL ASPECTS OF ECONOMICS OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY**

Key words: economics, ethics, economic activity, morality, moralty, economic ethics, values.

The article defines the systemic place and role of economic ethics in a post-industrial society. The history and dynamics of development, the nature of the relationship and the features of interaction of the deontological aspects of the economy are considered. The ethical component of the behavior of an economic entity and economic relations is actualized. The correlation of the positions of ethical objectivism and subjectivism within the framework of modern economics is analyzed, as well as the importance of moral principles in the implementation of economic activity by a rational economic entity.

Обращаясь к истории экономической науки, заметим, что еще А. Смит и А. Маршалл размышляли в своих трудах об этическом аспекте в экономике. Позже и представители классической школы полагали, что между этикой и экономической наукой существует взаимосвязь, поскольку первая играет важную роль в большинстве видов деятельности общества, включая экономику. И эта идея была принята, в основном, до так называемой «маржиналистской революции», рассматривавшей основную роль экономической науки в анализе соотношения между средствами и целями. В рамках данного подхода роль экономиста состоит в том, чтобы рассмотреть цель для достижения и максимизировать инструмент, который достигает этой цели. Следовательно, это проблема оптимизации, и в ней нет места для этики. Однако представляется возможным рассмотреть историческую взаимосвязь вопросов этики и экономики и выяснить, какова роль этики в современной экономической науке.

Кроме того, вопрос экономической этики - как совместить индивидуальные и общие интересы, все также остается актуальным в настоящее время. В целом, экономисты не подвергали сомнению основные принципы, которые помогают формировать фундаментальные этические критерии экономического поведения. Преследование личного интереса было определено как максимизация прибыли, принято считать, что это является целью хозяйственной деятельности. Согласно альтернативной точке зрения, предлагается учитывать и другие мотивы, помимо зарабатывания денег и извлечения собственной выгоды.

До возникновения капиталистических отношений как господствующей формации, в течение многих веков вопросы, которыми сейчас занимается экономическая наука, решались религиозными дисциплинами, а также поднимались философами. При отделении экономической науки в обособленную дисциплину в рамках политической экономии стало понятно, что этический аспект не является главенствующим в вопросах, связанных с проблемами хозяйственной деятельности. Отметим, что те вопросы экономической теории, которые по сей день являются актуальными, многие века назад считались неразрывно связанными с этикой. Среди таковых можно назвать появление и осуществление прав собственности, противоречивость научно-

технического прогресса, наличие неэкономических факторов в рамках экономического анализа, например, психологический, нравственный, социальный факторы. В условиях постиндустриальной экономики мы можем оценить значение и новаторский характер трудов ученых XVIII столетия, которые уже тогда заложили фундамент для экономической этики.

Если обратиться к достигнутым успехам представителей исторической школы, традиционного институционализма рубежа XIX и XX столетия, то очевидно, что они разработали те идеи и теории, которые нашли свое развитие и отражение в трудах Дж. М. Кейнса, совершившего научную революцию в XX веке. Это касается и вопроса о роли государства в экономике, обращения к психологическому фактору поведения потребителя, рассмотрения экономики как динамически развивающейся открытой системы [1]. Стоит отметить, что в XXI веке важные экономические открытия связаны с деятельностью крупных исследовательских команд, часто сотрудничающих на международном уровне. Поэтому последнюю научную революцию в области экономики сложно связать с именем одного ученого-экономиста. Однако, происходящие трансформации в экономической науке также актуализируют роль этики, в том числе в рамках междисциплинарного подхода.

В данном случае гуманистическая парадигма отступает от исключительной формализации и обращается к моральному аспекту экономических отношений. В рамках данной парадигмы экономическое поведение человека оказывается продиктовано не только стремлением к удовлетворению потребностей и извлечению выгоды, но и иными мотивами, имеющими нравственную природу. То есть мы имеем дело с этически рациональным поведением хозяйствующего субъекта. Тем не менее, вопросы морали и нравственности не должны рассматриваться, как те, что только интегрируются в экономическую науку. Как отмечают Д. Хаусман и М. Макферсон, единство человеческой природы предусматривает влияние этических факторов на любую деятельность человека, в том числе и экономическую [2]. То есть этические проблемы в экономике стоит рассматривать не только во взаимосвязях с иными элементами хозяйственной деятельности, но и в качестве изначально присутствующих параметров поведения экономического субъекта.

Экономическая наука призвана решать проблемы человека для достижения определенного социального эффекта. То есть экономические явления, которые происходят по воле человека и неразрывно с ним связаны, не могут быть лишены морального аспекта. Экономические проблемы существуют в связи с интересами людей, а значит, решение экономической проблемы не может быть осуществлено без ориентации на категории добра и зла, что возвращает нас к основным этическим вопросам. Таким образом, абстрагироваться от влияния морали на решение той или иной экономической проблемы означает попытаться уйти от реальности, тем самым провоцируя негативные последствия. В то же время этический аспект нивелирует тот параметр, который отличает экономику от других наук, изучающих общество, речь идет о точности. Нельзя в единицах измерить добро или зло, справедливость или обман, хотя ущерб, в том числе моральный, можно представить в денежном выражении. Это вызывает существенные затруднения для экономического анализа. С другой стороны, если формализовать экономическую науку до той степени, когда она потеряет связь с человеческой натурой, она не будет иметь того прикладного значения, которое предусматривается. Ведь развитие науки предполагает разработку теоретического инструментария, способного решить реальные проблемы практического характера.

Причиной осуществления научной революции является накопление противоречий внутри ядра определенной парадигмы. В настоящее время развитие методологии экономической науки можно связать с процессом концентрации противоречий, которые побуждают расширять предметное поле и возвращаться к основаниям экономической науки. Вышеупомянутая гуманистическая парадигма в свою очередь предполагает возврат к основным этическим ценностям, в том числе к ценности человеческой жизни, что оказывается связано с реальным поведением и реальными потребностями субъекта хозяйствования [3]. Фундаментом рыночных отношений является совокупность морально-нравственных ориентиров и качеств, которые влияют на формирование мотивов и образа действий субъектов экономики, а также их интересов, предпочтений и поведенческих опций. Обнаруживая связь реальной экономической деятельности и этического аспекта, мы можем говорить об этической составляющей экономических отношений,

понимание значимости которой, закладывает основы для эффективного решения проблем глобального характера, провалов рынка, улучшения благосостояния населения внутри национальных экономик, а также для формирования модели постиндустриальной экономики.

Большинство этических норм (как светских, так и религиозных) имеют общую цель — поощрение людей к развитию деятельности социальной направленности и подавлению эгоистичных черт. В свою очередь неоклассическая экономическая теория одобряет поведение субъекта экономики, который стремится к извлечению собственной выгоды. И не только добродетель считается неуместной, но и архаичные традиции также замедляют развитие экономики. Это лежит в основе знаменитого утверждения Адама Смита о том, что личные интересы, а не благотворительность, служат общественному благу (хотя сам Смит был гораздо более тонким в этом вопросе, чем многие его последователи). Стремление сделать экономическую науку этически нейтральной наблюдается и у представителей теории благосостояния. Полагая, что используемая в рамках данного направления методология имеет независимые от морали основы, представители теории благосостояния определяют общественный оптимум, исходя из оценки результатов. Экономическая теория благосостояния рассматривает две основные проблемы, первая из которых связана с эффективностью, а другая – со справедливостью. Эффективность в отличие от справедливости может быть измерима, к тому же в экономической теории отсутствует терминология, включающая понятие справедливости. Поэтому эффективность, как параметр, рассматриваемый экономической теорией благосостояния, является измеримым и управляемым, в то время как решить вопрос справедливости, гораздо проблематичнее. В связи с этим, эффективность является основополагающим понятием теории благосостояния. Однако, с этической точки зрения возникает вопрос - то, что эффективно в данный момент времени, будет ли также эффективно через двадцать лет.

Нельзя не отметить, что экономическая этика не является отвлеченным от образовательного процесса понятием. Этика как неотъемлемая часть экономической науки изначально нашла свое отражение в академическом образовании в США. Позже экономическая этика внедрялась в странах Европы. Активное развитие процесса внедрения дисциплин, связанных с экономической этикой, пришлось на вторую половину двадцатого века [4]. Подчеркнем, что вопрос отношений хозяйственной этики и морали с момента появления остается дискуссионным. Именно церковные институты выступили основной движущей силой развития предпринимательской этики.

Стоит определиться с основным набором задач, которые решает такая дисциплина, как бизнес-этика, находящаяся на этапе своего формирования. Бизнес-этика отвечает на вопросы, связанные с тем, какие нормы морали и нравственности являются значимыми для экономических субъектов в условиях постиндустриального общества и какое влияние они оказывают на благосостояние общества. Следует отметить, что существуют некоторые различия между экономической и предпринимательской этикой. Если последняя адресована к предприятиям, в лице управленцев и непосредственно к предпринимателям, то экономическая этика относится к институтам, которые осуществляют деятельность на макроуровне.

Можно выделить две объективные причины, которые связывают экономическую науку и этику. Первая причина связана с одной из центральных общеэтических проблем, которая заключается в том, как жить, стремясь к достижению блага, при этом соблюдая моральные нормы, чтобы достижение этого блага было совместным. Это наталкивает на мысль о том, что при рациональном поведении человека (в нашем случае экономического субъекта) нельзя отрицать существенность морали при осуществлении хозяйственной деятельности и построении экономических отношений. Вторая причина относится к аристотелевской мысли о благородном достижении блага. То есть, человек может осуществлять экономическую или иную деятельность исходя лишь из собственной выгоды, однако, более возвышенным является достижение цели в масштабе общества. Здесь можно выдвинуть гипотезу, что достижение социальных целей оказывается не только благородным, но и более эффективным. При этом стоит принять во внимание то, что любая заинтересованность в том, чтобы иметь их или объективное благо, являющееся выражением обладания ими, включает в себя ценностный ответ на соответствующее благо или предполагает его [5].

В экономической теории мы сталкиваемся с таким понятием, как рациональное поведение. В данном контексте рациональность предполагает постоянную максимизацию собственной

выгоды. Современное постиндустриальное общество подразумевает высокую информированность индивида, существующего в новой реальности. Информированность человека, как субъекта экономики, предполагает осмысленное поведение, в рамках которого он стремится к максимизации эффекта в процессе преследования собственных интересов.

Исключительно общетеоретический подход к рассмотрению проблемы взаимодействия экономической науки и этики невозможно считать исчерпывающим. Обращаясь к историческому становлению экономической науки, мы видим, что теоретически не осмысливались неравновесные состояния и институциональное разнообразие экономических систем. Победа теоретического проекта канонизировала вполне определенные идеалы научности и соответствующие им эпистемологические ценности, восходящие к спорам эпохи научной революции. При этом конфликт между различными идеалами научности остался неразрешенным: ориентация на один ценностный вектор сопровождалась потерями на других направлениях. Можно предположить, что деонтологические аспекты экономической науки необходимо рассматривать в рамках практической экономической деятельности. То, что Ф. Блуме-Дрез и К. Хоманн называют «системным местом» морали в рыночной экономике, не исключает выполнение ею различных функций помимо той, чтобы держать деятельность экономических субъектов в определенных рамках [6]. Безусловно, для того, чтобы хозяйственные отношения осуществлялись продуктивно, важно соблюдение субъектами экономических отношений моральных принципов, которые нашли свое отражение в русском фольклоре, например, в пословицах: «договор дороже денег», «долг платежом красен», «дружба - дружбой, а денежкам - счет», др.

Также отметим, что деятельность предпринимателя продиктована не только стремлением извлечь прибыль (что, конечно, является основной целью хозяйственной деятельности), но и интересами общества. В условиях, когда общество признает этический аспект рыночной конкуренции в рамках рыночного механизма, мораль становится неотъемлемой составляющей правил функционирования рынка, а не выступает частным проявлением определенной функции. Развивая данную мысль, подчеркнем, конкуренция работает на благо потребителей, отсеивая предприятия, не способные удовлетворить потребности, выгоды и запросы потребителя, в этом случае этические нормы поведения фирм становятся фактором конкурентоспособности. Моральные нормы определяют диапазон действия и опции, которыми может воспользоваться предприятие. Если мораль является первообразной к денежному вознаграждению или выступает атрибутом только определенного типа предпринимателя, тогда теряется сама суть этического мотива поведения рыночного субъекта. Лишь при наличии системного взаимодействия, в рамках которого мораль связывает элементы рыночной экономики, тогда мы можем говорить о моральных качествах рыночной экономики. Задачей человека, живущего в эпоху информационного общества, становится анализ характеристик общества и использование сложности и технологичности киберпространства с целью собственного развития [7, с. 56]. Данное положение объясняет актуализацию этики в современной экономической науке. Киберпространство оказывается новой платформой, где интеграции этического аспекта в экономику способствует доступ к информации и взаимодействию между участниками хозяйственных отношений.

Те шаги, которые реализуют предприятия в процессе конкурентной борьбы, не имеют зависимости от этических мотивов. В этой парадигме стремление фирмы максимизировать прибыль в долгосрочной перспективе не является аморальным, а выступает их социальной миссией, поскольку в данном случае не столько важен мотив, сколько то, как точно соблюдаются этические рамки. Имеется в виду, что действия фирм, независимые от норм морали, в конечном счете, оказываются факторами роста благосостояния. Действия, которые совершали те или иные компании в борьбе за внимание потребителя, в итоге приводят к победе в конкурентной борьбе. Однако, не стоит забывать о том, что этот процесс отнюдь не статичен и конкуренция на рынке происходит динамично. С одной стороны, предприятие руководствуется сугубо экономическими расчетами, с другой, поддержка со стороны общества в виде лояльности тому или иному бренду не может быть вызвана исключительно экономическими причинами. Нельзя обойти стороной вопрос регулирования рынка на законодательном уровне. Все-таки правила, в соответствии с которыми функционирует рынок, должны основываться на представлениях о том, что такое добро

и что такое зло. Через индивидуальное представление о солидарности и добропорядочности, как принципах этического поведения, происходит формирование общественного сознания. Это положение подтверждается тем, что индивидуальные этические намерения и моральная мотивация экономического субъекта проявляются не в хозяйственном действии, а в том наборе правил, который эти действия регулирует. Очевидно, экономический успех и высокие доходы достигаются порой и способами, не отвечающими требованиям законов и норм морали. А результатом предпринимательской деятельности случается и некачественная и экологически вредная продукция, приносящая иногда и более высокие прибыли в денежном выражении, что не как не способствует развитию и процветанию общества [8].

Следовательно, каждый последующий закон представляет собой дополнение или изменение к ранее существующему документу, указывая на принцип системности, однако, роль человека не просто следовать законодательной инерции, а принимать такие правила экономической деятельности, чтобы моральный аспект был интегрирован в эту систему на высоком уровне. Этика в данном случае нацелена на упорядочение деятельности институтов экономики и реализацию моральных принципов. Эволюционно общество показывает свою объективную зависимость от моральных качеств отдельно взятого человека. Стоит упомянуть, что независимо от трансформации ценностей в рамках смены экономической идеологии, вышеупомянутый принцип непременно должен сохраняться. Орехов А. М. и Ахмедов Ф. Н. отмечают, что задача ценностей в экономической идеологии – показать преимущество определенных целей, смыслов и мотивов поведения [9]. Ценности определяют ориентиры и задают вектор движения экономического, социального или политического процесса. Поэтому об этике можно рассуждать в том числе, как о широком наборе ценностей в рамках определенной экономической идеологии.

Необходимо обратиться к амбивалентности этического аспекта экономических концепций в рамках экономической науки. На первоначальных этапах философами решался вопрос о природе морали. Моральные ценности могли возникать в связи с формулированием объективного блага либо же с осознанием субъективного интереса. Утилитаристы XIX века этот вопрос представляли как столкновение интересов общества и человека. Индивидуальные желания являли свободу, в то время как общественные рамки создавали условия, в которых реализация частного интереса становилась невозможной. В XX веке экономическая теория развела эти системы ценностей, оформив их в объективную и субъективную концепции полезности, а затем в различные подходы измерения блага. Развитие экономической науки сопровождалось сменой признанной точки зрения на решение вопроса о характере природы ментальной полезности. Мы наблюдаем переход от объективного взгляда утилитаристов на ментальную полезность к признанию ее субъективной природы (вплоть до отказа от ее прямого анализа в концепции выявленных предпочтений) и затем вновь к поиску более объективных критериев [10]. В данном случае наблюдается этическая дилемма между свободой субъективного самоопределения и важностью условий, подлежащих объективной оценке. Обратим внимание, что дилемма между объективным взглядом и субъективной природой имеет нормативный характер, так как представляет собой различные этические позиции, в то время как, к примеру, микроэкономическая дилемма между справедливостью и эффективностью, согласно критерию этической нейтральности, заключается в разграничении позитивного и нормативного подходов. Ряд этических дилемм на современном этапе развития экономической науки не имеют однозначного решения. Существование подобных вопросов указывает на необходимость рассмотрения субъективных и объективных деонтологических аспектов экономики при их решении. Проблема ценностей сопряжена и с соотношением морали и пользы. Данная дилемма имеет традиционный характер и занимает особое место в этических вопросах экономического поведения [11]. Моральное обязательство вне индивидуального интереса рассматривается этическим объективизмом, который объясняет справедливые отношения экономических субъектов не только взаимной выгодой, но и условными или правовыми обязательствами сильной стороны по отношению к слабой.

Таким образом, принципы влияния морального аспекта на экономическую науку имеют форму нормативных утверждений, то есть внешнюю, и внутреннюю, когда выбор опции зависит от решения экономического субъекта. Стоит отметить, моральные ценности субъекта экономики влияют на способ реализации деятельности, что впоследствии приводит к определенному

результату. Так как экономисты исследуют, в том числе, результаты хозяйственной деятельности, то им должны быть интересны и факторы, которые оказали на эти результаты непосредственное влияние. Одним из них является этика. Поскольку экономическая теория благосостояния основывается на моральных предпосылках, неоднозначно оцениваемых учеными, следовательно, развитие и изучение этой теории требуют внимания к этическому аспекту. Современная экономика должна стать движущей силой и платформой для формирования достойных идеалов и нормативных требований к экономическому субъекту.

Литература и источники

1. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа, 1999. 344 с.
2. Хаусман Д. М., Макферсон М. С. Серьезное отношение к этике: экономическая теория и современная моральная философия // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания». М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. С. 112-234.
3. Старостин В. П. Этика и экономика: проблемы взаимосвязи. Фундаментальные исследования. 2013. № 10-4. С. 914-915.
4. Сен А. Об этике и экономике (пер. с англ.). М.: С 31 Наука, 1996. 160 с.
5. Гильдебранд Д. Этика. СПб.: Алетейя, 2001. 569 с.
6. Хоманн К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая этика и этика предпринимательства. М.: Директ-медиа, 2013. 227 с.
7. Жури С.А. Трансформация личности в социокультурной среде киберпространства // Экология человека в зеркале «зеленой повестки» современного мира. М.: ООО "Русайнс", 2022. С. 55-59.
8. Гасратян К. М. Этика и экономическое развитие. М.: Наука, 2018. 88 с.
9. Орехов А.М., Ахмедов Ф.Н. Экономическая идеология: опыт интерпретации // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 90-95.
10. Сушенцова М.С. Этическая дилемма нормативной экономической теории. Вопросы экономики. 2017. №1. С. 103-119.
11. Агапова И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. М.: Юрист, 2002. 189 с.

References and Source

1. Kozlovski P. Principy eticheskoy ekonomii. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1999. 344 s.
2. Hausman D. M., Makferson M. S. Ser'eznoe otnoshenie k etike: ekonomicheskaya teoriya i sovremennaya moral'naya filosofiya // Istoki: sociokul'turnaya sreda ekonomicheskoy deyatel'nosti i ekonomicheskogo poznaniya». M.: ID Vysshej shkoly ekonomiki, 2011. S. 112-234.
3. Starostin V. P. Etika i ekonomika: problemy vzaimosvyazi. Fundamental'nye issledovaniya. 2013. № 10-4. S. 914-915.
4. Sen A. Ob etike i ekonomike (per. s angl.). M.: S 31 Nauka, 1996. 160 s.
5. Gil'debrand D. Etika. SPb.: Aletejya, 2001. 569 s.
6. Homann K., Blome-Drez F. Ekonomicheskaya etika i etika predprinimatel'stva. M.: Direkt-media, 2013. 227 s.
7. Zhurin S.A. Transformaciya lichnosti v sociokul'turnoj srede kiberprostranstva // Ekologiya cheloveka v zerkale «zelenoy povestki» sovremennogo mira. M.: ООО "Rusajns", 2022. S. 55-59.
8. Gasratyan K. M. Etika i ekonomicheskoe razvitie. M.: Nauka, 2018. 88 s.
9. Orekhov A.M., Ahmedov F.N. Ekonomicheskaya ideologiya: opyt interpretacii // Socium i vlast'. 2013. № 6 (44). S. 90-95.
10. Sushencova M.S. Eticheskaya dilemma normativnoj ekonomicheskoy teorii. Voprosy ekonomiki. 2017. №1. S. 103-119.
11. Agapova I.I. Ekonomika i etika: aspekty vzaimodejstviya. M.: Yurist, 2002. 189 s.

ЖУРИН СТЕПАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

ФОМЕНКО МАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (maryfom@mail.ru).

ГЛАЗЫРИНА ЯНА ЕВГЕНЬЕВНА – студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

СВИРИНА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА – студент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

ЧЕРВЯКОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ - студент, Финансовый университет при правительстве РФ.

ZHURIN, STEPAN A. – student, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov (st_zhurin@mail.ru).

FOMENKO, MARINA V. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov (maryfom@mail.ru).

GLAZYRINA, YANA E. – student, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov (glazyrina02@gmail.com).

SVIRINA, VICTORIA Yu. – student, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov (svirina.vika2703@yandex.ru).

CHERVYAKOV, ALEKSEY V. - student, Financial University under the Government of the Russian Federation (achervyakv@gmail.com).

УДК 1(091):177.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-201-207

КОСТИН П.А.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФИИ

Ключевые слова: ответственность, социальная философия, поэзия, гражданин, народ, элита, идентичность, патриотизм, Россия.

Философия российской идентичности, исследуемая в контексте проблем современного мира, предполагает рефлексию отношения субъекта к государству, народу, обществу, его ответственность за судьбу Родины, приверженность главным ценностям, нормам, традициям российского общества. В статье главное внимание уделено целевым установкам и задачам формирования перспективной модели российской идентичности у гражданской элиты нашего общества и государства. Обоснованы социально-философские аспекты проблемы ответственности за формирование российской идентичности в современных условиях, соответствующие логике и содержанию «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

KOSTIN, P.A.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR THE FORMATION OF MODERN RUSSIAN IDENTITY

Key words: responsibility, social philosophy, poetry, citizen, people, elite, identity, patriotism, Russia.

The philosophy of Russian identity, studied in the context of the problems of the modern world, involves a reflection of the subject's attitude to the state, people, society, his responsibility for the fate of the Motherland, adherence to the main values, norms, and traditions of Russian society. The article focuses on the goals and objectives of the formation of a promising model of Russian identity among the civilian elite of our society and state. The socio-philosophical aspects of the problem of responsibility for the formation of Russian identity in modern conditions are substantiated, corresponding to the logic and content of the "Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" and "Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025".

Проблема обновления образа и концепции российской идентичности на современном этапе – одна из наиболее актуальных социально-философских проблем. Структура формирования российской идентичности имеет онтологический, мировоззренческий, когнитивный, или теоретико-познавательный, аксиологический, ориентирующий субъекта в мире ценностей, этический, философско-политический, философско-правовой и иные аспекты. Согласно мысли Н.М. Мамедовой [12, с. 9-14], российская идентификация – это идентификация себя как гражданина нашей страны, а потому самоопределение и восприятие себя как элемента социальной структуры общества и структуры Российского государства.

Рефлексия ответственности за сбережение и умножение всего ценного, что образует основу российской идентичности, вследствие этого, предполагает соотнесение понятия «ответственность» с определенной совокупностью положительных качеств. Имеется в виду «ответственность за сохранение и развитие идентичности российского общества, ответственность перед государством, его историей, перед народом нашей страны, ее прошлым, перед отдельными конкретными людьми, представителями нашего общества. Это ответственность и за судьбу ныне живущих граждан России, и за судьбу их детей, внуков и т. д., ответственность за будущее российской системы традиционных ценностей, системы важнейших культурных норм нашего общества, которые отождествлялись бы будущими гражданами нашей страны с их собственной системой ценностей и норм и пр. Также речь идет об ответственности перед окружающей средой, природой России, естественной основой российской идентичности» [12, с.158].

Структура российской идентичности состоит из идентифицирующего себя с нашей страной, нашим народом субъекта (индивидуальный субъект – гражданин России, коллективный субъект – социальная группа), основания/оснований идентификации (принадлежность к общности, российское гражданство), идентифицирующей инстанции (Российское государство, иные социальные институты), объекта идентификации (с кем или с чем идентифицируется субъект, прежде всего, это система общепризнанных ценностей, норм, правил, традиций, обычаев и пр., носителями которых выступают граждане России), времени и места протекания идентификационных процессов, меры идентичности и пр.

Выделяются различные виды (аспекты) и уровни российской идентичности. К основным видам российской идентичности относятся политико-правовой [9], социально-экономический [10], социально-психологический, духовно-культурный [7, 8] и другие виды. Высший уровень российской идентичности – теоретико-идеологический, низший уровень – обыденный, в том числе, бытовой. Позитивное развитие общественного сознания, как правило, обусловлено тем, что заметную роль в данном обществе играет парадигма социальной ответственности. Это – необходимое условие обеспечения национальной политической, экономической, духовной безопасности [1, 2].

После 24 февраля 2022 г. актуальность проблемы формирования позитивной российской идентичности стала очевидна уже не только для представителей патриотически ориентированной части российского социально-гуманитарного сообщества, в частности, социально-гуманитарной науки. Особенно важна проблема формирования положительной российской идентичности у значительной части гражданской элиты нашего общества и государства. Нельзя не отметить, что за последнее время значительная часть гражданской элиты России продемонстрировала не только отсутствие положительной национальной идентичности, но и наличие, так сказать, «антироссийской» идентичности. Тысячи представителей сформировавшейся за минувшие 30-35 лет российской деловой, научной, культурной гражданской «элиты», сотрудники ряда ведущих, в том числе, государственных СМИ открыто выступили против Российского государства, его политики или отказались выступить в поддержку и промолчали. Сотни тысяч граждан России, в

основном, обязанные ей своим благосостоянием, покинули нашу страну, предварительно выведя за границу накопленные средства. Среди тех, кто выступил с критикой нашей Родины и покинул Россию, заметное место занимают лица, в течение последнего тридцатилетия практически почти монополизировавшие распределение бюджетных средств, государственных и иных почетных званий, наград, премий и т.д., расстановку кадров, прежде всего, руководящих кадров, в своих областях, подчинившие себе информационно-культурное пространство нашей страны.

Профессор И.В. Демидов [12, с. 124-130] рассматривает проблему исторической трансформации нравственных основ российской гражданской идентичности в условиях происходящих общемировых и внутригосударственных социальных процессов. Анализ и изучение нравственных истоков и основ российской идентичности в историческом ракурсе приобретает, в этой связи, особую социальную значимость и актуальность, ведь именно нравственность, согласно И.В. Демидову, должна оказывать определяющее воздействие на формирование национальных идентичностей в XXI веке.

Проблема ответственности за сохранение и развитие лучших традиционных составляющих российской идентичности (принципов патриотизма, гуманизма, коллективизма [15], трудолюбия, справедливости, взаимопомощи, взаимовыручки и т.д.) обнаруживает себя, конечно, особенно явственно в непростые периоды истории нашей страны. Начиная с середины 80-х годов прошлого века [13], в течение более чем трех десятилетий, в нашей стране ведется не только тайная, но и открытая, финансируемая, прежде всего, Западом, систематическая организованная работа по разрушению позитивных оснований российской идентичности – нравственных [5], социально-экономических, философско-управленческих [14], политических, культурных, социально-психологических, информационно-коммуникационных [6, 11], экологических [3] и других устоев идентичности нашего общества и государства [12, с. 157-159].

Согласно «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», российская идентичность базируется на едином культурном (цивилизационном) коде нашей страны, историческом и культурном наследии ее народа. Российская идентичность подразумевает осознание гражданином своей принадлежности государству, народу, обществу, ответственность за судьбу Родины, приверженность главным ценностям российского общества.

«Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ноябрь 2022г.) – это документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России, защищающий традиционные российские духовно-нравственные ценности, культуру и историческую память. В Документе отмечено, что «традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России... К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

«Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей,.. включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи...», - указано в Документе.

Философская проблема ответственности за формирование российской идентичности рассматривается сегодня в крайне сложном социально-политическом, социально-экономическом и социокультурном контексте. Внимание к проблеме формирования, развития и укрепления российской идентичности обусловлено новыми, исключительными политическими, экономическими и иными обстоятельствами. Позитивный потенциал части отечественного

социально-гуманитарного и творческого сообщества в процессе выработки подлинных духовных оснований российской идентичности сегодня должен быть весьма востребован.

В ряде «секторов» общественного сознания России и в индивидуальном сознании многих наших соотечественников за последние 30-35 лет российская идентичность как бы начала утрачивать свое значение. В глобализовавшемся (американизовавшемся) мире национальная идентичность многим людям, в особенности, ряду представителей новой гражданской «элиты», казалась анахронизмом. Ныне постепенно интенсифицируется процесс формирования российской идентичности, восстанавливаются национальные культурные коды и система основополагающих ценностей. Крайне важно формирование и закрепление российской идентичности у так называемой «либеральной» (в действительности, наиболее тоталитарной) части гражданской элиты нашего общества и государства, которая ранее ориентировалась на Запад, если сегодня ее представители готовы к отказу от своего темного прошлого и началу сотрудничества с патриотическим большинством нашего народа.

Процесс дальнейшего формирования положительной российской идентичности не может и не должен быть «стихийным», он должен быть организованным, целенаправленным и целесообразным, должен сохранять творческий характер. Данный процесс должен осуществляться, прежде всего, учреждениями культуры, СМИ, научно-образовательными институтами, выполняющими социализирующую, коммуникативную, воспитательную и другие функции. Гражданин России обязан осознать, что значит его принадлежность Российскому государству и обществу, необходимо стимулировать добровольное принятие гражданами традиционной системы ценностей, норм, идеалов, постижение основных закономерностей истории нашей страны.

Искусство, литература, социально-гуманитарные науки и т.д. должны помочь человеку идентифицировать себя и с определенной общностью, народом, и с нашим государством.

К примеру, патриотическая поэзия помогала решать проблему национальной идентичности в нашей стране на протяжении, по крайней мере, трех столетий. Еще в 1728 г. В.К. Третьяковский написал «Стихи похвальные России». Родину прославили выдающиеся поэты XVIII века. Среди них – М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин.

О Родине, о великой Руси писал Александр Сергеевич Пушкин. Упомянем здесь такие знаменитые стихотворения Гения русской поэзии, такие, как «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и «Клеветникам России», в котором, как известно, содержится приглашение, адресованное непрошеным «гостям», занять место «среди нечуждых им гробов».

О любви к Отчизне, за несколько месяцев до своей трагической гибели, в 1841 г. высказался Михаил Юрьевич Лермонтов («Родина»).

В любви к России, природе родного края, русскому языку признавались и другие крупнейшие поэты и прозаики XIX в. Среди них – Е.А. Боратынский (Баратынский), Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, А.А. Фет. Так, Ф.И. Тютчев в стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...» (август 1863 г.) восклицает: «Велико, знать, о Русь, твое значенье!». Поэт-философ призывает Родину: «Мужайся, стой, крепись и одолей!».

О России написаны десятки известнейших стихотворений А.А. Блока, М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернака и др. Милую, «кроткую» Родину, родную Русь любил наш великий соотечественник С.А. Есенин. Это чувство разделяли все поэты «есенинской плеяды».

«Золотую библиотеку» патриотической поэзии пополнили произведения, появившиеся во время Великой Отечественной войны. Многие шедевры принадлежат перу участников Великой Отечественной войны, в том числе, тех, кто с нее не вернулся.

Значительные патриотические произведения в послевоенный период создавали представители различных поколений советских литераторов. Одним из классиков русской патриотической поэзии сегодня признан безвременно, трагически ушедший из жизни Н.М. Рубцов («Видение на холме», «Тихая моя родина», «Привет, Россия!» и др.).

Большое значение для формирования национальной идентичности имеет философия, она дает возможность человеку сформировать представления о смысловой стороне российской идентичности, системе патриотических ценностей, чувств, качеств (любви и уважения к России, ее культуре и пр.).

Современный человек находится в стремительно меняющейся социально-политической, социально-экономической и социокультурной ситуации. Подлинная определенность и устойчивость в вопросе о национальной идентичности могут быть достигнуты только при условии преодоления довольно широко распространившихся за последние десятилетия заблуждений, ложных установок (например, установки «звериного» индивидуализма, эгоистического прагматизма, стремления к материальному достатку, комфорту любой ценой). Духовный рост человека приведет и к формированию его устойчивой национальной идентичности.

Традиционные институты социализации должны внести свой вклад в противостояние разрушительному влиянию на наших соотечественников, например, со стороны ряда средств массовой коммуникации, в том числе, интернета. В современном обществе именно электронные средства массовой коммуникации «отвечают» за значительную часть искажения нормального образа жизни людей, выступают как важнейший инструмент формирования негативных ценностных ориентаций, социальных установок, стандартов и образцов поведения, «антикультурного» потребления.

Сегодня основные, лучшие общероссийские ценности подвергаются беспрецедентной атаке не только из-за рубежа, но и изнутри страны, прежде всего, со стороны ряда формально якобы независимых СМИ и иных организаций. Нельзя допустить, чтобы эта атака имела успех, в этом случае слишком тяжелыми, вероятно, трагическими могут оказаться последствия. Нам необходимо твердо помнить, что кризис системы традиционных ценностей общества, кризис российской идентичности, кризис общества и государства взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Рассмотрим, к примеру, социально-экономический аспект проблемы сохранения, укрепления и развития нашей идентичности на современном этапе, согласно проф. Г.П. Медведевой [12, с. 82-86]. Господство в определенных, в том числе, критически важных секторах экономики конкурентно-рыночных отношений привело к тому, что «рыночность» постепенно распространилась с сугубо экономических и на другие виды общественных и межличностных отношений, сформировала специфическую, «рыночную» систему ценностей, на вершине которой оказался материальный успех, указывает Г.П. Медведева. Он стал ориентиром для значительной доли членов нашего общества. Это, в свою очередь, способствовало формированию, признанию в качестве достойных целей, чрезмерному возвышению ложных ценностей (антиценностей), которые, однако, зачастую, способствовали достижению материального успеха (таких, как произвол, эгоизм, безответственность, несправедливость, неравенство, неравноправие).

«Рыночность» экономических отношений не должна провоцировать эгоизм, потребительское отношение к другим людям, государству, природе. Конкуренция – это, возможно, нормальное явление в определенном секторе экономики, но она не должна пронизывать все виды межлических отношений, превращая людей (личности) в товар. По мнению Г.П. Медведевой, «рыночные» отношения, вышедшие далеко за рамки своего применения, препятствуют объединению граждан на основе солидарности, взаимопонимания, взаимопомощи и пр., стимулируют граждан быть только за себя и против всех остальных [12, с. 82-86].

Согласно проф. Г.П. Отюцкому [12, с. 54-58], самоидентификация граждан России давно столкнулась с системными вызовами, в числе которых выделялись «издержки и противоречия российской «политики идентичности»; кардинальное изменение информационно-политического ландшафта под влиянием информационной глобализации; аморфность коллективного образа «русского будущего»; продолжение и интенсификация «войн памяти»» [12, с. 54-58]. Формирование национальной идентичности им непосредственно связывается с проблемами обеспечения национальной безопасности. Российская идентичность рассматривается в триаде «национальная идентичность – государственная идеология – политическая культура». Многие авторы приходят к необходимости конституирования российской «политики идентичности».

Для успешного применения методов формирования российской идентичности важно обеспечить верное понимание сущности российской идентичности, особенно у молодежи. Особый интерес среди работ, посвященных основаниям методологии формирования национальной идентичности российской молодежи, вызывает монография М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет» [4]. Проблемам формирования национальной идентичности российской молодежи уделено внимание, в частности, в 7 главе данной монографии [4, с.131-148].

Авторы отмечают, что наличие или отсутствие ясного представления о своей национальной идентичности в массовом сознании российской молодежи может сказываться на взаимоотношениях молодого поколения с государством и другими социальными институтами. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги констатируют, что в сознании 15,1% молодежи России не имелось ясного представления о модели российской государственности. 28,4% молодежи рассматривали Россию как демократическое рыночное государство, 16,7% - как государство, ориентирующееся на систему государственного капитализма, 15,7% полагали, что в России «доминирует спекулятивный рынок» [4, с.132], 11,3% считали, что Россия - это «полусоциалистическое – полурыночное» [4, с.132] государство, 6,6% утверждали, что Россия – «авторитарное государство» [4, с.132], 6,2% оценивали государственный строй России как «анархический» [4, с.132].

По данным авторов монографии (2019 г.), доля ощущавших себя гражданами России представителей молодежи составила 66%. Ученые полагают, что личность идентифицирует себя с государством в качестве гражданина, если «политическая власть выступает гарантом стабильности общества и благополучия семьи» [4, с.138], в противном случае, личностью не исключается эмиграция и смена гражданства.

М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги утверждают, что сложности, связанные с национальной самоидентификацией, непосредственно не оказывали влияния на уровень патриотизма молодежи России. Ощущали себя «патриотами в полной мере 32,7% и не в полной мере – 41,7%» [4, с.144], не ощущали себя «патриотами 17,1%» [3, с.144] и затруднились «определиться по этому поводу – 8,5%» [4, с.144]. Жертвенность, подчинение личного интереса государственным нуждам, считают авторы, «не всегда связаны с патриотизмом» [4, с.142].

Отношение молодых людей к Западу распределялось следующим образом: 57,9% полагали, что в западной цивилизации много и хорошего, и плохого, 12,9% считали, что на Западе больше плохого, 18,4% соглашались с тем, что западная цивилизация – образец для всего остального человечества, 10,8% затруднились с ответом [4, с.145] (по отношению к Российской цивилизации 37,8% заявили, что у нас много и хорошего, и плохого, для 14,9% плохого больше; за возрождение и развитие лучших отечественных традиций выступали 37,3%, 10% не смогли ответить [4, с.146]).

Российское образование, в том числе, высшее образование, играет существенную роль в процессе формирования единой позитивной российской гражданской идентичности учащейся молодежи, система ценностей которой, жизненный опыт и кругозор, нередко, весьма ограничены. Способы и методы формирования гражданской идентичности молодежи имеют свою специфику, они должны быть злободневными (актуальными), разнообразными, увлекательными и пр. Формирование общегражданской российской идентичности в учебных заведениях должно осуществляться, во многом, вопреки негативному деструктивному воздействию на учащихся со стороны информационно-коммуникационных ресурсов, в том числе, контролируемых Западом.

Процесс воспитания и образования подлинного гражданина России, формирования гражданской идентичности личности учащегося имеет ряд аспектов. К ним относятся психологически-эмоциональный, духовно-нравственный, интеллектуальный (профессионально-ориентированный), ценностной (смысловой), социальный и другие аспекты. Необходимые условия формирования гражданской идентичности – пробуждение лучших патриотических чувств в душах молодых людей, формирование позитивных качеств личности-патриота, в первую очередь, социальных качеств, усвоение учащимися необходимых исторических, культурных, философских, социально-психологических, политико-правовых и других знаний и навыков и пр. Решающую роль здесь играют предметы социально-гуманитарного цикла. К важнейшим целям воспитательного и образовательного процесса в рамках освоения программ дисциплин социально-гуманитарного цикла в учебном заведении относится пробуждение гордости за Родину и российский народ, к которому принадлежит учащийся, за лучшие достижения наших соотечественников. Необходимо воспитать в учащихся уважение к прошлому России, истории нашей страны, привить учащимся ответственность как за настоящее России, так и за ее будущее и т.д. Это основа, ядро гражданской идентичности учащейся молодежи.

Национальная идентичность значительной части народа России, в особенности, заметная доля ее гражданской элиты и представителей молодежи, подвергается сегодня серьезным испытаниям. Методы и «каналы» формирования российской идентичности, особенно у представителей новых поколений, молодежи, в современных условиях должны быть значительно

усовершенствованы. Российскому обществу и государству уже удалось решить ряд сложнейших проблем, однако в новых условиях, сегодня необходимо интенсифицировать работу, направленную на развитие и закрепление положительной национальной самоидентификации.

Рефлексируя, вследствие этого, социально-философские стороны проблемы ответственности субъекта за процессы самоидентификации, важно усилить поддержку дальнейшего развития лучших качеств народа России, таких, как патриотизм, коллективизм, трудолюбие, социальная ответственность, стремление к справедливости и т.д., в основе которых – глубокое уважение, любовь к своей Родине и гордость за нее.

Литература и источники

1. Баркова Э.В. Философские проблемы экоориентированного развития человека, природы и многополярной цивилизации. Материалы II Ежегодной Международной конференции. М.: РЭУ имени Г.В. Плеханова. 2022. 201 с.
2. Баркова Э.В. Межсубъектные связи в современном мире: опыт экофилософского анализа // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2014. № 8 (74). С. 12-23.
3. Бузская О.М. Мировоззренческий потенциал контекст-технологий в продвижении экофилософской картины мира // Право и практика. 2019. №3. С.242-246.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
5. Ивлева М.И. О спиритуалистической концепции свободы личности // Социально-гуманитарные знания. 2008. №6. С.317-323.
6. Ивлева М.И. Социально-философский анализ феномена социальных сетей в творчестве К. Фукса // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.262-266.
7. Киндзерская М.А. Ленинская политика в области музейного строительства и охраны культурно-исторического наследия страны // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С. 70-74.
8. Мамедова Н.М. Проблема универсалий в культуре // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. №203. С.56-61.
9. Мармазова Т.И. Философско-политический анализ функций политики сквозь призму цивилизационного дискурса // Право и практика. 2020. №1. С.179-184.
10. Новикова Е.Ю., Галухин А.В. Экономический патриотизм как мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.171-175.
11. Понизовкина И.Ф. Информационная революция: достижения и противоречия в науке // Социально-гуманитарные знания. 2018. №9. С.26-32.
12. Российская идентичность: социокультурный контекст: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции 15 ноября 2019 г. / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2019. 252 с.
13. Рузанов С.А., Соколов М.В. К вопросу истории общественно-политического движения в Российской Федерации в 1991 – 1999 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.164-170.
14. Самсин А.И., Пономарев М.А. Философия управления: учебное пособие / под ред. М.Н. Кулапова. М.: РУСАЙНС, 2017.
15. Скатерщикова А.В. Индивидуализм в современном обществе: традиции и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2019. №9. С.58-64.

References and Source

1. Barkova E.V. Filosofskie problemy ekoorientirovannogo razvitiya cheloveka, prirody i mnogopolyarnoj. civilizacii. Materialy II Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii. M.: REU imeni G.V.Plekhanova. 2022. 201 s.
2. Barkova E.V. Mezhsyb"ektnye svyazi v sovremennom mire: opyt ekofilosofskogo analiza// Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 2014. № 8 (74). S. 12-23.
3. Buzskaya O.M. Mirovozzrencheskij potencial kontekst-tehnologij v prodvizhenii ekofilosofskoj kartiny mira // Pravo i praktika. 2019. №3. S.242-246.
4. Gorshkov M.K., SHeregi F.E. Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovaniy: [monografiya]. M.: FNISC RAN, 2020. 688 s.
5. Ivleva M.I. O spiritualisticheskoy koncepcii svobody lichnosti // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2008. №6. S.317-323.
6. Ivleva M.I. Social'no-filosofskij analiz fenomena social'nyh setej v tvorchestve K. Fuksa // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.262-266.
7. Kindzerskaya M.A. Leninskaya politika v oblasti muzejnogo stroitel'stva i ohrany kul'turno-istoricheskogo naslediya strany // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S. 70-74.
8. Mamedova N.M. Problema universalij v kul'ture // Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. 2014. №203. S.56-61.
9. Marmazova T.I. Filosofsko-politicheskij analiz funkcij politiki skvoz' prizmu civilizacionnogo diskursa // Pravo i praktika. 2020. №1. S.179-184.
10. Novikova E.Yu., Galuhin A.V. Ekonomicheskij patriotizm kak mirovozzrenie // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.171-175.
11. Ponzovkina I.F. Informacionnaya revolyuciya: dostizheniya i protivorechiya v nauke // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. №9. S.26-32.
12. Rossijskaya identichnost': sociokul'turnyj kontekst: sbornik nauchnyh statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15 noyabrya 2019 g. / kol. avtorov. M.: RUSAJNS, 2019. 252 s.
13. Ruzanov S.A., Sokolov M.V. K voprosu istorii obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii v 1991 – 1999 gg. // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.164-170.
14. Samsin A.I., Ponomarev M.A. Filosofiya upravleniya: uchebnoe posobie / pod red. M.N. Kulapova. M.: RUSAJNS, 2017.
15. Skatershchikova A.V. Individualizm v sovremennom obshchestve: tradicii i perspektivy // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2019. №9. S.58-64.

КОСТИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ – старший преподаватель кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (pkostin5@mail.ru).

KOSTIN, PETR A. – Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАВО И ПРАКТИКА

Ежеквартальное издание

Учредители:

АНО «Научно-исследовательский институт истории,
экономики и права»
НО «Кубанская коллегия адвокатов адвокатской палаты
Краснодарского края»

Издательство

АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»
119192, Москва, Мичуринский проспект, 16, к.267
E-mail: info@helri.com. Официальный сайт: www.helri.com
Тел. +7 (495) 227-24-13
Подписано в печать 22.12.2022г.
Формат 64x92/8 Тираж 500 экз. Заказ № 18